ФОНД «ЭЛЬБРУСОИД»

«КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ»

book3.indd 1 09.03.2010 17:36:06

«У подножья Эльбруса я ощутил все величие чуткой души Карачаевского народа...»

С.В. Очаповский

book3.indd 2 09.03.2010 17:36:08

“Ты опять поедешь В Карагай...”

С.В. ОЧАПОВСКИЙ

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1921-1926 гг

elanusnin
Москва 2009

book3.indd 3 09.03.2010 17:36:08

УДК 94(470.631)
ББК 63.3(2Рос=Рус)
О 94

Книга издана общественным Фондом «Эльбрусоид»
при финансовой поддержке генерального директора ООО «Магаданрыба»
Руслана Теленкова

Автор проекта и составитель **Ф.И. Байрамукова**
Ответственный редактор **Р.Т. Хатуев,**
к.и.н., действительный член РМА (К-ЧИГИ)

Очаповский С.В. Ты опять поедешь в Карачай: Дневники и воспоминания / Сост. и ред. Ф. Байрамукова. - под ред. Р.Т. Хатуева - М.: Эльбрусоид, 2009. – 448 с.

ISBN 978-5-91075-005-4

В предлагаемое издание вошли Дневники основателя кубанской школы офтальмологов заслуженного деятеля науки профессора С.В. Очаповского. Его Воспоминания повествуют о людях и природе Карачая, о проделанной работе в горных селениях в период с 1921 по 1926 годы, когда доктор ездил со своим глазным отрядом в горный Карачай.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-91075-005-4

© Ф. И. Байрамукова, 2009
© Фонд «Эльбрусоид», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дневники Очаповского – это светлое и проникновенное повествование о Карачае, о его людях и неповторимой природе Кавказа, о великой любви Станислава Владимировича к горам. Он в 1921 году писал:

«…Велик Кавказ. Многочисленны его долины и ущелья, бесконечны его горные цепи и нет числа уединенным убежищам среди первобытной природы. И повсюду встречаются славные люди с чуткой душой вроде Алия Темирова, Яши Коркмазова, Ильяса Магометовича. Повсюду видна частица души человеческой. Ищи ее и всегда найдешь…»

Журналист и историк, автор книги «Почетный гражданин Кавказа»* Амин Караджашевич Темрезов о Дневниках знаменитого доктора-офтальмолога через полвека скажет:

«…Глазной врач Станислав Владимирович Очаповский, русский дворянин, старый интеллигент, первые две трети своей жизни проживший при царизме, а последнюю треть – при большевизме, первый русский ученый, удостоенный советского ордена Трудового Красного Знамени в 1926 году, которого смерть, как ударом меча, поразила во время глазной операции за какие-то две недели до дня Победы 9 мая 1945 года, оставил в наследство жене (девичья фамилия Надежда Васильевна Поцапай), дочери Татьяне и сыну Владимиру без малого четыре десятка общих тетрадей, исписанных плотным бисерным почерком…

…Самым первым ярким сознательным впечатлением детства, как отмечал в своем Дневнике Очаповский, запомнился ему великий переполох в их семье и в Слуцком обществе, когда ему исполнилось три года. Потом, повзрослев, из семейных разговоров он понял, что это было в начале марта 1881 года, когда телеграф принес известие об убийстве бомбоме-

* «Почетный гражданин Кавказа» (Страницы жизни профессора С.В.Очаповского), Краснодарское книжное издательство, 1978 год.

book3.indd 5 09.03.2010 17:36:09

тальщиками царя Александра II. Первая запись в своем дневнике 14-летним гимназистом Очаповским сделана в апреле 1892 года, последняя – 9 апреля 1945 года. Две эти вехи я сопоставляю с той целью, чтобы читатель имел представление о том, что это была за личность, и что содержали в себе его Дневники, которые добросовестно велись свыше 50 лет.

Таким эпизодам, ярким записям о знаменательных датах, событиях, фактах и встречах, кратким, но точным характеристикам отдельных людей и общественных явлений, интересным наблюдениям всякого рода в Дневниках Очаповского, как говорится, нет числа. Надо еще принять во внимание, что он на рубеже двух веков окончил два самых именитых русских учебных заведения, прошел сквозь горнила двух очагов науки и культуры. Императорскую военно-медицинскую академию окончил в 1901 году с золотой медалью (единственный из 132 выпускников) и со званием «лекарь с отличием». Одновременно в качестве вольнослушателя с 1896 по 1901 год слушал курс словесных наук философского факультета Петербургского университета. В 1903 году он защитил со званием «гонорис кауза»* диссертации доктора медицины и доктора российской словесности…»

Из этих четырех десятков общих тетрадей супруга доктора Надежда Васильевна Амину Караджашевичу отдала четыре тетради**.** Это было в 70-е годы прошлого века, когда Темрезов начал работать над книгой об Очаповском. Но Дневники в эту книгу не вошли.

Они охватывают период с 1921 по 1926 годы, когда Очаповский ездил со своим глазным отрядом в горный Карачай. В них доктор повествует о проделанной работе его глазного отряда в карачаевских селениях, рассказывает о людях и природе Карачая, делится своими впечатлениями о поездках. И как заметил Амин Караджашевич Темрезов: «Он умел придать обыкновенным словам редкую проникновенность. Стиль его письма – образец простоты, правдивости, ясности и точное воспроизведение увиденного…

Унаследованные от кого-то из родителей светлая мечтательность, любовь к природе и понимание ее во всех проявлениях, утонченное чувство слова и литературного образа, делают Дневники Станислава Владимировича поистине редчайшим памятником российской словес-

* Гонорис кауза (honoris causa) лат. – почетный, например, дарование университетом ученой степени за научные заслуги.

book3.indd 6 09.03.2010 17:36:09

ности, созданным одним из ее поклонников и знатоков, наблюдавшим час ее заката. Доктор разносторонней эрудиции в совершенстве знал латынь, древнегреческий, немецкий, французский и английский. Кроме ста с лишним научных работ по специальности (глазные болезни) опубликовал в газетах и журналах яркие оригинальные исследования о творчестве Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Никитина, Кольцова и Надсона. Из произведений Шекспира и Гете, Байрона и Шиллера, Гейне и Беранже, Киплинга и Теннисона он читал наизусть в кругу друзей громадными кусками.

Родился Станислав Владимирович Очаповский 9 февраля (старого стиля) 1878 года в имени Иодчицы Слуцкого уезда Минской губернии. Отец его, участник Севастопольской осады, занимал должность секретаря Слуцкого съезда мировых судей…»

Дневники и Воспоминания С. В. Очаповского, представленные в этой книге – это песнь дивной природе Карачая, мужественным и гостеприимным людям гор, к которым он навсегда привязался сердцем и душой. В нем столько теплоты, уважения, сострадания и сочувствия к карачаевскому народу, что вызывает искреннее удивление и бесконечную благодарность. Он, понимая, что горы не радуют горца ни плодородными пашнями, ни легкодоступными пастбищами, ни удобными дорогами, ни предсказуемой погодой… восхищается тем, что карачаевец так трепетно любит свою землю за ее красоту. Это любовь на уровне духовности, ибо жизнь в горах сопряжена с бесчисленными трудностями. Каждую пядь земли они отдают трудно и за большую «цену». Потому так терпелив горец, потому он так трудолюбив и вынослив.

Читая Дневники и Воспоминания, нельзя не удивиться настойчивости, с которой доктор преодолевал все трудности, вставшие на его пути к горам. Непонимание коллег, недоумение вышестоящих чиновников, экстремальные природные условия, бездорожье – все это не смогло заставить отказаться от желания придти к тем, кто нуждался в его помощи. Великий труженик, гуманист и доктор от Бога, Станислав Владимирович принес в горы не только свои знания, но и большую любовь щедрого сердца.

Отмечая его небывалый альтруизм, его желание помочь самым слабым и при этом абсолютно не думать о своем благополучии и воз-

book3.indd 7 09.03.2010 17:36:09

награждении, хочу привести отрывок из дневниковых записей, сделанных им в 1924 году. Когда одна из членов отряда, Гюльназарян, которая вместе со Станиславом Владимировичем неоднократно приезжала в Карачай, решила поработать в Кисловодске, доктор на это среагировал таким образом:

«Оказалось, что она от моего имени организовала себе двухмесячный глазной отряд в Кисловодске. В качестве якобы продолжения нашей работы в Карачае, ибо в Кисловодске находится центр Мало-Карачаевского округа.

Работа в Кисловодске, в шумном и блестящем курорте, в разгаре курортного сезона, мне казалась профанацией идеи глазных отрядов, которые должны идти в самую глушь, в трущобы, «где трудно дышится, где горе слышится, где голод и жажда по глазной помощи» *(подчеркнуто автором – прим. Ф. Байрамуковой*).

О том, как глазной отряд работал там, где был «голод и жажда по глазной помощи» Станислав Владимирович рассказывал:

«…Мы останавливались, начинали работать в потоке нахлынувших на нас больных, порой забывая об отдыхе, об обеде в жаркой страде трудового дня. Но всегда Кавказ вел с нами немолчный разговор языком горских народов, шумом и плеском своих горных рек, и очаровывал наши взоры картинами своих долин и ущелий, хребтов и вершин. А когда уменьшался приток больных, и в работе наступало затишье, мы сводили с горами более близкое знакомство, – с Кавказом и его обитателями».

Как правильно заметил чеченский писатель Зайнди Шахбиев, в горы надо ехать «за вдохновением». Горы действительно вдохновляли и звали Очаповского. Как и карачаевцы, горы чувствовали в нем надежного друга, доброго кудесника. Он не просто любовался горными пейзажами, он записывал названия ущелий, вершин, хребтов, речушек; как ученый-путешественник, фиксировал увиденное, радовался всему, что составляло величественную красоту горного Карачая.

Он, очень тонко чувствующий красоту природы, так же, как и движение души человека, с особым состраданием относился к тем, которые, живя среди сказочной красоты, не могли ее видеть, радоваться ей, говорить с ней. Поэтому, наверное, он несколько лет подряд сам приезжал в горные селения Карачая, где его ждали и боготворили.

«Жизнь Станислава Владимировича так кристально чиста, так пло-

book3.indd 8 09.03.2010 17:36:09

дотворна и поучительна, что не требует никаких искусственных приемов для ее возвеличивания», – писал А. К. Темрезову в 1967 году Н. Позанский, который хорошо знал знаменитого офтальмолога с 1893 по 1945 годы.

Особо следует сказать об авторе книги «Почетный гражданин Кавказа». Журналист и историк Амин Караджашевич Темрезов в 60-е – 70-е годы по крупицам собирал все, что касается великого доктора: вел обширную переписку со всеми, кто мог рассказать об Очаповском; все, что выходило о нем в периодической печати (особенно в 20-е – 30-е годы прошлого столетия); и, конечно, Дневники. Но многое из того, что было собрано Темрезовым, в силу разных причин в его книгу не вошло. (Учитывая, что книга «Почетный гражданин Кавказа» была издана 25 лет назад и небольшим тиражом, мы сочли необходимым ее переиздание вместе с Дневниками. Это даст возможность читателю поближе познакомиться с жизнью великого гуманиста, врача и педагога Станислава Очаповского.)

В письме Амину Темрезову от 20 января 1968 года известный офтальмолог, доктор медицины, профессор Н. Павлов вспоминает о первой случайной встрече со Станиславом Владимировичем, которая полностью изменила его жизнь: «*…Очаповский выступал с докладом о поездке глазного отряда в Карачай… Я был упоен голосом докладчика, его оживленной живой речью, красотой и музыкой слов. И я понял, что мне нужно быть в этих отрядах, это то, что мне так необходимо.*

И я стал пропадать в клинике глазных болезней. Все свободное время я был рядом со Станиславом Владимировичем. Я полюбил его всей силой молодого сердца. А полюбив его, я полюбил и его любимое дело.

Офтальмология для меня стала неразрывной с личностью Станислава Владимировича, с его жизнью. Я стал его «духовным» сыном…»

Я думаю, духовным «сыном» Станислава Владимировича хотели стать многие. В том числе и Амин Караджашевич, который с трепетом относился ко всему, что было связано с его именем.

У журналиста и историка Темрезова было два серьезных увлечения: первое – жизнь и судьба С.В. Очаповского, второе – история Карачая.

Сын карачаевца Караджаша Дадаевича и кубанской казачки Устиньи Дмитриевны Евсюковой, Темрезов Амин такой беспредельной любовью к карачаевскому народу, его истории проникся, изучая Дневники

book3.indd 9 09.03.2010 17:36:09

великого доктора о Карачае. Он своего репрессированного отца плохо помнил, рос и воспитывался в Краснодаре, куда в 1938 году вернулась семья горца Караджаша Темрезова, в прошлом всадника 3-й сотни конного полка Кавказской туземной конной дивизии (1914 -1918).

Амин Караджашевич, отдавший много сил и времени собиранию материалов о Карачае, своей большой любовью был одинаково обязан, как мне думается, доктору Очаповскому и своей русской матери Устинье Дмитриевне, которая всегда тепло отзывалась о карачаевцах. Может, ее удивляло и восхищало в карачаевцах то, о чем писал А. Зорин в своей книге*: «…Странным образом уживаясь с первобытной дикостью, она (*т.е. культура – прим. Ф. Байрамуковой*) сквозит решительно во всем: и в той удивительной внутренней деликатности и гордости, которая так поражает в горцах постороннего человека, и в уважении к врагу, к старшему, и к чужой вере и убеждению, и в обычае давать кров и пищу путнику, и в отношении к слабому, которого никто не посмеет обидеть, и в высоком представлении о своей чести, и в том, что здесь совершенно нет почти воровства, пьянства и ругани, оскорбляющих достоинство человека…»

О глазных отрядах Очаповского, которые успешно работали во всех республиках и областях Северного Кавказа, в периодической печати тех лет писали немало. Еще в 1921 году, когда доктор со своим глазным отрядом приехал в Большой Карачай в первый раз, был случай, о котором писали все газеты. «Горская жизнь» за 8 сентября в заметке «Редкий случай исцеления» писал об этом так:

«В ауле Карт-Джурт живет семья Джазаева, у которого все дети – трое детей: 10, 7 и 2 лет родились и все время оставались слепыми (семейная катаракта). Отец-бедняк обратился к профессору С.В. Очаповскому, который со своим глазным отрядом работал в Карачае. Находя этот случай крайне редким, профессор все же согласился произвести операцию над всеми тремя мальчиками. Операция была произведена, родители с волнением ожидали ее результатов. И что же? В результате операции и дальнейшего ухода, к удивлению всех соседей и окружающих, к бесконечной радости родных и близких, все трое стали зрячими и сейчас хорошо видят…

Бешбармак»

* А.Зорин «В стране гор». Изд-во Земля и Фабрика. М., 1929.

book3.indd 10 09.03.2010 17:36:09

В газете «Советский юг» некий «Х», подводя итоги работы глазного отряда в Карачае, с восторгом писал:

«Нет в Карачае другого имени, пользующегося столь заслуженным уважением и любовью, как имя С. В. Очаповского, профессора-окулиста, который четвертый год приезжает в нашу область со своим глазным отрядом.

В наше время уже не в моде выражения вроде «святой доктор» и т.д. (так, между прочим, когда-то называли известного врача-подвижника, жившего в мрачную эпоху крепостничества, Ф.П. Гааза). Но если бы нужно было назвать этим именем кого-нибудь из работавших в Карачае, то карачаевцы назвали бы имя С. В. Очаповского. По крайней мере, судя по восторженным отзывам пациентов Станислава Владимировича, мы думаем так.

И в самом деле. В наших условиях трудно себе представить более благородного подвига, чем тот, который совершил проф. С.В. Очаповский со своим отрядом. За это время было до 25 тысяч посещений. Три с половиной тысячи принято больных, 750 глазных операций. Многие сотни слепых, не имеющих понятия о свете, получили полное исцеление, тысячи и тысячи больных и страдающих глазами получили облегчение и помощь. Всегда внимательное отношение, исключительная предупредительность, полная готовность помогать. Что мы можем еще требовать от смертных?..

Учитывая исключительные заслуги профессора Станислава Владимировича Очаповского, общее собрание граждан аула Учкулан избрало его своим согражданином. «Граждане Учкуланского округа, – говорится в постановлении, – оставаясь глубоко признательными за поразительные успехи в работе профессора, в деле буквального исцеления народа, …просят С.В. Очаповского признать за собою имя «Гражданина аула Учкулан» и почетного члена Учкуланского аульного совета.

«Глазной отряд С. В. Очаповского в Карачае». 1926 г.

На что доктор с благодарностью ответил открытым письмом, которое было опубликовано в газете «Горская жизнь» за 17 сентября 1926 года:

«Граждане Учкулана. Вы избрали меня в число своих членов и предло-

book3.indd 11 09.03.2010 17:36:09

жили мне звание члена аульного совета. Этим вы хотели меня почтить за ту работу, которую я сделал вместе со своими сотрудницами и сотрудниками, посещая ваши горы в качестве глазного врача.

Но своим избранием вы, быть может, невольно сделали гораздо больше для меня, чем выражение почитания и благодарности. И я испытываю к вам, жителям всего Карачая, чувство гораздо более глубокое, чем простая благодарность.

В 1921 году, ровно пять лет тому назад, я приехал к вам вместе со своими друзьями-женщинами, которых вы и сейчас видите работающими около меня. Мы приехали с берегов Кубани, от ее низовьев к ее верховьям, в Карачай, не только для того, чтобы поработать у вас и оказать вам помощь, полечить всех страдающих глазами, возвратить зрение слепым и вообще сделать по отношению к вашим глазным больным все, что в состоянии сделать наша наука. Нет – сознаюсь теперь чистосердечно, – это было главная, но не единственная цель, которая влекла глазную клинику Кубанского Медицинского института во главе со мной, к вам, в горы Карачая. У нас была еще другая цель: нам хотелось, работая отдохнуть среди гостеприимного и ласкового народа в обстановке горной природы, всегда поднимающей человека к возвышенным и благородным чувствам и мыслям.

И мы не ошиблись. Работая среди вас, леча ваших больных, оказывая посильную помощь, мы сами укреплялись духом, наблюдая вашу трудовую жизнь среди суровых гор и наслаждаясь общением с представителями карачаевского народа. Я не называю имен ваших милых сограждан, которых мы привыкли считать своими близкими друзьями: они, слава Богу, живы и среди вас работают на благо своего народа. Но с особым уважением я хочу произнести дорогое нам имя Ильяса Магометовича Байрамукова, память его мы свято чтим. Он показал нам душу Карачая, раскрыл нам прекрасные душевные качества вашего народа.

С тех пор почти ежегодно я посещаю Карачай. Каждую весну мне говорят в Краснодаре домашние: «Ты опять поедешь, наверно, в Карачай». Да, они говорят правильно: для нас Карачай стал своим, родным. И, куда бы мы не уезжали, всегда часть нашей души оставалась здесь, у вас, среди этих гор, среди ваших и наших больных.

Вдали от Карачая мы любим вспоминать осенью и зимой о том, как мы жили и работали среди вас. А весною… Весною нас опять тянет к вам.

book3.indd 12 09.03.2010 17:36:09

Есть много других мест на Северном Кавказе, массы глазных больных зовут нас к себе, где нужда в глазной помощи гораздо больше, чем у вас в Карачае. И мы изменяли своему Карачаю: так в прошлом году у нас была жаркая работа в Майкопском округе. А сейчас я с половиной своего отряда покидаю вас и стремлюсь в Чеченскую Автономную область, где нас уже ждут. Таков наш долг, долг врачей. Он велит нам идти туда, где нужда в нашей помощи больше, пренебрегая мыслями об отдыхе.

И я, получив от Магомета Кочкарова любезные приглашения приехать и поработать в Карачае, не раз испытал чувство неловкости и совестливости. Мне казалось, в Карачае мало нуждаются в нашей помощи, что мы только злоупотребляем гостеприимством милых и радушных хозяев, что сами мы гораздо более получаем, чем даем.

Правда, оглядываясь назад, на свою 4-летнюю работу в горах Карачая, я вижу огромную массу в 3,5 тысяч принятых нами больных, сделавших до 25 тысяч посещений; до 750 глазных операций произведено нами в этих отрядах. И все же, вся эта работа кажется нам не большим вознаграждением в сравнении с теми нематериальными, духовными, которые мы получили от вас.

Вы видите, что нас не тянет в Теберду, в курорт. Нам милее ваш Большой Карачай, где все на каждом шагу говорит о многовековой культуре славного горского племени, об упорном труде и неистощимой энергии, обещающих дальнейшее развитие и блестящее будущее Карачая…

Я слишком много потратил слов и затруднил ваше внимание. Но вы теперь поймете, что значит для меня, для нас всех ваше избрание меня членом вашего горского общества.

Покидая вас и ваши горы и отправляясь в Чечню, я в душе прощался с вами навсегда. Я чувствовал, что мне, как врачу по глазным болезням, нечего больше делать у вас. Я чувствовал, что становлюсь для вас не нужен. Ведь у вас теперь так крепко организована медицинская помощь, есть свои больницы, специалисты, в том числе и свой врач-окулист. Я и мои помощницы – мы говорили и себе, и друг другу: «Мы уже больше не приедем в Карачай; нам нельзя больше злоупотреблять гостеприимством хороших людей». Правда, помимо деловой связи у нас, внутри нас, на всю жизнь осталась глубокая внутренняя связь с вами и вашим краем. Ее мы унесем с собой навсегда. Но кто в Карачае поймет это чувство, заметит среди чужих по языку племени людей? Так думали мы. Но и на этот раз Карачай

book3.indd 13 09.03.2010 17:36:09

превзошел наши ожидания и проявил трогательную отзывчивость и чуткость, нас всех поразившую до глубины души. Вашим избранием вы так хорошо ответили на те немые и молчаливые чувства, которые таились в нас и казались нам вам неведомыми. Вы как будто говорите мне и моим дорогим помощницам на прощание: «Вы сделали свое дело и теперь уезжаете от нас. Но не думайте, что у вас порваны все связи с Карачаем, с нашими горцами. Нет, вашей работой, вашим отношением к Карачаю вы связали себя с Карачаем более крепкой, внутренней связью, – вы для нас стали членом нашей горской семьи и пусть Карачай навсегда станет родным приютом».

Так понял я и мои помощницы акт моего избрания. И недаром первую весть о нем я получил по дороге к Эльбрусу, к Минги-тау, осеняющему Карачай своим белоснежным покровом.

Перед отъездом из Карачая, перед разлукой, быть может, на долгое время, мне так хотелось внутренне поклониться ему. У подножья Эльбруса я ощутил все величие чуткой души Карачаевского народа. И призванный вами в члены вашей семьи, я низко кланяюсь вам от себя и от лица всех членов нашего отряда; шлю вам всем сердечный привет с радостной надеждой вновь пожить среди вас в родной семье.

В книге вниманию читателей представлены фотографии тех лет. Некоторыми из них Станислав Владимирович «иллюстрировал» свои Дневники, другие были собраны Амином Караджашевичем.

Считаю необходимым вкратце рассказать о том, как, каким образом Дневники Очаповского попали ко мне.

В 80-е годы, будучи корреспондентом республиканской газеты «Карачай», я собирала полевой материал о депортации карачаевцев, который впоследствии составил «Книгу скорби». С предчувствием, что откроется еще одна грань народной беды, я приехала в Краснодар.

Амин Караджашевич представился мне как Михаил Александрович и пригласил в гости. В его богатейшей библиотеке, к моему большому удивлению, было немало книг и о Карачае. Казалось, что он знает все о прошлом и настоящем Карачая…

День, проведенный в обществе этого милого и мудрого человека, с феноменальной памятью и обширными знаниями, прошел как одно мгновение. И только к вечеру, взяв с меня слово, что я не буду о нем писать в своей будущей книге, что еще не пришло время, поведал и о себе,

book3.indd 14 09.03.2010 17:36:09

и о судьбе отца, и всей семьи Темрезовых. Посоветовал встретиться с младшей сестрой Мариям, которая тоже живет в Краснодаре.

В тот знаменательный и незабываемый для меня день он вместе с многочисленными архивными материалами, редкими книгами подарил и свою книгу «Почетный гражданин Кавказа». Имя Очаповского я впервые услышала от него. Он тогда упомянул и о Дневниках, добавив, что большая часть архива и библиотеки хранится на даче. На тот момент у него не было возможности показать их мне.

В тот вечер, провожая, он по-отечески пожал руку и сказал, что очень рад нашей встрече, что ему теперь есть кому доверить то, что он с таким трепетом собирал много лет. После была у нас еще одна встреча, а по телефону общались часто …

Когда не стало Амина Караджашевича, его супруга Галина Пантелеевна Васюк попросила меня приехать и забрать из его огромной библиотеки и богатого архива все, что касается Карачая и карачаевцев, за что я ей очень благодарна…

Завершая повествование о Дневниках Очаповского, не могу отказать себе в удовольствии процитировать несколько выдержек из его статьи «Старое жилище и верховья Зеленчука», полной поэзии и любви, которая была опубликована в «Известиях общества любителей изучения Кавказского края»*:

«Ровно неделю тому назад я докладывал в Кубанском Физико-Медицинском Обществе о результатах своей трехлетней работы в Карачае, в долинах и ущельях верхней Кубани и ее первых притоков. В этом докладе я выступал в качестве врача-офтальмолога, и мои наблюдения и выводы из них носили неизбежно офтальмологический характер. Теперь я в иной роли, в роли любителя и наблюдателя природы, в частности природы горного района, заключенного между Эльбрусским поднятием на востоке и верховьями Большой Лабы на западе. Этот район, издавна занятый трудолюбивым и мирным горским народом, карачаевцами, их многолюдными и цветущими аулами и их кочевками (кошами), и представляет собою Карачай. Гоняясь за глазными болезнями среди населения этой обширной горной страны, я со своими спутницами – врачами и студентками – пережил все очарование непосредственного обще-

* Известия общества любителей изучения Кавказского края. Выпуск VIII, 1923 год.

book3.indd 15 09.03.2010 17:36:09

ния с величественной горной природой Кавказа и ее гостеприимными обитателями…

…Наш Кавказ в пределах Карачая лучше по милости Эльбруса. Сам, уносясь в недостижимую высь, седовласый Шат приподнял земную кору вокруг себя на огромную высоту и создал эти очаровательные горные степи Карачая у северного подножия своего. Посетители Кисловодского курорта хорошо знают, какая чудесная панорама развертывается с обрывов Бермамыта; и кому посчастливилось наблюдать здесь картину восхода солнца и Эльбруса, приветствовавшего зарю нового дня, тот не забудет этой картины во всю свою жизнь. Но весьма немногие знают, что такие же панорамы, и еще более величественные, раскрываются к востоку, к западу, особенно к югу от Бермамыта, где могучими волнами прокатилось от подошвы Эльбруса и застыло, окаменев, его поднятие, несущее на себе степной покров с ковром альпийской флоры. И пастух-карачаевец, облокотившись на палку, молчаливо созерцает это величие природы. Фигура всадника мелькнула на зеленом бугре; он зорко всматривается в даль, и через минуту как вихрь улетел навстречу зовущему его простору. Глубока душа народа, питающегося такими впечатлениями в повседневном быте своей трудовой жизни…»

Читая Дневники и Воспоминания великого доктора, еще раз убеждаешься в правоте слов профессора С.С. Головина, который назвал Станислава Владимировича «Баяном русской офтальмологии».

Эта любовь согревает душу и сегодня. И остается пожалеть о том, что прошло более 80 лет, прежде чем появилась возможность опубликовать их. Вместе с этим, хочу выразить большую благодарность Амину Караджашевичу Темрезову, который собрал и сохранил их для нас с вами.

Эта книга дань уважения памяти великого гуманиста Станислава Владимировича Очаповского.

Фатима Байрамукова,
писатель.
Москва, 2006.

book3.indd 16 09.03.2010 17:36:09

Мои глазные отряды в горах Кавказа

1921 год

Тетрадь 1
Глава 1

ОРГАНИЗАЦИЯ ГЛАЗНОГО ОТРЯДА

Весной 1921 года мной овладело желание уехать летом куда-либо из Краснодара. Уехать подальше из города, в Кубанскую глушь, в горные или лесные дебри. Уехать не в качестве экскурсанта, туриста, дачника: это было невозможно в тревожное время, когда так сильно давали себя чувствовать отголоски гражданской войны. А ехать на работу с глазным отрядом, чтобы пожить с людьми и природой одной общей жизнью, возвращая зрение слепым и давая пищу и своим органам чувств.

И я записал в своем дневнике **от 3 июня 1921 года:**

Все эти дни в голове бродят неясные мысли о летучем глазном отряде где-либо в горном или лесном районе Кубанского Края. Хочется поработать среди природы, на вольном просторе горных высей. – Нужны новые впечатления для души.

В горы!

7 июня

Но куда? Стою перед картой Кубано-Черноморской области и раздумываю: в Апшеронку? Там окулистическая terra incognito* для меня. Оттуда глазные больные редко попадают к нам. Там лесные чащи, горы, разбросанные по долинам станицы и хутора.

* terra incognito – земля неизведанная

book3.indd 17 09.03.2010 17:36:09

5 июня

Зашел к помощнику Заведующего Областным здравотделом доктору А. П. Павлову и изложил ему проект своего глазного отряда. – Не советует начинать это дело. Я настаиваю на своем, доказываю огромное общественное значение подобного начинания. Говорили долго. В конце концов, А. П. Павлов обещал поддержку перед заведующим здравотделом В.М. Мухиным и выразил свое сочувствие.

6 июня

Встретил на улице самого В. М. Мухина. Он уже осведомлен о моем проекте и просит зайти к нему и объяснить подробнее, что я затеваю. Меня обрадовал этот сочувственный прием. Смущает только вопрос, до сих пор нерешенный, куда именно ехать. Не хочется в Апшеронку. Не поехать ли в Карачай, к подножью Эльбруса?! Туда еще не ступала нога окулиста…

7 июня

Прощальная лекция студентам первого курса… Был в здравотделе у В. М. Мухина. Заинтересовал его своим проектом, и он предложил мне представить ему докладную записку об отряде. Окончательно созрело решение ехать в Карачай, в самый отдаленный от нас, самый дикий угол бассейна Кубани.

8 июня

Ищем ходы к карачаевцам. Как связаться с ними. Говорят, они образовали самостоятельную Автономную область со своим правительством. Как дать им знать о нашем желании, организовать для них глазной отряд; получить от них согласие? Без этого наше дело не удается. А уже наметился состав отряда: я, ассистент клиники доктор Анаида Александровна Гюльназарян, три медички выпускного курса и медсестра нашей клиники Мария Ивановна Цыпкина. Кроме меня – пять женщин, все горят желанием участвовать в этом довольно рискованном предприятии.

9 июня

Как связаться с Карачаем? Доктор Анаида Александровна Гюльназарян зашла в Горский Исполком. Председатель Гутякулов отнесся очень сочувственно к нашему проекту и обещал оповестить о нем карачаевское правительство, с которым у адыгейцев частые сношения. Я написал обращение к Карачаю. Завтра отнесем его адыгейцам.

book3.indd 18 09.03.2010 17:36:09

10 июня

В.М. Мухин принял мою докладную записку. Обещал рассмотреть ее и дать ответ через несколько дней.

11 июня

Радостное событие! Неожиданно явился ко мне в клинику член Карачаевского Правительства Хаджичиков Зулкарнай Хаджиумарович. По делам службы он побывал в Горском Исполкоме, там узнал о нашем проекте и бегом – к нам! У него в дальнем ауле в Карачае слепая мать. Один глаз погиб от неудачной операции в Ессентуках; ослеп от катаракты и другой. Он лично заинтересован в нашем приезде в Карачай; потому горячо взялся за устройство нашего предприятия: «Поеду тотчас в Кисловодск, и вы скоро получите приглашение от Карачаевского Правительства организовать у нас отряд»…

Сегодня и В. М. Мухин принципиально одобрил мой проект и предложил начать организацию отряда.

12 июня

Отряд для Карачая принимает полуреальные очертания. В здравотделе составлял вместе с А. П. Павловым приказ об организации отряда. Сидел там до четырех часов! Отношение сочувственное. Но на продовольствие и деньги рассчитывать никак нельзя. Как же быть? Все мы без копейки денег.

13 июня

Выяснилась одна подробность: Карачай не подчинен нашей Кубано-Черноморской Области. Я это знал, но не знает об этом наш здравотдел. Однако доктор А. П. Павлов как-то догадался об этом и запросил меня, правда ли, что Карачай не зависит от нас. «Если Карачай нам не подчинен, то как мы можем командировать Вас за пределы нашей области; лишаться вас, да еще снабжать вас деньгами и продовольствием, о чем Вы просите?!» Я упросил А. П. Павлова не говорить об этом заведующему здравотдела доктору В. М. Мухину и отпустить нас. А уже когда мы уедем, тогда можно будет говорить, что угодно!

book3.indd 19 09.03.2010 17:36:10

14 июня

Сегодня заседание Медицинского Факультета. Подал туда заявления о Карачаевском отряде. Были выборы президиума факультета. Кроме выборов ректор Мельников-Разведенков заставил меня прочитать московское обращение к Факультету по поводу отряда. Кажется, произвело впечатление.

15 июня

Мои медики беспокоятся, что их возьмут на холерную эпидемию, и не удастся им поехать со мной. Напрасная тревога. Вера Михайловна Шепкалова и Наталья Федоровна Хлынина обе уехали отдыхать куда-то в Майкоп: обещали возвратиться вовремя.

16 июня

Вышел приказ здравотдела о формировании глазного отряда в Карачае; мне его исполнить! Из Кисловодска никаких известий. Ждем приглашения.

17 июня

Заболел внезапно холерой! Свалился в клинике в разгаре работы. Однако успел написать список перевязочного материала и медикаментов для отряда. Анаида Александровна Гюльназарян сбегала в здравотдел, в фармацевтический подотдел и все устроила. Там обещали дать по списку, что есть.

18 и 19 июня

Лежу, дома в постели пластом. Отчаянная слабость. А думы все об отряде. Там только и поправляюсь.

20 июня

Лежу в постели, но чувствую себя лучше. Распространились слухи, что я умер от холеры, получили ордер на мыло, спички, медикаменты. Составили добавочное требование.

21 июня

Пошел в клинику, но почти не работал: от сильной слабости лежал на кушетке. Тихо с отрядом.…

22 июня

Тихо с отрядом. Кисловодск молчит.

book3.indd 20 09.03.2010 17:36:10

23 июня

Получили из склада медикаменты и перевязочный материал; а также мыло и спички! Страшно обрадовались, видя в этом первое, реальное начало отряда.

24июня

Анаида Александровна хлопочет о муке; просит дать для отряда десять пудов, здравотдел разрешил, но в хозяйственном отделе отказали: нет муки. А жаль, мука сейчас самое ценное.

25 июня

Доктор А. П. Павлов опять смущается, как быть с содержанием отряда, который сортируется не для нашей области, и едет в соседнюю «Республику»! Как бы не отменили в здравотделе приказ! Надо нажать опять на Горский Исполком и успокоить наших.

26 июня

Посланы сегодня две бумаги в Кисловодск:

1) Телеграмма от Горского Исполкома: «Глазной отряд готов» и так далее.

2) От нашего здравотдела в Карачаевский Исполком, подробности об отряде с просьбой ответить.

27 июня

Анаида Александровна хлопочет об ударном пайке для отряда. Для нас это очень важно, ибо мы едем без денег, без продовольствия. Хлопочет о муке, но нет муки.

28 июня

Сомнения и ожидание.

29 июня

Ура! Дают ударный паек на месяц. Получили на него ордер: 4,5 пуда хлеба, 24 фута крупы, фута рыбы сушеной, три фута масла, три фута сахара, спички и мыло.

Хлопочу об авансе в сто тысяч рублей. Не хотели давать, нет денег. Но потом причислили отряд к эпидемическим. Однако неизвестно, получим ли эту скромную сумму.

book3.indd 21 09.03.2010 17:36:10

30 июня

Вечером совещание членов отрядов, своего рода военный совет. Как будто все решено, ехать в Карачай. Но нет оттуда никаких известий! Однако настроение дружное: «В Карачай!» Даже если не будет ответа из Кисловодска, поедем на Невинку и далее в Зеленчукскую. А оттуда будем пробиваться в Карачай. Отсутствием денег и провианта не смущаться.

1 июля

Опять заболел. Жар: утром и вечером. Лежал в больнице на кушетке, как семнадцатого июня.

2 июля

Ура! Телеграмма из Кисловодска: «Изъявляем свое согласие принятия глазного отряда. Делегата присылаем. Председатель Карачаевским Исполком Алиев. № 405». Получили телеграмму в клинике в десять часов. И ликуем до двенадцати часов ночи:

Я, Анаида Александровна и Нина Максимовна. Доктор Нина Максимовна Привалова также довольна. Она получила приглашение к двоюродной сестре в Ессентуки, где собирается провести лето.

3 июля

Ночью плохо спал от волнения. Днем приятные мысли о хорошем будущем.

4 июля

Хлопочем о вагоне-теплушке. Иначе как доберешься до Кисловодска? Ходили на вокзал к инженеру И. Шарковскому. Говорит: «Телеграфируйте в округ путей сообщения в Ростов!» Послали телеграмму с просьбой дать нам вагон-теплушку для отряда.

5 июля

Утром были в Горском Исполкоме, благодарили председателя за хлопоты о нас. Любезный прием. Хлопотали об добавочных медикаментах и керосине.

6 июля

Получил целую кучу книг о Карачае от Остроумова. Читаю с увлечением.

book3.indd 22 09.03.2010 17:36:10

7 июля

Получили, наконец, спирт и добавочные медикаменты. Степан Степанович Робуш обещал поговорить о вагоне с Ростовом через знакомого менеджера. Волнуемся о вагоне.

8 июля

Получена телеграмма из Карачаевского здравотдела о содействии глазному отряду ctc. Но вагона выхлопотать не могут. Разочарование.

9 июля

Доктор Нина Максимовна Привалова едет на подводе к родным в станицу Константиновскую. Беспокоится о вагоне.

10 июля

В два часа дня Нина Максимовна уехала на лошадях в Константиновскую. А в семь часов вечера приехали из Усть-Лабы Вера Михайловна Шепкалова и Наталья Федоровна Хлынина. Весь отряд в сборе. Готов в путь. А вагон? Приходил географ И.Н. Жуковский с географом Л.Апостоловом, хотят присоединиться к нам, чтобы под нашим покровом пробраться к верховьям Кубани для исследования этой местности. Обещал взять их с собой.

11 июля

Телеграмма из Кисловодска: едет к нам делегат, который должен привести нас в Карачай. Растут надежды и на вагон. Оказывается, его по ошибке отдали экскурсантам из Новороссийска в Пятигорск. Досадно.

12 июля

Инженер П-ш хлопочет о нашем вагоне. Спасибо ему. Собраны все вещи. Вечером медицинская конференция: мой заместитель в клинике доктор Берберов.

13 июля

Приехал делегат Карачая Зулкарнай Хаджичиков. Нас ждут в Карачае. Он торопит нас с отъездом. Мы в волнении. Из Ростова получено разрешение на вагон. Вечером в клинике собирал и укладывал глазные инструменты.

14июля

Получили мандаты и бумаги от здравотдела и Медицинского ин-

book3.indd 23 09.03.2010 17:36:10

ститута. Достали наряд на вагон-теплушку. Надо укладываться. Думаем ехать в 17 часов 20 минут, не позже. Ехать!

15 июля

Ужасно неприятный день: добывали пропуски для отряда в бюро пропусков. Там страшно людно, шумно. Грубая публика. Придирки. «Куда давать-то пропуск? - В Карачай? Какая такая станция Карачай?» Так и написали пропуск: От железнодорожной станции Краснодар, до железнодорожной станции Карачай. Целый день потеряли на это дело. Потеряли из-за него и получение вагона.

16 июля

Я с утра на вокзале. Там все очень любезны. Обещают все сделать. Завтра получим вагон. Его прицепят к маршрутному поезду пустых цистерн. И вагон наш быстро покатит.

Вечером с 8 часов до 11 часов в клинике укладывали все вещи, приводили их в дорожный вид. Ужасно устали. Неужели завтра таки уедем?!

17 июля

День волнений. С утра с вещами на вокзале. Зулкарнай Хаджичиков бегает, распоряжается. Прибыли и наши географы садиться в вагон. Карачаевский делегат решительно протестует против их поездки в Карачай. Я ужасно сконфужен, готов провалиться сквозь землю, обижен за наших географов. Но что делать? Географы выручили меня: они попрощались со мной и скромно удалились.

Составляем накладную на вагон. Пришлось написать фиктивно тяжесть груза (медикаменты и перевязочные материалы глазного отряда) в 500 пудов! Иначе нельзя оправдать выдачу нам целого вагона-теплушки.

Волнуемся ужасно! Сидим в вагоне на запасных путях, на полу, на полотнах. Вечереет. Вдруг пришел с грохотом какой-то товарный поезд. Нас стали катать по путям, прицепили и…

В девять часов вечера мы поехали…

В Карачай!

book3.indd 24 09.03.2010 17:36:10

Глава 2

КИСЛОВОДСКОЕ СИДЕНЬЕ

18 июля

В пути. Ночью проехали участок Краснодар – Кавказская, куда прибыли в 5 часов утра. Ночь провели очень плохо: нас страшно кусали клопы. Их было очень много в теплушке. В Кавказской стояли мучительно долго. До двух часов дня под горячим солнцем и страдали от духоты в полном неведении, когда нас отправят дальше. Ужасно обрадовались, когда наш вагон тронулся дальше. Поехали быстро. В десять часов тридцать минут вечера были в Невинке, а в три часа ночи в Минеральных Водах.

Хлеба до Невинки плохие. Чувствуется влияние засухи. За Невинкой зеленее земля, свежее растительность. Однако грязная, пыльная станица производит из «окна» теплушки плохое впечатление. Спали в вагоне вторую ночь лучше. Вероятно от сильной усталости.

Кушали из запасов нашего ударного пайка. По середине вагона на полу шумит примус, жарится фасоль зеленая и кабачки на постном масле. Очень вкусно! Догадливая, хозяйственная Анаида Александровна Гюльназарян выменяла на днях на базаре сушеную воблу на постное масло. И мы наслаждаемся. Гордость нашего ударного пайка – пять пудов муки – бережно сохраняется среди аптечного груза…

19 июля

В Минеральных Водах простояли до двенадцати часов дня. Дрожали от страха: что вот-вот нас отцепят окончательно и надолго переведут на запасные пути. Хлопочем все, чтобы нас прицепили к пассажирскому поезду. Согласились, прицепили, но в последний момент пришел «некто» с молотком, постучал по колесам и крикнул: «Отцепить!» Признал вагон «балочным». Я уже сунул руку в карман пальто и готовился вытащить бутылку со спиртом (верное средство от «отцепки» в пути). Но оказалось достаточным моя горячая, хотя и краткая речь о том, что мы едем лечить глаза больным и слепым в Карачай.

Свисток и мы… тронулись! Все в восторге: уже не отцепят до Кисловодска.

Смотрю с волнением на Змеиную гору, на виднеющийся вдали Бештау

book3.indd 25 09.03.2010 17:36:10

и… Эльбрус в дымной мгле. Наш вагон последний, в хвосте. Мы столпились у широко раскрытых дверей, глядя жадно на пейзаж. Двенадцать лет назад был я здесь в последний раз. Ищу перемен, но в природе как будто ничего не изменилось с тех пор. Чувствуется засуха. Сухие склоны гор, выгорающая трава. Но леса и горы все те же. И вокруг них безбрежная степь.

Подъезжаем к Пятигорску. Увы, лес на южных склонах Машука над городом вырублен. Так необычен вид этих голых, некогда таких зеленокудрявых склонов. В городе страшно пыльно, жарко. Вид дач около Карраса Николаевской печальный; словно нет в них хозяев, и орудуют там незваные гости.

В Пятигорске на вокзале вихрем влетела в наш вагон Соня Гюльназарян и наполнила своим шумным присутствием десять минут, которые мы простояли на вокзале. Она увела из вагона двух наших спутников, своих родственников.

В Ессентуки! Из вагона перемен не видно, лишь чувствуется общая участь курортов, их заброшенность. Но свежая здесь растительность, особенно за Ессентуками. Склоны гор зеленые; долина Подкумка в садах. Здесь больше дождей. Кисловодск встречает нас роскошной зеленью садов, столь поражающей после сухого Пятигорска. Огромные нарядные дачи. Но что в них?

Небольшое приключение на вокзале с Кисловодской ЧК-ой. Когда мы стали выгружать вещи из вагона на перрон, подошел чекист и стал проверять наши документы. Несколько сот пудов медикаментов и перевязочного материала?! И везем все это в горы, где свирепствуют бело-зеленые банды?! Не к ним ли везете все это ценное добро?! Нас задержали. Ни с места! Пришлось Зулкарнаю Хаджичикову бежать с караульным в Карачаевский исполком выяснять, в чем дело. Инцидент улажен. Казенный груз отвезли в здравотдел, а сами на линейке поехали наверх. Там около собора (Николаевская, 2) нам отвели в каком-то доме одну комнату на всех. До восьми часов вечера я с Зулкарнаем Хаджичиковым ходил «по делам»; познакомился с заведующим здравотделом Магометом Кочкаровым. Осмотрел с ним Карачаевскую больницу. Искали доктора Киселева, нашли его в больнице.

Безотрадное впечатление производит курорт, серый запущенный, грязный. Дачи заняты такой же серой, неряшливой публикой. На балконах везде тряпки, сушится белье. Нет хозяев, ремонта, чистоты. Имущест-

book3.indd 26 09.03.2010 17:36:10

во дач реквизировано, как и сами дачи. Всем распоряжается жилотдел.

Наше отправление в Карачай, в главный аул Большого Карачая в Учкулан, где намечен пункт нашей работы, задерживается! Все дороги туда опасны, заняты бандитами. Грабят, убивают. Надо ехать с оказией, а оказия будет только… через неделю! Неужели придется целую неделю сидеть в Кисловодске?! Настроение наше испортилось, и прояснилась лишь тогда, когда все мы пошли вниз в парк и потом поднялись в верхний парк. Я с восхищением смотрел на Сосновую Рощу, на пышную растительность парка. Не ожидал, что за 12 лет все так разрастется. Запущено, но мило своей нетронутой свежестью. Через Красные камни и Царскую площадку спустились обратно в парк, набрали полный кувшин нарзана и парком вернулись домой, умывшись в Ольховке у мостика «Дамский каприз».

Вечер прохладный. Устроился в качестве единственного мужчины, среди пяти дам, неудобно. Женщинам уступил комнату, а сам расположился на маленькой веранде, кое-как укрывшись от нескромных, многочисленных взоров обитателей соседних построек. Спать очень плохо: кусали клопы.

20 июля

Второй день в Кисловодске.

Утром все вместе посетили Карачаевский здравотдел. Писали анкеты; говорили о возможностях путешествия в Карачай. Просили до двух часов дня без толка. Выяснилось окончательно, что выехать сейчас из Кисловодска в горы нельзя. Лучший путь через Абуково на Маринский перевал небезопасен. На этом пути недавно обстреляли медсестер с больничным имуществом и ограбили; но большие партии карачаевцев отправляются домой с базара и по этой дороге. Лучше направление через Бермамыт – Бечесын. Этот глухой высокогорный маршрут более безопасен. Но организовывать его надо приблизительно к базарному дню, который будет лишь двадцать седьмого июля! В этот день можно воспользоваться караваном карачаевцев, возвращающихся на арбах из города в свои коши на Бечесыне. Итак, надо ждать целую неделю в Кисловодске! Ну, что ж! Поживем, отдохнем.…

В три часа пошли обедать в Карачаевскую окружную больницу. Нас прикомандировали туда на продовольствие. Обед в два блюда, второе мясное, показался нам очень вкусным после скромных завтраков в ва-

book3.indd 27 09.03.2010 17:36:10

гоне. На обратном пути домой попали под проливной дождь. Пришлось переодеваться, ибо промокли до костей. Дамам переодеваться было удобно; а мне каково?

Вечером к нам на веранду привели… барана! Кто привел, зачем привел, – неизвестно! Он всю ночь кричал, топал по веранде ногами, никому не давал спать, распугал и раздражал соседей. Все кругом нас ругали: «Вот приехали спекулянты, торгуют баранами»… и так далее.

Спал на веранде очень плохо. Из-за барана и клопов.

21 июля

Третий день в Кисловодске.

Встал в семь часов утра. Втроем пошли в Новый Парк (я, Наталья Федоровна и Галина Ивановна). Посетили Серые камни, Храм Воздуха. Обошли весь парк. Он так сильно разросся! Повсюду чудные лужайки с ковром цветов, с высокой травой. Собрали большие букеты. Возвратились в один час тридцать минут дня. А в это время Анаида Александровна с Верой Михайловной стирали платья и белье.

По дороге в Карачаевскую больницу на обед зашли в здравотдел. Там нам заготовили бумаги в Учкулан и Хурзук. Обедали, как и вчера в обществе медперсонала больницы. Доктор П-ий нас сильно пугал: «В Карачае умрете от голода, если не сумеете требовать и брать с населения за каждый пустяк натурой и продуктами», но нас не напугал. Нас так хорошо встретили здесь, заботятся о нас, что мы верим в хорошие отношения к нам Карачая, если будем сами хорошие.

Наш добрый Зулкарнай Хаджичиков уже в первый день нашего приезда угощал нас ужином. Вчера вечером принес полный графин айрана. А сегодня прислал нам пастуха, который тут же около веранды зарезал и очистил нашего барана. Оказывается, баран был прислан нам на съедение здравотделом! Меня поразила простота нравов в Кисловодске: карачаевец освежевал барана во дворе, среди жилых помещений курорта, и это не вызвало никакого протеста! Напротив, публика из соседних комнат и флигелей с завистью смотрела на эту операцию. А пастух, окончивший ее, завернул голову барана и все внутренности в шкуру и забрал с собой. Оставил нам висящую на перилах веранды тушу.

Днем в течение двух часов шел дождь. Везде сыро, мокро.

Сегодня приходили к нам пациенты-карачаевцы:

book3.indd 28 09.03.2010 17:36:10

1) Мальчик 12 лет с катарактой. 2) Мальчик двух лет со свежими пятнами в роговицах от глубокого кератита. 3) Слепой мальчик 10 лет с атрофией одного глаза от какого-то эндофтальмита и с глубокими помутнениями в стекловидном теле в другом глазу, так же слепом.

4) Переводчик 38 лет с близорукостью в 8,0Д в правом глазу и 0,5Д в левом. Хронический блефароконюнктивит. Обрадовались этим больным! Недаром едим карачаевского барашка.

Вечером приехала из Ессентуков Нина Максимовна! Вот неожиданность…

22 июля

Четвертый день в Кисловодске.

Утром ясно, безоблачно. Встал в семь часов утра и пошел на Серые камни; любовался Эльбрусом и окружающей роскошью Нового парка. После чая ходил с Ниной Максимовной в Новый парк. Обошли его весь. Собрали огромные букеты цветов. Нина Максимовна в восторге от Кисловодска. Обедали все вместе в больнице.

После обеда пошел пешком в Минутку к доктору С. Н. Зн-му. Давно, давно не виделся с ним! Он и его житье-бытье произвели на меня тяжелое впечатление, несмотря на наличие овощей в его огороде и фруктов в саду. Слишком глубоко погрузился он в тревожную заботу о хлебе насущном. Не мог остаться ужинать и ушел поскорее к своим.

Приезжали сестры Анаиды Александровны из Пятигорска и уехали обратно ночным поездом.

23 июля

Пятый день в Кисловодске.

Холодное ясное утро. Опять в восемь часов утра на Серых камнях перед главами Эльбруса. После чая пошли в здравотдел. Анаида Александровна взяла там пропуск и уехала на два дня в Пятигорск к родным. А мы, проводившие ее, пошли через Крестовую гору в Сосновую рощу над Царской площадкой и там пробыли до трех часов дня. Было славно в лесном воздухе под горячим солнцем.

Дождь перед вечером. Готовили на ужин шашлык из собственного

book3.indd 29 09.03.2010 17:36:10

барашка тут же во дворе. Соседи с завистью смотрели на эти приготовления и запрашивали, не продается ли шашлык!

24 июля

Шестой день в Кисловодске.

Холодная ночь, облачное утро. Но скоро прояснилось. После чая мы с Ниной Максимовной пошли в Карачаевскую больницу на операцию катаракты. Первая глазная операция в этой больнице! Нас пригласили туда к десяти часам утра, но приготовления начались в одиннадцать часов, готовились один час, и производил операцию Кисловодский окулист, служащий и в Карачае, доктор Давидсон еще полтора часа. Окончилась это кошмарное действие во втором часу дня; окончилось гибелью глаза. Старый врач дрожащими руками, нелепыми приемами искромсал бедный глаз. Операция произвела на нас ужасное впечатление, слегка изгладившееся лишь после прогулки по парку. После обеда до вечера провели несколько часов в душистой траве Верхнего парка.

Настоящей курортной жизни нет. Парк пустынный, предоставлен самому себе. Деревья, кустарники, травы растут, цветут на полной воле. Вечером после ужина опять потянуло через Сосновую рощу наверх. Роскошная прохладная ночь.

Тревожные мысли о предстоящей поездке. Всех томит невольное промедление и вынужденное сидение в Кисловодске. Рвемся все в Карачай.

25 июля

Седьмой день в Кисловодске.

Ночь теплая. Утро безоблачное. Ясная картина Эльбруса с Серых камней, где я был с восьми до девяти часов утра. Прошел через Красные камни, Крестовую гору, спустился к вокзалу и домой. Нездоровилось с желудком, прождал весь день дома. Заболела внезапно и Нина Максимовна. Приступ малярии, температура до тридцати девяти градусов, нормально к пяти часам дня. – Вечером на Романовской горе наслаждался прохладой восточного ветра, несущегося с Джинала и Малкских высот, с запахом горных цветов и трав. Стало холодновато.

book3.indd 30 09.03.2010 17:36:10

В здравотделе готовятся без нас, обещают на днях отправить в аулы. Хорошо бы!

26 июля

Восьмой день.

Сегодня ровно неделя, как мы приехали в Кисловодск. Ясный, безоблачный день. Утром с Витей ходили на Серые камни. Эльбрус весь день виден оттуда на безоблачном небе.

Приехала из Пятигорска Анаида Александровна, оживленная, деловитая. Сразу выстирала белье, готовила обед. Пошли с ней в здравотдел. Там получили продукты для отряда. Зашли в аптечный склад, где нам дали немного ваты и марли, 0,5 эзерина. Очень хорошо! Особенно обрадовались продуктам, мучной дотации.

Обещают отправить нас завтра вечером на Бермамыт. Как все странно и чудесно… Мы в Кисловодске, едем на Бермамыт. Бечесын в какую-то неведомую даль, в Карачай!..

Я обедал из-за некоторой болезни в желудке дома. За мной замечательно ухаживают все. Вечером приехала из Ессентуков сестра Нины Максимовны, и все ходили на Ольховский водопад. Там я под водопадом выкупался с особым удовольствием.

27 июля

Последний день в Кисловодске.

С утра напряженное настроение в ожидании скорого отъезда. Сегодня базарный день, день возможной оказии в Учкулан. Утром с Ниной Максимовной ходили наверх в Новый Парк, через Сосновую Рощу. После чая в здравотделе. Там обещают отправить нас даже в три, четыре часа дня!? Получили в складе продукты, носили их на руках домой. Бегали хлопотали из-за хлеба и прочего.

В один час дня укладываемся, суетимся, чтобы быть готовыми в путь, когда за нами заедут арбы. Ужасное волнение!..

book3.indd 31 09.03.2010 17:36:10

Глава 3

ДОРОГА В КАРАЧАЙ. БЕЧАСЫНСКОЕ СИДЕНЬЕ*

…Пишу на скале Бермамыта** двадцать восьмого июля в три часа дня.

Только в семь часов тридцать минут явился растерянный Магомет Кочкаров к нам домой. Еле нашли одну арбу для наших вещей, да одну арбу под казенный багаж. Две арбы решили поймать с помощью милиции на большой Бермамытской дороге. Было собрано восемь ароб для нас, но… все они разбежались! Таков авторитет Карачаевского Правительства среди своих горцев.

Погрузили все свои вещи на одну арбу горою, и пошли пешком за ней через весь город. К нам присоединилась еще одна арба с казенным грузом.

В восемь часов тридцать минут собрались на краю города на Бермамытской дороге, где захватили не без скандала еще две арбы. Спустя целый час с перекладкой вещей, ибо арбы полны своего груза (мешки с кукурузной мукой и солью). Нина Максимовна провожает нас (*здесь и далее подчеркнуто автором. – прим. Ф. Байрамуковой*), пришивает всем повязки Красного Креста. Прощается, усаживается кое-как на перегруженные арбы и в девять часов тридцать минут в темноте трогается в путь, в неизвестность.

Постепенный подъем. Долго светятся огни Кисловодска. Нас сопровождает целая кавалькада возвращающихся с базара карачаевцев. Поют унылые песни, арбы скрипят. Наступает ночь. В двенадцать часов привал, быки пасутся. Мы дремлем около распряженных арб в высокой траве. В два часа ночи взошла луна.

28 июля

В 2 часа 30 минут ночи вместе с луной, озарившей слегка призрачным светом горскую пустыню, двинулись в дальнейший путь. Ночь,

* Бечасын – правильно: Бийчесын («бийче» с карачаевского – «княжна», «сын» – «надгробный камень», т.е. «надгробный камень княжне») – плато в междуречье Кубани и Подкумка, есть одноименные река и гора.

** Бермамыт – правильно: Бурмабут – урочище и горы на Скалистом хребте.

book3.indd 32 09.03.2010 17:36:10

одна арба, отделившись, от нас куда-то уехала. Остальные, сильно нагруженные, отказались нас везти. Пришлось идти пешком следом за ними. К счастью, наш проводник убедил три арбы, обгоняющие наш караван порожняком, взять нас на свои пустые повозки. И с удовольствием поехали, завернувшись от холода в бурки. Было холодно ночью на этих высотах. Бурку дал мне любезно один горец. Стало рассветать.

В верстах в пятнадцати от Бермамыта внезапно поднялся над соседними высотами Эльбрус. Мелькнул и скрылся. Скоро в десяти верстах от Бермамыта на привале, где мы, голодные, закусывали в первый раз хлебом с огурцом, наши подводы бросили нас. И весь подъем на гребень Бермамыта мы совершили пешком. Лишь некоторые женщины, более уставшие, присаживались по временам на арбы с вещами.

Я, Анаида Александровна и Галина Ивановна пошли вправо вдаль обрывов Эшхаконского ущелья и любовались грандиозной панорамой каньона Эшхакона* сверху. Остальные поднимались с обозом ароб по проездной дороге. Так пешком добрались мы к двум часам дня до вершин Бермамыта, Здесь наш дорожный пациент принес нам с соседнего коша масла. С удовольствием поели хлеба с маслом. Но в коше не оказалась айрана.

Вид с Бермамыта далеко открытый. Но… Эльбрус в кучевых облаках, не видать его! – Я вспоминаю 1907 и 1909 годы, когда я наблюдал с Бермамыта восход солнца и волшебную красу Эльбруса, приветствовавшего первым в сонме снеговых вершин зарю нового дня. Сегодня он не показал себя…

Однако вид чудесный. На Бечесынских пастбищах в верховьях Малки причудливые пятна света и теней от кучевых облаков. На севере Бештау, который до сих пор так отчетливо рисовался на горизонте, сейчас потонул в легкой дымке отдаления. Быки отдыхают. Мы собираем крупные незабудки, в изобилии украшающие скалы Бермамыта, любуемся яркой свежестью альпийской флоры. В три часа двинулись дальше.

Спуск с Бермамыта один час двадцать минут мимо Малого Бермамыта в обход скал Ак-Кая и переход на водораздел Бечесына через каменные россыпи – одно очарование. Арбы с трудом спускаются и поднимаются по камням; жалобно скрипят, угрожающе грохочут, ударяясь о скалы. Кругом – отвесные обрывы Бермамытского плато;

* Эшхакон – правильно: Эшкакон

book3.indd 33 09.03.2010 17:36:10

разноцветные известняковые стены, отражающие многоголосье эхо. Под стенами, загромождая дорогу, хаос обломков скал, груды камней. И среди этих камней и на камнях повсюду роскошные букеты сочных пахучих альпийских цветов.

Забыто утомление после бессонной ночи и трудного пути пешком. Все в немом восхищении, изредка прерываемом восклицаниями, когда нельзя уже удержаться от восторга. Мария Ивановна, поднимавшаяся на Бермамыт с перебоями в сердце, рвет цветы и наполняет ими кувшин. У Анаиды Александровны букет прелестных незабудок: надо послать и Нине Максимовне цветы с Бермамыта.

Под ногами развертывается Хасаутское ущелье, исток реки Хасаута. Мы обходим его по дороге, смело лепящейся под отвесными скалами и над крупными скалами, падающими стремительно ко дну ущелья. Вдали на востоке высятся подобно бастионам гигантского форта обрывы Кинжала. Привал на 10-15 минут у родника с очень холодной водой, где умылись, закусили и напились. Догнали подводы уже при выходе на Бечесынский водораздел у подножия Ак-Кая.

При переходе на Бечесын, на привале, где пили айран, возник оживленный спор с подводчиками. Здесь на Бечесыне их коши, разбросанные в разных местах далеко один от другого.

Дальше они нас не повезут!.. По условию в Кисловодске, они будто бы должны довезти нас только до лесной караулки, от которой в настоящее время остались лишь груды развалин. А там – нас покинуть с вещами. Но дальше?.. Что будет с нами? Где ночевать, как устроить дальнейший путь на Учкулан?..

Какой-то Бурлаков, который был уполномочен Карачаевским здравотделом организовать наш маршрут до Учкулана, куда-то исчез и не пошел с нами. А у него все мандаты на этот счет. Сопровождающий нас проводник, двоюродный брат Магомеда Кочкарова, действует вяло, хотя языком работает много. Да и кто послушается его?

Случайно подъехали почетного возраста горцы, догнавшие нас из Кисловодска, на хороших лошадях. Они приняли участие в общем, нужном споре. Судя по сочувственным взорам на нас, очевидно в нашу пользу. Один из них уступил мне свою верховую лошадь. Анаида Александровна и Вера Максимовна также скоро оказались на лошадях. Обоз энергично двинулся вперед на юг по буграм Бечесына.

book3.indd 34 09.03.2010 17:36:11

Вид с Бечесына удивительный. За подгорье уходят горные отроги между правыми притоками Кубани, то округленные, травянистые; то крутые зубчатые. И в синеющей за ними дали уже чудится долина родной нам Кубани. Налево на восток развертывается система горных отрогов, разделяющих истоки Малки, травянистых и округленных, со смелыми обрывами Кинжала на горизонте. Наконец, чтобы утешить нас в нашем бесприютном положении, среди облаков высоко в небе на юге открываются озаренные заходящим солнцем вершины Эльбруса! Под ними – море облаков. К вечеру Эльбрус появляется свободный от покровов во всем своем величии, огромный, опоясанный у подножия цепью зубчатых черных отрогов, уходящих стеной вправо и влево от него.

Наконец мы у развалин лесной караулки. Арбы решительно останавливаются и дальше нас не везут. Некоторые аробщики начинают сбрасывать наши вещи на траву вблизи этих ужасных развалин. Мы в страшном волнении, протестуем. Русского языка не понимают, что-то кричат по-карачаевски. Я растерянно молчу, не знаю, что предпринять. Анаида Александровна бегает от арбы к арбе, возражает, старается задержать разгрузку наших вещей. Карачаевцы не менее энергично ругаются между собой, что-то оживленно обсуждают. Вступаются за нас попутчики.

В результате долгих горячих споров все наши вещи складываются на одну арбу. Нас повезут на ночевку в кош Магомета Коркмазова, где мы должны будем ждать решения нашей участи, т.е. как нас дальше отправлять. И это хорошо! Мы страшно устали. Ужасно хочется поспать поскорее, куда-либо на привал.

В полумраке быстро спускающихся сумерек плетемся по мокрой траве за нашей арбой, еле передвигаем ноги. В вечернем свете все еще поражает Эльбрус. Было совсем темно, когда мы, совсем утомленные пережитым за этот длинный день, добрались до коша и с наслаждением растянулись на войлоке около огня, согревая промокшие от ночной росы ноги. Выпиваем массу кислого молока со свежими кукурузными лепешками и укладываемся спать под открытым небом, завернувшись в одеяла и бурки.

book3.indd 35 09.03.2010 17:36:11

29 июля

Первый день на Бечесыне. Весь день провели на коше. Кош на склоне зеленого бугра состоит из перекладины на двух шестах. С нее на цепи свешивается огромный котел для молока; под котлом костер. Кругом кадки для айрана, молока, масла. Поодаль занавоженное пометом коров и овец пространство, где доят скотину, пригоняемую с пастбищ. Вот и весь кош!

Вокруг зеленеют округленными буграми высоты Бечесына, – целое море застывших, зеленых валов, по которым рассеяны пятна – стада овец, коров, коз, косяки лошадей. На юге роскошная величественная панорама Эльбруса, такого близкого и мощного.

Наблюдали восход солнца. До полудня Эльбрус оставался открытым; потом закрыли его облака. В пять, шесть часов дня прошла на юго-западе над горами Карачая грозовая туча с громом и молниями, с полосами дождя. Мы спешно готовились к встрече грозы; укрывали вещи чем попало. Но все прошло благополучно.

Весь день провели в отдыхе. Готовили обед, пекли на костре пышки, пили айран. Два раза поднимались на соседний бугор, оттуда прекрасный вид на пройденный нами путь: скалы Ак-Кая, Бермамыта, Эшхакона. Особенно величествен вид горных цепей к западу от Эльбруса.

Наши проводники с утра рыщут по соседним кошам, отыскивая подводы для нас. Я написал для этого курьезную бумагу, вроде приказа Наполеона на бивуаке: «Сего числа я с глазным отрядом, согласно приказа Карачаевского Исполкома, прибыл на Бечесын для дальнейшего следования в Учкулан. Прошу дать необходимые транспортные средства» и так далее. Писал пером и чернилами, лежа на животе, на бурке, а карачаевцы, собравшиеся вокруг, с любопытством смотрели на меня.

Днем прибыл, наконец, таинственный Бурлаков. Однако все хлопоты оказались безуспешными. Полная неудача. Поздно вечером возвратились наши провожатые, объехавши около сорока кошей. Никто не согласился отправлять нас, давать для этого вьючных лошадей и ослов. Настроение у нас упало. Что делать дальше? Оставаться неопределенное время среди пустынь Бечесына у Эльбруса?.. Нужны большие деньги для оплаты за лошадей и ишаков; а денег нет у нас! Вероятно, не помогли бы и деньги. Здесь они не имеют никакой цены. Карачаевцы привозят их с базара мешками.

Наши карачаевцы оживленно говорят и спорят у костра. Темнеет.

book3.indd 36 09.03.2010 17:36:11

Небо нахмуривается. С некоторым унынием ложимся спать. Ночью сгущается туман, звезд не видно. Изредка мелкий дождь. Или это оседает туман?..

30 июля

Второй день на Бечесыне.

Утром небо ясное, безоблачное. Лишь Эльбрус в облаках; но с восьми часов открылся и он. Особенно красивые горные цепи к востоку от Эльбруса со свежевыпавшим снегом на склонах и вечно снежными вершинами.

С утра совещание карачаевцев на нашем коше: что делать с нами? Вчерашнее предложение Бурлакова – отправить нас на одной арбе по Учкуланской дороге пешком 15-20 верст, пока есть аробная дорога; там нам остановиться в крытом коше и оттуда организовать дальнейшее следование в аулы Карачая, – этот проект отвергается. Хозяин нашего коша Коркмазов Магомет и проводник Али Кочкаров верхами поехали в Учкулан, где сейчас происходит Съезд (советов?) и где находится сам Алиев. Оттуда должны прислать нам вьючных животных!..

Вечером мы опять погрузили все наши вещи, на одну арбу и через гору переехали, на другой кош, расположенный на самом берегу речки, – одного из истоков реки Худес. Удивительно, как удачно спускали волы нашу арбу, нагруженную до верха, с крутой горы без всякой дороги! Я думал, что волы, арба, наши вещи, - все разлетится вдребезги. Но волны благополучно соскользнули с горы.

Странное зрелище представлял наш глазной отряд с ручным багажом, следовавший по травянистым горам Бечесына за нелепой арбой, пирамидой ящиков, чемоданов и узлов.

Нас встретили на новоселье приветливо. Угостили нас не только айраном с сыром, но зарезали барана! Ночная сцена у костра на берегу тихо журчащей речки. В двух котлах варится баран. Стоят и лежат в бурках карачаевцы, хозяева и гости с соседних кошей. Баран готов, извлечен из котлов. Куски мяса на больших деревянных подносах предлагаются гостям, расположившимся на земле вокруг угощения. Давно мы не ели мяса! Берем его руками, подражая карачаевцам, за кость. Обглоданные кости привычным движением руки бросаются через плечо назад, где их на лету жадно хватают собаки. Наелись мяса, запили айраном.

book3.indd 37 09.03.2010 17:36:11

Тухнет костер. Разошлись карачаевцы. Подул холодный ветерок. Наступила ночь с яркими звездами. Прозябнем под нашими одеялами…

31 июля

Третий день на Бечесыне

Вчера вечером заболела Галина Ивановна. Был ночью сильный жар. Ничего не ест, лежит. Очевидно, простудилась в прошлую ночь, лежа в сырой траве. Днем ей лучше. Устраиваемся на коше, как у себя дома. Берем молоко, сыр, айран, варим суп. Анаида Александровна у нас хлопотунья, печет лепешки, чуреки из пшеничного теста.

С нашего коша ничего не видно. Поэтому я организовал небольшую прогулку ввысь из речного оврага. Поднялись на соседнюю вершину и долго любовались поразительной панорамой. Сегодня погода особенно хорошая. Дует, но на небе ни облачка. Эльбрус отчетлив и ярок. Отходящие от него к Бечесыну отроги идут к нам цепями, резко вырисовывающимися. – Удивительно красивый вид на западе, на горы Карачая с цепью снежных зубчатых вершин Главного хребта и его отрогов. В эти горы уходят многочисленные ущелья, спускающиеся с травянистых плато Бечесына. Ближайшие к нам склоны, начала этих ущелий, покрыты лесами, начинающимися уже в пяти верстах от нас.

Интересно наблюдать, как круглые бугры Бечесына, постепенно повышаясь, вдруг круто взбегают вверх и переходят в увесистые зубчатые цепи, стремясь к Эльбрусу. Я всматриваюсь в этот лабиринт гор: где же среди них, в каком из этих ущелий пролегает наш путь в Учкулан, о котором здесь горцы говорят так много, как об очень трудном пути, особенно с вьюками?..

Далее на северо-западе эти горы переходят в плоские высоты с отвесными обрывами рассекающих их ущелий типа Бермамата. Весьма отчетливы горы и к востоку от Эльбруса.

В четыре часа обедали соусом из баранины. В полпятого вдруг приехали какие-то посланцы из Карачая устраивать наше отправление. На нашем коше эти три верховых произвели большое волнение. Посылают за табуном лошадей. Но скоро все окончилось обычным оживленным разговором у костра. Пропал лишь мой башлык! Кто-то из карачаевцев

book3.indd 38 09.03.2010 17:36:11

стащил его в суматохе. Хороший был башлык из верблюжьей шерсти. Пригодился бы мне в горах…

Уныло занялись мы приготовлением к ужину, а потом после прогулки – укладкой ко сну. Впрочем, Бурлаков с одним из верховых ехал куда-то… за подводами?

1 августа

Четвертый день на Бечесыне

Вот и август пришел! А мы все еще далеки от цели, от таинственного Большого Карачая с его аулами у подножья Эльбруса.

Ночь сначала ясная, звездная. Но перед зарей стало пасмурно. Ветер юго-западный, с гор, с моря. При восходе солнца пошел мелкий дождь, живо разбудивший наш табор каплями, падающими на лицо.

Вскочили и начали закрывать вещи войлоком и бурками. Сами под дождем готовим, пьем чай. Настроение унылое, тихое: дождь, небо обложное. Мы без крова в дикой местности, без надежды выбраться отсюда. Через два часа дождь утих.

То солнечно, то облачно. Небо, однако, большей частью в облаках. Эльбрус закрыт; но прочие горы совсем ясны, чисты. По ним изредка ходят дождевые тучи. Днем жарко, даже душно. Как бы не разразилась гроза!.. Мы втроем сходили на ближайший бугор и собрали большой букет гвоздик, незабудок и васильков.

…В четыре часа дня вдруг поднялся наш табор. Решили двинуть нас дальше. Нашли первую арбу и трех ишаков, нагрузили все наши вещи и тронулись прямо на юго-запад через высокую гору. Едва прошли мы следом за вещами около полверсты, как разразилась ужасная гроза. Проливной дождь бьет струями прямо в лицо! Грохочет гром, сверкают молнии. В дождевой мгле исчезают очертания арбы, ныряющей по буграм. Еле волоча ноги в высокой мокрой траве, промокшие до костей мы спешим за арбой. Вода струится по спине, наполняет сапоги; платье прилипло к телу и страшно холодит под порывами бьющих в лицо холодных потоков ветра и воды. Этот подъем и спуск по травянистым плато Бечесына в проливной дождь, в деревянных сапогах пешком – самое тяжелое из всего, что мы испытали до сих пор. Негде укрыться от непогоды в этих обнаженных горах. Ни пещеры, ни балагана. Ноги мокрые, в сапогах болото. Трое верховых горцев уступили своих лошадей трем женщинам.

book3.indd 39 09.03.2010 17:36:11

Но я и Анаида Александровна отказались от этой любезной услуги, ибо сидеть с мокрыми ногами на лошади очень холодно, неприятно. Опасно в смысле простуды. Лучше идти пешком, согреваясь в движении. Так шли до девяти часов вечера, пройдя около 15-20 верст. С 7 часов дождь утих. Небо проясняется. Рассеялся и туман дождевой, обнимавший нас. Рассеялся и… – мы очутились вдруг на роскошных полянах огромной высоты лицом к лицу с крутыми горами у самой подошвы Эльбруса.

Выглянул и сам Эльбрус, такой величественный, сбегающими прямо на нас ущельями, тянувшимися к нам своей северо-западной стороной. Ведь он отсюда кажется почти одноглавым. В просвете разорванных облаков и туч, еще клубящихся вокруг его нижней громады, пламенеющий закат в лучах заходящего солнца. Эльбрус подавляет воображение своей могучей красотой. Внизу под его ногами темнеет лесистые ущелья с крутыми склонами, еще ниже переходящими в отвесные стены – верховья Худеса.

Забыты все невзгоды. И мы, любуясь чудесной панорамой, храбро шагаем по мокрой траве. Наконец открылась живописная котловина; на ней разбросаны бревенчатые балаганы с земляными крышами – коши Икяра. Остановились в одном из балаганов. Гурьбой втиснулись в тесную низкую дверь и… С такой же быстротой выскочили обратно наружу, задыхаясь от едкого дыма, наполнявшего балаган.

Но делать нечего: надо сушиться, отдыхать от трудностей ужасного перехода. Входим опять в балаган и располагаемся, плача и сморкаясь, около очага у прокопченной черной стены. Постепенно привыкаем к странной, первобытной обстановке коша. Развесили перед огнем свои мокрые вещи, платья, белье, согреваем озябшие ноги, не обращая внимания на дым, разъедающий глаза, на земляной, пыльный пол.

Вдруг заволновались наши хозяева, выскочили наружу. Там топот лошадей, громкие голоса, споры. Кто-то приехал. В дверь влезает, согнувшись, фигура молодого всадника с винтовкой и окликает меня. Мой ученик лекпом Хаджи-Мурат Кочкаров!..

Он только что прибыл с отрядом милиционеров из Учкулана, чтобы выручить нас. Два дня они искали нас на Бечесыне! Наконец-то!

Мы в восторге. Вычистили наш кош от грязи, посыпали землю золой. Развели огонь и еще больше наполнили помещение дымом. Сняли ботинки, чулки, носки, развесили все для сушки. Поужинали айраном с

book3.indd 40 09.03.2010 17:36:11

горячим кофе. Испекли лепешки из пшеничной муки. После и улеглись спать в наилучшем настроении.

2 августа

Дорога в Учкулан. Последний этап

Утром моросит мелкий дождь. Горы то открываются, то заволакиваются туманом. На западе и на северо-западе ясное небо. Ясные отдаленные цепи гор. Мы все верхом на хороших лошадях. Весь багаж на шести ишаках, плотно упакован и аккуратно навьючен. Тронулись в путь целой кавалькадой, сопровождаемые шестью вооруженными всадниками под командой Хаджи-Мурата.

Спуск с травянистых плоскогорий Бечесына в ущелье Худеса весь в лесу. Давно не были в настоящем лесу и потому с волнением смотрим на березы и сосны по склонам ущелья. Постепенно въезжаем в лесную чащу и круто спускаемся среди мощных деревьев. Лес большой. Шумят потоки, из которых составляется Худес, красный и мутный. По мостику переходим реку, взбушевавшуюся от дождей. Она стремительно несется кровяным потоком. Тропа наша идет вверх по ущелью вдоль берега реки в диком лесу. Ольха и орешник у реки; выше по склонам могучие сосны и березы.

Проехавши три-четыре версты по дну ущелья, начинаем крутой подъем по левому склону. Пересекаем чудесные альпийские поляны и вступаем в девственный хвойный лес. Тропа стремительно несется вверх, извиваясь по гигантским корням сосен в два-три обхвата. Березы исчезают, одни сосны. Я слезаю с седла и обнимаю стволы лесных великанов. Под ними молодая сосновая поросль. Так поднимаясь, все выше и выше в чудном сосновом лесу, выезжаем на небольшую котловину и рысью подходим к красивому горному озеру Хорлы-Кель*. Здесь часовой привал, пьем айран.

Красивое горное озерцо все окружено старым сосновым лесом. Великолепные стволы лежат повсюду в лесу, гниют и преграждают тропинку. Собирали грибы. От озера двинулись опять в гору. Скоро лес исчезает, уходит вниз, мы в полосе альпийских лугов едем по узенькой тропинке все выше и выше. Над головой камни и осыпи: под ногами жуткая круча склонов ущелья с лесами внизу. Местами страшно на скользкой тропе под мелким дождем.

* Хорлы-Кель – озеро Хурла Кел.

book3.indd 41 09.03.2010 17:36:11

Наконец и перевал, высшая точка пути, небольшой отдых. Карачаевцы слезают с лошадей, привязывают их к хвостам наших лошадей. Берут наших коней под уздцы и начинают отчаянный спуск по головокружительной скользкой тропинке в ущелье реки Сесь. Тропа зигзагами сбегает круто вниз под отвесными обрывами в лесу. Со всех сторон гремят ручьи. Где-то на дне грозно шумит река. Мне становится временами страшно при мысли, что лошадь поскользнется. Надо бы слезть с коня, по примеру карачаевцев. Но дает о себе знать усталость. Все едут молча, сосредоточенно. На лицах женщин наших серьезность. Кругом отвесные скалы, уставленные огромными деревьями. Из боковых ущелий несутся огромные потоки, на склонах сосны и березы.

Наконец с облегченным сердцем выезжаем на дно ущелья и едем по каменистой аробной дороге в зарослях барбариса, у самой реки. Ущелье расширяется, вдали видно горы. Это – Доутский* кряж уже за Кубанью. С волнением ожидаем увидеть нашу Кубань. Ущелье еще больше ширится, вливаясь в долину большой реки. Показываются отдельные домики. Это – Карт-Джюрт**. Вот, наконец, и Кубань блеснула своими извивами. Мы покидаем Сесь и вступаем, сворачивая круто влево, в долину Кубани. Останавливаемся над обрывом нашей реки. Общий восторг от созерцания широкой панорамы Верхней Кубани, развернувшейся вдаль и вширь. На правом берегу, куда мы вступили, построек мало. Но противоположный берег, склоны нависающих над ними гор покрыты правильно разграниченными площадками усадеб, покосов полей, огородов. Группы домиков, подобно хуторам, утопают в зеленых садах. Над ними красиво висят пирамидальные тополя. Склоны долины Кубани образованы очень высокими горами с редким лесом, сохранившимся вверху.

Проезжаем через Карт-Джюрт, через мост над кипящим Уллу-Камам, и стали подниматься по высокому берегу на широкую площадку административного центра аула Учкулан и всего Большого Карачая. Площадка эта при слиянии Учкулана с Уллу-Камом застроена общественными зданиями: аульное правление, школы, больница, амбулатория. Здесь шумно, людно. Группы всадников, среди них в толпе милиционеров «сам Алиев», случайно встретившийся с нами по дороге в аул.

* Доут – ущелье Дуууут (Даут).

** Карт-Джюрт – самый древний карачаевский аул Карт Джурт.

book3.indd 42 09.03.2010 17:36:11

Познакомились с ним. Молодой человек; лицо наглое, самоуверенное, ничего не выражающее. Величественно приветствовал нас с лошади, сказал, что о нас позаботятся, и уехал куда-то с конвоем всадников.

Долго стояли мы на площади среди толпы любопытных. Наконец нас отвели в две пустующие комнаты, квартиру учителей, находившихся пока в отпуске. Сели, отдохнули, умылись. Попили айрана, данного одним из всадников, нас сопровождающих.

Подошли к нам местный доктор Темирханов и инспектор двухклассного училища Байрамуков, очень славный старичок в очках. Они сообщили, что нас не ждет здесь никто, приюта для нас и нашей больницы нет здесь вовсе. Устроиться будет очень трудно. Продовольствие стоит больших денег. Вообще жить нам здесь будет очень тяжело.

Особенно неприятное, удручающее впечатление произвели рассказы доктора. Он русский, убежал сюда из-за каких-то соображений, работает недавно среди карачаевцев и ругает их на чем свет стоит. Уверяет нас, что это – разбойники, грабители, воры и нам грозит голодная смерть. Но я посмотрел на наших бравых женщин; вспомнил все, что уже пережито и решил, что «страшен сон, но милостив Бог».

Принесли кипящий самовар с чаем. Попили горячего чая с кукурузной лепешкой, доставленной откуда-то нашим славным Хаджи-Муратом, и легли спать. Страшно хотелось отдохнуть от ужасного спуска. Дрожали ноги, разбиты все члены. Спать!..

Глава 4

РАБОТА В УЧКУЛАНЕ РАЗВИВАЕТСЯ

3 августа

Второй день в Учкулане

Яркое, солнечное утро в горах, в нашем ущелье.

Выскочил во двор через окно, чтобы не беспокоить наших дам, спавших в соседней, прохладной для меня, комнате. Спустился к реке с мылом и полотенцем, оглядываюсь вокруг. Голые склоны горных громад, теснящих наше ущелье, далеко не однообразны. Скалы, острые гребни наверху; каменные осыпи на скатах. По ним ползают

book3.indd 43 09.03.2010 17:36:11

клочья облаков, скользят пятна теней. Ниже зеленые поляны покосов и полей, группы домиков верхних кварталов аулов.

Внизу кипят и грохочут две реки, справа и слева бегут навстречу одна другой и у развалин больницы сливаются в одну мощную реку – Кубань. Здесь ее место рождения из слияния Учкулана и Уллу-Кама. Кубань отсюда стремится прямо на север по широкой долине, залитой утренним солнцем. Шум потоков наполняет ущелье.

Пил чай у инспектора. Говорил с ним о нашем положении, о неизбежных здесь новостях («хапар»). Пришел после чая Хаджи-Мурат, и мы втроем осматривали помещение для нашей глазной больницы. Лучшее здание в Карачае, постоянная больница рядом со школой, но только внизу у самой реки Кубани. Она оказалась совершенно разгромленной во время гражданской войны, докатившейся и сюда. Прекрасное здание! Но в нем нет окон, дверей, оконных рам, груды мусора на полу, у разбитых печей, ужасная грязь. Работать в ней можно только после капитального ремонта, теперь невозможного.

Печальная картина современной разрухи. Даже в Учкулане под Эльбрусом сказалась она. Инспектор любезно уступил верх своей школы под нашу больницу. Осмотрели: можно кое-как приспособиться Я с Хаджи-Муратом осмотрел еще аптеку с ее приемной, где можно устроить глазную амбулаторию. Наши тем временем деятельно занялись стряпней, стиркой белья. В два часа был у нас мясной завтрак, а в шесть часов настоящий обед: суп и жаркое с соусом из грибов, вспомнилась мне моя родина, далекая Белоруссия.

Интересно происхождение мяса, которым кормились мы. Предисполком Алиев целый месяц здесь устраивает праздники для населения: свадьбы, скачки, съезды, собрания.

Праздники сопровождаются обильным угощением. Режут массу крупного и мелкого рогатого скота. По ходатайству Хаджи-Мурата из этой гетакомбы выделили без труда и нам, глазному отряду, пятнадцать фунтов.

День у меня проходит в разговорах с разными посетителями из местного общества. Славные люди приходят, поздравляют с приездом, слушают мой рассказ о путешествии из Краснодара в Учкулан. Обещают помочь при устройстве здесь и при этом расспрашивают, что творится на белом свете, особенно у нас в России. Скоро ли кончится разруха, от которой, оказывается, сильно страдает и Карачай. Еще этой зимой были

book3.indd 44 09.03.2010 17:36:11

здесь военные действия и Карачай вел борьбу с советской властью.

На вечер мы все были приглашены к доктору и его хозяину дома, очень симпатичному эфенди Биджиеву, где по пунктам обсуждали наше положение, особенно насчет продовольствия. Слушали даже граммофон, довольно неудачные пластинки. Пошлые романсы так не гармонировали с пережитыми впечатлениями, с видом горного мира в сгущающих сумерках, что я попросил прекратить игру.

Пили чай с обильным угощением и возвратились домой ночью по мокрым после дождя «улицам» Учкулана, перелезая через заборы, каменные ограды. Любезные хозяева провожали нас до нашей квартиры.

4 августа

Третий день в Учкулане

Чудное утро, солнечное, свежее. По склонам гор обрывки туч после вчерашней грозы. Шумит река, словно идет ливень. Сижу на ее берегу и вспоминаю вчерашний разговор с доктором, превратившим свою врачебную работу в торговлю, в «бакалейную лавку», по его же выражению, где главную роль играет не стетоскоп, а аршин и весы. Его взгляд на карачаевцев такой безотрадный. Неужели что-либо подобное может случиться с нами? Никогда! Тогда лучше уедем отсюда. Больше склоняюсь к мнению эфенди и надеюсь, что население будет судить нас по делам нашим. А дела наши от нас зависят.

Вот мы только поскорей устроимся с больницей, с амбулаторией! Но слово «скоро» здесь не существует, очевидно. Все смотрят на нас так, будто мы будем здесь в Карачае жить целую вечность, а не один месяц! А время идет. Приходят пациенты, слепые. Мы осматриваем их на дворе и говорим: вот приходите послезавтра; устроим в больницу, полечим, хорошо будет. А когда устроим? У карачаевцев любимое слово. «Тохта, тохта», – значит: «постой, подожди!»

Увы, современная смута ворвалась в Карачай широкой волной. Советская Автономия требует содержания постоянного правительства в Кисловодске с массой канцелярий, постоянных учреждений в аулах, милиции в 350-500 человек. Для этого нужны средства, люди, помещения и прочее. Алиев сейчас требует от населения 350 всадников с полным снаряжением для борьбы с контрреволюцией и бандитами. Население волнуется. У нас на площади перед больницей ежедневно со-

book3.indd 45 09.03.2010 17:36:11

брания. Шумят и спорят, толпы народа. Нашим отрядом вовсе не интересуются: не до него! А между тем сегодня приводили четырех слепых с катарактами, две ослепших от оспы. Было еще несколько больных.

Вечером явился доктор Темирханов и стращал разными разговорами о дикости местных нравов, о кровавой мести, об убийствах и грабежах, о том, что все мы помрем от голода. Наши волновались. Но будем надеяться, пока сыты. Галина Ивановна всю ночь пекла хлеб на дрожжах.

5 августа

Четвертый день в Учкулане

День радостный: сегодня открыли главную амбулаторию! Записали в приемную книгу двадцать больных, несколько осталось не зарегистрированными. С утра приготовили некоторые лекарства, вскрыли наши ящики. Надели белые халаты и заработались. Больные по одному приходят весь день. Бегаем в халатах из наших комнат в больницу, бегаем наверх в будущую операционную, где идет мытье пола и окон, двое готовят обед.

День с утра безоблачный, ясный. Воздух здесь удивительно прозрачный. После обеда совершили первую прогулку через Учкуланский мост на западный склон ущелья и по Картджуртской дороге под отвесными скалами над Кубанью дошли до первых кварталов аула Эльбрус. Как всегда, Наталья Федоровна и Вера Михайловна шли отдельной парочкой. Мы с Анаидой Александровной и Якубом шли втроем. Славный человек Якуб, наш сосед по комнате, молодой учитель здешней школы. Очень милый, увлекающийся наукой и литературой, мягкий, застенчивый. Он нам очень много помогает в работе в качестве добровольца-переводчика. Сегодня обедали вместе с ним. Собрали на прогулке щавеля на завтрашний обед. Грибов не нашли. Наш славный Хаджи-Мурат вдруг принес нам большой кусок мяса. Продовольственный кризис пока миновал. А хлеб Галины Ивановны очень вкусный! Очень быстро съели его.

6 августа

Ясное, безоблачное утро. Встанем, как обычно, в восемь часов утра по советскому времени (в пять часов тридцать минут, по солнцу), когда в нашем ущелье нет солнца. Оно появилось на нашей площадке только в девять часов утра. Дальше спать нельзя, ибо мы спим на голых досках: кто на полу, кто на топчанах. Очень жестко, болят кости. Привыкаем.

book3.indd 46 09.03.2010 17:36:11

Утро заполнено хозяйством, особенно Галина Ивановна и Анаида Александровна. Галина Ивановна печет опять хлеб, да еще пирог с начинкой на завтра (воскресенье, именины Анаиды Александровны).

Работает она с закваской, с ночи, вся в муке, в тесте, «Золушкой», как она говорит. Мария Ивановна с утра после тщательного туалета перед зеркалом, в белом халате, аккуратно подобранном, наблюдает за уютом и порядком в своем девичьем углу. Анаида Александровна летает, мелькает во всех направлениях. То с ведром от источника, то с маслом от инспектора. Моет, чистит, устраивает, олицетворение хозяйственности, деловитости, заботы о хлебе насущном. Вера Михайловна мечтательно метет пол, стараясь завязать по пути разговор с Натальей Федоровной, имеющей вид милой nonchalante. Словом, обычное наше утро.

После амбулаторного приема сделали десять глазных операций, первые глазные операции в истории Карачая, из них пять экстракций катаракты. Очень много суетились и волновались. Но все прошло благополучно. Были страшно рады и веселы. Оперированных до вечера держали в особой «палате». Женщин оставили ночевать.

Вечером был в гостях у нас Ильяс Магомедович Байрамуков. Инспектор, наслаждался белым пшеничным хлебом Галины Ивановны.

7 августа

Воскресенье. Ясное, безоблачное утро. Весь день жаркий, солнечный. Сегодня Анаида Александровна именинница. Я ее поздравил от себя и от Нины Максимовны поднес ей подарок. Маленький дисбаланс вносит весь день поведение Веры Михайловны. Она с раннего утра залегла в постель, повернувшись лицом к стене, и так провела весь день, молча, неподвижно. Молчит, и не знаешь: больна ли она или просто нервничает? Но мы все остальные в хорошем настроении. Наш маленький праздник уносит мои мысли на север, где, не зная о нем, проводит лето Нина Максимовна.

Утром обычный амбулаторный прием, перевязка оперированных больных. Ранний обед: куриный суп с пирогом, жаркое из баранины, айран. После обеда в путь: прогулка через Карт-Джюрт на ближний нарзан. Отправились с Яшей (Якубом) все, кроме Веры Михайловны и Марии Ивановны, у них болят ноги. Интересная прогулка по окраине Салпагаровского квартала Карт-Джюрта. Подъем по ущелью Кая-суу по

book3.indd 47 09.03.2010 17:36:11

Джазлыкской тропинке. Вот и нарзаны, углекисло-железистые холодные ключи в теснине под обрывом скал. На обратном пути Яша привел нас к своим богатым знакомым в ауле, где нас угостили великолепным айраном, маслом и сыром с пшеничными лепешками. Славные хозяева угощали нас на славу, так что мы возвратились домой к семи часам вечера.

А вечером около амбулатории нас ожидала толпа больных, человек двадцать. Мы приняли их при содействии Ильяса Магомедовича и Магомета Кочкарова. Он недавно приехал из Кисловодска в Учкулан. В сумерках пришлось принять приглашение к богатому карачаевцу Абаеву. У него великолепный, европейского типа дом, в верхнем, Эркеновском квартале Учкулана. Перешли через мост и стали подниматься по Эпчикской* дороге. С нами были Магомет Кочкаров и Ильяс Магомедович с сыном. Отсюда чудный вид на Эльбрус в шапке литого золота при закате солнца.

В гостях посмотрели трех пациентов из семьи хозяина и сели ужинать. Нас поразила европейская сервировка стола, великолепная посуда, превосходный сахар-рафинад, которого мы давно не видели в Краснодаре. Ужин был чрезмерно обильный и вкусный. Мне очень понравился напиток вместо вина, такой освежающий: айран с медом, к нему пшеничные пирожки. За ним следовала жаренная на вертеле баранина с соусом. Запивали ее фруктовым квасом. Наконец чай со сладкими пирожками.

Говорили о помощи нашему отряду, о первых успехах, о будущности его. Еле добрались домой в один час ночи. Так именины Анаиды Александровны прошли весь день в разных съедобных излишествах и закончились очень сладко.

8 августа

Ясный, безоблачный день, все утро занято приемом больных в амбулатории и главным образом операциями.

Сегодня провели одиннадцать операций, из них восемь извлечений катаракты. Обстановка в «операционной» во время операций невероятная. Пациенты спокойно, доверчиво ложатся на огромный, канцелярского вида стол. Около стола мы, врачи и медики в белых халатах. Тут же белоснежная Мария Ивановна со своими инструментами. А поодаль сплошная стена горцев в папахах, в черкесках, даже в бурках;

* Эпчикской – правильно: Ыпчыкской (перевал).

book3.indd 48 09.03.2010 17:36:12

смотрят напряженно на все творящееся, следят за нашими движениями с изумлением, детским любопытством. Извлеченная катаракта демонстрируется всем. Вытягиваются шеи, блестят глаза, глухой ропот одобрения. А когда слепой больной после операции считает, уже пальцы видит!.. Громкие восклицания восторга и хвалы в наш адрес.

И среди этих наблюдателей первый – завздравом Магомет Кочкаров. И у него на лице я читаю, как в книге, черты недоверия, изумления, одобрения и восторга, сменяющие последовательно друг друга. Но где тут антисептика асептика, строгие нормы операционной, ухода за оперированными и так далее? Асептика есть в инструментах, перевязочном материале, в наших руках; отчасти в операционном поле.

Но весь этот огромный школьный зал, превращенный в операционную. Но вся эта толпа горцев, только что слазивших с лошадей, только что приехавших с кошей? Но вся эта масса женщин в длинных платьях, никогда не меняющихся, усевшаяся на пол около своих оперированных родных с айраном, сыром, пышками? Как все это бесконечно далеко не только от клинической обстановки, но даже от обстановки домашней… Невольно вспоминаешь, что здесь восток, когда слышишь при каждой операции восклицания: «Аллах, Аллах!» Вспоминаешь и Пушкина, его «Подражания Корану».

«Творцу молитесь;
Он могучий:
Он правит ветром, в знойный день
На небо насылает тучи.
Дает земле древесную тень.
Он милосерд:
Он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да примечет и мы по свету
И да падет с очей туман….»

Падает туман с очей слепых карачаевцев на нашем операционном столе. «Велик Аллах!» – несется по рядам рокот одобрения и восторга.

Постепенно упорядочивается наша работа. Особенно хороша Мария Ивановна, взявшая на себя операционную и стройно ведущая свою работу. Бедная Галина Ивановна больше занята кухней. Мы все

book3.indd 49 09.03.2010 17:36:12

очень любим хлеб, которого в Карачае вовсе нет. Но у нас есть мука. Вот Галина Ивановна все время по ночам печет его, а мы его быстро проглатываем. «Крокодилы», – говорит она про нас.

Вечером ходили любоваться Эльбрусом, великолепно замыкающим ущелье Хурзука. Он так поразительно меняет цвета и оттенки: то белый, то золотистый, то оранжевый, красный, багровый и, наконец, бледно-лиловый, когда солнце совсем закатилось.

9 августа

День внутреннего кризиса

Ясный, солнечный день. Утро, как всегда, холодное, с обильной росой.

Умываюсь в Учкулане холодной водой. Утром вдруг Вера Михайловна заявила мне, что она уезжает! Сначала отмалчивалась, когда я попросил ее изложить причины такого неожиданного решения. Потом немного объяснилась:

«Она здесь лишняя. Обойдутся в работе без нее. Внутреннего единения между членами отряда нет вовсе. Если бы тут была просто студенческая компания, то можно было ужиться. А то…» – и умолкла.

Я всегда считал, что шесть человек – слишком много для нашего глазного отряда. Но одна из целей нашего отряда, нашей поездки в эти горные трущобы – обновиться физически и духовно в единении с величественной природой Кавказа, поправиться в хорошем климате, отдохнуть слабым и утомленным. – Все это я сказал Вере Михайловне.

Далее, я сказал, что окулистическая работа не есть conditio sine crua non для пребывания в отряде; что, если Вера Максимовна вовсе не будет появляться в перевязочной, операционной и амбулатории, но зато будет отдыхать, гулять по горам и таким образом укреплять свое здоровье, физическое и душевное, то я считал бы, что она поступает великолепно. Некоторые внутренние трения неизбежны в такой компании, как наша, подобранной искусственно и сжатой в тесное пространство… Не помню, что еще говорил. Но говорил вполне искренно, от души. Сути наших разногласий и своего недовольства она, конечно, не высказала. Но я стал догадываться, особенно после разговора с Галиной Ивановной и Марией Ивановной.

«Корень зла» – это Анаида Александровна с ее хозяйствованием в отряде. Им всем очень не нравится императивный тон ее во всех делах, ее обязательные распоряжения, директивы и замечания. Еще во время

book3.indd 50 09.03.2010 17:36:12

кисловодской жизни она задела Веру Михайловну и Галину Ивановну и тем внесла разлад в нашу окулистическую семью. Тут и в домашнем хозяйстве, и в больничном деле она берет на себя роль хозяйки и говорит со всеми, кроме меня, тоном властным и очень резким; «мы все медики – люди интеллигентные, почти врачи, служили врачами, знаем такт», а Анаида Александровна совсем бестактна. Каждый реагирует на ее поведение разно. Наталья Федоровна, в общем, спокойно, хотя и негодует. Галина Ивановна пережила уже «кризис» на Бечесыне, когда хотела пешком возвращаться домой. Мария Ивановна знает Анаиду Александровну еще со времени работы в Краснодаре и равнодушна к угловатостям ея характера. А Вера Михайловна с ея самолюбием и независимым характером не желает подчиняться и мириться.

Так выяснилось из разговоров. История печальная, но старая, вечная. Вспоминаю свои прежние глазные отряды: и там было неладно, особенно когда членами отряда были женщины. Мое положение трудное, ибо Анаида Александровна, довольно резкая ко всем прочим, по отношению ко мне ужасающе предупредительна и внимательна: ухаживает за мной, кормит, поит, подает лучшие куски, наливает лишний стакан, накладывает лишний кусок сахара и так далее.

Я не раз протестовал, раздражался. Но не помогает. А поставить вопрос резко и повелительно, не хватает духа, будет неприятность, новый инцидент. Ничего с ней не поделаешь, таков уж ее характер. Она и дома такова; на ней лежит большое хозяйство, она привыкла распоряжаться в своей семье и эти привычки переносит сюда.

Как же быть? Положиться на волю Божью и дожить кое-как до конца. Ведь и жить-то вместе осталось не так уж много, всего три, четыре недели. Попытался умиротворить нашу публику.

К вечеру Вера Михайловна спокойнее. Вот отчего она в день именин Анаиды Александровны весь день пролежала в постели! В сущности, я очень ненаблюдательный и недогадливый человек, когда дело идет о людских отношениях, особенно в женских делах. Кручи гор, шумят горные потоки, такое ясное небо! На вечерней заре пламенеет Эльбрус, и холодный ветер с гор умиротворяет, охлаждает всякие страсти. Как-то не замечаешь из-за природы разных людских несогласий.

«Внутреннего единения нет среди членов отряда», – говорит Вера Михайловна. Да разве не объединяет нас всех общее счастье единения

book3.indd 51 09.03.2010 17:36:12

с природой Кавказа, восхищение ее красотами, глубокие мысли от созерцания величия горного мира?..

«Среди красот ликующей природы
Я чувствую порой,
Что близко, близко счастье трепещет
Незримо предо мной.
Когда звучат согласные напевы,
Я сердцем их ловлю,
И кажется, так близко и возможно
Все то, что я люблю…
А здесь такие согласные чудесные напевы!…»

10 августа

Яркий, безоблачный день

Утром сделали тринадцать операций, из них семь извлечений катаракты и одна пластинка нижнего века с пересадкой кожи с плеча. После операций сели в тачанку, отпущенную нам одним пациентом, и поехали на «Рудник Эльбрус» втроем: я, Анаида Александровна и Яша. Дорога на север вниз по долине Кубани через аул Карт-Джюрт по пыльной и каменистой колее. Красива сама бурная Кубань, подходящая вплотную местами к самой дороге, пенящаяся и подмывающая берега. – По берегам высокие горы, зеленеющие внизу полянами, покосами, а выше – сосновыми лесами.

Не доезжая рудника, дорога переходит в ущелье, долина Кубани переходит в теснину. Горы падают к реке отвесными обрывами с соснами на карнизах скал и между ними. Сам рудник – картина безнадежного разорения большого, некогда цветущего предприятия, серебросвинцового рудника. Работы на руднике нет. Все спит, но не спит разгром. Постройки разваливаются, растаскиваются по бревну, по кирпичу, по железным листам на оголяемых крышах. Не получая содержания ни от бывших владельцев завода, ни от Карачаевского Правительства, не знающего, что делать с этим предприятием, инженеры заняты изготовлением из материалов завода разных вещей на продажу карачаевцам, чтобы прокормиться. Из железных крыш делают ведра, железную утварь. Из мощных частей молотки, топоры, косы.

Познакомились с управляющим инженером К-вым и инженером

book3.indd 52 09.03.2010 17:36:12

Т-вым. Производят впечатление обычных в наше время интеллигентов-специалистов. Напуганы борьбой за существование, большевизмом. С вожделением мечтают о перемене власти, о прежней сытой жизни. Жадны до соответствующих «новостей» и разных сплетен. И под этими наслоениями не докопаешься до сущности их души, словно замерли все интересы культурного человека.

Показать рудник они не могли за поздним временем. Приглашали приехать в другое, более раннее время. Выпили по стакану молока, и обратно. Меня очень растрясла каменная дорога, одолела усталость. А вечером дома ждали Магомет Кочкаров с Ильясом Магомедовичем. Долго разговаривали, пили чай, так что заснуть удалось только в один час ночи. А очень хотелось почитать! Достал вчера разные книги у Ильяса Магомедовича. У него прекрасная библиотека русских и иностранных (в переводе) классиков. Взялся за «Отверженные» В. Гюго.

Глава 5

РАБОТА В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ

11 августа

День солнечный, ясный

Утром после чая ездил верхом за четыре версты в дальний квартал Учкулана к Айбазову. Там осмотрел десять больных вместо одного старика, страдающего катарактой. Угостили айраном, медом, маслом.

По возвращении домой – большой прием больных, ибо день базарный. Приняли всего с повторными свыше ста человек. Интересен и базар в Учкулане. Базарной площадью является склон нашей административной площадки к реке Уллу-Кама возле самого моста. Здесь собираются жители всех трех больших аулов Большого Карачая, почти сходящихся в этом своими крайними кварталами: Учкулана, Карт-Джюрта, Хурзука.

Прямо на земле, на камнях, рассаживаются продавцы со своим товаром: женщины с тремя, шестью, девятью яйцами, с чашкой черники или земляники, с блюдечком творога или масла, с кумганом айрана. Мужики с бурдюками того же айрана. Между сидящими расхаживают

book3.indd 53 09.03.2010 17:36:12

покупатели и продавцы войлочных шляп, бурок, горского сукна, вязаных платков, тут же кричат продажные бараны, куры. Поодаль, ближе к реке, над зеленой топкой от ключей лужайке, пасутся оседланные лошади приезжих. На берегу реки, на разосланном коврике правоверные в положенный час совершают намаз. Множество праздно любопытствующего люда толпится на базаре, слоняясь по тесной площадке. Толпу прорезывают арбы с волами, спускающиеся к мосту из Учкулана или направляющиеся от моста в нашу сторону из Хурзука, из Карт-Джюрта. Базар недолог. К двум, трем часам дня толпа редеет. Затихает многоголосый шум людской массы. И вечером площадь базара совершенно пуста. Сегодня обедал у нас Магомет Кочкаров. Он сообщил о вчерашнем постановлении Учкуланского Исполкома. Решено продовольствовать за счет состоятельных пациентов, главным образом оперируемых. За каждую операцию что-то вроде барашка! Каждый подлежащий операции должен быть направлен в Исполком, где ему дадут билет после уплаты гонорара. И только с такой бумагой от исполкома мы вправе делать ему операцию! Замечательно мудрые администраторы! Я отверг этот нелепый план.

Пришел доктор Темирханов и просидел с Кочкаровым до девяти часов вечера. Утомили они нас всех. Зато вечером появился Г.С. Медякин из Нового Доута и произвел на нас всех хорошее впечатление прямотой, бодростью настроения. Рассказывал много интересного про Теберду. Развивал свои планы колонизации Старого жилища. При Царском Правительстве он был инспектором народного учреждения Баталпашинского отдела, куда входил «Карачай». Он очень много сделал для просвещения карачаевцев. И прекрасные школьные здания во всех аулах Карачая в значительной степени дело его рук. Он очень популярен в Карачае.

После революции он, как видный чиновник старого режима, оставил службу и занялся общественной, культурной работой в роли кооператора-инструктора.

Чудная лунная ночь! Я занял свое обычное местечко на каменной ограде над обрывом к Уллу-Каму и долго смотрел и слушал. Освещенные луной горные громады принимают фантастический вид. Лунные тени в расщелинах и ущельях сияют черными провалами. Речная пена отливает серебром, и горные потоки кажутся струящимся расплавленным металлом. Но особенно прелестна ночная симфония бегущих вод. В за-

book3.indd 54 09.03.2010 17:36:12

висимости от направления ветра она меняется. С ледников Гондорая несется холодный воздух вдоль ущелья Учкулана, и Учкулан ведет мелодию, ему вторит Уллу-Кам, а к их напевам присоединяется отдаленный гул убегающих на север валов Кубани.

Так бы и слушал всю ночь! Но холод становится слишком ощутимым. Надо идти спать. А наши женщины долго не ложатся. Они прогуливаются в лунном свете на площадке перед школой. А Галина Ивановна всю ночь не спит: печет нам хлеб. В школе на втором этаже спят наши больные.

12 августа. Пятница

Ясный, солнечный день. Безоблачно. Небольшая амбулатория, какое-то затишье в работе. Или это влияние мусульманской пятницы? Но перевязки оперированных больных показывают большое количество бывших операций. В приемной же больных мало. Унылое однообразие болезней. Все одна и та же «карачаевская болезнь глаз», да пятна и бельма в роговицах.

Больные все еще не привыкают к определенным часам: приходят в любое время дня и просят посмотреть глаза на улице, во дворе, часто в наших комнатах.

Последние три дня изобилие продовольствия. Шидаков после энуклеации прислал барашка; уже заканчиваем его. Второй барашек, присланный эфенди Биджиевым, пока еще жив; но ждет своей участи. Есть живая курица. Вообще много мяса. Приносят яйца, молоко, масло, сыр. Приносили даже малину и сливы. Сегодня имеем полчашки бруснички. Кушаем обильно; с нами кушает и Яша. Такая роскошь – результат стараний нашего доброго Ильяса Магомедовича и Яши, внушающих больным, что нам надо помогать продовольствием, ибо мы не получаем жалования и денег не имеем.

Оба они помогают нам и в качестве переводчиков. Посмотрел бы кто-либо из наших окулистов Москвы, Ростова на нашу амбулаторию! Недисциплинированная толпа набивается в нашу комнату-приемную. Очереди никакой. Все галдят и смотрят с любопытством, тут и больные и здоровые. С больными – родственники. Страшный кавардак!

В комнате духота невероятная. Открытые окна не впускают воздух, ибо и они забиты огромными фигурами в бурках с кнутами, в папахах. Отпущенные пациенты, получившие свою порцию капель, ма-

book3.indd 55 09.03.2010 17:36:12

зей в глаза, не уходят, особенно женщины. Они садятся на корточки на пол вдоль стен. Надо почти насильно извлекать их наружу, чтобы дать место другим. Шум нарастает. Но весь шум покрывает громовой голос Ильяса Магомедовича, объясняющего больным по-карачаевски наши наставления-предписания; что принести для операции из одежды, постели, как вести себя при этом. Наши члены отряда в своих халатах теряются в море карачаевцев.

Пытаемся наладить очередь, выпроваживаем посторонних, но трудно! Волна сама вдруг исчезает, и становится пусто. Запираем приемную, уходим. Но через четверть или полчаса надо идти опять, ибо собирается новая толпа, предвестником которой оказывается какой-либо пациент, встретивший нас на улице. Встаем в восемь часов утра, пьем чай в десять часов. Завтракаем после операций или амбулаторного приема в два часа. Обедаем в пять часов, ужинаем в девять часов тридцать минут или в десять часов.

Квартира наша плотно закреплена за нами. Сегодня Вера Михайловна и Наталья Федоровна перешли в соседнюю комнату-кухню в этом же доме с отдельным ходом, так что мы разместились сносно. Правда, постели очень плохие. Только у меня одного кровать с матрасом. Все наши женщины спят на голых досках без матраса, кое-чем покрытых. У Галины Ивановны синяки на боках и на спине от такого ложа.

Внутренняя жизнь налаживается, «кризис» пока миновал. Нет речи о бегстве из нашей маленькой комнаты. Притерпелись друг к дружке, сделали взаимные уступки и живем. Даже смеемся за обедом за чаем. Надеюсь, что проживем так до конца работы и даже без особенно дурных воспоминаний о проведенных в Учкулане днях.

Лично о себе не пишу. Было бы слишком интимно.

Думаю, что этот дневник будут читать другие, и потому о своей персоне умалчиваю. Живу в мечтах и фантазиях, где дорогое прошлое сплетается с настоящим; строю образы будущего. Часто находит грусть-тоска от неудовлетворенности желаний, от недостижимости того, чего душа желает. К несчастью, работы слишком мало, чтобы потопить в ней личные чувства и настроение.

Как хорошо, что набросился на В. Гюго «Отверженные». Она часто отвечает моему настроению, эта книга. «Как будто без любви есть

book3.indd 56 09.03.2010 17:36:12

в мире что-нибудь?..» Фет. Вот эпиграф к этой замечательной книге. Ужасно хочется временами послать письмо. Но письмо скоро не дойдет. Раньше мы возвратимся обратно. Вероятно, от невозможности высказаться в письме попадает кое-что лишнее в этот сухой, деловой Дневник глазного отряда в Карачае.

13 августа

Ясный, абсолютно безоблачный день

Везде предпраздничное настроение: предстоят дни праздника Курмана. Больные все время откладывали операции на «после праздника». И, тем не менее, сегодня было двенадцать операций.

Ровно неделя как начали оперировать, и уже сделано сорок шесть операций (двадцать две катаракты). Как-то веселее на душе, словно что-то сделали. А то все тревожит мысль, что напрасно живем здесь без пользы для народа. Анаида Александровна все время грустная. Воображаю, как ей тяжело чувствовать оппозицию против меня. Хотя мы и объяснились и живем вместе, однако внутреннего единения, единственно ценного, нет у нас. Живем, вместе работаем; никто не собирается уезжать, но… живем врозь.

Публика наша внешне весела, смеется, танцует при луне. Но это внешность, не больше. Что же делать мне? В другой раз, когда придется организовать отряд, поедем в ином составе, меньшем и более дружном. Я взял много народа, просто желая дать возможность отдохнуть среди природы усталым и больным. Получилось неладное.

Воспользовался оказией в Кисловодск, написал письмо Нине Максимовне. Наверно не дойдет оно вовремя до Константиновки.

Но теплится надежда: авось дойдет! Очень хочется поделиться своими мыслями и настроением. Вчера долго сидел на берегу Уллу-Кама, глядя на вздымающиеся, пенистые волны реки, стремительно несущиеся на север, к знакомым берегам. Глядел и читал «Отверженные». Замечательное место:

«Быть слепыми и любить является в земной жизни, где нет ничего совершенного, одной из самых необычайных и прекраснейших форм счастья». Читал и поверял свои мысли волнам реки, авось донесут скорее, чем письма, по желанному адресу: «Высшее счастье жизни созна-

book3.indd 57 09.03.2010 17:36:12

ние, что ты любим; любим из-за собственного «я» или лучше сказать, несмотря на это собственное «я».

Это сознание достается на долю слепых. При подобном несчастии всякая услуга равна ласке. Нуждается ли слепой еще в чем-нибудь? Нет. Слепота не имеет значения, когда пользуешься такой любовью. И еще какой любовью! Любовью всецело проникнутой добродетелью. Не может быть никакой слепоты там, где есть уверенность. Душа ищет ощупью другую душу и находит ее. И та найденная душа – душа женщины. Вас поддерживает рука – это ее рука. Вашего лба касаются уста – это ее уста. Вы слышите около себя дыхание – это ее дыхание. Получать от нее все, начиная от поклонения и кончая состраданием, никогда не быть покинутым, иметь защиту в этой кроткой слабости, опираться на этот непоколебимый тростник, прикасаться руками к этому провидению, иметь возможность обнять его, Боже мой, какой это восторг! Сердце, это загадочный небесный цветок, распускается в своей таинственной красе. Подобный мрак не уступишь и за весь свет» (В. Гюго).

Подобные мысли часто приходят мне в голову, когда принимаешь неизлечимо слепых. Их так много проходит перед моими глазами! Надо видеть их отчаянье, надо понять всю глубину его, когда произносишь нетвердым голосом свой приговор: слепа на всю жизнь, неизлечима. И мне всегда казалось, что причина этого вопиющего к небу отчаянья, этой беспросветной точки у слепых сознание полной отрезанности и покинутости, не физической (это еще не беда!), а душевной. Вместе с уходящим зрением грозно нарастает это одиночество. И нет места ему, когда есть любовь, наполняющая опять всю жизнь слепого светом.

После обеда решили подняться на перевал «Карачай-Ауш» или малый Эпчик, ведущий из Учкулана в соседнее ущелье реки Доута. Собирались, конечно, все. Но пошли, в конце концов, мы трое: я, Анаида Александровна и Яша. У остальных оказалась плохая обувь. Вышли в четыре часа и медленно поднимались по каменистой тропе, среди живописных скал по балкам, любуясь все время Эльбрусом, выступающим к небесам все выше и выше. Славное местечко в ущелье с многочисленными родниками, пробивающимися среди кустов барбариса и крыжовника. При подъеме все больше развертывались наши соседние ущелья, обнаруживаются новые горные цепи. Выше за группой деревянных заброшенных кошей подъем стал труднее. Перед крутыми

book3.indd 58 09.03.2010 17:36:12

последними зигзагами нас догнали верховые, один из них уступил свою лошадь Анаиде Александровне. Она на лошади первой достигла перевала. Я же добрался последним по извивающейся тропе с огромным трудом, с одышкой, ежеминутно отдыхая. Выручил меня Яша, купивший по дороге черники и брусники у проходивших мимо детей. Я пригоршнями ел чернику и немного отдохнул.

Вид с Эпчика поразил нас своим величием и красотой. Весь восток занят массивом Эльбруса, пылавшего золотом в лучах заката. Он мощно поднялся над всеми горами и выступал далеко, открывая лишенное снегов основание, по которому сползали два больших глетчера в ущелья Уллу-Хурзука. Эти ущелья развернулись во всю ширь и глубь. Окружающие Учкулан горы оказались последовательными отрогами западных хребтов Эльбруса. Далее к северу от Эльбруса приглянулась зеленая, ровная полоса – плато Бечесына, столь нам знакомого. На юг протянулась от Эльбруса, от гигантского обрыва на его юго-западном склоне, снеговая цепь.

Махарское ущелье с Эпчика не видно; оно закрывается ближними к перевалу вершинами. Зато на востоке под нашими ногами «глубоко внизу черная трещина, как жилище змея» открылось ущелье Доута, с аулом и дорогой к Теберде на противоположном склоне. Горы над Доутом кажутся отсюда отвесной исполинской стеной, пробитой по середине отверстием, откуда вылетает мощный поток и серебряной полосой слетает вниз. Детали ущелья разобрать удалось только тогда, когда солнце зашло за горы и перестало ослеплять нас своими косыми лучами. Отдохнули на перевале 10-15 минут, после хлеба с сыром и – поскорее в обратный путь.

Догорала вечерняя заря. Эльбрус менял свои краски и, наконец, стал лиловым, синим, потухая. Снова загорелся он, когда взошла полная луна. Мы быстро, без передышки спускались вниз перед наступающей ночью. Отдохнули только на прежнем месте, у ручья под барбарисовыми кустами, где напились воды и вымыли черные от черники руки и губы. Пришли домой в одиннадцать часов тридцать минут ночью, и застали все наше общество за горячим самоваром, которому очень обрадовались.

book3.indd 59 09.03.2010 17:36:12

14 августа

Воскресенье

Ясный, безоблачный день. – Праздник Курман. Больных почти нет, только восемь человек повторных. После перевязок оперированных больных, весь день свободный. Провели его в чтении, в посещении Ильяса Магомедовича. Вечером поднимались на покрытый соснами склон горы к востоку от Учкулана. Когда-то здесь, еще совсем недавно, был могучий хвойный лес, доходивший почти до самого аула. Он считался общественной собственностью, порубки в нем были запрещены.

Во время революции все понятия здесь спутались. Объявлена была война всему казенному, общественному. Все стремились пользоваться общественным достоянием. И лес подвергся жестокой атаке. Весь аул устремился на захват его. Началась спешная безжалостная рубка вековых сосен. Магомет Кочкаров рассказывает, что за все время гражданской войны, за время боев с Советской властью погибло народа меньше, чем в борьбе с лесом. Каждый валил облюбованные деревья, не обращая внимания на соседа. Гигантские стволы на кручах летели вниз, увлекая камни, сдирая дерновой покров. Люди убивались, ломали себе руки, ноги.

Содравши с крутой горы лесной и дерновой покров, оголили камень. Дождевые потоки докончили это печальное дело; и сейчас кварталы Учкулана, расположенные у подножья этой горы, заносятся камнем. Прекрасные покосные лужайки, где была роскошная трава, уже засыпаны ею.

Добытый лесной материал валяется теперь во всех кварталах ненужным добром. Исполинские стволы лежат по границам квартальных участков в качестве забора! Из таких стволов сложены сакли; ими «настлан» потолок. А на потолке полуаршинный слой земли с аршинной травой, цветущей, как на лугу. Гниют бесполезно «питомцы столетий» в оградах загонов для скота, в саклях, повсюду под дождем.

На обратном пути попали в гости к одному пациенту, потом – к Магомету Кочкарову, где опять оказалось обильное и тяжелое карачаевское угощение: колоссальные, величиной в тарелку, горячие пирожки с начинкой (хычын). – Знакомились с местной кухней, обычаями.

Наблюдали свадебный поезд, когда взяли невесту в сопровождении

book3.indd 60 09.03.2010 17:36:13

кавалькады верховых с выстрелами, с шумом, гиканьем. В лунный вечер на пороге Кочкаровского дома в ожидании ужина глядели на Эльбрус и слушали рассказы Ильяса Магомедовича о местных нравах и обычаях.

15 августа

Ясный, безоблачный день

Полагали, что из-за праздников вовсе не будет операций. А сегодня набралось их целых одиннадцать, из них девять извлечений катаракты. И амбулатория была порядочная. Работали с десяти часов утра до трех часов дня. Особенно хлопотливо было в операционной! Катаракта требует к себе особенного внимания.

С утра масса подношений! Уже имеются у нас две живых барашки, пол-бараньей туши и четыре бараньих задних ноги! Приносят масло, яйца, айран, сыр. Вспоминается, как местный доктор Темирханов пророчил нам скорую смерть от голода здесь в Карачае... Помимо съестного, Галина Ивановна получила в подарок и обувь.

Сегодня не могли использовать нашей провизии, ибо опять получили приглашение на обед в Биджиевский квартал, и обеда дома не готовили. Отправились за два с половиной километра пешком вместе с Ильясом Магомедовичем к родителям его приемного сына Асхата. Опять пироги с начинкой, плавающие в масле, айран... Наелись так сильно, что решили прогуляться в открывающееся тут же ущелье Учкулан-Су*. Красивое тесное ущелье с каменными россыпями на склонах внизу, с сосновым лесом повыше, со стремительной бурной речкой на дне – замыкается скалистым хребтом с пятнами снега. Долго сидели на огромном камне, поперек запрудившем русло речки. Под ногами кипела вода, билась о каменный барьер и каскадом мчалась в боковой проход между обломками скал.

По возвращении с прогулки заканчивали обед: жаркое из баранины, айран и чай. К вечеру к одиннадцати часам были дома и отдыхали перед сном от сытного обеда на камнях, шумели реки, налетал свежий ветер из Учкуланского ущелья.

* Учкулан-Су – правильно: Учкулан суу (река Учкулан).

book3.indd 61 09.03.2010 17:36:13

16 августа

Ясный, солнечный день, как все предыдущие. Проходит ровно, однообразно, без происшествий и «событий». Утром и днем прием больных в аптеке-амбулатории и на дворе, где нас ловят пациенты, не привыкшие к правильным часам приема. – Перевязки оперированных. Поздний (в семь часов советского времени) обед из бараньих котлет. Чтение В. Гюго в промежутках.

Сегодня у меня раздражительное настроение. Возмущает хулиганство среди молодежи, грязь и неряшливость наших больных. Мы сидели в саду у Ильяса Магомедовича, и в нашем присутствии два милиционера перелезли через ограду. Ломали деревья, рвали неспелые абрикосы, вырывали капусту, безобразничали. Отзвуки разрушения понятия о собственности в Карачае. Начинаю раздражаться… Этому способствует и домашняя обстановка, довольно напряженная…

17 августа

Ясный, солнечный день

С утра захватила и увлекла работа, рассеяла все дурные настроения и унесла куда-то в даль, в даль туманную, отрадную, полную светлых призраков. Восемнадцать операций, из них десять катаракт, в присутствии районного предисполкома, зав. здравотделом! Состояние напряженное, но деловое, бодрое и радостное. Много суеты; но зато хорошо. Начали в десять часов тридцать минут утра и окончили в четыре часа амбулаторией.

Операции протекают пока хорошо, без осложнений. Сегодня интересный случай ракового новообразования, перешедшего на склеру. Пришлось сделать энуклеацию. И после операции осложнений мало; пока только один случай инфекции, хотя больные валяются на полу во всем своем «платье», на войлоках, на шубах, накрывшись своим тряпьем с массой насекомых. Удивительно, что больные ложатся в такую «больницу» очень охотно; и никак не выживешь их отсюда.

Кладем на два, три дня; а выпроводить удается через неделю. Весь пол занят больными. Поэтому сегодня с Магометом Кочкаровым осмотрел два огромных пустых класса рядом с нашей квартирой. Они страшно загрязнены, как водится во всех общественных зданиях; без стекол окна, печи разрушены. Завтра с утра Маруся вымоет их, вычи-

book3.indd 62 09.03.2010 17:36:13

стит. Будем открывать глазную больницу без кроватей, без белья, без мебели, без посуды, без окон!

Наши говорят мне: «поздно, скоро уедем!», но бог знает сколько времени пробудем здесь. Может быть, и три недели? А если наплыв больных будет большой? Лучше проработать последние дни в лучших, более гигиенических условиях. И невольно думаешь: что сделало Карачаю Правительство, его здравотдел в смысле подготовки к приему глазного отряда, о прибытии которого оно было осведомлено еще… в июне?! Ровно ничего!..

Неутомимая и суетливая Анаида Александровна взялась за упорядочение нашего хозяйства, страдающего от ежедневной смены дежурных хозяек. Сегодня при помощи Яши зарезали двух баранов и приготовили их на сушку. Повезем с собой. Появился новый живой барашек. Принялась Анаида Александровна и за сыр, которого накопилось довольно много. Вымыла, вычистила, посолила. – Обедали с малиной, принесенной двумя больными. Вкусна она с молоком.

В семь часов поехали вдвоем с Анаидой Александровной в аул Хурзук по приглашению молодого Кубанова и его больной матери. Новая живописная дорога нас заинтересовала. Старинная генуэзская башня высоко на скале над аулом. Мосты через Уллу-Хурзук, Уллу-Кам. Вход в Хурзукское ущелье. Самый чистенький аул, с ровными гладкими лужайками, полями желтеющего ячменя, зеленого картофеля в тесном ущелье среди высоких гор. – Дом Кубановых похож на помещичью усадьбу: огромный городского типа, с верандой. Комнаты убраны и обставлены по-европейски хорошей мебелью. В комнате Ахмата, бывшего гимназиста, масса русских книг, учебников. У него хороший фотографический аппарат. Осмотрели пять больных с пустяками; у всех легкий конъюнктивит. Нас угостили ужином и предложили переночевать. Но наступал вечер, и мы решительно поспешили в обратный путь.

Этот путь при луне, полной и яркой, сделали рысью, кое-где даже галопом, что нас приятно утомило и взволновало. Шумит и грохочет река по камням, серебрится и сверкает пеной при лунном свете, извиваясь блестящей лентой внизу под ногами в каменной ложе. Белой пыльной лентой лежит впереди дорога, уходит и убегает в лунную мглу среди гор, пересекая оросительными канавками; в них нежно журчит вода. Гулко раздается топот копыт несущихся лошадей; мягко и упруго

book3.indd 63 09.03.2010 17:36:13

качаешься в седле. Теплый ночной воздух ущелья ветром бьет в лицо, освежает разгоряченное тело. Возвратились домой в одиннадцать часов вечера. Наши, по обыкновению, разбились на группы и тихо отдыхают на дворе в лунную ночь. Вера Михайловна и Нина Максимовна вдвоем на пороге своей новой комнаты. Галина Ивановна с молодым Асхатом, старающимся заинтересовать ее своим разговором. Мария Ивановна одна на скамейке под нашими окнами… Таков вечер глазного отряда перед сном.

18 августа

Утром ясно, безоблачно, с двух до трех часов над горами клубятся облака. С севера надвинулась грозовая туча и в семь или в девять часов разразилась гроза. В горах дождь был, вероятно, очень сильный, ибо Хурзук стал сразу шоколадного цвета и надулся. У нас дождь был непродолжительный. Ночью небо ясное, звездное. Почти полная луна.

Обычный базарный четверг с огромной амбулаторией. Свыше 50 человек новых пациентов, с повторными – свыше 200 человек. Целый день больные осаждали нас в приемной, на дворе, в нашей собственной квартире. Надо к этому привыкать, ибо население не знает и не понимает определенных часов и мест приема.

Вечером пил чай у нас Магомет Кочкаров и рассказывал до полночи историю своей политической и общественной деятельности со времен революции здесь в Карачае. Революция застала Карачай в состоянии крайней бедности интеллигентными силами. И на верхах власти оказались естественно фельдшера и народные учителя. Так Предисполком Алиев, Хаджичиков и другие народные учителя с очень скромным образованием. Заведующий финотделом Хасанбий Хубиев, наш заведующий здравотделом Кочкаров – фельдшера. Кочкаров выдвинулся еще до Октябрьской революции, в пору Временного Правительства и организации Казачьего Правительства Кубанской Рады, когда пришлось занять ему административный пост начальника округа, – пост выборный, по желанию населения. Сейчас при Советской власти ему поручено было все дело здравоохранения в молодой Автономной области.

book3.indd 64 09.03.2010 17:36:13

19 августа

День с утра солнечный

Но с трех до четырех часов облачно, небо хмурится: и пошел дождь с перерывами до шести часов. – Ходят грозовые тучи, то с Главного Хребта, то с севера. Красивы тучи, ползущие по горам, спускающиеся в ущелья между хребтами, оставляющие клочья тумана на склонах. – Полосы ливня, словно полотна или завесы на декорациях, то затеняющие, то оттеняющие горные цепи. Бушуют наши реки, вздувающиеся от дождей. Усиливается их рокот.

Сегодня сделали двадцать шесть операций, из них двенадцать извлечений катаракты. Окончили работу почти в пять часов, начавши ее в десять часов. Были две операции под наркозом. Амбулатория сравнительно небольшая для ста десяти человек.

Работа так хорошо освежает душу, наполняет ее чем-то содержательным, значительным и важным. Кажется, что и горы, и люди смотрят на тебя проникновеннее, лучше, словно ты уже не дачник, не случайный турист, а член этой тесной семьи, творишь общую с ними жизнь. Они тебя понимают; и ты начинаешь понимать не только разумом, но и душой, что важнее всего.

И наши начинают увлекаться работой все больше и больше. Мария Ивановна окончательно погружена в операционную, готовит материал, стерилизует его. Подготовляет больных, инструменты и прочее. Удивительно аккуратно делает она свое дело! Очень ценная помощница, выше всяких ожиданий, хотя я всегда считал ее ценным работником. – Галина Ивановна присвоила себе амбулаторию, прием повторных, и живо отпускает их. Усваивает методы лечения наружных заболеваний глаз и приобретает всеобщую любовь больных: она их знает, и больные любят ее.

Вера Михайловна и Наталья Федоровна еще не осели на какомлибо постоянном деле, что сильно влияет на их настроение, словно они лишние. Смотря по желанию, они работают и в операционной и в амбулатории. – Жаль только, что Анаиду Александровну посещает часто раздражение при виде беспорядка в хозяйстве. Наша молодежь – симпатичная студенческая богема, непонятная хозяйственной армянке, привыкшей считать копейки и экономить во всем. Неизбежен этот беспорядок, некоторая неопрятность в условиях нашего устройства, при данном составе нашей коммуны, где столько людей с разными привыч-

book3.indd 65 09.03.2010 17:36:13

ками и вкусами, не привыкших делать взаимные уступки. – Не стоит раздражаться! Все это пустяки.

Вечер опять заполнили собою, своими разговорами доктор Темирханов и Кочкаров, сидевших до двенадцати часов ночи. Мне это было неприятно, ибо за день накопилось много недоуменного, невыясненного, что требовало одиночества и вечерней тишины для оформления.

20 августа. Суббота

День облачный, но много и солнца

Утром после перевязок и амбулаторного приема Ильяс Магомедович сообщил мне о приезде из Теберды родственника Крым-Шамхаловых. Очень просят приехать в Теберду осмотреть больную старушку. Крым-Шамхаловы своего рода княжеская фамилия в Карачае, ныне, конечно, опальная. После дипломатического совещания с Магометом Кочкаровым решено, что поедем вдвоем: я и Анаида Александровна. За мной прислали лошадь, вторую нашли здесь.

ПОЕЗДКА В ТЕБЕРДУ

Из-за разговоров потеряли много времени; поэтому выехали поздно, в три часа дня, попрощавшись с членами отряда. Им также хотелось поехать в Теберду; но нельзя было. Обещали вести прием без нас. А операции отложат на вторник до нашего возвращения. Магомет Кочкаров дал мне поручение – осмотреть курорт Теберду, разгромленный в пору общей разрухи.

Подъем на Эпчик Учкуланский по знакомой, уже пройденной тропе, совершили довольно скоро. На спуске к Доуту пили в коше айран и немного отдохнули на поляне среди кустов березняка и лозы. Лошади паслись, а мы собирали калину, росшую здесь в изобилии. Дети из коша принесли нам бруснику. Подъем из Учкулана на Эпчик совершенно лишен леса, голый. Но спуск к Доуту в сосновом лесу по травянистым полянам очень живописен. С Эпчика Эльбрус открывался весь так же ясно, как и в первую нашу прогулку. Но горизонт вообще был более облачный.

В Доут приехали в семь часов. Ехать дальше было поздно, и мы

book3.indd 66 09.03.2010 17:36:13

решили заночевать в ауле у сопровождавшего нас горца Карабашева, который снабдил своей лошадью Анаиду Александровну, нас угостил ужином. Вечером явился предисполком аула Доут и просил нас остаться в ауле на неделю, чтобы вылечить слепых и больных глазами! На заре обещал привести лошадь для дальнейшего следования в Теберду. Мы условились: на обратном пути в Учкулан остановиться в Доуте и осмотреть всех обратившихся к этому сроку глазных больных.

21 августа

Ночью нахмурилось. С утра идет мелкий дождь. Пришлось выехать в бурках. К сожалению, предисполком оказался истинным горцем: прислал лошадь не на заре, а очень поздно. Так что мы выехали не в семь часов утра, а в десять часов! – Подъем на Эпчик Тебердинский очень отлогий среди покосов, травянистых бугров, обширных полян, пестреющих цветами. Справа идет мощный хребет, параллельный Главному Хребту Кавказа, Кендел-ляр-ляр* со снежными пятнами на вершинах. Красивы мраморные скалы, круто падающие на юг и сверкающие на солнце. А солнце скоро появилось, облака рассеялись, и разыгрался ясный день.

Выше начался крутой подъем по каменистой тропе зигзагами среди осыпей кристаллического сланца, блестящего на солнце, словно мокрого от воды. Лошади, тяжело дыша, подходят к перевалу. Открылся замечательный вид. Назад – через Малый Эпчик на Эльбрус и окружающие его цепи, на пройденное ущелье Доута и цепи снежных гор в его верховьях. На северо-запад развернулся Бечесын, наш старый друг, обрывы Ак-Кая и Бермамыта у Кисловодска. Впереди – еще невиданная картина нового мира: спуск к ущелью Теберды, верхние склоны этого ущелья, снежные горы за Тебердой, все ущелье реки Муху и перевал на Аксаут. Панорама поразительная по своему величию и красоте с высоты трех километров над уровнем моря.

На перевале немного отдохнули. Бедная Анаида Александровна свалилась на бурку, и тотчас задремала на солнце. Очень устала от бессонной ночи. Утомила ее и верховая езда. Но надо было спешить, и мы быстро двинулись дальше, решив отдохнуть у Джемагатского** нарзана.

* Кендел-ляр-ляр – правильно: Кенделенле (с карачаевского языка – поперечный) – хребет, тянется от р. Теберды севернее устья Джамагата на восток к бассейну реки Дуууг.

** Джемагатского – правильно: Джамагатского.

book3.indd 67 09.03.2010 17:36:13

Крутой спуск сначала по безлесным склонам, травянистым полянам привел скоро в полосу лесов. Мы поехали среди сосен и берез. Как при спуске с Бечесына к Худесу. Ниже ущелье становится живописней. Лес на склонах гуще: появляется осина, клен.

Склоны гор по мере падения нашей тропы круче, скалы увенчиваются группами сосен. Шумные потоки сбегаются с развертывающихся соседних, боковых ущелий и сливаются в бурную реку, загроможденную стволами павших деревьев. Тропа бесчисленное количество раз пересекает реку и быстро несется вместе с ней вниз по крутому береговому обрыву. Выпили по дороге в коше айрана и поспешили дальше. Ниже лесные заросли переходят в чащу. В лесу темными пятнами выступает ель и пихта. Густой подлесок из барбариса, орешника, крушины. В лесу густая трава. Наша знакомая рябина! Вся покрытая красными кистями ягод.

Вот и Джемагатский нарзан в ущелье Горалы-Кол. Остановились, закусили и напились нарзана. Он оказался гораздо холоднее и газированнее кисловодского; но много в нем железистых соединений. Около нарзана множество малины. Увлеклись ее сборами и около получаса занимались ей. В четыре часа двинулись дальше. Развертываются влево лесистые ущелья Горалы – и Нарзанлы-Кол, замыкаемые на горизонте в верхах скалистыми снежными горами. После слияния Нарзанлы-Кола долина становится шире, появляются среди леса покосы, обширные поляны, уходящие на запад к широкой долине Теберды.

Лес принимает более южный характер. Те же сосны и березы, но среди них гущи яблонь с массой плодов. Клен и граб, кое-где дуб. Много орешника. Постепенно дорога, ставшая колесной, аробной, заворачивает на юго-запад и выходит в долину Теберды, сначала широкую, но далее быстро сужающуюся в ущелье.

Вот за рекой на широкой поляне показались Тебердинские дачи: «Царица воздуха» Смирнова, дача Бахчисарайцева и других. Наш проводник говорит, что все они разгромлены, без окон и дверей, без печных приборов. Без обстановки. На некоторых сняты крыши, полы! Погром происходил весной этого года при попустительстве местных властей. Грабили главным образом местные жители курортного поселка. Сначала потихоньку воровали обстановку сами сторожа дач, карачаевцы, решившие, что владельцы дач после революции больше не возвратятся сюда. Воровство становилось все более явным и наглым.

book3.indd 68 09.03.2010 17:36:13

Воровали зеркала, стулья, и главным образом мягкий инвентарь. Видя это хищение со стороны сторожей, карачаевцы из поселка и соседних аулов спохватились, что, пожалуй, скоро на их долю ничего не останется. И в один прекрасный день сразу на погром толпы народа с серпами и разными инструментами для разрушения. Воровство сопровождалось проявлениями мести и дикой ненависти по отношению к тем дачам, владельцы которых в прежнее время относились неприязненно к карачаевцам. Так особенно сильно были разгромлены судейская дача, дача инженера Смирнова.

Едем дальше. Дорога идет по правому «карачаевскому» берегу Теберды по полянам, среди прекрасных старых берез. Эти развесные березы, растущие на просторе рощами, с гладким дерном под ними, напомнили мне о родной Белоруссии. Но справа и слева поляну ограждают и высокие горы, поднимающийся хребет, за хребтом все выше. Сосны и ели стремительно взбегают по отвесным склонам на скалистые кручи; словно обгоняя и поддерживая друг друга, толпятся и громоздятся чудесными массами в более отлогих ложбинах; делают как будто передышку перед окончательным прыжком кверху и, наконец, отважные смельчаки влезают на неприступные скалы и там гордо стоят и глядят вниз на отставших. Красив их профиль на фоне темно-синеющего неба, могучим куполом покрывающем и леса, и горы с их ущельями и долинами.

На юге ущелье Теберды замыкает Главный Хребет. Сквозь завесу дождя виднеются в дымке очертания снежных вершин Аманауза с фирновыми полянами и глетчером. Въезжаем в карачаевский дачный поселок. Невзрачные домики, разоренный лес вокруг них. Видимо, лес безжалостно истребляется, давая место этому уродливому дачному поселку. – Долина Теберды превращается в тесное ущелье. На казенной стороне за рекой горы, доселе отступавшие от Теберды, вплотную подходят к ней почти отвесными лесистыми склонами; и дачная площадка сходит на нет. Но лес находит себе достаточно места, он заливает зеленым потоком ущелье; и река исчезает в густых лесных зарослях.

На карачаевской стороне по правому берегу реки дачи идут дальше на юг, вверх по ущелью. Здесь горы теснят ущелье также крутой стеной; но над рекой широкая терраса дает некоторый простор для дачных построек. Мимо дачных лачуг, мимо недостроенного капитального здания санатория Кубанского Казачьего войска; мимо когда-то красивой,

book3.indd 69 09.03.2010 17:36:13

но теперь разграбленной «Судейской» дачи на берегу озера в вековом сосновом лесу мы подъехали, наконец, к одной из последних дач поселка Теберда, – к даче Крым-Шамхаловых.

С трудом слезли с седла; ноги одеревенели. Еле размяли их. Шатаясь, зашли на крыльцо. В доме нас встретили хозяйки. Познакомились с нашими пациентами бабушкой и дедушкой препочтенного возраста. У старика зрелая катаракта в правом глазу, но на операцию не соглашается, ибо еще хорошо видит левый глаз. У старушки дело хуже. Левый глаз ослеп от глаукомы около двух лет назад, и теперь та же участь угрожает и правому, имеющему очень плохое зрение. Приготовил эзерин, впустил капли. Но нужно ехать в Учкулан для лечения и наблюдения. Потолковали об этой поездке, столь трудной для почтенной старушки. Поохали, повздыхали. После обеда, несмотря на сильную усталость, мы с Анаидой Александровной пошли прогуляться по лесу, поглядеть на Теберду, на окружающие горы. Нас сопровождал проживающий у Крым-Шамхаловых молодой человек, крымско-казанский татарин, загнанный в эти горы революцией и мечтающий о возвращении в свой Белебеевский уезд.

Вокруг дачи Крым-Шамхаловых и примыкающей к ней Судейской – чудный хвойный лес, некогда покрывающий всю площадь дачного поселка. Среди преобладающих огромных сосен попадаются осины, граб и, что особенно меня поразило, старые развесистые буки. Но мало осталось вековых сосен. Их варварски рубят около самых дач соседи-карачаевцы. Множество поваленных стволов, свежесрубленных, валяются по лесу во всех направлениях. Еще больше пней свидетельствуют об энергии, с которой совершается это преступление.

Наш спутник-татарин является секретарем местного Исполкома. Он рассказал мне много интересного о погромной волне, этой весной прокатившейся по всему дачному поселку и уничтожившей все труды десятков лет, труды по созданию Тебердинского курорта.

Лесом мы дошли до Судейской дачи, вошли в нее и поднялись на второй этаж. Я взобрался выше на третий. Больно было глядеть на ужасную картину погрома некогда роскошной, изящной дачи, где столько туберкулезных со всех концов России, особенно из Кубанской области, получали облегчение и исцеление. Выломаны и унесены окна и двери, выбиты все стекла. Осколками разбитого стекла покрыт весь пол, веранда с вытоптанными цветами, весь двор вокруг дачи. Разбиты печи, чтобы выломать

book3.indd 70 09.03.2010 17:36:13

и унести печные дверцы. От обстановки никаких следов; она расхищена, распродана погромщиками, увезена на коши, где, говорят, карачаевцы кое-где спят на пружинных матрасах и сидят у очага на венских стульях.

Подобная картина погрома почти во всех дачах казенной стороны, на некоторых сняты даже крыши. Уцелело весьма немного построек. Дачи разрушены. Казалось, разрушать было нечего, но остается лес. И лес продолжают уничтожать, он в самом дачном поселке, остатки леса рубят для топлива, рубят для кормежки коз. Повалят большое дерево, чтобы козам было удобнее объедать его, и оставляют гнить.

Устал я от тяжелой дороги, от созерцания этих картин человеческого воровства и хищничества; от всего увиденного и услышанного. Уже наступали сумерки. Усталый, я уселся на камне, на берегу озера с прозрачной зеленой водой. В озеро глядятся высокие сосны, вспоминая иные времена, когда под ними на этих берегах шумела веселая толпа дачников. Но теперь тихо. За озером круто поднимаются горы, покрытые лесом, недоступные для рук истребителей. На противоположной стороне за рекой, на альпийских лугах вершины Хатипара потухает заря, красными пятнами отливают снежные поляны. Тучи громоздятся на юге в стороне Главного Хребта, окутывая его вершины. Но все еще отчетливо виден застывший поток Аманауузского ледника, словно раздающегося из туч и круто спускающегося широкой рекой в долину.

Бредем домой. Отказываемся от чая, выпиваем только айран. Спать, во что бы то ни стало. Анаида Александровна, положив на стол голову, дремлет тут же при хозяевах в ожидании постели. Нам отвели две комнаты на втором этаже и там мы спокойно провели ночь. Спали хорошо.

22 августа

Понедельник. В Теберде

Я встал в шесть часов утра, беспокоясь из-за лошадей. Знаю, как горцы неаккуратны в этом отношении. Тороплюсь в обратный путь, ибо на вторник назначено много операций. Одна из наших лошадей очень устала, и хозяин не пускает ее в обратный путь. Долго завтракали; долго по обыкновению хлопотали из-за лошадей. Поэтому двинулись в путь только в двенадцать часов дня.

Поздно. Но надо, во что бы то ни стало, пройти оба перевала, чтобы не ночевать в этом ужасном Доуте. Поскорей в путь!

book3.indd 71 09.03.2010 17:36:13

Почти рысью проезжаем через Тебердинский дачный поселок, остановившись для осмотра санатория Кубанского Казачьего войска. Она не закончена постройкой, может в следующем году мы будем снова работать в Карачае и устроим здесь глазную больницу? Кто знает! Холодное утро обещает хорошую погоду. Утренние облака рассеиваются. Разворачивается прохладный, ясный день. Есть в нем что-то осеннее. В четком, прозрачном воздухе ярко обрисовываются белоствольные березы. Иные из них уже принимают осенний наряд с желтеющими листьями, осыпающимися при порывах ветра. Залитые солнцем лужайки усеяны опавшими, желтыми листьями, как в октябре. Но остальные деревья, но солнце, но зеленеющие луга, полные полевых цветов, говорят, что лето здесь в полном еще разгаре.

Хороший сон ночью восстановил наши силы. Настроение было бодрое, хорошее. С каким-то новым интересом смотрел я на обнимающую нас природу, находил все ярким, новым, почти необыкновенным. Вот и окончилась долина Теберды. Она при выходе из дачного поселка сразу расширилась и ушла прямо на север в голубеющую даль, окаймленная справа и слева ущельями постепенно понижающихся гор, а мы свернули прямо на восток в Джемагатское ущелье, в начальной своей части пока еще широкое. Везде покосы, работают косари, звенит коса. Стоят копны сена. Тихо журчит вода по оросительным канавкам. Вдоль дороги группы берез, кленов. Яблони и груши усыпаны плодами, заросли орешника. Совсем как в России, на лугу, опушке леса.

Но небо, но горы! Покрытые густым смешанным лесом, среди которого черными исполинами торчат огромные пихты, горы вдруг врезаются в широкую долину скалистыми мысами, с начала с юго, потом с севера. Стоят отвесные стены, покрытые соснами, прилипшие к каждому выступу скалы. И через эти ворота, следуя извивам шумливой горной речки, мы въезжаем в ущелье. Весь путь до Джемагатовского нарзана пролегает в густом лесу. Но боковые ущелья, открывающиеся на каждом шагу, расширяют горизонт и дают ощущение простора.

Опять напились вдоволь нарзана и по очень трудной, каменистой тропе вдоль горного потока в лесу стали взбираться к Эпчику. На границе леса в знакомом нам коше остановились напиться айрана. Осмотрели трех глазных больных (у одного замечательная картина ве-

book3.indd 72 09.03.2010 17:36:14

сеннего катара). Довольный нашим осмотром хозяин угостил нас жареной бараниной и сливками. Здесь на лужайке среди камней мы, таким образом, пообедали и дали отдых лошадям.

В путь! Местность принимает суровый, высокогорный характер. Лес остался внизу. Едем по травянистым полянам, поднимаясь все выше. Нас окружают угрюмые, голые стены водораздельного гребня между Тебердой и Доутом. Небольшая выемка, зазубрина на этом гребне впереди нас намечает ближайшую цель нашего пути – Эпчик тебердинский (3033 м). Подъем становится крутым. Лошади останавливаются каждую минуту, страдают одышкой. Полная тишина царит здесь сейчас. Далеко внизу остались горные потоки. Даже маленькие, тихо журчащие ручейки – внизу позади нас. С перевала срывается ветер. Но не зашумит лес. Не зашелестит трава. Торжественное молчание и полная тишина, нарушаемая лишь звоном подков лошадей на каменистой тропе. Обернешься назад и глянешь вниз, в сторону Теберды. – Как высоко поднялись мы! Невольно содрогнешься, словно все эти зеленые склоны, лужайки, ручьи и речки, а за ними леса и вся земля со своими горными цепями и сжимающими их ущельями унеслись в стремительном порыве куда-то далеко, далеко вниз, вниз туда, где намечается между горными хребтами долина Теберды. Но за Тебердой опять вздымаются горы. Прямо против нас ущелье реки Муху, поднимаясь от Теберды на запад. Развернуло перед нами свои недра, лесные и пастбищные, до самого дна, до самого перевала на Аксаут. Левее долины Муху горы поднимаются еще выше. За покатой горой Хатипара торчат вечно снежные вершины, примыкающие еще левее на юг к Главному Хребту. Видно часть Главного Хребта Кавказа в виде черных пик с массами снега в седловинах между ними. Это – Марухская группа.

Все эти горы кажутся отсюда где-то далеко внизу. И над ними раскинулся необъятный небосклон. Но перед нашими глазами впереди, куда крутыми зигзагами поднимается тропа, горизонт закрыт. Слева – сланцевые цепи с острыми верхушками, справа – мраморовидные известняки Кендель-ляр-ляра, а между ними легкая выемка перевального хребта. Вот мы и на перевале! Рванул с востока холодный ветер и скоро утих. Новый мир глянул на нас с востока – царство Эльбруса.

Над ущельем Доута, над долиной Кубани, над целой системой горных цепей, из которых некоторые покрыты вечным снегом, Эльбрус

book3.indd 73 09.03.2010 17:36:14

поднимается высоко к небу во всем своем величии, огромный и мощный; но вместе с тем какой-то зефирно-воздушный, словно он не составляет части этого горного мира, служащего для него основанием, над ним в воздушном окне. Сколько раз уже любовались мы этой картиной с полей Бечесына, с Эпчика! Поражаюсь ею и теперь, ибо глаз никогда не может привыкнуть к чудесам природы, и красота остается красотой. Словно это не реальный мир, а «полотно сверкающей картины, воплощенный в красках вдохновенный сон».

Уже шесть часов! Шесть часов мы поднимались на Эпчик. А впереди еще длинный путь. Надо спешить. И мы, не задерживаясь на перевале, быстро спустились к Доуту, где были через два часа. Подъехали к аульному управлению, где дремало несколько милиционеров. Никаких пациентов, которых обещал собрать для нас аульский старшина, не оказалось. Поэтому мы рысью промчались через аул к дому старшины. Где нас ожидал пациент – отец старшины. Тут же на улице осмотрели слепого старика с катарактами. Направили его для операции в Учкулан, и выпили, сидя в седле, чашку айрана. Быстро поехали дальше, по дороге осмотрели еще одного слепого с катарактами и с такой же быстротой помчались дальше, сопровождаемые одним эфенди, который, силясь не отстать от нас на своей лошадке, рассказывал нам на трудно понятном русском языке анамнез и жаловался, видимо, на головную боль. Был очень разочарован, что мы только глазные врачи, и скоро отстал от нас.

Али между тем посетил свою сестру в доме, где мы ночевали накануне. Здесь мы и нашли его. Нас убеждали заночевать, ибо солнце склонялось к закату. Мы решили с Анаидой Александровной добраться во что бы то ни стало сегодня ночью до Учкулана. Поэтому быстро проехали через аул, через Доутский мост и стали подниматься опять на другой перевал, Эпчик Учкуланский (Доут на высоте 1838 метров, перевал 2567 метров). К сожалению, одна из лошадей оказалась очень утомленной; другая вовсе отказалась идти. На середине подъема пришлось сделать продолжительную остановку, чтобы лошади отдохнули. Но и это не помогло. Али был вынужден бросить свою лошадь на коше под перевалом. Весь подъем на Эпчик и обратный спуск к Учкулану (1427 метров ниже уровня моря) он совершил пешком.

Пока лошади отдыхали, перед перевалом, я пошел вверх пешком и вступил в сосновую рощу, – остаток некогда великолепного леса.

book3.indd 74 09.03.2010 17:36:14

Огромные сосны среди диких скал и на кручах их. Нога скользит в сухой, гладкой хвое, толстым слоем покрывающей землю. Повсюду валяются сосновые шишки. Мягко и меланхолично шумят сосны; вспоминаются иные края, иные времена, то далекие, то очень близкие.

На минуту забываешься. Но мрачная грандиозная стена хребта, отграничивающего Доутское ущелье с запада, возвращает к действительности. Солнце закатилось за этот хребет с обнажениями мрамора в виде серовато-белых скал, и он теперь кажется особенно величественным и крутым. Появились на западе нежные облака и медленно плывут через далекий Эпчик. Невидимое для нас солнце пронизывает их своими лучами насквозь. И они горят холодным пламенем, резко выступая на фоне темно-синих гор.

Холодеет. Наступает вечер. Быстро погружается во мрак Доутское ущелье. Исчезают вечерние краски на гребнях гор, окружающих наш перевал. Чтобы облегчить лошадей, мы сошли с седла и пошли пешком. На перевале уже сумерки. Но в сумрачном свете ясно вырисовывается Эльбрус. Внизу мелькают огоньки Учкулана, горы за аулом синеют неясными громадами. Доносится шум наших Учкуланских рек, образующих Кубань, шум неясный, прерывистый. Вот блеснул огонек где-то очень высоко на склоне горы за Учкуланом, вероятно на коше.

Жутко спускаться с перевала по крутому склону прямо вниз в зияющий мрак; в нем ничего не разобрать. Куда-то убегает каменистая тропа, словно в бездну: скользит нога по неверной осыпи. Анаида Александровна все время храбро едет на лошади. Верхом она поднималась на перевал, верхом она начала и спуск. Я глянул снизу вверх, с нижних зигзагов уже пройденной тропы вверх, на перевал. Мелькнул на фоне вечернего неба силуэт лошади Анаиды Александровны, лошадь сделала два-три осторожных шага, словно ощупью, и исчезла во мраке, начиная спуск. Мы быстро шли по крутому склону, ведя лошадей, а лошадка Анаиды Александровны не отставала от нас и благополучно спустила ее к кошам, где местность стала ровнее и грунт мягче. Здесь и я сел верхом: очень устал от продолжительной ходьбы пешком по каменистой тропе.

Стало светлеть на востоке. Эльбрус сделался голубоватый, как прозрачный: его осветила еще невидимая для нас луна. В горах не столь мрачно и темно. Тропа лучше различается. Наконец вершины гор, окружающих

book3.indd 75 09.03.2010 17:36:14

Эпчик, осветились призрачным светом. В ущелья легли темные непроницаемые тени, – и скоро выглянула яркая луна, облегчившая нам дальнейший путь. Бедный Али все время шел пешком впереди нас. В двенадцать часов мы были дома. Наши еще не спали, и мы успели перед сном напиться чаю. Хорошо очутиться дома после утомительного, трудного пути.

23 августа

Прохладный, солнечный день. Легкая разбитость и усталость после продолжительной верховой езды. Операции Мария Ивановна отменила из-за отсутствия перевязочного материала. Сделаем все завтра. Прием окончили в два часа дня.

Обменивались впечатлениями о поездке в Теберду. Обедал с нами Магомет Кочкаров. Заходил и вечером, сидел очень долго, мешал желанному одиночеству и уединению. Несмотря на усталость Анаида Александровна взялась сегодня за хозяйство и нашла много непорядков и упущений, сделанных за время ее отсутствия. Это ее очень взволновало; и она поспорила с Галиной Ивановной, расстроилась на весь день. – Галина Ивановна прямой, самолюбивый человек, неуступчива. На резкие замечания Анаиды Александровны отвечает ей тем же. Вечером я долго разговаривал с Галиной Ивановной о наших взаимных отношениях. С нею хорошо говорить, ибо она вполне откровенна и ничего не скрывает, не таит про себя, чего далеко нельзя сказать про остальных женщин нашего отряда.

Галина Ивановна – славный человек с доброй и чуткой душой. Все наши таковы, несмотря на все различия характеров и склонностей. Чем больше узнаешь их, тем больше уважаешь и любишь, тем больше ценишь их. Но в тесном общении мы, русские, часто оборачиваемся друг к другу маленькими колючками, как будто этим оберегаем свою независимость и самостоятельность от мнимых покушений товарищей. Обижаем друг друга из-за пустяков и оттого еще больше страдаем.

24 августа. Среда

Утро солнечное, но прохладное. Легкие облака спускаются с вершин и ползут по склонам гор. Неужели это – первое дыхание осени? С утра толпится масса народа и в амбулатории и в операцион-

book3.indd 76 09.03.2010 17:36:14

ной. Шумно, суетливо. Накопилось много операций за время нашего отсутствия в Теберде.

Всего сделал двадцать две операции, из них двенадцать извлечений катаракты и четыре пластики нижних век из-за рубцового выворота их. Оперировали до четырех часов. Операции главным образом делаю я сам лично, ибо наши студентки еще недостаточно подготовлены для самостоятельного оперирования. Единственный помощник – врач Анаида Александровна пока еще не обладает современной техникой в операциях. Главное то, что операции производятся в Карачае впервые в истории этого края и имеют огромное политическое значение. Поэтому они должны быть сделаны с хорошим, насколько это возможно в каждом случае, результатом.

Наше несчастье – отсутствие перевязочного материала. Из-за этого пришлось отложить некоторые операции, например, выпущений слезного мешка, и вообще – прекратить операционную работу. Где достать марлю? Магомет давно уже послал требование на добавочный материал в Кисловодск, но ответа оттуда нет. Мы уже обращаемся к самим пациентам, нуждающимся в операции, чтобы они приносили с собой какой-либо подходящий для бинтов материал.

Сегодня вечером я имел длинный разговор с Магометом Кочкаровым. Он откровенно сознался в том, что я давно заметил в Кисловодске и предполагал даже, а Краснодаре: **полное непониманиенаших намерений и целей** со стороны всех, имеющих с нами прикосновение. Еще в Краснодаре при организации отряда я повсюду встречал недоуменные взгляды, когда говорил о поездке в Карачай в здравотделе, в нашей больнице, в Университете и на улице со стороны знакомых.

«Куда они едут? Чего хотят? Нажить денег? – слишком неподходящее дело – глазной отряд в Карачае, на нем не наживешься. Отдохнуть на даче? – но при чем тут Карачай, глухой горный угол, трущоба за лесами, за горами; куда доступ очень не безопасен. Поработать среди глазных больных, набить руку в глазных операциях? Но для этого лучшее место – глазная клиника в том же Кисловодске, оттуда они бегут. – Может быть, просто ищут приключений. Бегут от скуки жизни?». Словом публика терялась в догадках и плохо нас понимала, хотя я и давал объяснения.

book3.indd 77 09.03.2010 17:36:14

В Кисловодске на нас были обращены скептические, ироничные, но, в общем, любопытные взгляды. Что вся странная компания: профессор и с ним пять женщин. И едут в окаянный Карачай. Если в Краснодаре некоторые думали, что мы шумим, шумим со своим отрядом; шумим и только, и дальше Краснодара никуда не поедем; – то в Кисловодске наши коллеги в Карачаевской областной больнице, где мы обедали, и другие случайные знакомые должны были считаться с фактом нашей поездки в Карачай. Мы никак не походили на кисловодских дачников и явно тяготились вынужденным пребыванием в нем, – в этом курортном городе. – И вот они все недоумевали: «ведь в Карачае жить невозможно! Вы там умрете от голода! Какие там глазные операции! Никто не пойдет к вам лечиться, население недоверчиво». – «Да и куда вы едете! Дорога опасная, пробраться трудно. Вот, например, поехали туда такие-то. И что с ними случилось!..» Следует много поучительных примеров.

В самом Карачаевском здравотделе, пригласившем нас из Краснодара, таких разговоров мы, конечно, не слышали. Но и Магомет Кочкаров и доктор Киселев при встрече со мной, в беседах об отряде производили на меня такое впечатление, что и они вполне разделяют общее мнение публики насчет нашего отряда. Кочкаров сам карачаевец, привыкший видеть в Карачае массу туристов, решил, что и наша главная цель попутешествовать в горах, а глазная работа только предлог. Да и знал ли он, что в Карачае много глазных больных, серьезных больных, нуждающихся в операциях? Ведь даже чудесный Ильяс Магомедович, сторожил Учкулан, встретил нас в первый день нашего прибытия с Бечесына таким вопросом: «Вы кто такие?.. Глазной отряд?.. Зачем глазной отряд?.. А зубного отряда с вами нет?.. У меня очень болят зубы!» Но мы помогли ему: даем хороший пшеничный хлеб вместо кукурузных лепешек.

Сегодня вечером Кочкаров сознался мне: «Я думал, что ваша глазная работа в Карачае будет чем-то вроде работы доктора Давидсона в нашей Кисловодской больнице. У него в течение месяца было пять глазных больных да две операции, после которых один из больных ослеп, а другой убежал в горы домой! Теперь я вижу, что у вас дело очень серьезное и большое; что больных очень много, тяжелых больных, что с нашей стороны дело было поставлено с самого начала очень плохо…»

Действительно, очень плохо! И на совести Карачаевского областно-

book3.indd 78 09.03.2010 17:36:14

го исполкома и здравотдела великий грех. Такое отношение к нашему отряду, непризнание и непонимание всей серьезности наших намерений отразилось и на судьбах отряда. Стоит вспомнить, как нас снаряжали. А в Кисловодске, где мы потеряли напрасно восемь дорогих рабочих дней; как мы ехали на арбах и шли пешком за арбами через Бермамыт и Бечесын, как отыскала и доставила нас в Учкулан спасательная экспедиция, снаряженная для отыскания нас Хаджи-Муратом по его личной инициативе, при полном равнодушии к нам предисполкома Алиева.

А здесь в Учкулане? Правительство Карачая, посылая нас сюда, не позаботилось устроить больницу, подыскать нам помещение, оповестить больных. Ничего не сделано! Магомет Кочкаров сегодня сказал мне: «Если бы я знал, что вы будете так работать, я сам бы приехал заранее, за месяц до вашего приезда и устроил бы все по-иному». Значит, он думал о нас иначе… Что же думали другие члены правительства и сам глава его, посылавший телеграфное приглашение нам в Краснодар? – Те уж наверно ничего не думали, вовсе не интересовались нашим существованием и каким-то непонятным глазным (почему не носовым, не зубным, не грудным?) отрядом.

И все-таки мы здесь работаем! Сделали уже в течение трех недель 123 глазных операции, из них 65 извлечений катаракты; приняли около 2000 глазных больных. Дело глазного отряда было спасено нашей верой в него и верой славных представителей местного карачаевского общества Ильяса Магомедовича Байрамукова, Яши Коркмазова. Наконец, само карачаевское население, глазные больные отнеслись к нам просто и доверчиво, как и следовало, не мудрствуя лукаво, подобно интеллигентам и представителям власти в Краснодаре и Кисловодске.

Глазные больные увидели в нас не туристов, не авантюристов, не спекулянтов, а просто глазных врачей, которые приехали с самым человеческим желанием – помочь им. Увидели и пришли к нам.

Я долго и много говорил с Магометом о недостатках нашего теперешнего отряда, являющегося лишь опытом, но опытом очень серьезным, дающим основание для значительных и важных выводов. Я намечал план организации глазного отряда в будущем году в Тебердинской долине и в Учкулане, причем должны быть учтены опыты данного отряда. – Он согласился со мной. А пока обещал спешно послать нарочного в Кисловодск за перевязочным материалом.

book3.indd 79 09.03.2010 17:36:14

Глава 6

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОСЕНЬ. РАБОТА БЛИЗИТСЯ К КОНЦУ

25 августа. Четверг

С раннего утра густой туман с пышными облаками окутывает горы почти до основания. Идет мелкий дождь. Холодно. Начинается осень.

Когда в одиннадцать часов прекратился дождь, тучи рассеялись, и даже проглянуло солнце. Горы оказались на вершинах покрытыми свежевыпавшим снегом, даже горы у Эпчика. Особенно низко лежал снег на горах за Хурзуком. С шести часов вечера опять нахмурилось, и пошел дождь.

Из-за непогоды работа вялая, хотя сегодня базарный день. Больные подходят маленькими группами, в одиночку, главным образом с легкими заболеваниями. Анаида Александровна целый день стирает белье. В семь часов приехал из Карт-Джюрта наш тебердинский проводник Али Темиров, славный человек. Передал ему лекарства для Крым–Шамхаловых, и трогательно простились. Хорошо бы встретиться с ним в будущем году уже в Теберде. Кто знает, может быть, поработаем там? Чудный уголок. Невольно влечет пожить там не в качестве дачников, а врача-окулиста, помогающего созерцать эту роскошь природы более здоровыми глазами. – Велик Кавказ. Многочисленны его долины и ущелья, бесконечны его горные цепи и нет числа уединенным убежищам среди первобытной природы. И повсюду встречаются славные люди с чуткой душой вроде Али Темирова, Яши Коркмазова, Ильяса Магомедовича. Повсюду видна частица души человеческой. Ищи ее и везде найдешь.

«Глубокие сердца, мудрые умы! Берите жизнь такой, какой ее создал Бог. Эта жизнь не что иное, как долгое испытание, непонятная нам подготовка к неизвестному назначению. Это наше истинное назначение начинает открываться нам при первом шаге к могиле. В ожидании этого любите и страдайте, надейтесь и созерцайте. Горе тому, кто любил одни тела, формы, явления. Смерть отнимет у него все. Старайтесь любить души, и вы обретете их снова за могилой» («Отверженные» – В. Гюго).

book3.indd 80 09.03.2010 17:36:14

Вечером сидели втроем (я, Анаида Александровна, Мария Ивановна) долго. И ужинали ягодами (черника, брусника, костяника). Идет дождь, ветер, холодно. Шумит река, ветер грохочет ставнями. Неприветливо в горах, закутанных холодными облаками, в мокром ущелье, но в теплой комнате уютно.

26 августа

День холодный, но солнечный. Сильный норд-ост. Ветер хлопочет затворами ставен. Облака местные; закрывают кое-где вершины гор, спускаются ниже и ложатся в ущельях.

Большой прием больных, главным образом повторных, особенно женщин. Недостаток марли заставляет нас отложить операции на завтра и просить всех больных, нуждающихся в операциях, приносить с собой бинты или иную материю. Приносят!

Опять явился доктор Темирханов, обедал у нас и после обеда производил в нашей операционной хирургическую операцию. Брал у нас все: медикаменты, перевязочный материал и ассистентов (Нину Максимовну и Веру Михайловну). Не люблю я его визитов. Опять рассказал глупую и неприятную сплетню: какой-то лезгин, недовольный нашим лечением (он неизлечимо слепой) распространяет-де слух, будто мы нарочно подосланы большевиками, чтобы ослеплять народ. Так же было в Дагестане; такие же доктора от большевиков якобы лечили глаза; а когда уехали, все, лечившиеся у них, ослепли! Не является ли доктор Темирханов сам распространителем этого вздора?

Мы, во всяком случае, не можем пожаловаться на отсутствие доверия к себе со стороны карачаевцев.

Ветер. Шумит река, словно идет сильный дождь. В холодном небе над горами зажигаются яркие звезды.

«…Глядишь ли ты в лазоревые дали
Ночных небес?..»

book3.indd 81 09.03.2010 17:36:14

27 августа. Суббота

Ясный, солнечный день

Завтра собираемся ехать в Махарское ущелье, а потому у меня нервное настроение. Хочется опять подальше: в горные и лесные дебри, ближе к снеговым вершинам, подальше от людских поселений. Уславливаемся насчет лошадей, обсуждаем план поездки.

Одиннадцать операций, из них четыре вылущений слезного мешка, амбулатория, – все окончено к четырем часам. Приятно горит солнце после холодных дней. С большим удовольствием читал «Отверженные» на берегу реки после позднего обеда, пока не стемнело. Вечерняя прохлада прогнала домой.

Много шума наделал новый приезд Алиева из Кисловодска. Опять появились солдаты; знакомые по Краснодару фигуры шатаются по площади, слышна русская брань. Поздно вечером ожидают Алиева здесь в Учкулане. С ним едет наш знакомый Зулкарнай Хаджичиков.

28 августа. Воскресенье

С утра волнения, тревоги из-за не появляющихся вовремя подвод для поездки на Махар. Помешал Алиев, своим приездом распугавший народ, ибо из-за реквизиции лошадей красноармейцами для его поездки в Теберду, горцы попрятали своих лошадей на горных пастбищах.

Заходил Хаджичиков, один из виновников нашей поездки в Карачай. К сожалению, не удалось поговорить с ним. Залетел, как метеор; навестил свою мать, прозревшую после нашей операции, и потом уехал с Алиевым через Эпчик в Теберду. – Наконец, в двенадцать часов уехали все правительственные чины. При содействии Яши появились тачанка и линейка; и мы выехали в четыре часа дня.

book3.indd 82 09.03.2010 17:36:14

НА МАХАР!

С радостным облегчение тронулись в путь. Так долго мечтали о Махаре и, наконец, мечта осуществилась. Мы с Анаидой Александровной и Галиной Ивановной уселись в тачанку и поехали вперед. Позади – Яша, Асхат и три наших: Вера Михайловна, Наталья Федоровна и Галина Ивановна, – когда я собирался сесть на линейку, желая предоставить женщинам более удобную тачанку, Галина Ивановна просила меня, чтобы линейка была оставлена для «наших», – как она выразилась. Линейкой правил Яша, тачанкой – ее хозяин Бостанов.

Проехали весь Учкулан и впервые увидели его дальние кварталы, протянувшиеся далеко на юг. Были очень поражены, когда за аулом окончилась крайне неудобная каменистая дорога и развернулась широкая, ровная поляна с мягкой дорогой. Река притихла. Замолк ее шум, и она неслась по долине мягко и плавно в отлогих песчано-илистых берегах. За поворотом ущелья на юго-восток оказалась еще вторая такая поляна, по-видимому, как и первая, составляющая дно бывшего здесь когда-то озера.

Далее дорога вьется по дну ущелья то у самой реки, то отходя к подножью гор, чтобы миновать топкие, болотистые лужайки, служащие местом для покосов. Склоны гор становятся круче, на них появляется лес, спускающийся все ниже. Острые гребни обнаженных скал, местами каменные россыпи достигают дна долины, и огромные каменные глыбы загромождают дорогу.

У Кертмели (в пятнадцати километрах от Учкулана) – 1745 метров над уровнем моря, лес покрывает горы сплошным, густым плащом, особенно на западных склонах ущелья. Появляются ели, выступающие черными пятнами среди зарослей сосен и берез. Отдельные группы деревьев растут на дне ущелья у самой реки. На зеленых лужайках, обрамленных лесом, у подножья гор виднеются коши. В глубине ущелья, замыкая его, на горизонте показывается снеговая вершина Гондорая.

Мы остановились, чтобы дать отдых лошадям, на берегу реки Учкулана против коша Биджиевых, родственников Асхата. Нам принесли айрана и сметаны. Хотели было здесь остановиться на ночевку, но потом решили продолжать путь до самого Махарского ущелья.

book3.indd 83 09.03.2010 17:36:14

Сгущались сумерки. Облака медленно заволакивали гребни гор. Мы въехали в лес, спустившийся с гор к самой реке. Огромные сосны и высокие пихты обступили нас, сгущая вечерний мрак. Приехали на махарскую поляну, когда уже совсем стемнело. Остановились на берегу реки и тотчас принялись за сооружение костра. Вспыхнуло яркое пламя. Мы расположились вокруг, грелись и отдыхали. Хаджи-Мурат, Яша и Асхат прыгали через костер и танцевали лезгинку. Наши скромно сидели и любовались ночью в ущелье на берегу реки; смотрели на танцы при свете костра и наслаждались теплотой от огня.

Тут же у костра расположились спать, завернувшись в бурки и пальто.

29 августа на Махаре

Встали рано на заре и тотчас отправились все к нарзанам. Очень живописная тропа среди диких камней, в дремучем лесу, привела всех в восторг. Мария Ивановна громко выражала свое восхищение исполинскими пихтами среди скал, покрытых мхом и лишайниками. Река Махар бурлит в пропасти где-то далеко внизу среди отвесных утесов, еле различаемая в густом сумраке мрачного пихтового леса, спускающегося к самой воде. За рекой по крутому склону горы – сплошной лесной покров. Темные пихтовые насаждения чередуются полосами с ярко-зелеными чащами берез, осины и клена и смело взбегают к верху, к подножью отвесных скал, увенчивающих вершинные гребни. Наш, юго-восточный склон ущелья раньше осветился солнцем, и лучи его пронизали заросли орешника, березняка и осины. Небо безоблачное.

Дошли до нарзанов. Осмотрели их, оценили их качество. Они, действительно, весьма интересны. На берегу Махара, невысоко над речным ложем, источники выходят несколькими струями различного состава. Выходы их обложены оградой из дикого камня; вода изливается в реку. Одни бассейны кипят от обилия углекислоты, другие тихи и неподвижны. Есть и пресноводный источник среди углекисло-железистых. Дорога к нарзанам и местность вокруг так понравилась всем, что не было охоты идти назад к месту ночлега, чтобы там завтракать. Услужливый Яша пошел за пищей; принес все, что было у нас съестного. Мы поели тут же на берегу Махара и запили водой из источника. Разбились на группы, и пошли бродить по лесу.

book3.indd 84 09.03.2010 17:36:15

Очень хотелось подняться вверх по ущелью к Махарскому перевалу, дойти хотя бы до снежных полей, до ледников. Но на это не хватило бы времени, подводчики должны были сегодня же возвратиться домой. Пришлось довольствоваться подъемом по нашему солнечному склону ущелья на живописные скалы, оттуда раскрылся чудный вид на горный мир. Махарское ущелье ушло на юго-запад. Выглянули снеговые вершины с небольшим ледником. Они кажутся такими близкими! Но сам перевал скрыт поворотом ущелья к югу. – Прямо впереди нас, на противоположном берегу реки, огромная, живая природа из лесных чащ, ушедших к голубеющим небесам, закрывает весь южный горизонт. Обращенные на север ее крутые склоны лишены солнца; там сырость и прохлада. Густые пихтовые заросли, непроницаемые для лучей солнца среди камней в подушках мха придают этой горе мрачный, сурововеличественный характер. Это – край водораздельного гребня, разделяющее ущелье Махара и Гондарая. Гора эта закрывает Гондарай. Но далее к востоку выглядывают над ущельем Учкулана снежные высоты перевала Джалпак-Кол. И все ущелье Джалпак-Кол, с извергающимся из него в долину Учкулана водопадом, развернуло свои пастбищные поляны на склонах и на дне, озаренных ярким солнцем.

Чудная картина природы горных ущелий по соседству с ледниками и снежными полянами. Не хотелось уходить. Около полудня тронулись в обратный путь, не спеша, задерживаясь каждую минуту на скалах, среди лесных полян, у огромных деревьев. Искали грибы, и нашли их в небольшом количестве у нашего ночлега. Собрали малину, землянику, бруснику.

Быстро поехали домой. Лошади хорошо отдохнули, хорошо поели. И мы ехали крупной рысью, уносившей нас, к сожалению, слишком скоро из лесных ущелий. Под ярким солнцем на пригреве, под безоблачным синим небом, таким теплым и бездонным, среди нагретых скал в горячем, влажном тепле густого леса, ущелье не показалось таким мрачным, как вчера вечером, когда мы въезжали в него. Наоборот, каждый камень дышал уютом; каждая поляна манила отдохнуть под сенью гигантских пихт и сосен. Нежно шумела река, теперь не страшная. Прохладный ветер с севера освежал лицо.

Выехали из леса. Опять в Кертмели. Снова оставались на поляне против коша Биджиевых за рекой. Хотелось отдохнуть и напиться ай-

book3.indd 85 09.03.2010 17:36:15

рана, ибо наша провизия окончилась. Хотелось и есть. Нас угощали айраном, маслом и свежеиспеченной, еще горячей, кукурузной лепешкой. В ожидании пока ее испекут, мы провели здесь на поляне полтора часа, растянувшись на траве, купаясь в горячем солнце, освежаемые ветром с Кубанской долины.

Наши дремали. Дремали горы под палящими лучами солнца. На севере далекие гребни их уходили непрерывной стеной, поворачивая плавным изгибом на северо-запад. Обнаженные скалистые склоны их вершин нежно розовели. На небесной синеве отчетливо рисуются их зубчатые кружева. Они кажутся полупрозрачными, воздушными. В небе ни облачка. Каменистые громады, тщетно стремясь достигнуть небес, тонут в воздушном океане. Тихо в горах, тишина в небе. Лишь река шумит неугомонно, да нежно журчит ручеек, орошающий нашу лужайку.

Приехал из-за реки Асхат с бурдюком, полным айрана, с чашей, полной свежего масла, а в башлыке горячая кукурузная лепешка. Все поднялись, стряхнули дремоту и с огромным аппетитом уничтожили привезенную пищу.

Дальше поехали быстро. Наш Бостанов не хотел уступать первенства абаевским лошадям, запряженных в линейку; и мы неслись по полям и лужайкам крупной рысью, временами даже галопом, состязаясь в быстроте с нашими всадниками Хаджи-Муратом и доктором Темирхановым. Линейка, однако, почти не отставала от нас. Солнце еще не закатилось за ближайшие горы, когда мы приехали домой. Успели даже перевязать наших стационарных больных.

Так мы съездили на Махар, осуществляя свое давнее желание. Таинственные ущелья в верховьях Учкулана, скрытые от нас поворотом долины и далью расстояния, куда мы столько раз проникаем мысленным взором, устремленным с площадки перед нашей квартирой, – эти ущелья раскрыли перед нами свои недра, свои красоты, свое очарование. Мы видели снежные вершины Гондарая, Джалпак-Кола и Махара. Мы бродили в дремучем пихтовом лесу. Мы поднимались по каменистой тропе среди хаоса скал и елей над пропастью, где шумит Махар, направляясь к нарзанам. Мы не раз пили нарзан. Здесь Галина Ивановна принесла свою жертву божествам этого чудного уголка Кавказа: она положила над нарзаном, кипящем в своем кроваво-красном водоеме из дикого камня под сенью высоких, вековых пихт, большой букет из

book3.indd 86 09.03.2010 17:36:15

нежных тюльпанов и спирей с двумя огромными мухоморами; и тут же рядом несколько веточек рябины с ярко-красными ягодами.

Мы дышали удивительным воздухом этих ущелий, напоенным запахом смолы. Мы вздыхали, что нам не суждено было подняться выше, в царство снегов и ледников, столь близкое от нас. И мы уехали молча, каждый со своим чувством и настроением; и грустные, и очарованные, с вечно ненасытной жаждой – еще и еще раз окунуться в этот животворный океан вечно юной природы.

«…Мир безбрежно велик, бесконечно,
Бесконечно и вечно красив…»

30 августа

Безоблачный, как вчера, день

Утро очень холодное; я промерз, купаясь, по обыкновению, у реки; руки окоченели. Но днем на солнце очаровательно тепло и ярко; все пышет горячим пламенем, не обжигающим, а нежащим в осеннем холодке горного воздуха. Спали после прогулки долго.

Спокойно приняли больных, спокойно сделали перевязки. Ничто, по-видимому, не предвещало грозы. Но гроза разразилась. За обедом не было Веры Михайловны, ее подруги Наталья Федоровна и Галина Ивановна заявили, что она уложила вещи и собирается идти пешком в Кисловодск через Маринский перевал. Уходит сейчас. Пришла и Вера Михайловна; лично объявила об уходе и попросила снабдить ее документами на обратный путь. Я удивлен и возмущен. Я убеждал ее всеми способами остаться. Не находил слов, не зная в истинах глубоких поводов и причин ее решения. Она оставалась твердой, упорно стояла на своем. Пришли Магомет Кочкаров и Ильяс Магомедович. Их уговоры и просьбы также не подействовали. Последний особенно трогательно, по-отечески молил ее отказаться от рискованного пешего маршрута через леса и горы в такую даль. Ведь через десять дней все мы уезжаем в Кисловодск. Не помогло…

Собрали провизию. Уложили ее вещи. Яша и Наталья Федоровна сегодня должны были ехать на рудник. Поэтому на лошадей сели обе наши барышни, а Яша пошел пешком. Таким образом, Вера Михайловна небольшую часть пути сделает верхом. Впрочем, у Яши тайная мысль: по дороге отговорить Веру Михайловну от ее решения и возвратить ее

book3.indd 87 09.03.2010 17:36:15

обратно. Мне что-то не верится, чтобы ему это удалось. Уже давно Вера Михайловна чувствует себя нехорошо в нашем обществе; живет своей замкнутой жизнью; томится и стремится куда-то прочь отсюда из тесных граней нашего мирка. Мы нисколько не стесняем ее внутренний и внешней жизни. Но присутствие среди нас, очевидно, налагает на нее моральные обязательства совместной работы в больнице, очередных дежурств по хозяйству, пребывание за общим столом, неизбежных разговоров о нашем маленьком обществе. Она чувствует известные связи, путы, ей неприятные. И она хочет разорвать их. Но для этого надо бросить наш рабочий кружок.

«Не сердитесь на меня, Станислав Владимирович!» – сказала она мне: «Зимой я буду хорошо работать, в вашей клинике». – Приходить работать, но не жить тесной, общей жизнью с чуждыми по духу людьми. Кто ей не чужой?… Я думал, что пребывание в этих горных трущобах, среди величественной природы, поднимающей дух далеко ввысь, сделает для нее нечувствительными слабые оковы нашего маленького общества, где мы все – временные невольные товарищи. Такое же действие могла бы оказать и общая работа для блага больных.

Но на высотах материального мира вблизи Эльбруса и на высотах духовного подъема душа моя мало чувствительна к земной суете и питает свое гордое одиночество из неиссякаемого источника бесконечной сущности. И, право же, смешны и забавны здесь наши маленькие, мелочные обиды и взаимные неудовольствия друг на друга.

31 августа. Среда

С утра безоблачно, как и вчера. Яркий, солнечный день. В двенадцать часов ночи возвратились Наталья Федоровна с Яшей из Карт-Джюрта. Я узнал сегодня, что Вера Михайловна осталась ночевать в этом ауле в полутора километрах от нас. В восемь часов утра Галина Ивановна, которая не спала всю ночь, пекла хлеб, отправилась с Натальей Федоровной верхом в Карт-Джюрт уговаривать Веру Михайловну возвратиться обратно или подождать народного милиционера для ее сопровождения в Кисловодск через Бечесын.

Сегодня мы с Магометом составили письма в здравотдел и ото-

book3.indd 88 09.03.2010 17:36:15

слали их с оказией. Надо поскорей получить перевязочный материал и похлопотать о вагоне-теплушке для нас на обратный путь. Пора давно подумать об этом; иначе можем опять засесть в Кисловодске на долгое время.

С утра раздражительное состояние. Причиной все еще продолжающийся инцидент с Верой Михайловной, которая остановилась в ближайшем к нам Салпагаровском квартале Карт-Джюрта. К ней бегает Яша. Ведутся какие-то переговоры. Приехали из Теберды Крым-Шамхаловы. Приходилось устраивать их. Ильяс Магомедович взял к себе в свою квартиру Наталью Федоровну и Галину Ивановну, а комнату Веры Михайловны и Натальи Федоровны (т. е. кухню страшно грязную) передал Крым-Шамхаловым. Анаида Александровна все суетится по хозяйству. Ей хочется, очевидно, угостить Крым-Шамхаловым, которых местное общество приняло очень нелюбезно, хотя они уже третий день в дороге и очень устали, особенно бабушка. Бедные женщины!

Сегодня сделал восемнадцать операций. Работа, очевидно, продолжается.

«Все наполнено Богом; но все и скрываем в себе Бога. Предметы темны, существа не прощаемы. Любить существо, значит – сделать его прозрачным»… (В. Гюго).

Боюсь, что случай с Верой Михайловной отдалит «нас» еще больше от «них». И без того уже между «нами» и «ими» прошла широкая трещина, превратившаяся в глубокую щель. «Мы» – это я, Анаида Александровна и Мария Ивановна, «клиника», как называет нас Магомет. «Они» – это медики-студентки, Вера Михайловна, Наталья Федоровна и Галина Ивановна. «Они» давно сторонятся нас, всегда вместе; ссорятся и мирятся. Слить всех в одно общество невозможно.

Кажется, пора примириться с этим печальным явлением и признать совершившийся факт. Известно, что русская интеллигенция отличается крайней неуживчивостью, нетерпимостью к чужим мнениям и взглядам, любовью к спорам и взаимным дрязгам, преувеличенным представлениям о значении своего «я». А если интеллигенты еще женщины?!

1 сентября. Четверг

Ночью потеплело, предвещая дождливую погоду. Действительно, с полудня над горами грозовые тучи. Хурзук (Уллу-Кам) пожелтел и на-

book3.indd 89 09.03.2010 17:36:15

дулся. Эльбрус закутался в свой плащ. В семь часов пошел дождь при громовых раскатах с молнией. Лег спать под шум дождя, под грохотом переполненных рек. На дворе непроглядная темень.

И дома хмуро. Вера Михайловна пока никуда не уезжает. Остается в Карт-Джурте. Сегодня даже явилась в Учкулан и привела ко мне на прием своих хозяев квартиры; была со мной очень любезна. Я ее так же любезно приглашал пожить с нами. Очень вежливо отказалась: «В Карт-Джюрте сухо».

В шесть часов вечера, когда я после обеда вздремнул, спала и Мария Ивановна, а Анаида Александровна по обыкновению хозяйничала на кухне, меня вдруг разбудила вбежавшая в комнату ассистентка с окровавленным лицом, с окровавленным левым глазом.

«Я разбила себе глаз, он вытек!»…

Она колола на дворе дрова и щепкой поранила левый глаз. К счастью, глаз оказался целым, хотя и сильно ушибленным. Зато левое верхнее веко было рассечено изнутри довольно широко и глубоко. Нервное потрясение было таким сильным, что бедная Анаида Александровна слегла в постель и мучается от тошноты и рвоты. Два раза я сделал перевязку глаза. Это несчастье нас всех очень встревожило и расстроило; а также наших знакомых, особенно Магомета Кочкарова и Ильяса Магомедовича.

Я чувствую, что лишился своего лучшего помощника. Но надеюсь, что она скоро поправится, встанет. Очень грустно смотреть на больную Анаиду Александровну в кровати, такую беспомощную, безропотно покоряющуюся и терпеливую. Лежа в постели, она напомнила Марии Ивановне, чтобы та сделала мне впрыскивание мышьяка. – Печально, что наши медики (кроме Марии Ивановны) совершенно не понимают характер Анаиды Александровны, отдающей всю себя для дела, для других.

2 сентября

Утром сплошной осенний туман покрывает все горы и дно ущелий. Но к десяти часам туман расходится и проглянуло солнце, хотя и не надолго. Холодный осенний ветер дует с гор. Особенно к вечеру стало холодно. Пришлось надеть пальто. Но успел совершить прогулку с Анаидой Александровной в сад к Ильясу Магомедовичу. Там посидели на камне, разговаривали и читали. Бедная Анаида Александровна

book3.indd 90 09.03.2010 17:36:15

была так рада солнцу и теплу, после лежания в постели с раненым глазом. Большую часть дня она сегодня провела в кровати; сильная слабость, общая разбитость. Беспокоит и глаз. Но бодрится, пробует заниматься хозяйством, занимать гостей.

Наш обычный амбулаторный прием окончился в два часа. Рано пообедали, рано выпили чай. Длинный осенний вечер проводим в тепле. Наталья Федоровна и Галина Ивановна ушли куда-то к своим знакомым карачаевцам, – к Асхату или в другое место. Мария Ивановна легла вздремнуть, утомленная работой по приготовлению перевязочного материала для завтрашних операций. Анаида Александровна дремлет в своей постели. А за окном шумит ветер, стучит ставнями, грохочет река. За дверью в соседнем классе, где лежат наши больные, кто-то тянет заунывную карачаевскую песню.

Вышел в пальто на двор. Со всех ущелий ползут туманные облака. Но над головой еще просветы в темную синеву звездного неба. Холодный ветер несется по ущелью. В голосах ветра и горных рек слышится приближение осени. Пора в Краснодар, на север. Быть может, там думают обо мне, там ожидают меня?.. Самонадеянные мечты! Но без них нельзя жить…

«… Тихо все, спокойно, как и прежде,
Но рукой незримой снят покров
Темной грусти… Вере и надежде
Грусть раскрыла, может быть, любовь?
Будем верить, надеяться и любить».

3 сентября. Суббота

Сегодня ровно месяц, как мы живем в Учкулане. Один только месяц… А кажется, что прошел целый длинный год. Такой родной кажется природа: небо здешнее и нездешнее, горы, реки, шум потоков, шум ветра. Своими близкими кажутся камни, на которых сидел и читал книгу; берег реки, где так хорошо думалось и мечталось! Дом, где живем, больница, где работаем. Словно частицу своей души оставил я на Махаре под вековыми елями, на высотах Эпчика, на вершинах, откуда такой чудесный вид на Эльбрус.

Сроднились с людьми, с народом, отдельными славными его представителями. Вероятно, это от возраста? В пожилом возрасте так

book3.indd 91 09.03.2010 17:36:15

легко не разлучаешься с тем, что мило и дорого сердцу. Начинаешь чувствовать себя везде и повсюду «у себя дома», где говорят голоса природы и где чувствуешь присутствие, хотя и незримое, того, кого любишь. Но природа везде верна себе и тебе. А тот, кого любишь, всегда внутри тебя.

«Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной,
Спеша на встречу, мне улыбку ты даришь,
И, заглянув в глаза, мечте моей послушной
О беззаветности надежды говоришь, –
Нет, чтобы счастью нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть в нем, спускаясь до дна,
Мне нужно одному с душой своей остаться,
Молчанье нужно мне и тишина
Тут сердца говорит мне каждое биенье
Про все, чем радостной обязан я судьбе;
А тихая слеза блаженства и томления,
Скатясь жемчужиной, напомнит о себе…»

(Фет)

Сегодня окончательно ушла от нас Вера Михайловна, взяв с собой проводником Яшу. Ушла пешком через Бечесын в Кисловодск. Зачем она ради своего каприза взяла Яшу? Яша собирается с нами в Краснодар. У него перед отъездом много личных хлопот и забот. А она воспользовалась его необычайной душевной добротой и увлекла с собой в длинный, далекий путь.

«Я вчера загадала: если сегодня будет пасмурная погода, остаюсь здесь. Если же будет солнце, пойду в Кисловодск. Погода сегодня отличная, поэтому (?) ухожу», – сказала она мне. А я в Краснодаре считал ее надежным помощником, хорошей работницей, – это капризное, истеричное существо.

Действительно, сегодня славный день, солнечный. Сделал восемнадцать операций (семь извлечений катаракты). После обеда долго читал книгу под камнем за рекой. – Прибыл и гонец из Кисловодска, привез немного ваты, марли, спирта. Это даст нам возможность оперировать еще целую неделю.

book3.indd 92 09.03.2010 17:36:15

Глава 7

ПОСЛЕДНИЕ РАБОЧИЕ ДНИ

4 сентября

Воскресенье. С утра теплый облачный день. С полудня собираются тучки. Предполагавшаяся со вчерашнего вечера поездка к Эльбрусу по ущелью Уллу-Хурзука не удалась, ибо по справкам проехать туда на линейках нельзя. А верховых лошадей в нужном количестве не оказалось – поэтому, после раннего обеда мы (я, Магомет, Мария Ивановна и Анаида Александровна) пошли по Джазлыкской дороге к ближнему нарзану. При входе в ущелье, в полверсты от нарзана нас захватил сильный дождь, с градом в верхнем домике Лепшоковского квартала, где отдохнули и напились айрана. Почва после дождя в ущелье была очень грязная. Поэтому, принимая во внимание состояние ботинок Марии Ивановны, посоветовал возвращаться домой. Так и поступили.

В шесть часов разразилась и у нас над Учкуланом и Главным Хребтом сильная гроза, после которой поехали в Эркеновский квартал к Абаевым посмотреть больного. Его родственники очень просили нас навестить пациента, безуспешно лечившегося в Кисловодске. Ужинали у Абаевых и поздней ночью возвратились домой.

5 сентября

Яркий, солнечный день. «По небу голубому, как легкий дым, несутся облака». Освежает ветер с севера. Идет ровная работа, умеренная амбулатория; двенадцать операций. Настроение тихое, спокойное. Мир в душе; нет раздражительности.

Глаз Анаиды Александровны хорошо поправляется, хотя приходится накладывать пока большую повязку. После обеда втроем совершили небольшую прогулку на склон Эльбаши*, где открыли ручеек, прозванный «нашим» ручейком, – ручьем «глазной клиники». Здесь в тесном ущелье просидели мирно полтора часа, слушая лепет ручья, собирая барбарис и цветы у воды.

* Эльбаши – правильно: Эл Башы.

book3.indd 93 09.03.2010 17:36:15

Сегодня ровно месяц, как мы начали свою глазную работу. С какими чувствами и настроением начинали ее, с какой тревогой и сомнением!.. А теперь какая-то уверенность, бодрость; хотя не покидает никогда сознание слабости своих усилий и недостаточной продуктивности работы. Уже оканчиваем работу. Пора подводить итоги нашему скромному предприятию. Что же делать! Будем смотреть на нее, как на опыт, – и опыт, смею думать, довольно удачный. В будущем постараюсь сделать лучше.

Вечером получили письма от… Нины Максимовны!.. из Минеральных Вод - от 3 августа и из Константиновской – от 10 августа. Прочитал их с большим волнением, эти единственные в отряде письма, с того берега. Письма сухие и холодные, официальные, письма «для всех». Но нужно довольствоваться и этим. Долго сидел вечером под звездами на камнях, на берегу «нашей» реки, вспоминая иные берега. «Толпой поднялись знакомые виденья» и один образ, неотступно сопровождающий меня всегда и всюду.

6 сентября

Солнечный, безоблачный день. Воздух удивительно прозрачный, теплый. Небольшая амбулатория.

Вчера с грустью расстался с «Отверженными» В. Гюго. Окончил эту замечательную книгу и принялся за Лескова. Долго читал на берегу реки после обеда. Река поет свою песню, многоголосую и меланхолическую. Ей вторит из-за нашей больничной площадки родная сестра Учкулан. Свежий, теплый ветер приносит новые звуки: и иные уносит. И в этой гармонии поющих рек слышится музыка природы, песнь жизни, вечно юной и бесконечно разнообразной в своем кажущемся однообразии.

Как будто в такт несутся пенистые волны, прыгают через камни, разбиваются и тонут в родной стихии. А на смену им бегут водяные валы, точно такие же и совсем другие, весело и неудержимо, словно обгоняют друг друга. Pevrtuum mobile жизни под аккомпанемент вальса природы.

«Однообразный и безумный,
Как жизни вихрь молодой,
Кружится вальса вихрь шумный,
Чета мелькает за четой»…

(Пушкин)

book3.indd 94 09.03.2010 17:36:16

Так чета за четой несутся волны жизни, волны реки. Огромные граниты, усеивающие речное ложе, покорно подставляют свои бока ударом волн, несущихся через них.

Другие такие же камни, сухие и горячие под яркими лучами солнца, расположились рядами по берегам реки справа и слева, словно зрители в амфитеатре; глядят вниз на волны и слушают речную мелодию. – Зеленая трава пучками торчит между валунами, высокие стебли ее колышутся и волнуются под ветром. А за рекой зеленые лужайки в каменных оградах, стада пасущегося скота на них и горы, горы со всех сторон замыкают горизонт. Взор, скользя по склонам гор, по раскрывающим их темным ущельям, поднимается с горами все выше и выше, уходит на скалистые гребни, где земля в величайшем стремлении к небесам словно порывается оторваться от самой себя и унестись ввысь; и каменные громады превращаются в ажурный рисунок тонких пик, остроконечных скал, громоздящихся друг на друга. И невольно вместе с вершинными скалами и взор уносится все выше и выше, отрывается до последних граней земли и тонет в лазури неба. Какое здесь небо в Карачае!

Этого не изобразить никакими красками, не опишешь словами. Сегодня безоблачные небеса. Но внимательный взгляд отмечает нежные клубы пара, поднимающегося, как дым кадильный, от горных вершин, и тотчас тающего в теплом воздухе.

Шумит, грохочет река, заглушая все звуки. Читаешь Лескова и уносишься с ним в такой же очаровательный и вместе с тем такой же реальный мир ищущих Божьей правды людей. И жизнь кажется сказкой; и сказка начинает походить на быль. Шумит, пенится река, катя свои волны на север. Туда к берегам Кубани несутся и мысли, и чувства.

«Уносит мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль…»

Вечером все ходили в гости к Абаевым и оттуда любовались картиной Эльбруса на закате. Приехал поздно вечером Яша, провожавший Веру Михайловну до Кисловодска.

book3.indd 95 09.03.2010 17:36:16

7 сентября. Среда

Утро необычно теплое. Вполне чистое небо. Но ветер с юго-запада не обещает хорошей погоды. И действительно, с полудня нахмуривается, холоднеет. Тучи клубятся вокруг горных вершин, проливаются в горах дождем. Ветер усиливается. Рушатся наши надежды на поездку завтра к Эльбрусу по ущелью Уллу Хурзука, хотя имеются и лошади; и все подготовлено.

Больных мало. Не состоялись предполагаемые сегодня операции, ибо явилась только одна больная. Решили оперировать в субботу в последний раз, а там уже собираться домой. Анаида Александровна с трех часов дня до глубокой ночи стирала белье.

8 сентября

С утра холодный ветер. С юго-запада через горы несутся тучи, гряда за грядой, цепляются за гребни хребтов и плывут дальше. То та, то другая группа гор закутывается облаками и тонет в дымке дождя. Временами местами проглянет солнце, озаряя снопами лучей горные громады. Тогда тучи кажутся мрачнее, горы величественнее. И сквозь небеса развертывается улыбкой вечности, синеет бездонная лазурь.

«Наши» с утра волнуются и нервничают из-за прогулки к Эльбрусу по Уллу Хурзуку. Их в этом отношении поддерживает и Магомет, настаивающий на поездке. Появились в изобилии и верховые лошади! Предлагают их со всех сторон Яша, Асхат, Хаджи-Мурат. Наталья Федоровна сегодня именинница; и она с Галиной Ивановной заявила мне, что они все равно поедут верхом в горы. Лошади у них имеются и есть проводник, какой-то мне незнакомый милиционер. – Мне и Анаиде Александровне не хотелось ехать. Анаида Александровна очень устала после вчерашней восьмичасовой стирки и сегодня собиралась сушить и гладить белье. Я уже предполагал, что погода слишком ненадежная для большой и дальней прогулки. Наконец, огромная амбулатория в базарный день должна была быть удовлетворена.

В результате все устроилось хорошо. Наталья Федоровна и Галина Ивановна ускакали со своим милиционером, бросивши все дела и кухню, где Наталья Федоровна была дежурной. Мария Ивановна поехала после обеда верхом с Яшей в другую сторону, к роднику. Остались мы

book3.indd 96 09.03.2010 17:36:16

вдвоем. Я засел в амбулатории и принимал с увлечением больных до четырех часов дня. Анаида Александровна деловито занялась кухней и бельем. Больные сегодня, как обычно в базарные дни, ходят целый день; и я потихоньку их отпускаю.

В пять часов пошел сильный дождь. Где это теперь наши? Пусть насладятся вдоволь верховой ездой. Без нее они плохо воспринимают природу Карачая. Я часто наблюдал, что люди наслаждаются природой только тогда, когда она оглушает их сильными ударами. Я же и здесь, около нашего дома, на берегу реки, на обломке камня, в тени дерева, под обрывом скалы слышу слишком внятно настороженным слухом голоса природы.

Так и сегодня кое-что новое напела мне река, подсказала книга, и нашептал ветер новые мысли, их надо обдумать. Душа встревожена, хотя и настроена мирно…

9 сентября.

Всю ночь шел дождь при сильном ветре, потрясавшем ставни и окна. Дождь идет весь день, то усиливаясь, то ослабевая. Горы в облаках. Шум дождя сливается с шумом рек в одну монотонную песню. – К вечеру дождь затихает, открываются горы. Но как они преобразились! Они до половины высоты покрыты снегом. Под ярко-белым, пушистым покровом выступают черные отвесные скалы, на которых не держится снег. Снежные горные цепи, сжимающие наши три ущелья, придают картине природы суровый, мрачный оттенок. Высокие слоистые облака образуют сплошной белесоватый покров, на фоне которого слабо обрисовываются белые пики. Из ущелий, словно пар, клубятся и медленно выползают объемистые рыхлые облака и плывут по склонам гор. Небо сливается с горами. А внизу мокрые камни, мокрая земля. Всюду следы дождя. Холодно.

Наталья Федоровна и Галина Ивановна, возвратившиеся поздно ночью, утомлены и вялы. Они стрелой промчались вверх по ущелью Уллу-Кама, до так называемого «Каменского моста» и в восторге от своей поездки. Мария Ивановна, также уставшая от верховой езды, страдает насморком и головной болью. Одна Анаида Александровна неутомима, гладит белье, готовит обед, распоряжается судьбой двух баранов:

book3.indd 97 09.03.2010 17:36:16

идеальный завхоз. Больных из-за проливного дождя очень мало, так что я весь день читаю Лескова.

Осенний день – предвестник зимы. Природа преобразилась, подавая пример и нам. Заканчивается лето; заканчивается и повесть о наших странствиях. Осталось уже немного страниц в этом дневнике, конец близок. Протрубил сигнал, корабль готов к отплытью. Нельзя задерживаться на этом острове; пора в дальнейший путь. Что дало нам знакомство с этим островом на нашем жизненном пути, чем обогатилась наша душа?..

Ползут несмело туманы с горных вершин; развертывают все новые и новые картины. «Мне что-то новое сказали эти «горы» и новой истиной невольно грудь полна», – новой и вечно старой. Такова наша жизнь.

10 сентября

День, как и вчера, дождливый. Лишь к вечеру стало проясняться. Показались вершины гор в снегу и ясное небо, усеянное звездами. Луна. Но ночью опять барабанит дождь. Стало холодно. Вечером протопили печь в наших двух комнатах. Мы сидели у ярко пылающей печки и наслаждались теплом. Пришел и Магомет. Болтали до двенадцати часов ночи. А «наши», т.е. Наталья Федоровна и Галина Ивановна, сидели у себя, в квартире Ильяса Магомедовича.

Несмотря на дождь, амбулатория доходила до 60 человек. Я сделал девять операций. Вероятно, последние операции, ибо в среду собираемся уезжать. Ждем только хорошей погоды и лошадей.

11 сентября

Воскресенье. Окончил Лескова. Он произвел на меня сильное впечатление, особенно его «Соборяне». Нина Максимовна писала, что принялась за «Войну и мир». Захотелось и мне немного уйти в Толстого.

Продолжается та же погода. Но сегодня середина дня солнечная, так что Анаида Александровна успела просушить сыры, начавшие было местами плесневеть. Сидел на солнышке, читал «Что такое искусство», пока сушился сыр. Но так как Анаида Александровна ничего не понимала из прочитанного, то я про себя читал мысли Л. Н. Толстого. Так хорошо вспомнить самое важное и столь часто забываемое за суетой жизни.

book3.indd 98 09.03.2010 17:36:16

В четыре часа проливной дождь. Продолжающийся до вечера жестокий ветер с юго-запада из-за Главного Хребта несет тучи и налетает порывами. Ночь беспокойная; спал очень плохо. Хлопали ставни, двери, чудилась какая-то тревога, выстрелы, пожар. Но в соседней комнате спали мирно Мария Ивановна и Анаида Александровна. Уж не болен ли я?

«Представь себе, что любимая женщина обещала тебе свидание вечером. Как ты проведешь этот день, как будешь готовиться к этому свиданию? Как будешь бояться умереть, бояться, как бы не кончился мир до этого свидания. А свершись свидание, – пусть после будет, что будет. Так же страстно только одного желать – исполнения ее. Возможно ли это?» (Л.Н. Толстой).

Меня поразили эти слова по полному соответствию с моим настроением. Я как будто не боюсь смерти. Но боюсь только одного: как бы она не пришла раньше, чем увижусь с Ниной Максимовной, взгляну на нее, посижу около нее. «А после пусть будет, что будет».

И еще не хотелось бы умереть с такой душой, полной дурных помыслов, не успевши хоть немного усовершенствовать ее, к чему постоянно стремиться.

12 сентября

Понедельник. Так оно и оказалось: сегодня чувствую себя больным. Утром кое-как сделал перевязки оперированным, посидел с трудом в амбулатории; но с полудня лег в кровать. Днем температура тридцать семь градусов, вечером тридцать восемь, полная разбитость.

Анаида Александровна ухаживает за мной, оберегает мой покой. Не впустила даже Магомета и Ильяса Магомедовича. Лежал и читал Толстого с тяжелой, но ясной головой, «Мысли об отношениях между полами». Интересно; но со многими положениями не согласился.

День, как и вчера, неустойчивый. Сильный ветер с юго-запада; иногда дождь, порой выглянет солнце. Ночь лунная, яркая, звездная. Небо безоблачное.

13 сентября

Вторник. Утро безоблачное. После долгих, хмурых дней наше ущелье тонет в потоках света. Свежие снега на вершинах и склонах гор сверкают ослепительно на фоне синего неба. Жаль только, что нездоровится.

book3.indd 99 09.03.2010 17:36:16

Лихорадит, сильная слабость. Собирались завтра уезжать. А как уедешь при таком состоянии здоровья? Спасибо Анаиде Александровне, она очень смотрит за мной.

Все-таки сделал операцию: извлечение катаракты у старика из Доут. Читал весь день «Что такое искусство». Трудно читать Толстого в болезненном состоянии. Он очень суров и давит своей суровостью.

14 сентября

Среда. Из-за дизентерии третий день без пищи. Очень резкая слабость, температура утром тридцать семь и один. Зато днем чувствую себя все лучше и лучше, хотя погода изменилась к худшему. Опять сильный ветер с юго-запада, облака, туман. Не греет солнце из-за сильного, пронизывающего ветра.

Впрочем, сегодня не замечаю ни гор, ни рек. Не слышу шума горных потоков: весь поглощен писанием отчета о деятельности нашего глазного отряда. – Погрузился в воспоминания прошлого, как возникла идея отряда, как мы с Анаидой Александровной осуществляли ее под покровом и благословением нашей Нины Максимовны. Первые шаги в Екатеринодаре, путь до Учкулана. Первые внутренние трения; увлекательная работа среди бесконечно разнообразных, богатых новых впечатлений. Как все хорошо и чудно! Отпали людские дрязги, мелочные обиды, игра тщеславий и ложных самолюбий. Перед моим внутренним взором – одна чистая струя деятельной любви. Мы все ее коснулись. Но все ли ее почувствовали? «Душа горит, готова вспыхнуть чище»….

В сухих строках отчета цифры и слова, маловыразительные, но нужные. В них – картина глазной заболеваемости в Карачае, глазной беспомощности. В них – наши скрытые достижения; прозревшие слепцы, спасенные глаза, облегченные страдания. Высказал благодарность всем своим помощникам, последовавшим за мной в далекий горный уголок Кавказа; мужественно и безропотно перенесшим все тягости долгого и утомительного пути и с радостной готовностью несшим труды по оказанию глазной помощи населению Карачая. Преклоняюсь перед этим подвигом своего женского медицинского персонала. Так писал я в заключение своего отчета. Упомянул о заслугах Марии Ивановны, говоря об успешности операций. Писал все искренно. Но не мог доверить

book3.indd 100 09.03.2010 17:36:16

казенному языку-отчету своих чувств к Анаиде Александровне. Она слишком много сделала для отряда и лично для меня.

Сегодня извлек катаракты сразу на обоих глазах у одной старушки, привезенной издалека, из Каменномостского аула. Пришлось отказать в операции пяти больным из дальних аулов, ибо надо укладываться. А они только что прибыли. С нашим отъездом некому будет ухаживать за ними.

С нами уезжает Магомет; а на следующий день отправляется на кош и Хаджи-Мурат. Посоветовал всем больным ехать за нами в Кисловодск, чтобы оперировать их там, в Карачаевской областной больнице.

Впрочем, аулы не доставили нам обещанных подвод! Да и здоровье мое скверное. Погода холодная. Говорят, на Бечесыне мороз, лежит снег!..

Глава 8

СБОРЫ В ДОРОГУ И ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ДО КИСЛОВОДСКА

15 сентября

Четверг. Меня ужасно беспокоит моя дизентерия. Удивительно, откуда она взялась. Удивительно, почему она не проходит! Я нарочно ничего ни ем. Болезнь не страшна, пустяки. Но она может помешать отъезду из- за большой физической слабости. Утешает то, что погода и сегодня плохая, очень холодная и ветреная, без солнца. А на Бечесыне будет совсем зима, особенно для наших, плохо одетых членов отряда. И лошадей пока также нет! Значит, задержка не из-за моей болезни. Это как будто успокаивает меня. А страшно захотелось в Екатеринодар! Наверно, там уже Нина Максимовна, начинается работа в клинике. А здесь делать нечего; работа закончена, наше дальнейшее пребывание здесь потеряло свой смысл. Написан и даже подписан отчет. Чего же ждать? Как будто и природа гонит нас из своих ущелий.

Вечером приходили Магомет и Ильяс Магомедович. Оказалось: наняли для нас обществом две пароконных мажары, чтобы отвезти нас, как я просил, ущельями, а не через плато; по Кубанскому и Индишскому ущелью в Кисловодск. В ущельях гораздо теплее. Уезжаем в субботу утром.

book3.indd 101 09.03.2010 17:36:16

Читаю им свой отчет о работе отряда. Отчет произвел сильное впечатление, когда отдельные приемные дни, отдельные операции, отдельные пациенты сомкнулись в целую стройную армию страждущих слепцов, излеченных и прозревших усилиями нашего отряда. – 733 первичных больных, сделали 3861 посещения; свыше ста больных в день. Произведено почти 200 больших глазных операций (194), из них почти 90 (точно 89) операций извлечения катаракты на слепых глазах. У Магомета Кочкарова, как заведующего областным здравотделом, открылись глаза на состояние органа зрения в Карачае.

Больных глазами очень много! Велика нужда глазной помощи… А ведь мы обслужили в сущности только население трех больших аулов Старого (Большого) Карачая: Учкулана, Карт-Джюрта и Хурзука, – только эти аулы прислали нам пациентов, и то далеко не всех! Началась пора покосов, заготовки сена на горных лугах. Масса населения ушла со скотом в далекие места с этой целью. Не до лечения им глаз, когда судьба скота и их собственная жизнь, – жизнь горца-скотовода зависит от обеспечения скотины на зиму продовольствием.

Жители аулов по Теберде, Доуту, Маре, Джегуте и других мест почти не приходили к нам, хотя и у них нужда глазной помощи, несомненно, очень велика.

Внимательно, с серьезным лицом слушал Магомет Кочкаров мой отчет. А сам я в присутствии гостей лежал на кровати, ибо от сильной слабости у меня кружилась голова. – Анаида Александровна все сокрушается, что от болезни пропала моя замечательная летняя прибавка в весе. А я? Я вовсе не волнуюсь. Зачем мне полнеть? Да, кроме того:

«Все благо. Бдения и сна
Приходит час определенный.
Благословен и день забот.
Благословен и тьмы приход…»

16 сентября. Пятница

Настроение предотъездное. Все укладывают свои вещи, осматриваются вокруг, убирают, приводят все в порядок. Я утром совсем плох. Слабость, больше лежу. Утром было 37 градусов; и этот пустяковый

book3.indd 102 09.03.2010 17:36:16

«жар» уже донимал меня. Но днем мне лучше. Поел кое-что и как будто набрался сил. И живот лучше.

Берем с собой медикаменты и перевязочный материал, ибо поедем через аулы, где население может обращаться к нам за помощью. Анаида Александровна в работе, в движении, везде поспевает. Готовит подушки, матрасы с шерстью, запасы провизии в дорогу. Приготовляет мне пищу, ухаживает за мной. Ухитрилась забрать даже шкуры баранов, подаренных нам! На что они ей? – У всех настроение бодрое. Все чувствуют, что пора уезжать из Карачая. Дело закончено. Запаздываем! Домой! Хотя и здесь горы стали родными? И что за чудная душа, наш Ильяс Магомедович!..

17 сентября. Суббота

Сегодня ровно два месяца, как мы выехали из Екатеринодара. И никак не можем обратно уехать домой! Нет сегодня обещанных лошадей. Оказалось, что общество не заплатило деньги нашим подводчикам; никак не могло собрать нужную сумму. Вот мы и сидим. Все уже запаковали. Едим дорожную провизию; отбиваемся от наседающих пациентов, которые все же являются и которым мы не можем помочь, ибо все спрятано. Ужасно досадно!

Зная о нашем отъезде, карачаевцы спешат запастись у нас лекарством. Уже целую неделю нас осаждают больше женщины, просящие «дарман» (лекарство). Мы просим приносить с собой пузырьки, в которые аптека отпускает им дарман. Но увы! Пузырьки у них «шиша» огромных размеров: винные или четвертные бутылки! В них бесследно исчезают десять – тридцать наших капель. Пробуем давать побольше, грамм пятьдесят – сто, но все равно, из большой бутылки трудно достать нужное количество капель, для пускания в глаз (две, три капли), тем более что все пипетки уже давно розданы. – Главное то, что при увеличении количества «дармана» у нас быстро истощились и лекарства, сернокислый цинк и протаргол, наиболее ходовые. О мазях и говорить нечего! От них и след простыл.

А старые пациенты наседают все сильнее: «дарман!» и протягивают свои бутылки с слезящимися, гноящимися глазами, воспаленными веками. Пришлось прибегнуть к героическому средству. Притащили из

book3.indd 103 09.03.2010 17:36:16

источника Кара-су* с превосходной водой целое ведро холодной влаги; наливаем из ведра чуть не полную бутылку и высыпаем туда ornantum safis марганцовокислого калия. Вода чудно окрашивается, приобретает дезинфицирующее свойство полезное для глаз. И дарман готов!

Но надо ехать! Магомет и предисполком ходят куда-то, но все без толку. Вооружаемся терпением. А погода безоблачная, солнце горячее, горы во всем великолепии. Однако холодный воздух говорит об осени. Реки стали прозрачными, чистыми. Вода в них убывает. Синеют вдали на севере горы, куда лежит наш путь.

Анаида Александровна усердно чистит и скоблит кухонную посуду. Приводит в порядок и нашу посуду; возвращает по принадлежности взятое заимообразно.

18 сентября

Воскресенье. …Вчера я был раздражен. Сегодня вооружился терпением и спокойствием. Читаю весь день на берегу Уллу-Кама «Записки Пиквикского клуба». Невольные дачники! Пациентов вовсе нет. Изредка приходят за дарманом пять-шесть человек. Да долечиваем своих госпитализированных с катарактой.

После обеда, чтобы развлечь и успокоить нашу публику, посоветовал подняться на гору поверх Байчоровского квартала и поглядеть на Эльбрус. Вышли на прогулку все пятеро, чего давно не было с нами! Любовались видом Эльбруса и спустились в соседнюю каменистую теснину, которая вывела нас в квартал Эркеновых. Вернулись домой после заката.

Чудная лунная ночь не давала спать. Тени от гор в ущельях, серебристый блеск пенящихся рек, лунная дымка над снеговой группой Хурзука. Черно-синее небо вверху, сверкающие звезды. Шум потоков, вполне гармонирующий с полной тишиной окрестностей. Сижу на каменной ограде. Подходят, уходят люди: Яша, Асхат, наши. Что-то говорят о природе, рассуждают, философствуют. Лучше бы молчали.

19 сентября

Понедельник. Сегодня начала раздражаться даже Анаида Александровна. Мы никак не можем тронуться с места! Она даже поехала верхом в Хурзук просить помощи у тамошнего Исполкома. Мы готовы идти пешком, лишь бы дали нам арбу для вещей! Несчастная

*Кара-су – правильно: Къара Суу

book3.indd 104 09.03.2010 17:36:16

страна, никак не может организовать такой простой вещи, как выпроводить нас пятерых отсюда.

Большевиков отправляют моментально в любом направлении, верхом или на подводах, ибо за ними выглядывает винтовка или пулемет. А мы что? Физической силой не обладаем. А моральная сила пока еще не ценится здесь.

А погода для поездки идеальная. Безоблачно, тихо. Чудная осенняя пора с жаркими днями и прохладными ночами. Я стараюсь быть спокойным. Но мысль, что Нина Максимовна уже в Екатеринодаре и работает в клинике, выводит меня из себя. И я начинаю волноваться и хлопотать, т.е. так же бессмысленно, но суетимся, как все.

Нет, лучше пойти почитать у реки на камне. «Записки Пиквикского клуба». – С трех часов задул сильный ветер, появились тучи на горизонте над долиной Кубани. Сильно похолодало.

20 сентября

Вторник. Ночью сильный ветер, шум дождя. Утром мы ахнули, снег падает крупными хлопьями из низких облаков. Все горы окутаны тучами; холодно и мокро.

Наши подводчики, вчера вечером обещавшие приехать на заре, не явились из-за дурной погоды. Мы злились и нервничали. Ругался и Магомет. А с двух часов и погода стала лучше. Прекратился снегопад, стало подсыхать. Открываются горы со снегом на склонах.

Сложили все свои вещи и сидели покорно. Уже не ругаемся, а ждем терпеливо, повинуясь року. Будь у нас свои деньги, мы давно заплатили бы подводчикам и уехали. Но жалования мы не получаем, все мы без денег. Невольно думается, что в Екатеринодаре кипит жизнь, работа. Наша клиника полна больных, огромная амбулатория, множество операций. Грызет совесть: не ценил до сих пор своей больницы, своих больных. Бросил для чего-то сомнительного: искать новых переживаний в чужих краях среди чужих людей, так дурно отплачивающих нам за все труды для их пользы. А там… там Нина Максимовна одна давно работает, одна ходит по палатам, делает обходы, одна оперирует, одна ведет амбулаторию. Одна вечером посещает больницу.

Приехал вечером Яша. Говорит, что сейчас придут Бостановы. Запрягут лошадей. Сейчас поедем… Неужели? Не верится.

book3.indd 105 09.03.2010 17:36:16

Подводы приехали в семь часов вечера, две грубо сколоченные мажары. Мы попрощались очень трогательно со всеми, особенно с Ильясом Магомедовичем, уселись и тронулись в путь. Пока подводы от моста поднимались к Карт-Джюрту, я долго глядел, обернувшись назад, на нашу больничную площадку и долго видел фигуру Ильяса Магомедовича, посылавшего нам свой привет. Дорога пошла вниз к Кубани, – скрылся Учкулан из наших глаз. – Казалось навсегда; по крайней мере, в этом году не увидим его больше.

Но Карачай и тут жестоко насмеялся над нами. Подводчики подъехали к Исполкому Карт-Джюрта и зашли в правление получить свою долю денег от этого аула. Денег полностью не оказалось. Тогда они спокойно повернули лошадей обратно и медленно поплелись в холодную туманную ночь в Учкулан! Напрасно я протестовал, кричал, волновался. Отдавал свои серебряные часы вместо денег, обещал заплатить в Кисловодске недостающую сумму, потребовавши ее от Карачаевского Областного Исполкома. Ничто не помогало.

Бостановы не брали моих часов: «Ты не должен платить! Твоих денег нам не надо! Мы твоих денег не возьмем. Деньги должно заплатить Правительство. Пусть дает нам что следует!» Они не доверяли своей власти.

Настроение было у нас ужасное, трудно его описать. Все молчали. Хотелось плакать и ругаться. Приехали обратно в час ночи, в свое уже разоренное гнездо. В наше отсутствие комнаты наши были очищены от мебели, пустынные, неуютные, неприбранные, они производили ужасное впечатление. Мы продрогли, промерзли до костей во время ночной поездки, в комнатах было нестерпимо холодно.

Яша где-то разломал сарай и принес доски. Затопили ими печку. Ярко пылает огонь; громко трещат доски. Я вооружился Яшиным топором и яростно атаковал бедный сарайчик, выбивая из него другие доски. Кое-как согрелись; стало теплее, на душе веселее. Лишь одна Мария Ивановна сильно озябла и слегла в «постель».

21 сентября

Среда.День очень холодный, суровый. Северо-западный ветер леденит кровь. Но проглянуло солнце, очистилось небо; и на прогреве тепло и уютно. Пришел председатель Исполкома, бранится по поводу

book3.indd 106 09.03.2010 17:36:17

сарайчика у реки, откуда мы позаимствовали топливо. Я так отпел его за безобразное отношение к нам, за карачаевское «гостеприимство», за все добро, которое мы им сделали, что он тотчас скрылся.

Стараюсь не думать о перенесенных вчера горестях и неудачах. Достал себе «Повесть о двух городах» Диккенса, чудную повесть в моем вкусе и читаю ее, пользуясь каждой свободной минутой. – Опять хозяйничает Анаида Александровна; моет, стирает, стряпает. Опять Наталья Федоровна и Галина Ивановна исчезли куда-то и не показываются: разве только тогда, когда пора есть. Бедная Мария Ивановна, она простудилась вчера вечером. Лежит в постели с температурой, с насморком, кашляет. Анаида Александровна ухаживает за ней.

Куда-то пропал Магомет Кочкаров. Говорят, уехал в Карт-Джурт хлопотать о деньгах. Что-то новое предпринимается для нашего выселения из Карачая. Я махнул на все рукой и читаю. Среди чтения приходят разные мысли о том, что делается дома, чем питаются мои домашние? Что творится в клинике? Гоню эти мысли куда-то в подсознательные сферы, но они настойчиво просятся обратно в сознание.

Поздно вечером, когда я с Ильясом Магомедовичем возвратился от Абаевых, у нас оказались гости: Магомет Кочкаров, предисполком и еще кто-то незнакомый. Достали, наконец, деньги сполна, что-то около пятнадцати или тринадцати тысяч рублей. Разложили их на стол и принялись считать. Сосчитали. Послали нарочного к Бостановым передать эти деньги их с тем, чтобы они приехали завтра утром и забрали нас. Не верится теперь…

22 сентября

Четверг. Безоблачный, солнечный день. Утро холодное. Морозец. Все покрыто инеем. Но днем солнце печет так хорошо, словно у нас в октябре.

Двенадцать часов дня. Полдень. У-р-р-р-а!!! Приехали подводчики везти нас. Неужели поедем?

book3.indd 107 09.03.2010 17:36:17

В ПУТИ

Выехали в два часа дня по солнцу. Едем не спеша, в безоблачный, прохладный по-осеннему день; простились как-то торопливо, с нетерпением, о чем сейчас вспоминаю с краской стыда. Но уж очень истомились мы, ожидая отъезда из Карачая, так что радость по поводу отъезда из Карачая перешла в грусть расставания с Ильясом Магомедовичем и с теми местами, где столько пережито. Но долго провожают нас снеговые вершины, окружающие «наши» ущелья. И до самого рудника, оборачиваясь назад, я вижу все еще знакомые горные цепи в белоснежном одеянии на фоне лазурного неба.

Вот справа верховая тропа в ущелье реки Сесь. По этой тропе два месяца назад мы спускались к Кубани с Бечесына. Мимо, мимо! Вот и последний квартал Карт-Джюрта, его миловидные домики среди чудных лужаек. По мосту через Кубань на левый ее берег. Вот и рудник, вход в Кубанское ущелье, – последний пункт, еще знакомый нам. Дорога вместе с рекой круто поворачивает на северо-запад.

Прощай, Большой Карачай! Мы покидаем его, уходя в узкую теснину Кубани. Стремительно несется река, обгоняя нас. С волнами едем и мы вниз по течению. За рудником ущелье теснее. Крутые его склоны покрыты справа и слева лиственным лесом. Хвойные насаждения покинули нас у рудника и ушли со дна ущелья на вершины. При впадении реки Худес в Кубань прибрежные скалы величественно громоздятся среди густой зелени в виде развалин исполинского замка. Ущелье еще больше сворачивает к западу, как бы продолжая щель Худеса. Все обернулись назад, чтобы взглянуть вверх по течению этой реки, вспомнив, как в конце июля мы спускались с Бечесына к ее верховьям. Обернулись и были поражены, очарованы видом Эльбруса, замыкавшего все ущелье Худеса огромной снежной громадой. В зеленой рамке лесов на склонах ущелья белоснежный гигант Кавказа представлял картину, исключительную по красоте.

Небольшая остановка на берегу Кубани, позавтракали айраном, вареным мясом. Съели даже арбуз, который Яша выпросил у встречных аробщиков. – Проехали мимо Джалан-Кола и Аман-Кола, впадающих в Кубань справа; мимо Доута, открывающего в нее слева. Лес гуще,

book3.indd 108 09.03.2010 17:36:17

крупнее. Чудные осенние краски леса, яркие, пестрые. Одни березы еще зеленые. Огненно-желтые клены осыпаются. Горят красные дубы. Но темна зелень ясеней. Рябина в пышных кистях красных ягод.

Вот и впадение реки Индыша* в Кубань. Не задерживаясь у домика, бывшей здесь почтовой станции с высокими пирамидальными тополями, мы свернули в узкую теснину Индыша на север и покинули Кубань. Решили ночевать где-либо в ущелье Индыша, ибо добраться до кошей засветло не удается. Уже солнце закатилось; а в темноте здесь совершенно невозможно, ужасная дорога! Бесконечное число раз наши мажары переезжают через реку, следуя по устилающим ее камням. Мы предпочитаем идти пешком. Телеги с грохотом перекатываются через огромные камни, загромождающие русло реки. Отвесные скалы песчаника замыкают его с боков. Уже совсем стемнело, когда мы остановились на небольшой лужайке у реки. Пылает костер. Варится в ведре мясо, готовится суп при деятельном участии Анаиды Александровны. После ужина улеглись спать на постланных кошмах у костра.

23 сентября

Пятница. Встали на заре и тотчас в путь! Целый день идем пешком, то за телегами, то впереди их по руслу Индыша, поднимаясь на перевал между Черным и Каспийским морем; между бассейнами Кубани и Кумы.

Дорога местами кажется совершенно непроходимой для подвод, вся загроможденная огромными облаками скал. Кое-как пробираются среди них наши подводчики, нащупывая размытую водой аробную колею, вернее, ее следы. Склоны ущелья круты, но живописно покрыты лесом: березы, дубы, клены, ясени. У самой воды внизу ольха, орешник.

Утро холодное. Солнце долго не может проникнуть на дно ущелья, где едем мы. Земля, трава – все покрыто толстым налетом инея. Но небо безоблачное, темно-синее. Там высоко над нами «Из тесной пропасти ущелья нам небо кажется синей». Верхние склоны ущелья уже озарены солнцем. И высокие белоствольные березы, облитые светом, четко рисуются нежными зелеными очертаниями на фоне лазури. Пещеры, где прячется на ночь скот.

Мы поднимаемся медленно. Вот солнце глянуло на дно долины. Стало сразу жарко. Попадаются дорогой коши из Карт-Джюрта. Осматриваем больных, раздаем лекарства; пьем айран, едим кукурузные лепешки.

* Индыша – правильно: Индиша.

book3.indd 109 09.03.2010 17:36:17

Встречаются тяжелые формы кератита. Впускаем кокаин, атропин, вкладываем мазь, накладываем повязки. Совсем как в клинике! Сколько еще глазных больных на кошах, беспомощных, не обращавшихся к нам за помощью. Даем советы, обещаем приехать летом будущего года.

Исключительно трудный участок пути по глыбам скал на границе леса. Рискованный подъем из последнего изгиба ущелья по размытой дороге, – и мы, наконец, среди пастбищ в самых верховьях Индыша. Пейзаж Бечесына. Леса исчезли, ушли по склонам долин на дно ущелий. Дорога вьется по покосным лугам, медленно поднимаясь высоко над тихо журчащим ручьем. Повсюду стога сена покрывают огромные зеленые бугры. Чувствуется близость травянистых плато Бечесына. Воздух необычайно чистый, свежий. Дышится так легко!

Звонко отдается каждый звук, даже удар палки о камень. Отчетливо слышны голоса пастухов с противоположного склона балки. По оврагам везде стада; дымятся коши. Около них желтеют поля ячменя. Ячмень сжат, стоит в копнах. Работают косари, рядами ложится трава. Мирная картина, полная особенной прелести. Сколько в ней тишины и глубокого внутреннего покоя, захватывающего душу! Я иду впереди мажар. Галина Ивановна и Мария Ивановна совсем устали от тяжелого дневного перехода пешком. Они еле плетутся и подсаживаются на телеги. Наталья Федоровна одна ушла далеко вперед.

Вот мы на желтой песчаной дороге. Красивыми, плавными извивами поднимается она по лугам на перевал. Поднимаемся и мы. Горизонт ширится и становится необъятным. Снеговые вершины Кавказа, наши знакомые горы Карачая, глянули на нас с юго. Вот они растут и растут, выстраиваются уже в длинные цепи. С каждым поворотом дороги, с каждым подъемом выглядывают из-за травянистых бугров новые вершины, примыкают уже к открывшимся, – перед нами роскошная панорама высокогорного Кавказа.

Небольшая остановка у верхнего коша, осмотр больного старика. Айран и отдых на бурке под тенью копны ячменя. Крутой подъем, последний изгиб дороги, – и мы на перевале Марджа.

Новый мир глянул на нас с перевальной дороги. На юге поднялся во весь свой рост Эльбрус и с примыкающими к нему снежными хребтами слился в одну картину с виднеющимися раньше горами Карачая. Залитые солнцем, клонящимся к закату, стройно протянулись по далекому горизонту белоснежные цепи гор. Ничто не закры-

book3.indd 110 09.03.2010 17:36:17

вает горизонт. Вокруг нас знакомые по Бечесыну обширные поля, зеленеющие луга покрывают необъятные просторы, уходящие в безграничную волнующуюся даль – зеленое море под синим куполом далеких небес. Стада и коши. Поля изрезаны балками, начинающими ущельями притоков Кубани. Из глубины этих ущелий кое-где взбегают и заглядывают сюда наверх редеющие леса.

Мы вынырнули из бассейна Кубани. Из ущелья реки Индиш; но тут же рядом под нашими ногами начинается склон к Подкумке. Однако наш взор привлекает другое ущелье, такое близкое, словно рукой подать до него. Это ущелье реки Мары, его начало, с истоками реки Мары, среди отвесных скал. Бермамытского типа. Далеко внизу видны домики Верхне-Маринского аула.

Мы остановились на высоком бугре перевала, чтобы дать отдых лошадям. Это – высшая точка пути, даже здесь пришлось принять глазных больных, сделать перевязку больной девушке, с язвой роговой оболочки. – Лежа на траве, долго любовались панорамой гор. Над Эльбрусом и снеговыми цепями кое-где лежат кучевые облака. Различаем знакомые вершины, место наших аулов Большого Карачая; ущелья Учкулана, Доута, Теберды. Оборачиваюсь на север: здесь исполинскими стенами обрываются высоты Гум-Баши. Правее уходят такие же обрывы Эшхакона и далее на восток знакомые скалы Бермамыта. А на западе в световой дымке заката идет стройно цепь таких же обрывов Джангуры, Дженту, Баранхи и теряется на горизонте.

Садится солнце. На западе длинными, непрерывными хребтами выплывают из голубеющей мглы, пронизанной косыми лучами солнца, цепи гор, разделяющие долины Кубани, Зеленчука и других рек, притоков нашей реки.

Хорошо! Так и хочется унести с собой, в своей душе, навсегда этот чудный уголок чудной природы с его миром и покоем, и его настроением. Здесь, с этих вершин, горы не кажутся таким недоступными и величественными: слишком необъятные над нами далекие небеса. Их простор говорит о величии вселенной красноречивее и понятнее душе, чем уходящие вниз ущелья и разделяющие их горные цепи. Горы уходят вниз. Их место заступают небесные дали. Нежные перистые облака причудливыми букетами разметались по небесному своду.

book3.indd 111 09.03.2010 17:36:17

Вечереет. Садимся, наконец, на подводы и рысью едем по плоскогорью, бросая прощальные взгляды на далекие горы. Быстро спускаемся с перевала к верховьям Подкумки и уходим вместе с последними проблесками потухающей зари. Опять вниз, в овраги, в балки, в тесные ущелья, к земле. Не хочется отрываться от высоты, от граней небес и земли, где на воздушном просторе иначе дышится, иначе чувствуется. Зигзагами покатилась дорога под склон. Опять зашумела вода новорожденного Подкумка. Балка перешла в ущелье, стали по бокам скалы и закрыли горизонт.

В темноте приехали на какой-то грязный, неуютный кош и сразу, утомленные, стали устраиваться на ночлег около стогов сена.

24 сентября

Суббота. Ночью нахмурилось, тепло, даже накрапывал дождь, когда мы с грехом пополам спали в своих телегах под бурками и одеялами. Но утро выглянуло из-за гор, горячее и яркое, со сверкающим солнцем, осветившим наш жалкий кош и наши повозки у шалашей. Долго и деятельно наши готовят. Вчера весь день не ели ничего горячего. Один айран! А надо бы ехать поскорей! Тревожные слухи в пути. Говорят об ограблении в эту среду кисловодского базара 60 вооруженными всадниками. Наш дальнейший путь через Абуково считается самым неблагоприятным.

Поели бараньего супа, приготовленного Галиной Ивановной и Натальей Федоровной, и свежего масла, доставленного пациенткой с перевала (язва роговицы). Хорош свежий, горячий гырджин с маслом! Тронулись поздно, когда солнце высоко поднялось над горами и озарило дно ущелья Подкумка. Интересно и трогательно следить за рождением нашей речки, на которой расположены Ессентуки, Пятигорск, с которой связано столько прекрасных воспоминаний!

Здесь ущелье тесное. Река глубоко врезалась в плато. Плоские пастбища наверху обрываются к реке и ее истокам гигантскими отвесными стенами, словно в каньоне Эшхакона. Под стенами травянистые склоны в покосах; везде кипит работа. Косят, убирают в кипы сено, наметывают стога. Люди и быки где-то наверху, на кручах. А внизу каскадами несется речка, образуя стремнины и водопады; сливаются с маленькими

book3.indd 112 09.03.2010 17:36:17

речками из боковых ущелий; растет и ширится, громче шумит, глубже врезается в дно ущелья.

Дорога мягкая, но местами спуск очень крутой. Мусса Бостанов не так хорошо управляется с повозкой, как его брат, наш подводчик. И задняя мажара на одном спуске перевернулась над самым обрывом к реке. К счастью, наши успели соскочить вовремя и удержать телегу, готовую покатиться вместе с лошадями под уклон. Но чемоданы наши и узелки, перегоняя друг друга, кубарем полетели вниз и остановились у самой воды, где береговая терраса образовала мягкую травянистую полянку. Это приключение задержало нас на целых полтора часа.

Крутыми зигзагами по мягким луговинам спускаемся все ниже и ниже вместе со стремительно бегущей вниз рекой. Пейзаж принимает характер, свойственный далеким окрестностям Кисловодска, тип каньона с отвесными балками, переходящими наверху в плоскогорье. На крутых склонах под обрывами сохранился кое-где березовый лесок, особенно в боковых балках, где склоны круче, малодоступные для хищной руки человека. Карачаевские коши потребляют очень много древесного топлива, и истребление леса идет вперед быстрыми шагами. Кроме того, доставка лесных материалов и топлива на кисловодский базар является для карачаевцев очень важной статьей дохода.

Встречные карачаевцы нас сильно напугали: двадцать второго сентября был ограблен в Кисловодске среди белого дня Пятницкий базар шестьюдесятью вооруженными всадниками. И теперь грабят по нашей дороге около Абуково. Что делать нам? Не остановиться на ночлег перед Абуковым в коше или на хуторе в пяти верстах от аула? Уже четыре часа по солнцу. После долгих колебаний решили ехать прямо в Абуково. Жутко. Молчим и волнуемся. Вот-вот из-за поворота дороги покажется вооруженная банда. Вещей у нас мало, денег нет вовсе. Но вещи все очень нужные: одежда и белье. В Екатеринодаре все разорено, реквизировано; и всякая вещь очень ценна. Не хочется терять ее.

Горы совсем снизились. Отвесные скалы и утесы превратились в обычные для окрестностей Кисловодска «Красные и серые камни». Крутой поворот среди скал делает наш Подкумок и свободно выливается в широкую просторную долину, устремляясь прямо на восток. Здесь последний кош на пути, очень опасное место! Обитатели коша сказали нам, что еще сегодня днем трое верховых ограбили путников.

book3.indd 113 09.03.2010 17:36:17

Одеты были в форму красноармейцев; но заявили себя «кадетами». Настроение у нас очень тревожное, напряженное. Но Бостанов быстро поехал по мягкой и ровной дороге; его брат за ним. И мы помчались, словно убегая от грозящей опасности.

Вот и аул Абуковский впереди, а перед аулом нам навстречу вооруженные всадники. Красноармейцы! Мы успокоились.

Прости, Карачай, где мы столько недель беззаботно прожили вне политики, вне тревог революционной бури. Новые встречи, новые настроения говорят, что мы уже расстались с этим мирным уголком среди природы, недоступной человеческим тревогам. В Абуково нас останавливают красноармейцы, проверяют документы. Оставаться здесь ночевать невозможно. Масса военных, все помещения заняты, нам советуют ехать дальше, прямо в Кисловодск.

Но ведь поздно, солнце закатывается! «А что будет завтра утром?» Говорят нам красноармейцы: «Сейчас пошел пешком в Абуково батальон. Вот вы и поезжайте с ними, будете в безопасности. Завтра неизвестно, что еще будет». Поехали.

Сумерки. Едем степью по широкой долине Подкумка прямо на восток, то поднимаясь, то опускаясь по холмистому угорью. Перегнали и батальон. Совсем стемнело. Ехать очень трудно, дороги не видать, а тут пошел на юго-восток, на подъем к Кисловодску. Вдали во мраке мелькают огоньки города, но вдруг исчезают на спусках, скрываясь за придорожными высотами. Я часто слезаю с телеги и ощупью проверяю дорогу, наконец попали на колею. Крутой спуск к Алихоновке, переезд через реку и подъем к городу совершили в полном мраке. Одни звезды выручают, как всегда, яркие, путеводные.

От Артура, от Веги, от Капеллы льется тихий свет. Высоко поднялись Плеяды, и широкой светлой рекой бежит Млечный путь. Анаида Александровна и Мария Ивановна дремлют, лежа на повозке. Я один сижу, зорко всматриваюсь в непроглядную тьму, на землю, где бежит еле заметной светлой полосой дорожный след. Устают широко раскрытые напряженные глаза. Но глянешь вверх, и становится мирно, хорошо.

С подъема сразу открывается город сотнями огоньков. Все встрепенулись, приподнялись. По огонькам в домах еле выбрались на правильную дорогу и благополучно спустились на Тополевую аллею к дому Хаджичикова. Он спал, пришлось разбудить его. Но он встретил нас

book3.indd 114 09.03.2010 17:36:17

очень приветливо, сам со своим сожителем перебрался на балкон; а нас всех уложил на пол в своей единственной комнате. Нам ужасно не хотелось приезжать в Кисловодск ночью, не имея определенного приюта. Не хотелось беспокоить знакомых ночным вторжением, но случилось нежеланное: приехали в полночь и потревожили спящих глубоким сном.

Глава 9

ОПЯТЬ В КИСЛОВОДСКЕ. СНОВА СИДЕНЬЕ

25 сентября

Воскресенье. Яркий солнечный день. Знакомые улицы, та же толпа, что и в конце июля, когда мы провели здесь с Ниной Максимовной несколько дней.

Бегали с утра «по делам». Сначала в Карачаевскую областную больницу, но заведующего здравотделом доктора Киселева не нашли: уехал в Пятигорск. Устроились только с обедом в больнице, как и в прошлый раз. Зашли наверх, в старой части города, в квартиру Кочкарова, хозяев не было. Тут же рядом наша бывшая квартира на углу Кольцовской и Николаевской улиц, наш Собор…

Я зашел в его ограду. Шла воскресная служба, доносилось громкое пение. Тихо шумели высокие тополя над той скамейкой, где двадцать седьмого июля мы с Ниной Максимовной сидели в ожидании подвод на Бермамыт. Все так тихо, мирно: говорит о вечности. Могилы, надгробные памятники, бюст Ярошенко.… Поют в церкви, шумят деревья в осеннем наряде.

Голубые купола сливаются с голубыми небесами. Хотел остановиться здесь, посидеть; но стало отчего-то тяжело на душе, грустно. Быстро спустился по знакомой дорожке мимо почты в парк, – знакомая аллея над Ольховкой! Каменный парапет над обрывом, где было так хорошо и приятно сидеть над рекой. И теперь хорошо.

Нежно журчит внизу Ольховка, переливаясь с одного каменного уступа на другой. Она вся в густой зелени парка. Над ней склоняются ивы, ясени и липы, – каждое дерево в своей окраске, и усыпают речное

book3.indd 115 09.03.2010 17:36:17

ложе и воду тихо опадавшими листьями. Нежный узор теней ложится на желтый песок аллеи, и лучи горячего солнца играют в древесной листве, оставляя в ней свое золото. Но не жарко, ибо осень дает свой холодок, такой славный, бодрящий. Не хочется уходить отсюда.

Не спеша иду дальше, обхожу весь парк и поспеваю к обеду в Карачаевскую больницу, захватив по пути наших.

Опять мы в больнице, где обедали вместе с персоналом в конце июля. Только столовая теперь внизу. После обеда пошел с Анаидой Александровной в верхний парк через сосновую рощу, на царской площадке у подножья склона знакомая лужайка среди кустов акации; чуть поодаль стоят «темный дуб и ясень изумрудный». Нет слов, чтобы описать волнение при виде этих мест. В роще среди сосен полная тишина. Медленно поднимаемся по извивам дорожки. Земля усыпана иглами, покрытая зеленой травой, но нет на ней цветов, как прежде. На вершине Романской горы улеглись в траву. Наблюдаем вдвоем закат. Стоят молчаливые сосны, ни одна веточка не шелохнется. Красиво заходит солнце. В вечной красе горят огненным пурпуром закрытые облака. Как всегда.

Становится грустно. Спускаемся вниз к Ольховке, проходим через мостик, идем вдоль каменного ложа реки, где когда-то наши занимались стиркой белья.

Рано легли спать.

26 сентября

Понедельник. Встал на заре и побежал через парк мыться в Ольховке, на старом июльском месте. Утро ясное, свежее. Быстро поднялся через сосновую рощу. Воспоминания бродят среди деревьев, ищут знакомых цветов в траве, следят за изгибом дороги; не мелькнет ли знакомая тень? Но тихо в лесу, нет в траве цветов; и только тени от деревьев обдают утренним холодом. Вышел наверх. Группы сосен, зеленеющие лужайки среди древесных насаждений. Сколько цветов было на них в июле! Сплошной ковер цветов. Теперь одна зеленая трава, мириадами алмазов искрится роса. Отчего так молчаливы деревья? Удивителен их осенний наряд под ярким утренним солнцем. Золотом залиты клены, осыпаются. Одни дубы с темной листвой.

book3.indd 116 09.03.2010 17:36:17

Быстро прохожу по знакомой дорожке мимо скамеек. Хрустит под ногами песок. Вдали «Красные» и «Серые» камни, за ним «Храм Воздуха», и отчетливыми волнистыми линиями уходят синие горы, высоты Кичи-Малки, подъем на Бермамыт. Но не туда уходят взоры. Они тут, чего-то ищут на дорожке, словно здесь затерялся «воспоминания цветок». Стою неподвижно вместе с деревьями, прислушиваюсь, озираюсь кругом.

«Я различал за шелестом одежды
Твои шаги в глубокой тишине…
И сладкие, забытые надежды
Мгновенные, стеснили сердце мне…»

Но нет, это обман. Нет звука шагов. Это – мои шаги. И нет знакомого образа на этих лужайках, дорогого образа с букетом цветов. Дальше, дальше. Быстро прошел через Красные, Серые камни, через Крестовую гору; спустился к вокзалу, и домой.

Много дел! Зашли в областную больницу, застали там доктора Киселева. Оттуда в здравотдел хлопотать об обратном проезде. Нет ответа из Ростова на две телеграммы о вагоне. И нет надежды на вагон. Анаида Александровна решила тотчас ехать в Пятигорск хлопотать о вагоне. Ей живо написали нужные бумаги, и она поспешила на вокзал.

Получил письмо от Нины Максимовны и поражен! До сих пор она еще в Константиновке, больная. Ужасно грустно. Письмо расстроило всех наших. В здравотделе мне передали еще одно письмо, адресованное Анаиде Александровне со штемпелем из Константиновки от семнадцатого числа. Что в этом письме, какие новые подробности? Что задержало ее так долго в станице? Неужели серьезная болезнь? Наталья Федоровна просила вскрыть письмо и прочитать, но я не решился без Анаиды Александровны, хотя и страшно хотелось это сделать. Когда же возвратится Анаида Александровна?

После обеда зашел на минутку к доктору С.Н. З-му. Он с сестрой весьма заинтересовался моим рассказом о поездке в Карачай и о работе в горах. Оставляли ночевать у себя. Следовало бы остаться хотя бы для того, чтобы облегчить нашим ночевку. Но я не предупредил наших и поэтому возвратился «домой» в вечернем мраке. Поужинали вместе с Зулкарнаем Хаджичиковым.

book3.indd 117 09.03.2010 17:36:18

27 сентября

Ясное, солнечное утро застает меня в конце парка, опять у Ольховки, как вчера. Неудержимо влезаем по зигзагам дорожки вверх через сосновую поросль, но настроение грустное, тоскливое: больна Нина Максимовна. Слаба была физически, когда гостила у нас в Кисловодске, прощалась с нами на Бермамытской дороге. А теперь она заболела!

Мы уже совершили трудный переход через горы, окрепли среди чудной природы и возвратились обратно после тяжелого горного похода здоровыми и крепкими. Вспоминается вчерашний вечерний разговор наедине с Галиной Ивановной о наших внутренних разногласиях и моих ошибках, о моем неумении объединить наших медичек, так искренне и хорошо относившихся ко мне. Возможно, что это так и было, как утверждает Галина Ивановна. Тяжело было после этого разговора.

«Кому поведаю печаль свою?..» Мой единственный друг, думалось, давно в Екатеринодаре: через несколько дней увидимся. Вырвемся же, наконец, из Кисловодска?! Вырвались ведь и из Учкулана. Но увы! Она больная в Константиновке. Правда, среди своих, и в своей семье. Но я не нужен там, мне нельзя туда добраться с моими горестями и печалями, и с моими радостями. К чему мои печали? А о радостях не говорит язык в таком настроении.

Иду опять среди деревьев, по полянам парка, по дорожкам и по росистой траве. Нет, остался след Нины Максимовны здесь среди сосен, на этих песчаных тропинках, вьющихся по зеленым лужайкам, залитым осенним солнцем. Улетела она вместе с осенним солнцем, с цветами июля, с нежным их ароматом, с венками из скабиоз. Но образ ея витает тут в этих местах. Ибо отчего туманится взор, слезы наполняют глаза и падают на холодный песок дорожки, сливаются с каплями росы на траве? Отчего так неудержимо влечет сюда; и так плачет здесь душа от тоски и грусти?

Анаида Александровна все еще в Пятигорске, а надо идти с Марий Ивановной в Карачаевскую больницу, извлекать катаракту на единственном глазу у старика-карачаевца. В половине одиннадцатого возвратилась и Анаида Александровна из Пятигорска. Устроила все, что

book3.indd 118 09.03.2010 17:36:18

можно было сделать в отношении нашего отъезда. Нашла знакомства, связи; обещали похлопотать о вагоне. Прочитали письма Нины Максимовны, оказался брюшной тиф.

Пошли в Карачаевскую больницу. Сделали вместе операцию, осмотрели всех глазных больных. Карачаевцы просили меня прооперировать одного старика с осложненной вывихнутой катарактой. Обещал. Отрадно на душе после знакомых окулистических впечатлений, от душевного разговора с больными. В здравотделе получили деньги, очень нужные нам. Надо купить для Нины Максимовны электрическую лампу с рефлектором; она пишет об этом в письме. Почему она так странно написала о лампе Анаиде Александровне: «Купите непременно, дорогая Анаида Александровна, и если Станислав Владимирович станет отговаривать, не слушайте его и купите». Меня поразили эти слова. Разве желание Нины Максимовны не есть мое желание? Красной лампы не оказалось, нашлась лишь синяя. Анаида Александровна не хотела покупать синюю лампу, но я настоял. Я торжествовал, и мы, рассмеявшись, купили лампу за сто тысяч рублей.

До обеда и после обеда гуляли в парке на камнях, и все время говорили о болезни Нины Максимовны. Решили писать ей завтра, посоветовать отдыхать целый месяц в Константиновке после выздоровления и не думать о скором возвращении в Екатеринодар. На всякий случай сообщу ей о нашем возможном маршруте в санитарном поезде. Тайная надежда, что в этот поезд по пути через Армавир сядет и Нина Максимовна.

Вечером Яша ходил на базарную площадь и принес айрана! Пили его все с особенным чувством: привет из далекого Карачая. Анаида Александровна собирается с Яшей отправляться на большой Пятницкий базар завтра утром, чтобы раздобыть больше айрана.

28 сентября. Среда

Облачный, хмурый день грозит дождем. И действительно в четыре часа пошел мелкий дождь. Я промочил ноги, идя обедать. Но настроение бодрое, ибо в письме к Нине Максимовне немножко излил душу, словно поговорил с ней наедине, – сдержанном, суховатом, ибо боялся, что оно попадет в другие руки и может причинить ей неприятность при более откровенном содержании.

book3.indd 119 09.03.2010 17:36:18

Затем приехал доктор Промтов из Пятигорска устраивать нас в санитарном поезде, сообщил, что все идет хорошо. Мы с Анаидой Александровной решили завтра утром поехать в Пятигорск. Хочу поклониться местам вдвойне родным: там, в Пятигорске, росла и училась Нина Максимовна. Ее карточка у меня – ее пятигорский образ. Там же в Пятигорске прошли и мои лучшие годы жизни, годы самостоятельного практического изучения офтальмологии; годы очарования красотами природы Кавказа.

Пятигорск дал мне слишком много, привет ему! Неужели я не поднимусь на Машук, где бессознательно цвела поэзия моей души в полном житейском неведении, в одиночестве довольного эгоизма. Итак, в Пятигорск! Повторится ли в другой раз такой благоприятный случай?

29 сентября

Четверг. Пишу в Пятигорске на Горячей Горе. Анаида Александровна лежит и дремлет под горячими лучами солнца. Передо мной чудная панорама снеговой цепи Кавказа.

Ночью был проливной дождь, и поэтому выехали не в шесть часов утра, как предполагалось. Пришли вовремя к восьми часам, к поезду, но из-за длинного хвоста у кассы не успели взять билета. Остались в Карачаевской больнице пить чай и поджидать следующего поезда. Уехали только в двенадцать часов дня. Небо проясняется. Проглянуло солнце, но дует холодный ветер. Горы за Кисловодском в снегу. С удовольствием наблюдаю из окна вагона довольно знакомый вид: долину Подкумка, Ессентуки, Бештау, поля, горы, небо с быстро бегущими разорванными тучами.

Приехали в Пятигорск в два часа дня и пешком пошли по всей Царской улице до квартиры знакомых Анаиды Александровны на Эмировской улице, где нас угостили обедом. До обеда я успел повидаться с доктором Промтовым и поговорить о санитарном поезде. Пока ничего не слышно о нем, но ждут его. Дорогой дошли до конца Царской улицы, посетили Елизаветинскую галерею. Оттуда забрались на Михайловскую гору, побродили по Эммануэлевскому парку. Я бегом взбежал на Эолову арфу. Оттуда глянул на город под ногами, на Машук, на свой лазарет, где я когда-то служил врачом. Смотрю, бегаю, как во

book3.indd 120 09.03.2010 17:36:18

сне. Проснулось старое, давно пережитое, воспоминания превратились в действительность. Из подсознательного мира вызваны к бытию давно потускневшие образы. И я, новый «я», ушедший из этой жизни двенадцать лет тому назад, переживаю ее снова.

После обеда на трамвае – на Провал. Посетили доктора А. А. Новицкого и оттуда на Машук. Конечно, на самую вершину Машука, как в былые годы!

По знакомой тропинке поднимаемся медленно, не спеша. Уходит вниз город с далеко раскинувшимися пригородными поселками. Растут бесконечные дали. Извилистой лентой вьется Подкумок. За ним тяжело, грузно поднимается плато Джинала с занесенным снегом гребнем. Темные, свинцовые облака налегли на этот гребень и закрывают высокогорный Кавказ с Эльбрусом. Дует холодный ветер. Тропа весьма неудобная для подъема. Машук разгромлен, как барская квартира, как Дворянское гнездо. Вырублен лес на южной стороне горы. Склоны изборождены рытвинами, по которым спускали бревна. Камни, щебень засыпали дорожку, некогда такую чистую, мягкую, уставленную скамейками. Везде ползают и шныряют украдкой, словно паразиты, дети и взрослые, больше дети, местные обыватели, и тащат на веревках, на проволоках, словно добычу, свежевырубленные стволы. Стволы волокут волоком, увлекая камни и землю, бороздя почву, сдирая дерн. Обнажаются голые скалы основной природы. Лишь на вершине, где нет леса, столь хищнически истребляемого, там тихо. Та же засохшая трава, развалины некогда существовавшего здесь домика – приюта.

Обширная панорама с грустным налетом осени, холодного ветра и только что виденной картины разорения. Заходящее солнце бросает прощальные лучи на Тамбуканское озеро; оно похоже на лужу крови. Темнеет. Спускаемся вниз мимо памятника Пастухову и быстро выходим в Эммануэлевский парк. Дворянская улица, «наша» квартира, где я прожил целых четыре года. Заглянул во двор, в окна: чуждо, неуютно, пустынно. И я брожу, словно выходец с того света, заглядывающий в свои прежние жилища равнодушно-грустным взглядом, взглядом человека, пережившего новую жизнь, новый опыт. Старое смешивается с новым, и как странно!

book3.indd 121 09.03.2010 17:36:18

Проходят по тротуару барышни, – и невольно заглядываешь им в лицо, словно вот-вот увидишь знакомый образ с белокурой головкой, серыми глазами гимназистки седьмого, восьмого класса, как она изображена на фотографии «Macrvne». Но ведь это так же невозможно, как невозможно увидеть в старом Пятигорске молодого врача – меня в облике двенадцать лет тому назад. Моя гимназистка лежит теперь больная в станице Константиновской, в кругу своей семьи. Она врач, жена и мать. И я напрасно гоняюсь по улицам Пятигорска за милыми призраками далекого прошлого. Анаида Александровна рассказывает мне свое прошлое, как она попала в Пятигорск, училась здесь, держала экзамены в Пятигорской женской гимназии.

Пили чай у родственников Анаиды Александровны и там же легли спать не на диванах, а на давно неизвестных, мягких, чистых постелях с настоящим постельным бельем.

30 сентября

Пятница. День безоблачный, но утро морозное, с инеем. Рано утром, после чая на Ессентукской-4, где ночевали, мы с Анаидой Александровной зашли поглядеть на Графскую, на женскую гимназию, где училась Нина Максимовна. Ворота гимназии закрыты, во дворе еще пусто. Заперты двери здания. Над ними новая вывеска в современном стиле. Где веселая гурьба гимназисток, входящих в ворота гимназии в этот ранний час и наполнявших весь двор ее шумливой толпой? И где среди них та, которую ищу? Опять вчерашнее настроение. Анаида Александровна глядит через решетку ограды и вспоминает, как она здесь держала экзамены.

Все мы сошлись у этих ворот, вся наша глазная клиника. Двое стоят грустные, молчаливые, словно ищут здесь кого-то и не находят, а третья присутствует незримо своей тенью из далекого прошлого. Повернули назад к базару и по морозной земле, но под ярким солнцем, стали подниматься. Вот и кладбище, мимо которого я когда-то проходил ежедневно по пути из лазарета в лечебницу Красного Креста. Виднеются внизу постройки и сад Красного Креста. За ними огороды, прелестная картина Бештау. Леса выступают желтыми и

book3.indd 122 09.03.2010 17:36:18

красными пятнами; скалы его так отчетливо рисуются на голубом небе. Миром веет от кладбища, покоем и тишиной.

Через большую площадь прошли к военному госпиталю. Здесь я работал четыре года; тогда это был лазарет. Сначала искали дежурного врача, чтобы пройти по знакомым корпусам. Ходили по дорожкам среди зданий, осматриваясь вокруг. Посидели на каменном крыльце третьего корпуса, когда-то «моего». Те же здания; те же жалкие акации. Не выросли они за двенадцать лет моего отсутствия на этой сухой каменистой почве. Кого здесь искать, кого ждать? Знакомых нет. Мы поднялись, ушли и пришли снова на Эмировскую улицу.

Солнце поднялось высоко. Стало тепло, даже жарко. Пошли к Рубену Вагановичу, у которого ночевали, в его контору Центросоюза, наводить справки об отходящих поездах. Справились в управлении об ожидаемом нами санитарном поезде. Нет еще поезда! Суетливо снует по улицам толпа. Все смотрят в землю, таща на спине мешки с провизией, с пайками. Бегают с портфелями с деловым видом.

А небо пышет голубым пламенем яркого осеннего дня. Солнцем залит весь город, Машук и Бештау осеняют его своим мощным покровом; глядят вниз на людской муравейник у их подножья. Цепь снеговых вершин Кавказа с Эльбрусом во главе с далеким Казбеком открывает новый мир глазам тех, кто устремил туда свой взор. Но кто смотрит на эти горные громады? Я вижу только одно: бронзовый, неподвижный, обернувшись спиной к своему любимому Машуку, задумчиво облокотясь о скалу, он поднял свое лицо и через весь город у его ног; через долину Подкумка глядит на Эльбрус, на алмазные горные вершины. Глядит напряженно широко раскрытыми глазами, как будто он видит и слышит неведомый нам мир явлений. И «звуки небес» доносятся до него, заглушая «скучные песни земли». И я поглядел туда же, куда смотрит наш поэт (*Лермонтов – прим. Фатимы Байрамуковой*), и увидел там, у подножья Эльбруса, за снежными равнинами Бечесына – наш далекий Карачай.

Было жарко, когда мы направились в казенный сад. По дороге зашли в глазную лечебницу имени Меунова. Хотелось осмотреть лечебницу и повидаться с медсестрой

А. М. Герке, когда-то моей помощницей в работе. Познакомились с

book3.indd 123 09.03.2010 17:36:18

доктором Зеньковичем, заведующим лечебницей, очень симпатичным врачом. Он показал всю лечебницу. Сестра Герке оказалась тут же. Она очень обрадовалась, увидев меня. А я?! Это был первый человек из прошлого периода моей пятигорской жизни.

Узнал, что Н. Ф. Набокова живет здесь. Простились хорошо, с теплым чувством, но как-то поверхностно. Не хотелось идти в Казенный сад; там так сыро и мокро после вчерашнего дождя. Хочется на солнце, выше, к Машуку. Пошли по Царской улице; дорогой навели нужные справки в учреждениях. Вот и Елизаветинская улица, дом Набоковых, как написано на фонаре. Нашли ее в жалком флигеле на задворках, куда ее выселили из большого дома. Ах, как она постарела! Та же сдержанная, сухая на вид дама, но всегда горевшая любовью к больным. Холодная по внешности, но с большим любвеобильным сердцем.

Посидели, немножко поговорили, больше на современные темы, почти не касаясь нашей прошлой общей работы. Вспомнили знакомых врачей, уже умерших, и поныне здравствующих. Простились спокойно, просто, словно не виделись целый долгий месяц и расстаемся на две недели. – Много лет, собираясь приехать в Пятигорск, я в своем воображении рисовал эту встречу совсем иначе; представлял ее трогательнее, глубже. Ведь сколько больных было принято вместе, сколько операций сделано в самой примитивной обстановке; сколько выстрадано в борьбе за четыре кровати для несчастных слепцов! И все делалось собственными руками, с затратой своих собственных средств.

И вот встретились через тринадцать лет, простились... Как все оказалось просто по внешности. Вероятно, так просто и умрем, просто и спокойно.

Вот и я посетил своих некогда близких, единственных живых свидетелей и помощников в моей работе в Пятигорске. Двенадцать лет мы не виделись и опять расстались, вероятно, навсегда. Очнулся на подъеме к гроту Лермонтова. Поднял голову и увидел обрывы Михайловской горы, Эолову арфу. Здесь, на этих камнях, я ежедневно сиживал с книжкой целыми часами вот в такие же золотые осенние дни сентября. Я был тогда молодым врачом. Читал и глядел на юг, где, как и сейчас, ослепительно сверкают вечные снега на горных вершинах. Читал и искал вечного в вечной смене повседневных явлений жизни.

Прошло уже много лет. И вот теперь я снова поднимаюсь на эти

book3.indd 124 09.03.2010 17:36:18

камни, прохожу через молчаливую Елизаветинскую галерею, отдыхаю под тенью деревьев и снова выхожу на Горячую Гору, залитую солнцем. Горячеводская станица вся потонула в зелени садов. Полный Подкумок разбегается рукавами, вьется в садах извивами и нежно серебрится и переливается под солнцем. Жарко под горячими лучами, но освежает прохладный осенний ветер. Дремлет Анаида Александровна перед лицом Эльбруса, утомленная впечатлениями дня. А я опять, как и тогда, ищу в этом мире вечного.

Спустились мимо Лермонтовской галереи. Прошли через цветник и отправились обедать на Эмировскую, 29, где мне пришлось много рассказывать хозяевам о Карачае, о нашей поездке туда. Удивлялись нашей предприимчивости и энергии. А мне все пережитое казалось таким интересным и простым, простым и величественным, как сама жизнь. После обеда – на вокзал, и в полвосьмого – обратно в Кисловодск в темноте и духоте вагона.

Стоял на площадке и смотрел на звезды и в грохоте и в лязге колес быстро несущегося поезда старался что-то услышать. А перед глазами – образ бронзового поэта с взором, устремленным на Эльбрус.

3 октября

Понедельник. В Кисловодске.

Только снесли все вещи на линейку, и на вокзал с вещами отправилась Анаида Александровна. Мария Ивановна и Яша с Натальей Федоровной давно стоят у кассы. Сегодня уезжаем, наконец, из Кисловодска в Минеральные Воды! Что нас там ожидает?..

Как это случилось?

Позавчера, первого октября, по возвращении из Пятигорска я переживал сумбурный день. Было облачно, хмуро. Пахло глубокой осенью. Настроение у наших отчаянное: все рвались домой. Наталья Федоровна с Яшей взяли отдельные документы, чтобы немедленно ехать в Екатеринодар. Терялась надежда на санитарный поезд. Успокоились на решении: уезжать во вторник рано утром. Это последний срок.

Вчера Яша съездил в Пятигорск и принес неожиданную весть: санитарный поезд уже с субботы стоит в Минеральных Водах и во вторник отправляется! Отчего же никто из наших многочисленных

book3.indd 125 09.03.2010 17:36:18

справщиков не сообщил нам об этом своевременно? Ведь было условлено! Неприятно. Надо во что бы то ни стало спешить в понедельник в Минеральные Воды. Пока Яша был в Пятигорске, я попрощался с Кисловодском, воспользовавшись чудным солнечным днем. Беззаботно, не ведая ничего о стоящем на Минеральных Водах поезде, пошел в парк в одиннадцать часов дня и бродил там до четырех часов дня. Долго сидел на Серых камнях, под Храмом Воздуха на лужайке и читал Чехова «Цветы запоздалые», – грустная повесть.

Сияло солнце, молчали горы. Прохладный, осенний воздух тихо струился над парком. Золотистые клены, белоствольные березы с ярко-желтой листвой, липы в темно-красном наряде, желто-зеленые ясени; – каждая древесная порода в своем красочном уборе. Чудная картина кисловодской осени. Внизу, в Ребровой балке роскошные дачи среди садов, окруженные песчаными обрывами, кажутся полотном ярко расписанного пейзажа. Я спустился с Серых камней и пошел по тропинке среди молодых сосен к Храму Воздуха.

Сосны зашумели так меланхолично и заманчиво, что пришлось невольно остановиться и сесть на зеленый дерн под кустом развесистого боярышника. Тонкий, пряный аромат свежеопавшей листвы наполняет воздух. Мягко шуршит лист под ногами, когда идешь по аллеям. Все осмотрел, везде побывал, где был в конце июля перед Карачаем. В душе я поклонился всем дорогим местам, освященным былым присутствием Нины Максимовны.

Спустился опять через сосновую рощу и в нижний парк домой, где получил весть о поезде в Минеральных Водах. Весь вечер хлопотал о скорейшем получении документов. Шумно и беспорядочно беседовали с посетившими нас Кочкаровым, Хубиевым и доктором Киселевым.

И вот сегодня, третьего октября, с утра бегали по разным учреждениям, чтобы как-либо сесть в поезд. Поезд, к которому приехали мы с вещами, оказался реквизированным для нужд курортных больных. Я измучился, бегая по станции и хлопоча в эвакоприемнике, чтобы уломать начальника поезда – впустить нас. Притащил на помощь весь здравотдел. Среди этих хлопот за пять минут до отхода поезда, когда, наконец, нам разрешили садиться, я совершенно случайно узнал в конторе начальника станции, что нам по телеграмме из Ростова разрешен отдельный вагон!

book3.indd 126 09.03.2010 17:36:18

Общее ликование. Остаемся здесь и будем ждать отправления в своем вагоне-теплушке. Вагон получили вечером, поселились в нем и заночевали в соломе, принесенной из Карачаевской больницы. Здесь же на вокзале простились с Кочкаровым, Хубиевым и Киселевым; простились и легли спать.

Глава 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

7 октября

Вторник. В шесть часов утра наш вагон-теплушку прицепили к поезду, и мы на заре оставили Кисловодск. Последнее «прости» горам, долине Подкумка, преддверию далекого Карачая. Солнце улыбнулось нам на прощание в Кисловодске и скрылось, не доезжая Ессентуков. Низкие облака покрыли небо. Горы Пятигорска до основания закутались в густой туман

Поезд быстро несся к Мин-Водам. Наши крепко спали на соломе. А я уселся около открытой двери вагона и глядел на степи, на леса в осеннем наряде под низко бегущими облаками.

Долго томились на станции Мин-Воды, куда приехали в девять часов утра. Обещали отправить скоро, но прицепили к поезду с цистернами, наполненными водой, направляемых на станцию Невинномысскую. В пять часов вечера мне пришло в голову обратиться с нашими рекомендательными бумагами в санлетучку-508, стоящую недалеко от нас. Главный врач любезно принял меня и предложил переходить всему нашему отряду к себе. Мы тотчас бросили свой вагон-теплушку и перебрались в приличное купе третьего класса, где и расположились с удобством. Правда, «в гостях», а не у себя. Это и чувствовалось в обращении с нами со стороны санитарного персонала. Но зато поезд идет прямо в Краснодар! Не будет вечных разговоров на станциях с дежурными, постоянных тревог за дальнейший этап продвижения и тому подобное.

book3.indd 127 09.03.2010 17:36:18

5 октября

Среда. Выехали из Мин-Вод только в пять часов утра и в одиннадцать часов добрались до Невинки, где опять застряли. Идет дождь. Печален хмурый вид степей, мокрых дорог, плачущих небес. Но не холодно. Едим молчаливо, сосредоточенно, каждый со своими мыслями, надеждами и ожиданиями. Что-то большое, огромное осталось позади. Что ожидает впереди? Анаида Александровна по-прежнему все хлопочет, суетится, занятая злобой дня, минуты; но и она слегка задумчивая. С ней ее отец, Александр Захарович, и студент Рубен. В соседнем отделении Наталья Федоровна, Галина Ивановна, над ними на полке Мария Ивановна. Сбоку у окна на боковой лавке Яша. – Это наш глазной отряд в вагоне санлетучки-508.

В Армавире тщательно искал на вокзале Нину Максимовну. Нет ее! Вероятно все еще в Константиновке. Слаба была надежда увидеть ее здесь, а все же была. Поздно ночью в двенадцать часов прибыли на станцию Кавказскую.

6 октября. Четверг.

Простояли в Кавказской до одиннадцати часов утра! Я все время переписывал свой отчет о работе нашего глазного отряда и так коротал время. Настроение у всех напряженное. Проходит последний этап нашего пути, переживаем молча последние минуты жизни Карачаевского глазного отряда.

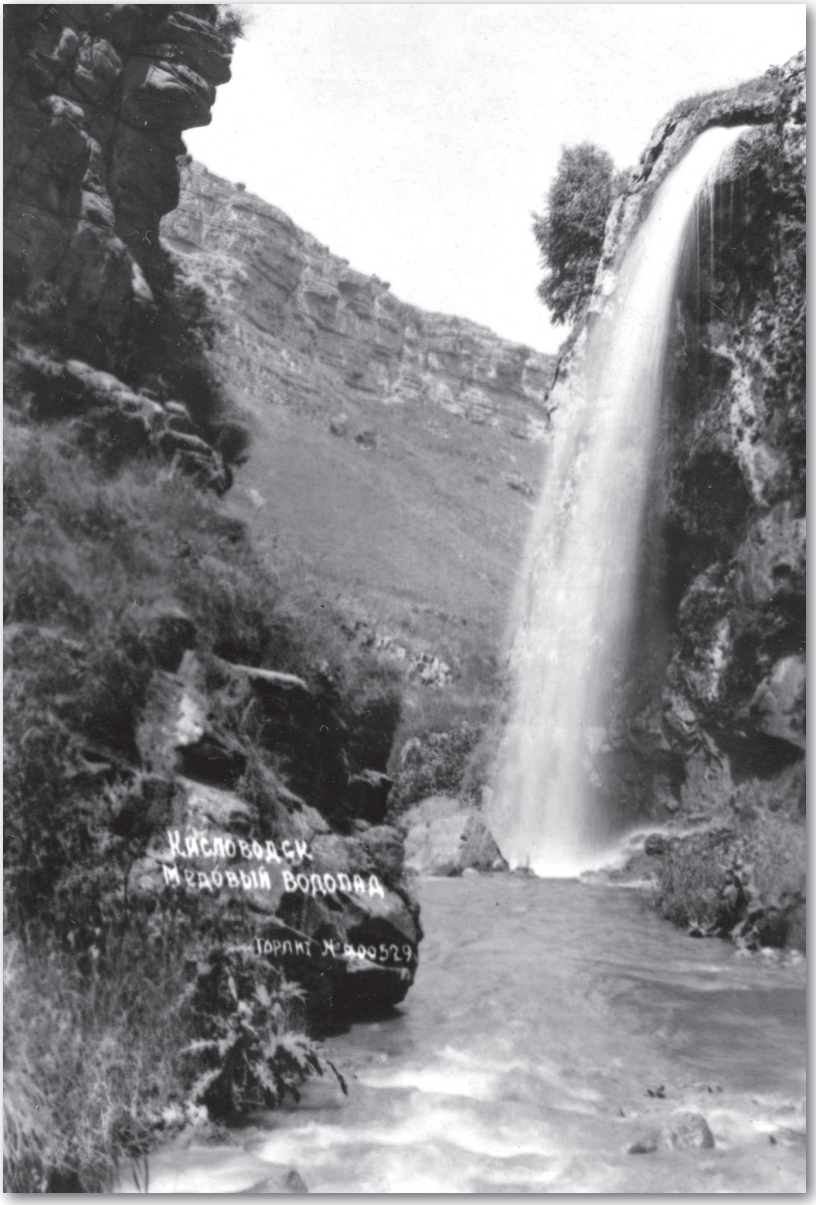
Замелькали станции Миловано, Гречишкино. Близок Екатеринодар. Что там меня ожидает? Что делается дома? Живут ли наши в той же квартире? Ни одной вести от них за такой продолжительный период времени.

Солнечный день после дождя. Земля мокрая, дороги грязные, непросохшие лужи. Воздух холодный. Степные дали, на горизонте курганы. Нет уже гор.

«Окончился» наш глазной отряд. Сейчас в Усть-Лабе сходит с поезда Наталья Федоровна и покидает нас. А там, в Екатеринодаре, все мы с вокзала уйдем в разные стороны. Как чувствуют себя все мои помощницы?..

book3.indd 128 09.03.2010 17:36:19

Место слияния Уллу Кама с Учкуланом и далее в Кубанань, у больницы



* Здесь и далее фотографии из Дневников С.В. Очаповского

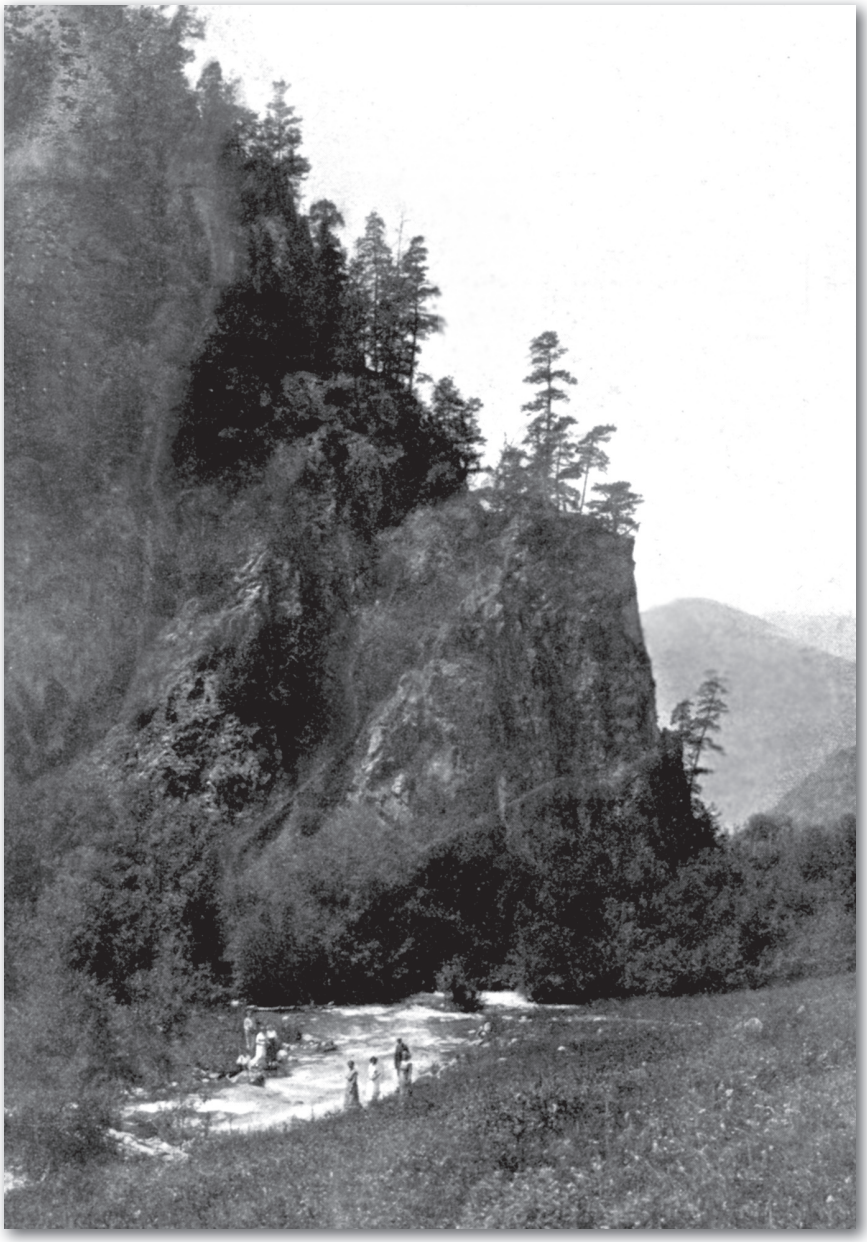
Обрывы Березовой балки
по дороге к Бермамыту

Спуск с Бермамыта на плато Бийчесына

Вид с Верхнего парка на Ребровую балку

Кисловодск. Ольховский водопад

У Джемагатского нарзана



book3.indd 132 09.03.2010 17:36:22

Курорт Теберда. Озеро Каракел

Домик Лермонтова в Пятигорске

Из газеты Терек

50 СЛЕПЫХ СТАЛИ ЗРЯЧИМИ.

ЧТО СДЕЛАЛ ГЛАЗНОЙ ОТРЯД В ЧЕЧНЕ.

Отряд профессора С. В. Очаковского работал в сел. Урус-Мартан с 8 августа по 6 сентября.

За это время принято до 1000 глазных больных, сделавших 3 тысячи с лишним посещений.

Среди этих больных огромное большинство с тяжелыми и запущенными глазными болезнями. Осталось неизлечимыми на оба глаза свыше 60 человек и на один глаз до 250 человек.

Главная причина слепоты-оспа. Сифилис, повидимому, не столь опасен для глаз. Число ослепленных от сифилиса не велико.

Зато травматические повреждения играют важную роль среди причин слепоты. Слепые на один глаз потеряли зрение, главным образом, от этой причины. Повреждены глаза при работе в поле, по хозяйству. Случаи повреждения по злобе, из хулиганства и проч. очень редки.

Много глаз погибает не столько из за серьезности первоначального повреждения, сколько из за отсутствия своевременной помощи, которую оказывают вместо врача не редко знахарки, вылизывающие глаза языком.

В глазном отряде сделано 217 глазных больших операций и возвращено зрение 50 слепым. В других случаях получено улучшение зрения или предупреждена опасность слепоты.

Помощью отряда воспользовалось население преимущественно Урус-Мартановского округа. Горная Чечня почти совершенно отсутствовала. Причиной послужила неосведомленность населения Чечни о прибытии отряда.

Необходима более продолжительная и повторная работа глазных отрядов в других округах, особенно горных, наиболее отдаленных от Грозного.

ТЫ НЕ ПОЛУЧИЛ ГАЗЕТУ,

так зайди на почту и договорись там о доставке тебе газеты.

Если ты интересуешься газетой,— имей с почтой, или с аульским письмоносцем самую тесную связь. Тогда ни один вредитель не уничтожит, не украдет твою газету.

Общими силами нам надо налаживать дело прочной связи по Чечне. Помогайте почте!

Глазной отряд С. В. Очаповского в Карачае.

Нет в Карачае другого имени, пользующегося столь заслуженным уважением и любовью, как имя С. В. Очаповского, профессора-окулиста, который четвертый год приезжает в нашу область со своим глазным отрядом.

В наше время уже не в моде выражения вроде «святой доктор» и т. д. (так, между прочим, когда-то называли известного врача-подвижника, жившего в мрачную эпоху крепостничества, Ф. П. Гаава). Но если-бы нужно было назвать этим именем кого-нибудь из т. т., работавших в Карачае, то карачаевцы назвали бы им С. В. Очаповского. По крайней мере, судя по восторженным отзывам пациентов С. В., мы думаем так.

И в самом деле. В наших условиях трудно себе представить более благородный подвиг, чем тот, который совершил проф. С. В. Очаповский со своим отрядом. За это время было до 25 тысяч посещений, три с половиной тысячи принято больных, 750 глазных операций. Многие сотни слепых, не имеющих понятия о свете, получали полное исцеление, тысячи и тысячи больных и страдающих глазами, получили облегчение и помощь. Всегда внимательное отношение, исключительная предупредительность, полная готовность помогать. Что мы можем требовать еще от смертных? Большего мы не вправе ни от кого требовать.

Учитывая исключительные заслуги профессора Станислава Владимировича Очаповского, общее собрание граждан аула Учкулан избрало его своим согражданином.—Граждане Учкуланского округа—говорится в постановлении —*оставаясь глубоко признательными за те поразительные успехи в работе профессора, в деле буквального исцеления народа, просят принять глубокую признательность всему отряду и просят С. В. Очаповского признать за собою имя гражданина аула Учкулан и почетного члена Учкуланского аульного совета.*

Думается, что к этому прибавить нечего. *Х.*

Газета Горская жизнь, №102 1924

Информация из газеты тех лет

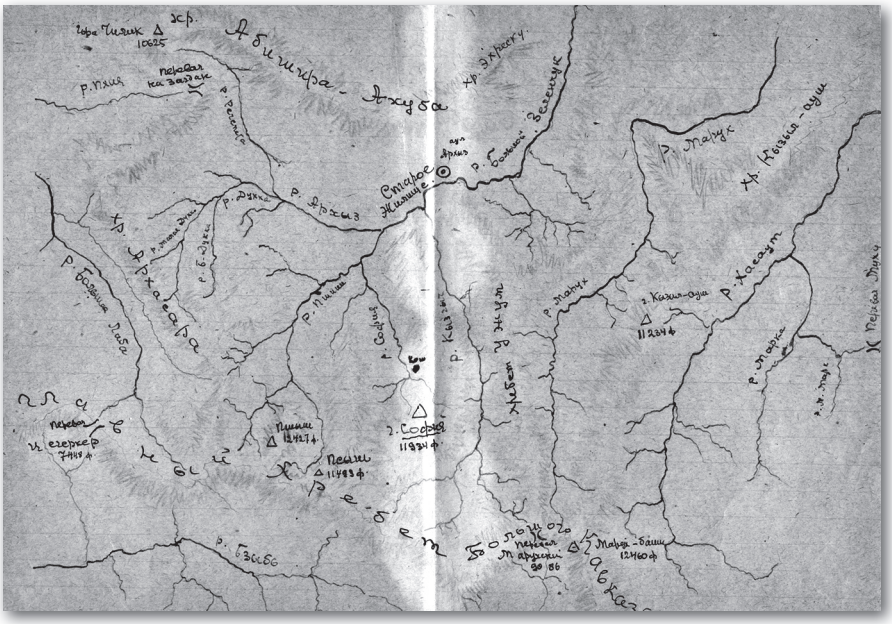
Редкий случай исцеления.

аул Каменномост.

В ауле Карт-Джурт живет семья Джазаева, у которого все дети—трое детей: 10 7 и 2 лет родились и все время оставались слепыми (семейная катоpракта). Отец—бедняк обратился к профессору С. В. Очаповскому, который со своим глазным отрядом работал в Карачае. Находя этот случай крайне редким, профессор все-же согласился произвести операцию над всеми тремя мальчиками. Операция была произведена, родители с волнением и нетерпением ожидали ее результатов. И что же? В результате операции и дальнейшего ухода к удивлению всех соседей и окружающих, бесконечной радости родных и близких все трое стали зрячими и сейчас хорошо видят.

Можно себе представить чувство благодарности к профессору и советской власти, которая дает горцам, таких профессоров лечиться.

Бешбармак.


Абишира-Ахуба
Р. Ардон
Р. Урух
Р. Мамисон
Р. Цейдон
Р. Фиагдон
Р. Гизельдон
Р. Ардон
Р. Урух
Р. Мамисон
Р. Цейдон
Р. Фиагдон
Р. Гизельдон
Р. Гизельдон
Р. Урух
Р. Мамисон
Р. Цейдон
Р. Фиагдон
Р. Гизельдон
Р. Ард

Глазной отряд

1922 год

КАРАЧАЙ: УЧКУЛАН, СЕНТИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, БАТАЛПАШИНСК

Тетрадь 2. Часть 1. Глава 1.

МЫСЛИ О НОВОМ ГЛАЗНОМ ОТРЯДЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЕГО

Наша работа в горах Карачая летом 1921 года оставила глубокое впечатление не только у нас, свершивших эту работу, но и у всего населения Карачая. О ней продолжали говорить и после нашего отъезда.

Она, как утверждали члены Правительства Карачая, способствовала до известной степени примирению горцев с Советской Властью в области, где еще бродили контрреволюционные настроения. В этом сказалось политическое значение деятельности нашего отряда.

Так как отряд 1921 года захватил в сферу своей работы только аулы так называемого Большого Карачая, и то не в полной мере, – Доут и Джазлык почти совершенно не воспользовались нашей помощью, – то в Исполкоме Карачая зрела мысль о приглашении моего отряда и на лето 1922 года.

Между мной и Карачаем установилась связь при посредстве главным образом здравотдела и его заведующего Кочкарова. Наши новые знакомые из Карачая помнили о нас, давали знать о себе, интересова-

book3.indd 137 09.03.2010 17:36:26

лись нами. Якуб Коркмазов, «наш Яша», служил живым звеном, связывающим глазную клинику с Карачаем, он стал студентом-медиком нашего Медицинского института.

Проходили дни, недели, месяцы после нашего возвращения шестого октября из Карачая. Быстро изглаживались из памяти неприятности и огорчения, пережитые минувшем летом. Их покрыла легкая дымка временного отдаления. Тем привлекательнее стала в воображении природа Карачая, его люди.

Особенно привлекал нас обаятельный образ Ильяса Магомедовича Байрамукова. Он был для отряда душой Карачая. Нам казалось, что в нем воплощено все лучшее, чем пленил нас этот горский народ. И в ясных мечтах о будущем глазном отряде Ильяс Магомедович занимал видное место, как проводник отряда по сердцам народа. Разве возможен новый отряд без участия в нем со стороны Карачая милого Ильяса?

11 декабря

Нас в клинике посетил Хасанбий Хубиев. Он привез привет из Карачая, привез и айран. Пили вместе айран, вспоминали прошлую поездку и работу, мечтали о новой. Он сообщил печальную весть: наш Ильяс болен! Он решил подвергнуться операции из-за беспокоившей грыжи и поехал в Кисловодск, где в Карачаевской больнице была успешно произведена эта операция. Однако послеоперационное течение было неблагоприятно, обнаружились какие-то тяжелые расстройства со стороны желудка, бедный Ильяс страдает и тает.

Болезнь старого учителя всего Карачая взволновала Яшу Коркмазова, его ученика, безумно любящего своего наставника. Яша страшно опечален. Он скоро сдал зачет по анатомии, зашел ко мне двадцать третьего декабря проститься и уехал в Кисловодск.

Через несколько дней я получил от него письмо, помеченное от 23 декабря. Вот оно: *«Дорогой Станислав Владимирович! Сообщаю Вам очень печальную весть: Ильяса Магомедовича больше нет. Он умер десятого декабря. Как только приехал на станцию, поднялся в больницу. Там говорят одно холодное слово: умер. Как было тяжело! Я упал без сознания на улице и пошел бродить по учреждениям округа. Все холодные, злые; не с кем поговорить. Да, нет теперь милого Ильяса*

book3.indd 138 09.03.2010 17:36:26

Магомедовича. Еще: тяжело болен сыпным тифом Хасанбий Хубиев. Вероятно, захватил по дороге.

Будьте здоровы, дорогой Станислав Владимирович, от глубины всей души приношу Вам сердечную благодарность. Все карачаевцы сожалеют о бедном Ильясе. Как тяжело и больно! Но что делать теперь? Не могу больше что-нибудь писать; слезы не дают, и рука не действует. Не ожидал я этого несчастья. Потерять такого милого, дорогого человека. Это одно из величайших несчастий в моей жизни и в жизни Карачая. Как теперь жить и учиться?

Желаю наилучшего здоровья Вам.
До свиданья. Вас искренно уважающий
Якуб Коркмазов.

Ильяса нет. Как мне быть, единственная, светлая надежда на Вас. Ох, как тяжело и печально!»

23 декабря. – Кисловодск».

Еще **29 декабря** Галина Ивановна сообщила мне в клинике ужасную новость о смерти Ильяса Магомедовича в Кисловодске десятого декабря. Хасанбий Хубиев заболел сыпным тифом, заразившись в вагоне по дороге от нас. А на другой день, тридцатого декабря, пришло от Яши это трогательное письмо, выражающее так просто и глубоко всю силу любви молодого учителя Карачая к старому наставнику.

31 декабря

– Накануне Нового года я получил и от Магомета Кочкарова большое письмо о смерти Ильяса Магомедовича, последних днях и часах его жизни, его мысли о нашем отряде, заботы о нем. Магомет пишет о настроении карачаевцев в отношении к нам. Вот это интересное письмо:

«16 декабря 1921 года. Кисловодск.

Дорогой Станислав Владимирович!

К несчастью, я должен сообщить вам горестную весть – Ильяс Магомедович в ночь под 11 декабря в 9 часов 30 минут ночи скончался. Он до последней минуты был в сознании и не терял надежды на выздоровление. Четыре раза собирали консилиум, который дал рак желудка. За пятнадцать минут до смерти он перецеловал нас всех и простился. Вам и всем вашим сотрудникам и помощникам просил передать его земной поклон за вашу работу тому народу, которому он служил всю

book3.indd 139 09.03.2010 17:36:26

жизнь. Просил меня принять все меры и просить Вас организовать на будущий год летом отряд в Карачае для завершения начатой работы.

Тело его нами отправлено для погребения в Хурзук. Он все время думал просить Галину Ивановну приехать в Кисловодск ухаживать за ним. Но намерения не привел в исполнение. Царство ему небесное!

Хасанбий Хубиев приехал и передал требование на медикаменты, инструменты и прочее, а также стекла для Гамзаевой и искусственных глаз для лезгина. Всеми нами, а также народом будут приняты все меры к тому, чтобы иметь вас еще раз среди своего народа. Я дней десять, как приехал из Учкулана. Первый вопрос всех стариков в мечети был: «Когда нам ждать ваш отряд?» Все оперированные больные видят великолепно. Несчастные слепцы, сидевшие дома безвыходно целые годы, теперь посещают базар, исполком, мечеть, благословляют Вас и вашу святую работу. Молва о вашей работе распространилась далеко за пределы Карачаевского округа, и вами интересуются черкесы и ближайшие станицы прежде Баталпашинского отдела, а теперь с образованием Карачаевской Автономной области, граждане нашей Автономной области.

Вероятно, к Новому году ВЦИК утвердит Карачаевскую Автономную область, тогда все центральные органы управления перейдут в станицу Баталпашинскую. Я надеюсь, что нам придется еще раз поработать вместе. Все те директивы, какие были в этом году, мы, теперь имея опыт, сумеем устранить.

По делу летучего глазного отряда, мы с вами еще будем переписываться, конечно, только о деталях, ибо для того, чтобы получить вас, карачаевский народ не остановится перед посылкой, целой депутации, если это понадобится, – так дорога к Карачаю ваша работа. – Высокие горы, покрытые снегом, глубокие ущелья и быстрые воды Карачая в лице своих сынов шлют вам свой привет.

Передайте мой душевный привет Анаиде Александровне и Галине Ивановне и другим женщинам.

Ваш Магомет Кочкаров.»

В день Нового года, первого января 1922 года, я прочитал это письмо нашим врачам в клинике и укрепился в решении еще раз поехать в Карачай. Надо исполнить завещание Ильяса Магомедовича, полученное накануне Нового года.

book3.indd 140 09.03.2010 17:36:26

Кончился старый год с Ильясом…

Отголоски прошлогодней работы продолжали доходить до меня из Карачая в рассказах прибывающих оттуда лиц, в некоторых письмах. Сохранилось у меня одно такое письмо от Крым-Шамхалова, сына той бабушки из Теберды, к которой я ездил через Ыпчык из Учкулана и которой мною была произведена предварительная операция (предоктемия) на слепнущем от катаракты единственном глазу. Письмо это, помеченное от 26 июня 1921 года, я получил только 6 февраля 1922 года, быть может, тогда, когда писавшего не было в живых. Он был расстрелян, как белогвардеец и офицер, ранней весной этого года.

«Многоуважаемый доктор, я очень жалею, что мне не удалось поехать в Учкулан познакомиться с вами. Я очень благодарен вам за то, что вы дали моей матери хотя бы временное упокоение, после чего она как-то примирилась со своей слепотой. После возвращения из Учкулана, приблизительно через два месяца ослеп у нее и правый глаз, который сейчас чувствует только свет, а так фигуру предметов не видит. Самое бельмо покрыло зрачок и имеет круглую форму, а не такими остроконечными разветвлениями, как в левом глазу. Она все время просит написать вам, надеясь на то, что вы приедете и спасете ее. Конечно, в такое время рассчитывать на такую большую любезность не приходится, – это слишком трудно. А вот если возможно, не откажите написать совет, как, чем помочь: и утешите ее добрым словом. Пусть она надеется, что глаз этот совершенно откроется. Она вам верит, и мне кажется – греха в этом нет. А если есть, – то я беру на себя и прошу не отказать в этом.

Искренне Ваш Б.П. Крым-Шамхалов.
26 ноября 1921 год».

Прочитав это письмо, я почувствовал нечто вроде профессионального раздражения. Я ведь правильно поставил диагноз в 1921 году, заявив, что в правом глазу катаракта, еще не зрелая; левый погиб от неудачной операции в Ессентуках. Я ведь правильно поставил и прогноз, откровенно сказав им, что глаз этот постепенно ослепнет в процессе созревания катаракты, но что произведенная в свое время, в 1922 году возвратит зрение.

Теперь сын старухи, очевидно, сомневается в моем прогнозе; счи-

book3.indd 141 09.03.2010 17:36:26

тает слепоту неизлечимой; полагает, что моя предварительная операция (глаукомы) была излишняя и не предупредила слепоту. Он предлагает мне сомнительную роль утешителя в безнадежном положении!

Так нет же! Я докажу ему и главным образом его бедной, слепой матери, что я был прав, что мое предсказание точно и она будет видеть. Я сам сделаю операцию и возвращу больной зрение! Как будто ради одного этого стоит поехать еще раз в Карачай…

Магомет Кочкаров оказался прав: слава о работе нашего отдела вышла далеко за пределы Карачая, за пределы и Черкесии с Баталпашинским отделом. Весть о нашей работе, о наших достижениях дошла и до Москвы. Ею заинтересовался заведующий глазной секцией Наркомздрава РСФСР доктор Я. Глоба, некогда работавший на Кубани.

Весной 1922 года я получил от него запрос о работе нашего отряда вместе с просьбой составить проект организации глазных отрядов вообще. Некогда в царской России эти отряды рассылались очень широко по инициативе профессора Л. Г. Беллярминова и находились в ведении особого учреждения, «Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых». Революция прекратила деятельность этого учреждения, резко подорванную империалистической войной. Настало время возобновить работу отрядов на основах Советского здравоохранения.

Я отвечал в Москву обширной докладной запиской об организации окулистических отрядов и тем дал толчок к созданию их уже в широком всесоюзном масштабе.

Вот почему, когда Исполком Карачая обратился к Наркомздраву РСФСР с просьбой командировать к ним под моим заведованием и снабдить его достаточным количеством медикаментов, перевязочного материала и инструментов, я получил наряд на эти предметы, ошеломивший меня своими размерами. Так для карачаевского отряда было отпущено целых две тысячи метров мягкой марли!

Невольно приходили на память тяжелые дни в 1921 году, когда мы за отсутствием марли перевязывали больным глаза полосками ситца и тому подобными материалами.

Незаметно для меня мысль о новом глазном отряде в Карачае из предмета неопределенных мечтаний зимой, весной превратилась в окончательное решение, утвержденное в Москве, в Карачае,

book3.indd 142 09.03.2010 17:36:26

в Краснодаре. Доктор Ротштейн, служащий в аппарате Кубано-Черноморского Облздрава, получил наказ от завоблздрава В.М. Мухина привезти из Москвы вместе с товарами для нашей области и имущество, отпущенное Наркомздравом для карачаевского глазного отряда.

Это поручение дорого обошлось нашему отряду. Доктор Ротштейн, имея в своем распоряжении несколько товарных вагонов, воспользовался нашими двумя километрами марли, чтобы удобно запаковать в ней несколько килограмм драгоценного соляно-кислого хинина, перевозимого им контрабандно. При этом всю эту марлю со скрытыми в ней жестянками с хинином он уложил в плетеную корзину колоссальных размеров. Когда эта корзина с крепкими замками была вечером доставлена ко мне в клинику, немедленно явился доктор Ротштейн, проверил замки, открыл своим ключом запоры, вскрыл корзину. С лихорадочным волнением он стал выбрасывать из корзины тюки с марлей, как нечто ненужное и постороннее, пока не добрался до жестянок. Его поведение, эти жестянки среди нашего перевязочного материала, все меня удивило в высокой степени. Жадными руками он стал вынимать жестянки одну за другой, бережно передавал их своим спутникам, удостоверившись, что все они целы и полны содержимого. Вынувши последнюю жестянку, он приказал поднять с пола выброшенные тюки марли и положить их обратно в корзину. Его нисколько не интересовало, вся ли тут марля. Напротив, он потребовал от меня уплаты за корзину и за провоз ее из Москвы в Краснодар.

Я протестовал, доказывая, что провоз был поручен ему в вагонах с санитаро-медицинским грузом для всей области и отдельной платы за провоз нашего имущества не полагается. А корзину для марли вовсе не следовало покупать; марлю перевозят не в корзинах, да еще таких дорогих, а просто в тюках. Однако доктор Ротштейн был настойчив, уверяя, что он истратил из своего кармана очень крупную сумму на нас. Несколько дней шла неприятная торговля. Так как денег у меня для уплаты Ротштейну не было, он потребовал уплату марлей. Он требовал пятьсот метров! Сошлись на трехста метрах. Так наш перевязочный материал, еще не доехавший до Карачая, сильно пострадал от рук спекулянтов из врачей. Я вспоминал этот эпизод, во-первых, потому, что он произвел на меня тяжелое впечатление. А кроме того, уже

book3.indd 143 09.03.2010 17:36:26

в самом Карачае с этим материалом случится история, где мне придется фигурировать в роли спекулянта. Но об этом ниже.

Серьезным вопросом является вопрос о составе отряда. Опыт 1921 года, так тяжело пережитый мной, показывал, насколько важен тщательный выбор помощников. Состав должен быть дружным, из лиц, расположенных друг к другу. Кроме того, излишне было брать много людей. Исходя из этих соображений, я собрал небольшую сплоченную группу помощников, постоянно работающих в клинике и находящихся в хороших взаимных отношениях: ассистент клиники Нина Максимовна Привалова, ординатор Анаида Александровна Гюльназарян и медсестра Мария Ивановна Цыпкина. Обе последние работали в Карачае в 1921 году; первая принимала непосредственное участие в организации прошлогоднего отряда, и всей душой была с ним.

Казалось, мой выбор был вполне удачен. Все было решено. Быстро, в занятиях со студентами, в большой клинической работе протекали дни весны 1922 года. Приближалось лето. Надо собираться в путь, хлопотать о транспорте. И вот перед отъездом Анаида Александровна заявила мне, что она берет с собой своих «девочек», сестер Соню и Зину, медичек нашего Института. Я решительно протестовал, не желая вводить в состав отряда дачный элемент. Анаида Александровна умоляла, доказывала, что ее сестры, слабые и болезненные, очень нуждаются в горном климате, что они на ее попечении, не будут обременять отряд, будут во многом помогать. Я по слабости характера уступил и согласился. И таким образом наш отряд, как и в прошлом году, оказался довольно многолюдным: я и пять женщин.

Мы должны выехать в начале июля уже не в Кисловодск, как в прошлом году, а в Баталпашинск, где находился административный центр новообразованной Карачаевской Автономной Области. Проезд для такой большой группы в классном вагоне, с большим грузом, был крайне затруднителен. Поэтому я заблаговременно стал хлопотать, по примеру прошлого года, о вагоне-теплушке. Сначала это казалось невозможным: дать целый вагон для шести человек и двадцати пудов груза!

Помогли знакомства в Линейном отделе, сделанные мной через проживавшего у меня земляка и друга детства, Степана Степановича Робуша. Две бутылки чистого спирта оказали могущественное действие. И мы по телефону получили наказ: пятого июля быть готовыми,

book3.indd 144 09.03.2010 17:36:26

собраться у товарной станции с вещами, где будет стоять наш вагон, погрузиться в него, приедет из Новороссийска маршрутный поезд с пустыми цистернами, заберет нас до Невинномысской станции.

Мы действительно добрались до полудня, в указанном месте нашли товарный вагон. Сели в него и стали ждать. Но никто на нас не обращал никакого внимания. Мы бегали к дежурному по станции, даже к начальнику станции и спрашивали, когда нас отправят. Те пожимали плечами и решительно заявляли, что нас никуда не отправят, что никакого маршрутного поезда из Новороссийска они не ждут, такого поезда не будет!

Прождавши напрасно шесть часов, мы решили послать одного их своих в Линейный отдел точно узнать, не обманули ли нас, сидеть ли нам еще на станции или уходить домой. Наконец, Степан Степанович Робуш бегом возвратился к нам взволнованный, кричит издали: «Скорей садитесь в вагон! Уже идет из Асрипской ваш поезд!». Действительно, еле успели влезть в вагон, как на всех парах влетел на станцию с грохотом товарный поезд с цистернами; неожиданно для самого начальника станции! Нас живо прицепили к этому поезду, и в семь часов вечера пятого июля мы покинули Краснодар, держа курс на Карачай.

Выехали мы с самыми радужными надеждами, полные решимости совершить что-то грандиозное, затмить своей работой славный 1921 год.

Глава 2

НА ПУТИ В КАРАЧАЙ

Мы подолгу задерживались на станциях между Краснодаром и Кавказской. И подходили к этой последней уже на рассвете. Жарко было в вагоне; и поэтому дверь в нашей теплушке была слегка отодвинута.

Наш отряд крепко спал перед зарей, расположившись на полу среди ящиков и багажа. Чемоданы были благоразумно отодвинуты в дальний угол, подальше от дверей. Мне по обыкновению не спалось при первых лучах рассвета, и я дремал, прислушиваясь к гро-

book3.indd 145 09.03.2010 17:36:27

хоту колес, пробегавших по стрелкам. Поезд, очевидно, подходил к большой станции.

Вдруг мне показалось, что дверь вагона медленно отодвигается. Как будто в просвете между дверными створами показалась какая-то тень, и задвигались ящики, находившиеся вблизи двери. Громкий крик Марии Ивановны разбудил весь наш отряд. Они проснулись от этого движения вещей у ее головы; ей показалось, что кто-то влез в вагон. Мы все вскочили на ноги и тотчас убедились, что действительно была попытка проникнуть к нам: вещи у дверей были передвинуты. Поезд остановился на станции Кавказской, и мы стали проверять свое имущество. Увы, сильно пострадала Нина Максимовна. Вор успел утащить ее хорошенький кожаный саквояж с туалетными принадлежностями и другими мелкими, но ценными вещами. Мне было очень досадно, что в руки вора попали все мои к ней письма, которые она хранила в этом саквояже. Остальное имущество отряда оказалось в целости. Крик Марии Ивановны спас два ящика с медикаментами и перевязочным материалом: они были вором придвинуты к самому краю вагона.

На станции Кавказской пришлось стоять очень долго. Отправили нас только в двенадцать часов дня, и в семь часов вечера мы были уже в Невинномысской. Наш поезд отвели далеко на запасный путь и бросили; дальше он не пойдет. Специально из-за нашего вагона (из-за двух бутылок спирта) сбили поезд из пустых вагонов-цистерн и докатили его до нужного нам пункта, до Невинки. Мы воспользовались этим и сохранили вагон за собой, пока не удалось организовать транспорт дальше в Баталпашинск. Это дело оказалось нелегким. Весь вечер мы провели в поисках подводчиков, но не нашли никого! Пришлось заночевать на путях в вагоне.

Утром мы были счастливы. Нашлись три подводы, простые телеги, которые взялись доставить нас в Пашинку*. Сильные дожди в горах значительно подняли уровень Кубани, и она неслась широким, полным потоком у Невинномысской станции. Проселочные дороги испортились и здесь, в предгорной полосе. Нижняя дорога над самой Кубанью стала непроезжей. Знаменитые «катафалки» внушали ужас подводчикам, и они повезли нас прямо на гору, огромным массивом вздымаю-

* Пашинку – Баталпашинск

book3.indd 146 09.03.2010 17:36:27

щуюся над станцией. Подъем был труден. Мы облегчили его лошадям, пройдя его пешком. Плоская вершина Невинской горы была луговой растительностью. Под утренним солнцем чудесно улыбались нам цветы; дышалось так легко и привольно в свежем, ароматном воздухе. Крупной рысью спустились мы к Кубани у Невинских хуторов и быстро покатились по ровной, но каменистой дороге к станице Беломечетской. В три часа дня мы были в станице. Здесь нас ожидал неприятный сюрприз. Полноводная Кубань разрушила один пролет моста. Спешно чинили мост, и проезд через него был закрыт. Бесконечно долго тянулось ожидание на горячей площади под жарким солнцем. Некоторым развлечением для нас явилась интересная сцена сдачи Советской власти большого отряда белобандитов. Отряд этот эффектно спускался походным порядком по гребню горы к станице. Впереди ехал главный бандит на красивой лошади в полном вооружении. Вооружены были и прочие всадники. На станичной площади у Исполкома их ожидали власти. Все прошло торжественно, чинно, мирно.

А тем временем волновались у ремонтируемого моста; просили, умоляли пропустить нас скорее, когда разрушенный пролет был починен и были проведены через мост первые подводы. Нас почему-то долго не пропускали, несмотря на наши просьбы; не обращали внимания на наши бумаги, где внушалось всем властям оказывать нам содействие.

Только в девять часов вечера удалось нам, наконец, перебраться на левый берег Кубани. Невесело было ехать ночью, хотелось спать. Подводы в полночь остановились в степи в стороне от дороги. Лошади паслись, а мы дремали, лежа в траве. Отдых был недолог, и в два часа ночи мы тронулись дальше. Светало, когда мы проехали мимо Дударуковского аула, видя Баталпашинск за рекой, и остановились у моста через Кубань.

В серых красках облачного рассвета Кубань устрашила нас. Она неслась несколькими протоками, холодная и бурная. Только первый из протоков, главный, ближайший к нам, носил на себе мост. Через остальные переезжали вброд. Этот брод был, по-видимому, небезопасен. Несколько подвод, переехавших через мост, столкнулись у первого брода, и не решались довериться стремительно несущейся воде. Город за рекой, так манивший нас, утомленных бессонными ночами, казал-

book3.indd 147 09.03.2010 17:36:27

ся недоступной целью. Мы переехали через мост присоединились к прочим подводам. Тотчас были организованы поиски бродов. Смелый подводчик верхом на лошади нащупал более безопасный путь, и телеги осторожно под его руководством стали одна за другой совершать переправу. Мы благополучно переплыли через три рукава, хотя вода временами вливалась в кузов телеги. Жутко было смотреть на бегущую воду под ногами; не чувствовалось твердой почвы под колесами экипажа.

В шесть часов утра **8 июля** мы въехали в Баталпашинск и долго колесили по улицам, отыскивая себе приют. Узнали, что нам для жилья отведено помещение в Областной больнице и завернули туда. Наше появление произвело переполох в больнице. Но скоро явился Магомет Кочкаров; пришли больничные врачи и устроили нас в двух больничных палатах гинекологического отделения. Мы сильно устали и мечтали о покое.

Весь этот день мы провели в отдыхе, в осмотре больницы. В прогулке по городу, по берегу Кубани. Больница расположена высоко над спуском к реке; и меня потянуло в рощу, в прибрежный лесок, остаток обширной рощи, еще недавно озеленявшей оба берега Кубани. Я там выкупался в прохладной воде, где над быстро текущей, но легкой водой склонялись старые ивы.

Меня особенно беспокоила мысль о скорейшей отправке нашего отряда в Карачай. Как бы не повторилось прошлогоднее кисловодское сиденье, на этот раз в Баталпашинске. Я настойчиво указывал Магомету Кочкарову на необходимость ускорить наш отъезд. «Я и сам это знаю! Ведь я поеду с вами в Учкулан. Но не так просто достать подводы. Население занято полевыми работами. Подождем базарного дня, понедельника, когда в Пашинку съезжаются горцы из далеких аулов». – Таков был ответ Кочкарова.

«Опять базарный день! Опять жди подводы из аулов», – думал я, вспоминая подобные ответы в Кисловодске в 1921 году. Улеглись рано спать, но клопы не давали покоя.

9 июля

Утром и днем знакомились с городом, бродили по магазинам; подробно осматривали больницу, после чего всем отрядом собрались у старшего врача больницы доктора Остроумова, почтившего нас отличным обедом. А вечером нас пригласила к себе доктор Лейкина-Долгова. Там собралось почти все Баталпашинское Медицинское об-

book3.indd 148 09.03.2010 17:36:27

щество. Было шумно, людно. Я плохо соображал, где я и что со мной. А ночью ужасные клопы лишали нас сна!

Пришлось заявить об этом администрации больницы: вот каково у них гинекологическое отделение! Утром началась суматоха; все кровати были извлечены на двор и подвергнуты основательной дезинфекции. Но нам не пришлось воспользоваться ее благами.

10 июля

День нашего отъезда в Карачай. Вот как это случилось.

В этот день приходил большой базар. Наши бродили по базару, по магазинам, делали закупки, не подозревая о возможности скорого отправления в дальнейший путь. Вдруг Магомет сообщил, что им наняты четыре осетинские арбы, которые и довезут нас до Осетиновки. А там будет перекладка. Мы не успели пообедать, как явились арбы, нагруженные всяким грузом; кукурузной мукой, солью и прочим. Наш багаж еле-еле разместился на этих подводах, не оставивши для нас свободного местечка. Вспоминаю арбы из Кисловодска до Бечесына. Но нечего было думать о лучшем транспорте; надо было торопиться со сборами вещей, с укладкой, с отправлением в дальний путь. Милая семья Остроумовых приняла в нас живейшее участие. Уже вечерело. Уже запряженные волами арбы стояли на улице, и подводчики торопили нас. А Остроумовы не отпускали нас, пока мы основательно не покушали, не напились горячего чаю. Помню до сих пор вкусные котлеты, которые мы поглощали, проголодавшись, с таким аппетитом.

Простились. Вот мы уже на арбах, на грудах вещей. Ребра и углы ящиков безбожно давят в бока, режут ноги. Волы тронулись. Заскрипели наши первобытные экипажи, возчики затянули свою заунывную песню. И под аккомпанемент этой симфонии, навевающей сон, мерно покачиваясь на жестком ложе, мы задремали. Бессонные ночи в больнице давали о себе знать. В сгущающихся сумерках потянулись длинные ряды низеньких домов большой станицы; потом все поглотила ночная степь.

Потянуло в открытой степи холодком. Поднялась луна. Незнакомая, новая дорога; новые впечатления в придачу к пережитым – все это прогоняло сон. Да и как тут спать на груде твердых ящиков и чемоданов, полагаясь на мягкость собственного тела! И я с любопытством всматривался в озаренный луной пейзаж.

book3.indd 149 09.03.2010 17:36:27

В прошлом году мы проникли в Карачай через Кисловодск, Бермамыт и Бечесын. Теперь мы двигались туда же, в Учкулан другим, еще неизведанным путем. Каков он? В ночной тишине временами слышится шум Кубани. Где она? Возвышенности, окаймляющие ее долину, становятся выше, особенно на западе. Под лунным сиянием они кажутся особенно высокими; воображение рисует впереди настоящие горы.

На рассвете мы проехали станицу Усть-Джегутинскую, переправившись вброд через горную речку Джегуту. Уже встало солнце, когда наш караван заскрипел под отвесными скалами Учкульки. Настоящие горы! Это было так интересно. Все проснулись и с любопытством смотрели вниз на широкую, шумную, пенистую Кубань, несущуюся здесь в узком коридоре с отвесными стенами. Сочная трава под склонами Учкульки, хороший корм для животных. Распряженные арбы, двухчасовая остановка. Ужасно хотелось спать! И я крепко заснул на часок, согретый на бурке горячими лучами солнца.

После плотного завтрака тронулись в путь и медленно потянулись по долине Кубани. Сопровождающие ее столообразные плоскогорья становятся все выше и выше и падают к реке настоящими горами: обрывы этих плато, то известняковые, белые, то песчаные, красные, местами образуют отвесные скалы. Река, извиваясь в узком коридоре, прижимается к высотам то одного берега, то другого, оставляя широкие, ровные поляны, где зреет кукуруза, цветет подсолнух, желтеют хлеба. Все это ужасно интересно.

Спускаемся с дороги к самой Кубани и осматриваем известные Красногорские минеральные источники. Они в самом плачевном состоянии, втоптаны животными в грязь. Здесь поят этой водой скотину, и человеку трудно добраться до чистой воды. С остановками едем дальше. Меня охватывает волнение, когда я увижу за Красногорской станицей на юге высокие горы, зубцы на вершинах хребтов, как будто преграждающих нам путь в Карачай. Мышиная тропа под отвесными скалами над бурлящей Кубанью кажется преддверием в настоящий горный мир, и мы неуклонно приближаемся к нему.

Аул Абуково, Хумаринское укрепление все в развалинах. Здесь был раньше в старой России центр управления всем Карачаем. Здесь жили пристав, лесничий, ветеринарный и медицинский фельдшеры. Магомет Кочкаров показывал мне уголок казарменного вида длинной

book3.indd 150 09.03.2010 17:36:27

постройки, где жил он когда-то вместе с Хасанбием Хубиевым в качестве фельдшера.

Вот и первый карачаевский аул – Воронцовско-Карачаевский. Против него на другом берегу Кубани широко раскинулось большое селение Геориевско-Осетиновское, населенное осетинами. Наши подводчики сложили у дороги наши вещи, повернули волов к Кубани и по мосту переправились на свою сторону. Магомет Кочкаров занялся подыскиванием новых возчиков среди своих соплеменников-карачаевцев; и эта неизбежная, продолжительная остановка позволила нам поесть впервые за весь день в достаточном количестве.

После еды я с Ниной Максимовной пошел прогуляться к месту слияния Кубани с Тебердой. Где-то невдалеке должно находиться это место. – Наступал вечер. На юге над горами сгущались тучи. Их темные очертания сливались с мрачными громадами гор. Изредка беззвучно сверкали молнии. Даль, которая должна была скоро принять нас казалась неприветливой и суровой. В полной темноте мы двинулись дальше, но скоро остановились, не доезжая до аула Каменномостского. Волы принялись за пастьбу, а мы разлеглись в траве на ночлег. Заснуть мне, однако, не удалось: меня атаковали блохи из войлока, на котором я лежал и который любезно предложил возчик.

«Ай-да! вставай!» – и в час ночи мы медленно потянулись вдоль Кубани через Каменномостский аул. Среди туч временами проглядывала луна и освещала мрачный вход в ущелье Кубани. Дорога местами шла у самой реки, и вода шумела у колес наших ароб, заливая дорогу. От сильных дождей в горах Кубань страшно вздулась и бурлила.

На заре мы были в настоящей теснине, в ущелье Яман-Ныхет* в «Фермопилах Северного Кавказа», по выражению генерала Эммануэля, которому удалось в 1829 году покорить Карачай, только обойдя эту теснину со стороны Бечесына. Дорога еле находила себе узкое место у подножья отвесных скал, покрытых яркой зеленью деревьев и кустарников. Деревья покрывали все выступы утесов над кипящей рекой, карнизы скал, увенчивали их вершины, стояли целым войском там вверху, на недосягаемой высоте, спускались к самой воде и купали в ней свои ветви.

Неподвижные стены и громады гор; могучий расцвет раститель-

* Яман-Ныхет – Аман –Ныхыт.

book3.indd 151 09.03.2010 17:36:27

ного мира; бурная река вся в пене, медленно плывущие облака в узком просвете неба над ущельями, – все это составляло чудесную картину дикой природы. И в этой картине наш медленно ползущий по дну ущелья караван занимал свое место, как ее неотъемлемая часть: глазной отряд движется в Карачай, Кубанская глазная клиника не покидает своей Кубани даже в этих дебрях Кавказа.

Стены ущелья раздвинулись, и мы при впадении в Кубань реки Индыш. Наш Индыш! С любопытством смотрели на знакомые места, заглядывали в глубь Индышского ущелья, словно искали следы своего пребывания здесь в 1921 году. Далее все так знакомо, так памятно. Аман-Кол, Джалан-Кол, устье Худеса, Эльбрусский рудник. Побывавшие тут в прошлом году показывали еще не бывшим здесь разные местечки, ознаменованные разными мелкими событиями из жизни в Карачае в 1921 году.

Вдали показались хутора-кварталы аула Карт-Джюрт. Мы въезжаем в Большой Карачай. Угрюмые громады гор широко развернулись и ушли в поднебесье, чтобы дать некоторый просмотр большим аулам, сердцу Карачая.

У моста через Кубань, последнего Кубанского моста на нашем длинном пути, еще одна перекладка вещей и продолжительная остановка. Здесь карачаевские женщины приветствовали нас цветами, что произвело на нас сильное впечатление и оказалось добрым предзнаменованием. Такова трогательная встреча, приготовленная нам Карачаем. Правда, когда мы снова тронулись в путь, я обнаружил пропажу своей альпийской палки, верно сопровождающей меня во всех горных экскурсиях еще со времен поездки на Безенгийский ледник в 1911 году. Жаль было потерять такой хороший альпеншток. Обидно было, что его украли карачаевцы в такой торжественный момент въезда в Карачай. Но все же радостное чувство встречи с карачаевским народом долго не покидало меня.

Погода испортилась. Тяжелые тучи налегли на горы; близок дождь. Кубань решительно покинула свои берега и затопила нашу дорогу через нижние кварталы Карт-Джюрта. Аробщики смело двинулись вперед по воде. Часть нашего отряда осталась на подводах, взобравшись повыше, чтобы не замочить ноги. Я с Ниной Максимовной и Магометом выбрались на склон долины и пошли верхней тропой. Жутко было смотреть

book3.indd 152 09.03.2010 17:36:27

сверху вниз на наши подводы, плывущие по реке. Казалось, наш перевязочный материал, наши инструменты – все подмочено.

Пошел мелкий дождь, когда мы сошлись вместе с нашими арбами на сухой дороге. Наступили сумерки. Настроение стало падать. Сказалось сильное утомление, физическое и душевное, от бессонных ночей, проведенных в одежде на жестком ложе, от ходьбы пешком за арбами, от обилия впечатлений. Но приятно было думать, что близка цель наших стремлений. В дождевой и вечерней мгле вот-вот мелькнут огоньки Учкулана! Там давно ожидают нас, героев 1921 года. Там готовы для нас квартиры, постели, – кров от непогоды. Так мечтал я, продрогший от дождя, от ночного холода.

Глава 3

ПРИБЫТИЕ В УЧКУЛАН. ПЕРВЫЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Арбы загремели на мосту через Уллу-Кам и стали подниматься на знакомую нам площадку при слиянии Уллу-Кама и Учкулана, где мы жили и работали в 1921 году. Здесь – административный центр Карачая. Здесь наша больница, амбулатория. Здесь жил незабвенный Ильяс Магомедович в здании высшего начального училища.

Мы приехали. Путь окончен. Арбы остановились перед домом Исполкома. Подводчики сбрасывают на мокрую землю наш багаж, торопятся в обратный путь к себе домой. Мы в недоумении оглядываемся по сторонам, не встретит ли нас кто-либо, не укажет ли нам, где отведенная нам квартира. Но увы! Никто нас не встречает, площадь пустынна. Светится огонек в Исполкоме. Мы зашли туда. На грязной лавке дремлют караульные карачаевцы. Они ничего не знают о нас, о нашем прибытии. По-видимому, никто нас здесь не ждал.

Магомет предложил временно сложить вещи в помещении Исполкома. И переночевать тут же на лавках или на столах. Но это было невозможно: помещение было слишком загрязнено постоянными заседаниями, пребыванием толп народа. Стали искать другого приюта на ночлег. Что стало с нашей прежней прошлогодней квартирой? – Там живут учителя! – А квартира покойного Ильяса? Не пустая

book3.indd 153 09.03.2010 17:36:27

ли она? – А там живет его приемный сын Асхат. Положение казалось безвыходным. Обратились за помощью к заведующему здравотделом Магомету Кочкарову, приехавшему с нами. Ведь он же писал мне, что все будет приготовлено к прибытию отряда, что будут учтены ошибки прошлого года и тому подобное. – Магомета не оказалось: сконфуженный нашим настроением, он исчез, незаметно отправился к себе домой, в свой квартал Кочкаровых, предоставивши нам самим выпутываться из затруднительного положения. В конце концов, устроимся кое-как на эту ночь в Учкулане. Открыли квартиру Ильяса, поместили меня на проваленном диване; остальные члены отряда переночевали в здании Исполкома на лавках.

Утро встало ясное, солнечное. Но на душе было невесело. Выяснилось, что нас из администрации никто не ожидал: ничто не было подготовлено для нашей работы. Больничного помещения не было так же, как и квартиры для членов отряда. Драгоценное время, первые дни пребывания в Карачае ушли на подготовку этих помещений, на приведение их в порядок. Эту работу пришлось делать самим при полном равнодушии Исполкома и здравотдела. В то время как наши женщины – врачи и студентки, вооружившись тряпками, вениками и водой, подметали, чистили, мыли комнаты в нижнем этаже школы, устраивая квартиру для членов отряда, я усердно работал на верхнем этаже, где в прошлом году была наша больница. Здесь зимой и весной стояли красноармейцы, и со времени их ухода все сохранялось в полном беспорядке. Толстый слой грязи и пыли покрывал пол, стены и бесчисленные ряды кроватей. От досок на кроватях поднимались облака пыли. Блохи прыгали в несчетном количестве.

Я широко раскрыл окна, проветрил обширные классы и стал выбрасывать все доски с кроватей прямо во двор. Эта сцена привлекла любопытных из Исполкома. Появились и наши старые знакомые поздравлять нас с благополучным прибытием. Наша черная работа, наши жалобы смутили их, и по обычаю горцев, они всем хором стали бранить администрацию, народ хвалит нас, не прилагая со своей стороны никаких усилий, чтобы помочь нам. С трудом отыскали русских женщин, наняли их и, работая вместе с ними, привели в некоторый порядок нужные для работы и жизни отряда помещения. Мы заняли все пустующее Высшее начальное училище. Верхний этаж приспособили

book3.indd 154 09.03.2010 17:36:27

для операционной и стационара по примеру прошлого года. В нижнем этаже поместились сами. Две комнаты, где жил Ильяс Магомедович, заняли я, Нина Максимовна и Мария Ивановна. Окна их выходили в школьный сад. В двух больших комнатах, имевших выход к реке Учкулан, поместились три сестры Гюльназарян.

Наши комнаты быстро приняли уютный и жилой вид. Появились скатерти на столах, цветы, картины на стенах, подходящая мебель, расставленная удобно. Нашлась посуда, появился даже самовар. Моя комната, первая от входа, служила столовой. Здесь сходились все в часы завтрака, обеда и ужина. Здесь же принимали и гостей.

А гости появились скоро. Мы приехали в Учкулан в ночь с **12** на **13 июля.** А уже **14 июля** у нас обедали доктор Темирханов, наш старый знакомый по 1921 году, и Г. С. Медяник, бывший инспектор народных училищ Баталпашинского отдела, ставший после революции кооператором-инспектором. Невеселые вести сообщили они нам. Не только Темирханов, всегда недружелюбно относившийся к нашей работе, но и симпатичный Медяник предрекал полный провал глазному отряду.

Прошлый 1921 год, говорил Медяник, в корне подорвал благосостояние Карачая. Война с Советским Союзом зимой этого года, постоянные выступления белобандитов еще весной и в начале лета, волнения в народе в связи с переменой власти; возможные толки о переделе земли, о переходе на новые формы землепользования и так далее, – все это сбило с толку народную массу, отвлекло ее от обычного труда. Поздней осенью, когда надо было энергично работать на покосах, заготовить корм для скота на зиму, горцы слонялись без дела, наполняли аулы спорами. Так объясняется огромный наплыв к нам больных в августе прошлого года. Обычно аулы Большого Карачая в это время пусты.

Результат такого положения дел был самый плачевный. В суровую зиму 1921-22 года карачаевский скот постигла голодовка. Корма не хватила до весны. Наблюдался массовый упад скота, составляющего единственное богатство карачаевцев. Отощали и люди, и животные. С весны, как только показалась трава на склонах гор, все население массами двинулось из аулов на горные пастбища. Потянулись старые и молодые, больные и здоровые.

book3.indd 155 09.03.2010 17:36:27

«Посмотрите на наш Учкулан, пройдитесь по его кварталам», – говорит Г.С. Медяник: – Вы не узнаете его. Большинство домов заколочено. Кварталы пусты, жителей нет. Все ушли в горы, и к вам они не придут, не привезут слепых. Настроение в народе страшно подавленное». Темирханов предрекал нам еще более мрачные перспективы.

Вечером **14 июля** явился и Магомет Кочкаров. Он вошел конфузливо, с любопытством оглядел нашу обстановку, покосился на шумящий самовар, на стол, уютно сервированный. Он сознался за чаем, как ему стыдно было тогда ночью, когда мы бесприютные стояли под дождем на площади и не знали, куда деваться: «Ну, сейчас, я вижу, как вы хорошо устроились».

Он, к сожалению, подтвердил мнение Г.С. Медяника относительно нашей работы, хотя и в более мягкой форме: «Да, сейчас нет народа в аулах; все ушли на коши, некого лечить. Но ничего! Вас хорошо знают, слава о вас далеко распространилась; и, несомненно, узнавши о вашем прибытии в Учкулан, явятся больные». Пили чай, разговаривали о том, о сем, вспоминали работу 1921 года. Но настроение у меня было плохое.

На третий день после приезда в Учкулан мы раскрыли двери своей амбулатории. Она была столь немноголюдна, что мы организовали прием больных в соседней комнате с нашим помещением. В комнате на первом этаже. Целый день дверь стояла открытой, и мы всегда были готовы принять пациента.

Начало работы было неутешительно. Пациенты приходили поодиночке, а не толпой. Приходили с легкими болезнями конъюнктивиты век, просили «дарман» и уходили. Их было так мало, всего сто двадцать восемь человек за целый месяц работы в Учкулане, что мы старались удержать их в амбулатории и лечить самим. Больные охотно соглашались на это, ибо большинство их были жители Учкулана. Таким образом, нашими больными было сделано одна тысяча сто шестьдесят пять посещений; на каждого больного пришлось почти десять посещений.

Изредка появлялись больные из соседних и более отдаленных аулов. Это были редкие гости с более серьезными заболеваниями глаз, требовавшими операции. Но как мало было таких пациентов, можно судить по тому, что Учкуланский период нашей работы отмечен

book3.indd 156 09.03.2010 17:36:28

только двенадцатью операциями! Можно смело сказать, что мы почти совершенно не оперировали в противоположном прошлому году, когда за меньший промежуток времени было сделано сто девяносто четыре больших операций, из которых восемьдесят девять принадлежало экстракциям катаракты. Сколько десятков слепых глаз увидели свет здесь же в Учкулане в прошлом году! А теперь я краснел, подводя итоги нашей работы.

Напрасно Магомет утешал меня после двух (только двух!) операций извлечения катаракты.

«Вы считаете свою работу бесполезной, свое пребывание здесь ненужным. Но если вы возвратили зрение хотя бы даже одному карачаевцу, то ваш отряд вполне оправдал себя. Этот слепой, который благодаря вам сейчас видит, так и остался бы слепым без вашей помощи. Бедный человек, тяжелая обуза для родственников, он никуда не поехал бы. А теперь он ходит сам и говорит всем, что Аллах прислал вас».

В этих словах я чувствовал желание утешить себя. И насмешливо глядели на меня огромные тюки с марлей, служившие нам отчасти подушками на наших жестких кроватях.

Глава 4

НАШЕ УЧКУЛАНСКОЕ ЖИТИЕ

Месяц, проведенный глазным отрядом в Учкулане, был не работой, а именно житием, дачным времяпрепровождением. Обилие свободного времени располагало к праздности. В этом направлении действовало и обилие свободных рук и свободных голов.

В Учкулане было немало праздных молодых людей, собирающихся и не собирающихся поступить в вуз. Некоторые слегка служили в местных административных учреждениях. Все они охотно посещали наш отряд, особенно половину его, где жили сестры. Там всегда было весело. Раздавались песни, хохот, даже музыка. Там организовывались прогулки, поездки верхом. Асхат, приемный сын покойного Ильяса, Хаджи-Мурат Кочкаров, Коркмазов были завсегдатаями у нас.

book3.indd 157 09.03.2010 17:36:28

Иногда на прогулку отправлялись все вместе, но это было редко. Одной из первых таких прогулок была прогулка на могилу Ильяса Магомедовича. Он был похоронен в Хурзуке, в своем родовом ауле, где имеется квартал Байрамуковых. В высоких травах среди луговых цветов, у самой ограды из тяжелых камней, увидели мы маленький холмик, под которым тлело тело верного друга нашего первого отряда.

Единственной дальней экскурсией была наша поездка в Махарское ущелье. В прошлом году мы посетили этот живописный уголок высокогорной природы Кавказа. Мы остановились тогда у знаменитых нарзанов. На этот раз мне хотелось проникнуть дальше по ущелью Махара и взобраться даже на перевал через Главный хребет.

Выехали веселой шумной гурьбой, все верхом. Лошадей достать было нелегко; и молодые люди воспользовались частью лошадьми милиции, захватили их без особого разрешения на пастбище. Знакомые места. Вспоминали о прошлой поездке сюда на повозках. Проехали Махарскую поляну при слиянии Махара и Гондораем и углубились в ущелье. После небольшой остановки у нарзанов с завтраком, двинулись дальше вверх. Я настаивал на необходимости проникнуть засветло как можно выше, чтобы заночевать у самого подъема на перевал. Мое предложение не имело успеха, ибо большинство публики смотрело на поездку, как на пикник, а некоторые женщины были утомлены.

Расположились ночевать на широкой поляне под высокими, развесистыми соснами. Спустилась холодная горная ночь с яркими звездами. Закутавшись в бурку, я провел эту ночь почти без сна, и на рассвете решил продолжать путь к перевалу. Молодые карачаевцы заявили, что лошади устали, не успели отдохнуть за ночь; и ввиду предстоящего на сегодня обратного пути в Учкулан поездка верхом к перевалу невозможна. Я предложил желающим пойти со мной к перевалу пешком. – Пошли Мария Ивановна, Нина Максимовна и Анаида Александровна. Я люблю высокий лабиринт. Он действует на меня как-то возбуждающе, волнует, словно преддверие к небесам. Леса уходят вниз; горные громады, обгоняя их, устремляются ввысь и покрываются снегом. Везде камни, огромные обломки скал, покрытые седым мхом. Ущелье круто идет вверх, замедляя наше движение; полоса неба над ним суживается. Грохот горного потока, отражаемый голыми скалами, становится особенно полнозвучным. С заоблачных высот

book3.indd 158 09.03.2010 17:36:28

срываются на склонах гор серебряные нити, рождаемые вечными снегами, и с отдаленным шумом падают на дно ущелья. Растительность становится все более скудной, краски суровее, формы монументальнее. Подавляет эта жуткая неподвижность молчаливых голосов над убегающей от них куда-то вниз водой.

Вот и конечная морена древнего ледника, огромным вагоном из обломков скал преграждающая ущелье. Через нее пенистыми каскадами пролагает себе путь Махар. Начинается подъем к перевалу. Снег лежит около нас широкими пластами.

Но спутницы мои устали. Они еле-еле волочат ноги; идут молча. Самое трудное впереди! Пришлось возвращаться. С грустью я взглянул в последний раз на заветную грань перевала и повернул назад. У места ночлега нас ожидали молодые люди и торопили: «Скорее домой! Говорят, милиция спохватилась, что недостает нескольких лошадей, а они нужны для встречи начальства и проводов его».

Возвращение было стремительное. Молодежь затеяла скачки; состязались в быстроте езды, обгоняли друг друга. Зина и Соня Гюльназарян показали себя настоящими джигитками, не уступали горцам. От них не отставала и Мария Ивановна. Бедная Нина Максимовна не привыкла к такой продолжительной езде верхом, сильно страдала, стараясь не отстать от кавалькады. На обширных ровных, слегка заболоченных полянах выше Учкулана, где в высокой траве пролегала мягкая, упругая колесная дорога, наши всадницы и всадники скакали, как сумасшедшие, не жалея лошадей.

Приближение к аулу, ужасная каменистая дорога в верхних кварталах аула, боязнь встречи с милицией умерили бег наших экскурсантов. Хаджи-Мурат с лошадьми милиции благоразумно свернул в сторону, отделился от нас. И мы благополучно возвратились домой.

Обычно наши прогулки не выходили за пределы ближайших окрестностей аулов Большого Карачая. Мы ходили мимо Салпагаровского и Лайпановского кварталов Карт-Джюрта, по Джазлыкской тропе к нарзанам. Нас привлекала гладкая, широкая дорога в Хурзук. Но чаще всего я с Ниной Максимовной уходили через Учкуланский мост в соседнее ущелье у начала Эпчыкской дороги. Отсюда так хорошо виден Эльбрус на востоке и все ущелье Хурзука. Здесь голые скалы, каменные россыпи; но и скалы, и камни представляют настоящий цветник

book3.indd 159 09.03.2010 17:36:28

по разнообразию форм и красок, по богатству цветовых оттенков. А вглядевшись внимательнее в этот каменный поток, в окружающие его стены, – везде найдешь настоящие цветы, проявления животной и растительной жизни.

«В работе робкой и безмолвной,
Людскому глазу не видна,
Жизнь повсюду сыплет горстью полной
Свои живые семена».

Здесь так хорошо на солнце. Сюда не залетает свежий ветер, по вечерам несущийся с ледяных вершин Кавказа по ущелью Учкулана в долину Кубани. И при закате солнца здесь можно наблюдать чудесную картину Эльбруса, горящего и потухающего в изумительной смене красок.

Много часов провели мы здесь вдвоем с Ниной Максимовной в беседах, в спорах, в созерцании природы Карачая. Нас обоих волновали судьбы нашего отряда, удручала малая продуктивность работы, и мы строили планы относительно его ближайшего будущего.

Так, дружные в работе, мы, члены отряда, недовольно разделялись на досуге, образуя отдельные группы. Мария Ивановна была единственной в своей группе и дополняла ее со стороны молодыми карачаевцами. Еще в большей степени это дополнение имелось в группе сестер Гюльназарян. Старшая сестра Анаида Александровна в этом году держалась особняком от меня с Ниной Максимовной и на правах матери старалась строго опекать младших сестер. Но, по-видимому, это ей плохо удавалось. Пространственно отделенные от нашей группы особым помещением с собственным входом и выходом, сестры Гюльназарян и «духовно» жили своими интересами. Жизнь для Зины и Сони была веселой, полной развлечений, но Анаида Александровна часто бывала грустной и раздражительной. Видимо, ее не радовали сближения ее сестер с молодыми горцами.

Про одного из них, приемного сына покойного Ильяса, Асхата Биджиева, шла нехорошая слава. Говорили, что он с холодным равнодушием отнесся к смерти старика, что он тотчас распродал его имущество, не сберег даже его прекрасной библиотеки. В прошлом году наш отряд широко пользовался ею; и мы поразились, что в такой горной

book3.indd 160 09.03.2010 17:36:28

глуши можно найти прекрасный выбор книг, собрание всех русских и иностранных классиков. Сейчас, когда при обилии свободного от работы времени, хорошая книга была бы весьма желательна, мы не нашли и следов библиотеки Ильяса Магомедовича.

Окулистическая «безработица» неблагоприятно отозвалась на экономическом положении нашего отряда. Мы выехали со скудным запасом собственных денег. Запас этот истощился в дороге. Зарплату нам обещали выдать по окончании работы отряда. Прошлогодней благодарности этих бесчисленных приношений со стороны больных, когда мы буквально катались, как сыр в масле, – не было и в помине. С отсутствием пациентов, отсутствовали и даровые барашки, яйца, масло, сыры и так далее. И больные стали теперь гораздо скупее на приношения. Приходилось продовольствоваться за наличные деньги, которые быстро иссякли. Кооперативная лавка в Учкулане выручала нас и снабжала в кредит разными продуктами. Помогал нам и товарообмен.

Но отряд был слишком многолюдный. Подвижная жизнь, молодость, чудесный горный воздух – все способствовало развитию аппетита. В результате, к концу нашего пребывания в Учкулане отряд стал переживать тяжелый экономический кризис. Выражаясь проще, нам нечем было расплатиться с кооперативом, не с чем было выехать из Большого Карачая в Малый.

Местный кооператив давно смотрел с нескрываемой завистью на наши тюки с марлей. Праздно лежащие под членами отряда, они казались бесполезными для него. В Карачае не только царил хлебный и мясной, но также мануфактурный голод. Марля была в большой цене. Ко мне не раз обращались из кооператива с просьбой продать часть марли. Подобная продажа представлялась мне святотатством, и я отказал в этой просьбе.

Но в начале августа положение наше стало безвыходным. На нашем совете решено было продать несколько метров марли. Мне доказывали, что система продажи имущества для обмена на деньги или другие нужные предметы широко практикуется в учреждениях. Я вспомнил, что в нашей Кубанской областной больнице, имевшей одно время большой запас мыла, администрация продала мыло для приобретения мягкого инвентаря. И я согласился пожертвовать часть марли. Мы сразу вышли из тяжелого положения.

book3.indd 161 09.03.2010 17:36:28

Глава 5

ОТРЯД ПОКИДАЕТ УЧКУЛАН

В первых числах августа для меня стало ясным, что дальнейшее пребывание отряда в Учкулане бесполезно. Не было оснований надеяться на прилив больных, который нарушил бы сонное течение нашей работы и наполнил бы амбулаторию и стационар движением, шумом, памятных мне с лета 1921 года. Я заявил Магомету о решении перебросить отряд в Малый Карачай.

Уже в прошлом году малокарачаевцы из аула Каменномостского просили о прибытии нашего отряда к ним. Селения по Теберде, Маре и Кубани в районе слияния последней с Тебердой остались в 1921 году вне сферы деятельности отряда. Вот почему я, учитывая общую для всей Карачаевской области неблагоприятную для деятельности отряда экономическую ситуацию, все же мог надеяться, что Малый Карачай охотно отзовется на наш призыв и пришлет своих больных к нам. Итак, в Малый Карачай!

Это решение оживило членов отряда, и все стали торопиться с отъездом. Намеченный для работы отряда пункт, аул Каменномостский, казался весьма подходящим в топографическом отношении. Недаром он был выбран еще в областном исполкоме как второй пункт нашей работы. Здесь узел горных дорог, ведущих во все ущелья Карачая и выходу из него в широкую долину Кубани.

Наш выезд, по горскому обычаю, задержался из-за подвод. Подводы поставлялись обывателями по наряду сельсовета. Эта повинность ложилась главным образом на зажиточных, на кулаков. Для нас и для багажа понадобились три подводы. Наш Исполком распорядился, чтобы каждый из трех больших аулов Большого Карачая (Хурзук, Учкулан и Карт-Джюрт) доставил по одной подводе. Прошло несколько дней, пока выяснилось, на кого падает эта повинность.

Нам объявили, наконец, что подводы прибудут утром семнадцатого августа. Мы так привыкли к горской неаккуратности в смысле доставки лошадей, что на этот раз были застигнуты врасплох. Мы еще не

book3.indd 162 09.03.2010 17:36:28

были готовы к отправлению, как рано утром перед нашей квартирой уже стояли три пароконные мажары, запряженные хорошими лошадьми. Наскоро собрались, попрощались с немногими провожающими – и в путь! С каким облегченным сердцем, с какими надеждами покидал я на этот раз Учкулан! Как хотелось кипучей работой на новом месте компенсировать безработицу в течение целого долгого месяца.

Был хороший солнечный день, когда наш караван быстро двигался вниз по Кубани, в ее лесистом ущелье. Леса шумели под свежим ветром; шумели волны реки, нас обгонявшие. Мы спешили к выходу из ущелья, ожидая чего-то хорошего впереди. А ведь месяц тому назад мы с таким же чувством ехали здесь в обратном направлении и тоже надеялись на что-то хорошее, большое впереди, там, в Большом Карачае, который нам хотелось теперь поскорее покинуть…

Лошади устали; и мы перед закатом переехали на другой берег Кубани по зыбкому мостику, готовому вот-вот обрушиться в бурный поток. Здесь на лесной поляне был кош семьи Кочкаровых. Нас встретили приветливо, угостили айраном с кукурузными лепешками и уложили спать под открытым небом на мягких перинах и подушках под пуховыми одеялами. Холодная ночь в горах; обильная роса; густые, прохладные струи воздуха из тесно обступивших наш ночлег лесных чащ, холодные яркие звезды над головами, усталость от тряски в телегах на каменистой дороге, – все манило под теплое одеяло, хотелось поскорее заснуть.

Однако комфорт оказался предательским. Не успел я задремать, как следует, насладиться теплом от мягкого ложа, как подвергся жестокому нападению блох, тревоживших мой сон до самой утренней зари. Только на заре и удалось на короткое время крепко заснуть.

18 августа

Утром мы проезжали теснины Аман-Ныхет. День разгорался, солнце сильно припекало. К полудню густые тучи появились над гребнями высоких гор. Приближалась гроза, в отдалении раздавались рокоты грома. Подводчики подгоняли лошадей, торопясь до дождя приехать в Каменномостский аул.

Вот и аул. На рысях, торопясь, подъезжаем к сельсовету; около него огромная толпа народа. Народ заполняет крыльцо, переднюю и все по-

book3.indd 163 09.03.2010 17:36:28

мещение. Оседланные лошади и верховые – во дворе и на улице. Из раскрытых окон раздается громкая монотонная речь. Очевидно, идет какое-то заседание, совещание, решают общественные вопросы и дела.

Наш приезд, грохот телег, остановившихся около здания сельсовета, привлек общее внимание. На крыльцо вышли какие-то чиновные лица, с любопытством посмотревшие на нас. Я слез с телеги и вошел в помещение заявить председателю сельсовета, что предназначавшийся для Малого Карачая глазной отряд прибыл в намеченную для него местность, в аул Каменномостский. Я попросил поскорее указать помещение для нас, чтобы сложить вещи, устроить членов отряда, укрыть их от надвигающегося дождя и отпустить подводчиков, имевших приказание довезти нас только до Каменномоста.

В этот момент разразилась гроза. Потоки воды хлынули с неба. Мои спутники поскорей бросились в дом. Одни подводчики остались у лошадей, прикрывши наш багаж бурками и войлоком.

Мое заявление вызвало целый переполох. Как обычно в Карачае, оно оказалось неожиданностью для сельсовета, хотя о прибытии отряда, о подготовке для него помещения было написано заранее и не раз. Начался шумный разговор, спор на непонятном для меня языке. Горячились, что-то доказывали, возражали. Мы терпеливо ждали, недоумевая, почему нам сразу не укажут, куда нам ехать, где наш приют. О чем тут так долго говорить! А говорили очень долго, так что наши подводчики стали волноваться и торопить нас.

Наконец председатель сельсовета объявил нам, что помещение для нас готово: отведена сельская школа, где должна помещаться и наша больница с амбулаторией. Здание большое, может вместить и нас и наши лечебные учреждения. Тут он показал рукой на большой дом под железной крышей, недалеко от дороги на пригорке. Я решил тотчас осмотреть школу, ибо издали она показалась без окон.

Дождь утих, и я с некоторыми членами отряда пошел к школе. Вид ее возмутил меня до глубины души. Она стояла с выбитыми стеклами, грязная, заброшенная; дождь и непогода свободно гуляли в ней. Возмутительно было и то, что нам предлагали подобное помещение для жилья и для работы, зная, в каком состоянии оно находится.

Возвратившись, я громко и резко выразил свое возмущение и свой протест и заявил, что если нам не дадут приличного помещения

book3.indd 164 09.03.2010 17:36:28

для жилья и для работы, я немедленно покину аул и перееду с отрядом в Сентинский монастырь.

Моя угроза произвела совершенно неожиданное действие. Я ожидал со стороны толпы и ее представителей просьб остаться здесь, обещаний устроить нас как можно лучше и тому подобное, лишь бы отряд не покидал Каменномоста. Каково было истинное настроение массы карачаевцев, и я не знал.

Возможно, что жители аула были бы не прочь иметь глазной отряд у себя; они о чем-то живо переговаривались на своем языке. Но из толпы выделялся высокий карачаевец с сухим, холодным выражением лица, член Областного Исполкома Гирюгов*, как мне сказали.

Ему очень понравилась идея о переброске отряда в Сентинский монастырь; он ее похвалил и заявил мне, что здесь в ауле нас устроить совершенно невозможно. А вот в монастыре имеются прекрасные здания, где можно свободно развернуться нам. О том же он говорил и собравшейся массе народа, жестикулируя и показывая рукой в сторону Теберды.

Впоследствии я узнал, что Гирюгов преследовал при этом вовсе не интересы карачаевцев, нуждающихся в глазной помощи, не интересы глазного отряда, а свои собственные. Он, как член Правительства, жил в Баталпашинске. А здесь в ауле у него имелся прекрасный дом, достаточно удобный и обширный для помещения глазного отряда. Других подходящих домов в Каменномосте не было. Направляя отряд в Сенты**, он просто хотел избавиться от нас.

Мысль о переезде в монастырь возникла у меня не случайно в пылу раздражения и возмущения отношением к отряду со стороны карачаевской администрации. Еще в Учкулане, две недели тому назад, я получил письмо от игуменьи Раисы, страдающей катарактой. Она просила на обратном пути из гор заехать к ним в монастырь и оказать помощь нуждающимся в нашей консультации. Я ответил, что постараюсь исполнить ее просьбу, полагая употребить для этого два, три дня. Решение организовать в монастыре продолжительную работу возникло у меня здесь, на площади Каменномоста под грозовым дождем.

* Гирюгов – Герюгов Али-Султан

** Сенты – селение Сынты

book3.indd 165 09.03.2010 17:36:28

Да и в самом деле, куда же нам было деваться, куда направить свои стопы бесприютному отряду?

Оставалось трудное дело: увидеть подводчиков, имевших наряд только до Каменномоста, везти нас дальше, еще около двадцати километров. Они сначала протестовали, доказывая, что уже выполнили свою повинность, что лошади устали, что они промокли. Я обратился с просьбой помочь нам, выручить из затруднительного положения. Добывать подводы для дальнейшего следования здесь, в негостеприимном ауле, это значило застрять тут не на один день. А лошади наши стоят наготове, не выпряженные. «Поедем, ради Бога поскорей! К вечеру авось доберемся до монастыря!»

Подводчики были все три старика из некогда знатных фамилий. Один из них был Крым-Шамхалов. Они сочувственно отнеслись к моей просьбе и недолго колебались. После двухчасовой остановки в Каменномосте мы двинулись дальше, и скоро нашей спутницей была красивая Теберда. Впервые я въезжал в ее живописную долину. Меня волновала неизвестность, что ожидает нас в монастыре, куда мы направились такой большой гурьбой без всякого предупреждения. Что ожидает нашу работу, – опять неудача? Как примут нас?

Дождь прекратился. Быстро пронеслись по небу обрывки грозовых туч. Над омытыми лесистыми горами раскрылась небесная синева, выглянуло солнце и заиграло в мириадах дождевых капель, на листьях деревьев, в травах. Поголубела в яркой зелени прибрежных, густых зарослей Теберда и наполнила долину мягким рокотом своих волн. Дышалось так легко в чистом воздухе.

Утоленные лошади медленно плелись по мокрой, но твердой дороге. Долина извивалась, открывая все новые виды. Временами выступал над ближайшими горами высокий, слегка оснеженный хребет Кенделен-ляр-ляр и становился поперек долины, как бы преграждая ее вдали. Солнце уже скрылось за горами левого берега реки. Приближались сумерки. Подводчик показал мне на высокие тополя впереди: аул Сынты. А на противоположном берегу, высоко над рекой, на горе мелькнула белая церковь, яркое пятно на фоне темно-зеленых гор. Эта церковь одиннадцатого века, воздвигнутая здесь еще в те отдаленные времена, когда не существовало Москвы. Подъезжая к аулу, мы в сумерках различили и постройки монастыря у подножья горы,

book3.indd 166 09.03.2010 17:36:28

увенчанной древним храмом. Проехали через аул, загремели на мосту через Кубань и стали медленно подниматься к монастырю.

Глава 6

СЕНТИНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В раскрытых настежь воротах монастыря нас встретил привратник и опросил, кто мы такие. Мы ответили, и он вежливо направил нас к гостинице. В темноте показались слева и справа от дороги белые здания. У одного из них, двухэтажного, мы остановились. Вышла монахиня и после краткого объяснения пригласила нас в дом, предоставивши устраиваться и располагаться в свободных комнатах. Молодая послушница прислуживала нам.

Я тотчас спросил заведующую гостиницей, где находится игуменья и можно ли ее видеть, чтобы сообщить ей о цели нашего приезда и попросить разрешения расположиться с отрядом в монастыре.

Монахиня ответила, что игуменья матушка Раиса находится сейчас на горе в древней церкви. Она очень старая, дряхлая; подниматься ей трудно в гору, и потому она сегодня днем совершила это трудное восхождение, чтобы завтра присутствовать в древнем храме на торжественном богослужении.

– Разве завтра будет у вас служба наверху? – монахиня с удивлением поглядела на нас. – А вы разве не знаете, какой завтра день?

Мы с недоумением переглянулись:

– Сегодня **18 августа**, что это за день? А, да! Канун Преображения! Вспомнили.

– Наш монастырь есть Спасо-Преображенская женская обитель, – пояснила нам монахиня. - У нас это храмовый праздник. В прежние времена много сотен богомольцев сходилось и съезжалось к нам. Было весьма многолюдно и торжественно. Сейчас, конечно, не то. Жить нашему монастырю осталось недолго. Только дожила бы до закрытия обители наша старушка-игуменья. Не пережить ей такого несчастья. Ей ведь 82 года! Завтра утром потрудитесь к нам на гору вместе с молящимися, побываете в древней церкви. Там познакомитесь с матушкой игуменьей. Она будет очень рада видеть вас.

book3.indd 167 09.03.2010 17:36:29

19 августа

День чудесный, солнечный. После вчерашней грозы, казалось, преобразилась вся природа. Выйдя из гостиницы на двор, мы были поражены красотой местности и новизной обстановки, в которую попали. Как все было странно, необычно после Учкулана и архаично; как будто взято из давно прошедшего мира, из забытых детских воспоминаний, и перенесено в прелестный уголок Кавказа. Да, это настоящий Кавказ!

Внизу под обрывом неслась и пела в широком разливе Теберда, отражая в своих мелких серебристых волнах утреннее солнце. За рекой поднимались вверх дымки над саклями аула, утопающего в садах. А за аулом, обгоняя и дымки, и стройные пирамидальные тополя, устремлялись ввысь к безоблачному синему небу высокие горы, до вершин покрытые лесом. Еще круче они поднимались на нашей стороне, едва уступая место постройкам монастыря. За монастырем река делала поворот и уходила в ущелье. Горы справа и слева сближались на юг, и не видно было, откуда несется этот поток. А над ущельем, прорезая белоснежными зубцами синеву неба, в далекой высоте проходили гребни Кенделен-ляр-ляр.

Да, это настоящий Кавказ, не столь угрюмый и серый, как в Учкулане, в ущелье Махара, но такой же величественный и мощный, с полноводной рекой, несущейся в глубокой долине, с дремучими лесами, зеленым морем, перекатывающимся по склонам и хребтам высоких гор.

Но в прозрачном воздухе раздается церковный благовест, несется над солнечной долиной сверху и сливается с идущем снизу пеньем реки. Совершенно не кавказского, не горского типа здания вытянулись вдоль чистой дороги, чисто выбеленные, окруженные цветниками и садиками. Огромная церковь с голубым куполом, увенчанным золотым крестом, отпустила от себя два белоснежных и двухэтажных крыла, прорезанных рядами окон. Занавески в них и цветы показывают, что в них живут под покровом храма люди. По дорожкам движутся от отдельных зданий к горам люди, больше женщины, одиночно или группами, и поднимаются по извивам тропы к церкви на вершине.

book3.indd 168 09.03.2010 17:36:29

Последовали и мы общему примеру и стали, не торопясь, подниматься к верхнему храму. Тропа шла довольно круто вверх, сначала по обнаженному, залитому солнцем склону горы. Потом она углубилась недалеко от вершины в густой тенистый лес, где нас обвеяло прохладой. Еще 1-2 поворота дорожки, и мы очутились у ворот ограды, окаймлявший вершинную площадку с церковью.

Мне ужасно понравилась эта миниатюрная площадка, так красиво убранная природой и искусством человека. Она принадлежала вершине, отделившейся от общего массива гор левого берега Теберды и соединившейся с ним только узким перешейком шага в три шириной. Выступая далеко вперед к долине, она, казалось, плавала в воздухе и реяла над серебряной лентой реки, опоясывавшей ее подножие. Это впечатление усиливалось крутизной склонов, почти со всех сторон падавших в лесные заросли.

Небольшая белоснежная церковь в древневизантийском стиле занимала значительную часть площадки. Остальное пространство до самой ограды было покрыто фруктовым садом и цветниками. У перешейка, соединившего вершину горы с общим массивом, находился домик садовниц, охранявших этот цветущий воздушный островок, среди которого сама церквушка казалась большим белым цветком.

Когда мы вступили на площадку горы, зазвенели около нас колокола. Под деревянным навесом у входа была колокольня, и две монахини наполняли площадку мелодичным звоном. С ним сливалось церковное пение, доносившееся до нас из раскрытых врат храма, и мы опоздали к началу ея, чтобы повстречаться с игуменьей. Молящиеся наполняли небольшое пространство внутри церкви, а те, кто не вместился, стояли снаружи. Это были главным образом крестьянки из предгорных станиц, женщины из Баталпашинска. Мужчин было немного.

С трудом мы проникли в церковь, осмотрелись в ней, постояли немного в дыму ладана. Но скоро вышли, меня потянуло на свежий воздух. Какой чудесный вид раскрывается с церковной площадки! В этот солнечный, праздничный день небо, горы, леса, воздушные дали, река в ущелье, – все сливалось в одну величественную симфонию природы. Шумела река, шумели еще громче леса под свежим ветром, налетавшим сюда от снеговых вершин. Кроны деревьев склонялись и поднимались рядами, словно то были хлебные гигантские зелени, за-

book3.indd 169 09.03.2010 17:36:29

топившие Кавказ. С воздушной площадки снежные гребни Кенделен-ляр-ляр развертывались во всем своем величии и придавали особенную грандиозность этой картине горного мира.

Так до конца службы я стоял у края площадки над обрывом, поглощенный созерцанием природы, прислушиваясь к мелодии ее голосов, сливающихся с церковным пением. Но вот оно затихло. В церкви сильное движение; народ повалил на свежий воздух. Мы направились навстречу к выходящим людям, здесь у входа в храм познакомились с матушкой игуменьей и священниками.

Игуменья приветствовала нас с благополучным прибытием в монастырь и настоятельно просила принять участие в общей трапезе. Мы охотно согласились, ибо нам очень хотелось есть. Интересно было также осмотреть трапезную, познакомиться с монастырской обстановкой и жизнью. Спускались мы с горы уже не по крутой тропинке, по которой поднимались утром, а по отлогой проезжей дороге, залегавшей в лесистой балке. Здесь спуск был легче для дряхлой игуменьи, от которой мы не отставали, ведя разговор о нашем отряде, об устройстве его. Дорога привела нас на территорию монастыря со стороны, противоположной гостинице, где мы остановились. Чинной молчаливой гурьбой мы вступили в обширную трапезную и стали рассаживаться по местам. Весь наш отряд был усажен на почетные места у конца длинного стола, возглавлявшегося игуменьей и церковнослужителями, священниками и иеромонахами. Все богомольцы также были усажены за столы. После краткой молитвы, выслушанной стоя, все приступили к еде. Лишь одна монахиня на возвышении среди зала громким голосом читала во все время трапезы жития святых. Еда была постная, но очень обильная и вкусная. Тут были и пироги разных сортов, и похлебки, и каши. Чай с вареньем, с медом, со сладкими коврижками. Особенно хорошие были груды фруктов из прекрасного монастырского сада, великолепные сливы, груши и яблоки. Игуменья все время угощала нас, и монахи любезно подносили нам все новые блюда. Повторяли старые. После обеда все сразу поднялись по знаку игуменьи, прочитали молитву и чинно вышли на солнечный день. Игуменья отправилась к себе, пригласивши нас бывать в церкви и как-нибудь зайти к ней поглядеть ее глаза. Один глаз уже ослеп.

День закончился разбором вещей отряда, осмотром помеще-

book3.indd 170 09.03.2010 17:36:29

ний для амбулатории, для операционной, для больничных палат. Обширное здание гостиницы должно было удовлетворить всем этим заданиям: вместить и нас, членов отряда.

Глава 7

РАБОТА ГЛАЗНОГО ОТРЯДА В МОНАСТЫРЕ

Нам хорошо удалось организовать свою работу в монастыре благодаря тому, что нам были переданы хорошие помещения для стационара, для операционной, и даже для временного приюта амбулаторных пациентов. За рекой в соседнем ауле, Н. Тебердинском, больные карачаевцы также могли приютиться у соплеменников.

Нам не пришлось приводить в порядок эти помещения. Все было сделано руками монахинь и послушниц, работающих под руководством отряда.

Скоро стали стекаться к нам больные из обоих Тебердинских аулов, Нижне- и Верхне-Тебердинских и из курортного поселка Теберды. Помимо карачаевцев немало было осетин из селения Георгие-Осетиновского, преимущественно больных трахомой. Наконец, появились и русские из станиц по Кубани и Зеленчука. Из более отдаленных аулов пациентов у нас почти не было. Сказалась обычная горская манера; ждать помощь у себя дома и не предпринимать далекой поездки для лечения. Слабая населенность долины Теберды не могла поэтому создать большой амбулатории.

Однако, изголодавшись по работе в Учкулане, мы были довольны и тем, что нас посетило почти триста первичных больных. Среди них было немало тяжелых форм, больных трахомой с осложнениями, нуждавшихся в повседневной явке в амбулаторию. Таким образом, число посещений достигло в течение трех недель нашего пребывания в монастыре большой цифры – 2960. Из 58 глазных операций, сделанных в монастыре, 30 были извлечения катаракты. Из всех извлечений катаракт две заслуживают особого упоминания.

Весть о нашем прибытии в монастырь была скоро сообщена в курортный поселок Крым-Шамхаловым; и не замедлила явиться в отряд

book3.indd 171 09.03.2010 17:36:29

бабушка, которую я оперировал в прошлом году. Мое профессиональное самолюбие было полностью удовлетворено, когда я убедился в точном исполнении моего предсказания. Глаз действительно ослеп. Но ослеп не от глаукомы, предупрежденной моей операцией, а от полного созревания катаракты. С полным доверием ко мне бабушка легла на операционный стол. Операция прошла прекрасно; и к великой радости больной, а также не веривших в успех родных ее, зрение возвратилось. С очками бабушка могла читать и шить, писать письма. Еще около десяти лет прожила она, наслаждаясь возвращенным ей зрением.

Другая интересная катаракта принадлежала игуменье, матушке Раисе. Уже через три дня по приезду в монастырь я был приглашен к ней для осмотра глаз. В обоих глазах оказались катаракты. Одна из них зрелая. Операция была произведена в комнатах игуменьи и прошла хорошо. Идеальная чистота ее покоев, превосходный уход, безукоризненное поведение самой пациентки обеспечивали, казалось, правильное заживление без осложнений. Но сказалось крайне дряхлое состояние 82-летнего организма, изломанного подагрой и ревматизмом. Появившийся шрам затянул на две недели процесс заживления. Пришлось ежедневно перевязывать нашу пациентку, и это дало нам ближе познакомиться с жизнью монастыря и его обитателями.

У постели игуменьи всегда находились ее приближенные, помощницы в деле управления обителью. Мы познакомились с ними, а через них и с разными сторонами монастырского хозяйства. Ежедневно по окончании перевязки нас угощали чаем с медом и фруктами и вручали на дорогу для Вити Привалова, сына Нины Максимовны, большой узел с грушами, яблоками и сливами.

После Учкуланской безработицы мы с удовольствием отдавались работе в монастыре. Я только печалился, что эта работа все же недостаточно интенсивная, чтобы оправдать наше прибытие в Карачае. Я старался расшевелить население Карачая, повысить обращаемость к нам. Но причины, сковывавшие горцев в Большом Карачае, удерживавшие их на кошах, – те же причины действовали и в Малом Карачае, гораздо менее населенном. Рассчитывать на значительный приток населения нельзя было. К тому же в эти первые годы советской власти уже обнаружилась заметная тяга горцев к расселению. К выходу из насиженных и опустошенных гнезд на новые, более привольные места. Полукочевому, скотоводческому народу ничего не стоило бросить

book3.indd 172 09.03.2010 17:36:29

старое, аульное пепелище и задымить своими кошами в роскошных долинах к западу, остававшихся при Царском Правительстве запретными. И Старый Карачай двинулся на Хасаут, Марух, на Старое Жилище в верховья Большого Зеленчука.

Мой старый знакомый Г.С. Медяник принимал самое деятельное участие в поселении карачаевцев в Старом Жилище. Здесь при его содействии образовался аул Архыз. Роскошный уголок девственной природы Кавказа, лучшее на всем Северном Кавказе высокогорное место для устройства десятков курортов, – потерял свою девственность. Широко-шумные сосны у верховья Зеленчука не устояли. «Пали без жизни питомцы столетий» и легли неуклюжими срубами карачаевских хат или оградами загонов для скота.

Г.С. Медяник с энтузиазмом рассказывал мне про эти дела, и мне становилось грустно. Хищнически относятся карачаевцы к лесам… Таким образом, широкое расселение горцев по новым угодьям не могло не отразиться на работе нашего отряда, на слабом притоке больных к нам. Не до лечения глаз им было.

В конце августа пошли тревожные слухи о вооруженных столкновениях между карачаевцами и сванами в районе Клухорского перевала на границе с Абхазией. Сильные отряды сванов перешли границу, побили карачаевских пастухов и отбили много скота у них. Так возникло целое дело, пограничный спор между Карачаем и Абхазией. Через наш монастырь проехала в Теберду целая комиссия из Баталпашинска в составе юристов Крым-Шамхалова и Мансурова для переговоров с представителями Абхазского Правительства.

Потянуло и меня в Теберду, поглядеть, что изменилось там со времени моего первого посещения «Курорта» в прошлом году. Была надежда личной агитацией о работе отряда усилить приток больных в нашу амбулаторию.

Двинулись мы большой компанией, почти всем отрядом на один, два дня, оставили немногих больных на попечении опытной сестры. Собственного транспорта у нас не было; денег для этой цели также не имелось. Поэтому подводы в виде двух телег были отпущены нам Сентинским сельсоветом.

Первого сентября мы покинули монастырь после приема больных и углубились в ущелье Теберды, начинающейся тотчас за монастырем. Ущелье окончилось; горы раздвинулись, еще более высокие, покры-

book3.indd 173 09.03.2010 17:36:29

тые на склонах и вершинах хвойным лесом. На широких полянах у подножья их над рекой раскинулись хлебные нивы близкого селения. Доехали до большого аула Верхне-Тебердинского. Здесь ожидал нас неприятный сюрприз. Подводчики остановились в центре селения, велели нам слезть, тотчас повернули обратно. Мы протестовали; но напрасно. Оказалось, что телеги были из Сентинского аула и имели наказ везти нас до ближайшего селения. Дальнейший путь наш лежал уже на обязанности этого селения.

Делать было нечего, мы покорились и стали просить Сельсовет отправить нас дальше, в Теберду. Наша просьба не имела никого успеха. Сельсовет не располагал собственным транспортом и не имел авторитетного аппарата на выполнение наряда на две подводы для нас. Прошло три часа в громких спорах, протестах, возмущениях; излито было много страстного негодования и горечи по поводу черствости, неблагодарности населения аула, видевшего удивительные результаты нашей работы.

И только к вечеру удалось получить две арбы, запряженных волами. Забрались в арбы, в эти деревянные ящики, скорчились в них в самых неудобных позах и потащились в ночь среди гор. Медленная езда навевает сон; дряхлые арбы скрипят, волы сопят, ничего вокруг не видно. Тоска!

Я задремал. Вдруг мне почудилось, что наша арба остановилась, но что волы продолжают вместе с подводчиками идти вперед. Я протер глаза, вгляделся во тьму и убедился, что это не сон, а явь. Арба моя стоит неподвижно на дороге; а волы с ярмом медленно удаляются. Вот они еле различаются во мраке. Я закричал, поднялся переполох. Оказалось, арба наша развалилась, дышло с волами ушло вперед, а остальная часть арбы с нами, без движущей силы, осталась на мели. Кое-как бечевками укрепили наш «экипаж» и опять в путь. Была глубокая ночь, когда мы добрались до Теберды и кое-как приютились на ночлег в недостроенном остове санатория Кубанского Казачьего войска.

На следующий день, пользуясь прекрасной солнечной погодой, мы занимались осмотром дачного поселка. Я долго сидел над песчаным обрывов к Теберде в тени огромных сосен и наслаждался чудесным видом Тебердинского ущелья и замыкающей его на юге снежной

book3.indd 174 09.03.2010 17:36:29

громады Бел-ала-кая*. Вдруг явился ко мне Г.С. Медяник, взволнованный и запыхавшийся; он долго искал меня, чтобы сообщить мне неприятную новость.

Учкуланское ГПУ отдало распоряжение отыскать меня, арестовать и препроводить в Баталпашинск. Меня обвиняют в расхищении государственного имущества, выразившемся в продаже мною Учкуланскому кооперативу марли!

Г.С. Медяник отнесся к этому известию, полученному им от знакомого карачаевца, весьма серьезно. «Вы не смейтесь! Это дело очень скверное! Вас арестуют и будут долго держать!»

Я поморщился. Мне не очень хотелось иметь дело с ГПУ, когда работа заведываемого мною отряда шла так хорошо. Г.С. Медяник преувеличивает. Но… кто знает?

«Что мне делать?» – спрашиваю я… – «Ясно, что делать! Вы должны тотчас скрыться в какой-либо дальний аул. Хотите, я проведу вас прямо из Теберды в Красный Карачай или Архыз? Это новые аулы. У меня там есть кунаки, они спрячут вас. А там, пока вас будут разыскивать, за вас будут ходатайствовать, дело выяснится, и все кончится благополучно».

Этот план показался мне ужасно нелепым. Прятаться? Из-за чего? В чем я виноват? А вдруг в самом деле арестуют. Потом доказывай, что ты не вор. И я отправился с нашим карачаевским юристом, к счастью, работавшим на курорте в примирительной комиссии. Я подробно рассказывал Крым-Шамхалову и Мансурову, в чем было дело, и просил их совета. Оба они много и долго смеялись, возмущались, но сочли необходимым, так или иначе, оградить мою личность от покушений на мою свободу. Они тотчас составили презабавную бумагу, начинавшуюся словами: «Всем, всем, всем!» В ней говорилось, что всякий, покушающийся на мою персону (тут перечислил мои заслуги перед Карачаем), объявляется врагом карачаевского народа и тому подобное.

Соответствующие подписи и печати скрепили эту курьезную бумагу, торжественно врученную мне. Я признаюсь, успокоился, получив ее. Но успокоила меня, конечно, не эта бумага, а отношение ко всему инциденту членов Карачаевского Правительства.

---

* Бел-ала-кая – вершина Бели-Ала-Къая.

book3.indd 175 09.03.2010 17:36:29

Это событие несколько омрачило мое настроение в Теберде, и меня потянуло в монастырь. При содействии наших друзей из Правительства Карачая наш обратный транспорт был организован быстро. Явились хорошие подводы, лошади. И третьего сентября мы были в монастыре. Никто по пути нас не задерживал.

Комиссия, возвращаясь из Теберды в Баталпашинск, заехала к нам осведомиться о нашей работе, о наших нуждах. Стараниями членов отряда был сервирован ей «роскошный» обед с «горячими» напитками и с арбузами, так члены комиссии еле-еле добрались до своих экипажей и поздно вечером отбыли в столицу Карачая.

Глава 8

ЖИЗНЬ ЧЛЕНОВ ОТРЯДА В МОНАСТЫРЕ

Скромные размеры работы оставляли членам отряда много свободного времени для отдыха, для развлечений и прогулок.

Живописные окрестности монастыря поражали своим разнообразием красот природы и были необычайно привлекательны. Их доступность соперничала с их красотой. Но и сам монастырь представлял для нас много интересного. У подножья церкви горы на каменистом склоне, покрытом наносной землей, хорошо удобренной, монахинями был разбит отличный сад с отборными сортами груш, яблонь и слив. Мы изредка посещали этот сад, охранявшийся злыми псами. В нем были заботливо возделывавшиеся цветники.

Вообще весь монастырь утопал в цветах. Вокруг всего большого здания главного храма с общежитиями монахинь цветники шли сплошным ароматным ковром. За трапезной отдельные домики с «кельями» кокетливо выглядывали среди деревьев также в цветах. Цветы в окнах с чистыми занавесками, цветы под окнами.

Нам приходилось посещать эти домики и любоваться чистотой, царившей в них. Один из домиков занимал свечной завод, в другом была мастерская живописи. Я был поражен искусством исполнения множества картин масляными красками на религиозные темы. В обширном зале огромные полотна, сверкающие яркими светлыми кра-

book3.indd 176 09.03.2010 17:36:29

сками, производили впечатление картинной галереи. Право же, многие из них были хорошие!

Исполнительница их, молоденькая монахиня Паша, скромно объясняла нам их содержание. У нея была ученица-помощница.

Наша больница-гостиница примыкала с юга к глубокому оврагу, спускавшемуся к Теберде и густо заросшему лесом. На слоне его расположилась монастырская пасека. Уютная усадьба на опушке леса, утопающая в цветах. Бесчисленные ульи доставляли большое количество прекрасного меда, которым угощал нередко монастырь.

Прямо от больницы крутой спуск вел к берегу реки. Это была одна из любимейших наших прогулок. Теберда текла здесь широким плесом в разливе, среди островков, поросших кустарниками. Выше, из-под моста, она вырывалась мощной, полноводной струей, вся в пене. А здесь, ниже больницы, плавно катились ее волны и наполняли все окрестности чудной мелодией. У монастырской прачечной, у заливчика, откуда брали воду для обители, был прелестный уголок под сенью вековых дубов. Прохладно было в тени деревьев, прохладой веяло от реки.

В лунные вечера по реке струилась и дрожала серебряная лента; густые тени отбрасывали прибрежные высоты, темнели леса на склонах гор. А в вышине над горами, над Тебердой плыла широкой рекой сияющая небесная синева с островами белых облаков. В вечерней тишине так мелодично шумела река!

От монастырской прачечной прибрежная дорога поднималась вверх. Речной обрыв становился крутым и все более высоким. Здесь высоко над рекой у самого обрыва расположилось монастырское кладбище в деревянной ограде, отделявшей его с одной стороны дороги, а с другой – от леса. Кладбище было запущенное. Ограда и кресты над могилами прогнили, могильные холмики тонули в высокой траве. Но зато как хорош был обрыв! Огромные дубы окаймляли его и склонялись над рекою, шумевшей внизу. Извилистые мощные корни их образовали уютные сиденья, манившие к отдыху. В просвете зеленых ветвей сверкала и играла на солнце река.

Я нередко спускался к реке, цепляясь за корни деревьев, и спрыгивал на песчаный пляж. Река текла здесь широко в мелком галечном ложе; и вода в солнечные дни нагревалась настолько, что теряла

book3.indd 177 09.03.2010 17:36:29

свой ледниковый характер, словно родиной ее были не вечные снега Кавказа. Так освежительные были купанья в чистой, прозрачной воде, еще воздушные освежительные ванны, когда выпрямишься во весь рост на речном островке и весь отдаешься ароматным эфирным струям, несущимся по долине Теберды.

Вечером мы нередко заходили в большой храм. Темнело небо, зажигались звезды; зажигались огоньки и в окнах храма. Через широко раскрытые врата лилось наружу пение монахинь. Несколько десятков женщин, черных, неподвижных фигур, совершенно терялось в пустынном сумраке обширной церкви, которую никак не могли осветить экономно расставленные около образов свечи.

Мы предпочитали стоять не в церкви, а у входа, окруженного цветниками. Ночные фиалки наполняли воздух волнами аромата. С реки доносился плеск Теберды. Свежий ветер пролетал по долине и шумел в листве деревьев. Церковное пение вторило ему.

Такова была наша повседневная прогулка в районе расположения монастыря. Но мы не ограничивались территорией монастыря. Она переходила непосредственно без всяких ограждений в широкий простор вольной природы Кавказа. Спустившись вниз к реке и перейдя через железный мост, мы заглядывали в Карачаевский аул. Но больше нас привлекало ущелье Теберды, начинавшейся тотчас же выше моста. Горы стиснули реку подальше отвесными утесами, оставляя узкое пространство для дороги. Но и эта тесная площадка и кручи скал, и склоны гор до самых вершин, – все было покрыто лиственным лесом. Как хороши были часы отдыха, когда мы усаживались в стороне от шоссе у самой воды под тенью огромных ольх, склонявшихся над водою!

Теберда катит свои волны стремительно и шумно в зелени обступивших ее деревьев. Вот она выносится справа из-за поворота ущелья; вот сверкают переливы ее волн между стволами ольх… Вынеслась могучим потоком, развернулась под ногами во всю ширь, зашумела стройными рядами, словно обгоняя друг друга, катятся ее волны. И описавши плавную дугу, река повернула влево и скрылась внезапно в зеленой чаще.

Сидишь и слушаешь немолчаливый говор реки; и в этом шуме слышишь разные мелодии, уносящие мысли и чувства в какую-то пленительную даль.

book3.indd 178 09.03.2010 17:36:29

От монастыря проходили лесные дороги к склону гор, уходили в лесные чащи и там терялись незаметными тропинками. Одна из них привела нас к скиту иеромонаха Сергия; отец Сергий воспользовался пещерой в песчаниковом обрыве среди густого букового леса, расширил, расчистил ея, строил на площадке перед пещерой огородик, окружил его цветником. В углу пещеры со свода сочился капельный источник. И вода собиралась в вытесанной каменной чаше, всегда чистая, холодная, прозрачная.

Я случайно набрел на эту пещеру, бродя по лесу по еле заметной тропинке. Хозяина не было, и я осторожно пробрался через огород к входу в грот. Дверь легко открылась, и я очутился в уютной комнате, чисто прибранной. Вдоль одной стены находилось ложе, покрытое ветками, вдоль другой простой стол, около него табуретка. На полочках кое-что из посуды. В углу у двери огородный инструмент. На столе лежали недавно собранные на огороде огурцы и картофель.

Я удивился, что хозяин так беззаботно относится к охране своего жилища с имуществом. Мне сообщили монахини, что это – скит отца Сергия. Я несколько раз посещал его в скиту; не раз заходил туда и в отсутствие хозяина, убедительно просившего хозяйничать, собирать огурцы, копать картофель и варить пищу с овощами. Для разведения огня всегда имелось наготове все необходимое. Над пещерой росли развесистые буки, простиравшие свои ветви далеко в воздушном пространстве. Отец Сергий устроил помост из тонких жердей. На нем можно было спокойно лежать и наслаждаться воздушной ванной.

Оригинальный человек был отец Сергий, он прекрасно плотничал, столярничал, был хорошим слесарем и даже архитектором. Некоторые серьезные постройки в обители были делом его рук и ума. Он часто покидал монастырь для поездок в станицы и отдыхал, чувствуя себя на воле только в своей пещере.

Поднимаясь нередко к верхней церкви, чтобы отдохнуть там, среди цветов и, сидя на скамейке, полюбоваться видом Тебердинской долины, мы уже не ограничивались достигнутой высотой. Нас неудержимо влекло на гребень, к которому примыкала храмовая гора, и который закрывал лесистой стеной западный горизонт. Оттуда, с этого гребня, должен был открыться взорам широко горный мир. Так как эти высоты, с запада ограничивавшие долину Теберды, составляли во-

book3.indd 179 09.03.2010 17:36:30

дораздел между Тебердой и ея притоком Дженгериком*, то здесь их называли Дженгерикскими высотами. Через них пролегала колесная монастырская дорога, ведущая к молочной ферме монастыря. Эта ферма находилась уже за гребнем, на склоне к Дженгерику.

Я редко пользовался этой дорогой. Она была слишком длинная. Проходила в густом лесу, скрывавшем горные дали. И шла по открытому месту, только под самыми высотами обрыва плато.

Гораздо живописнее была чудесная тропинка, шедшая от верхней церкви. Она вела по узкому гребешку, соединявшему церковную площадку с основным массивом, и переходила на склоны этого массива широкими зигзагами. Она скрывалась временами в прохладе леса; смело лепилась над обрывами скал; выходила на солнечные луга с высокой травой, полной свежих цветов. Поднимаясь все выше и выше, она шла через прелестные березовые рощи, напоминавшие мне далекий север. По мере поднятия стремительно убегали вниз Теберда, монастырские постройки, вся долина серебристой реки. Даже верхняя церковь оказывалась далеко под ногами. Зато над ближайшими горами за рекой, когда-то скрывавшими горизонт на востоке, поднимались еще невиданные хребты; что-то снежное, чудное за ними на юге. Поднималось в душе предчувствие чего-то безграничного, беспредельного.

И действительно, еще два-три зигзага уже над лесами, по открытому склону с редкими низкими соснами, признак больших высот, – и тропа выбегала на гребень Дженгерикского плато. Трудно забыть это чувство освобождения от горных объятий, чувство свободы в безграничном просторе, которое внезапно встает в душе, когда выходишь из ущелья на горную равнину. Именно на равнину, а не на узкий гребень, такой же тесный и несвободный, как покинутая внизу щель.

Как хорошо, свободно и просторно здесь на этих ровных высотах! Хотелось бежать в необозримую даль в мягкой и сочной траве и радоваться, что все стесняющее тебя в природе осталось внизу под ногами: темные леса, крутые скалы, стены ущелья, неверные тропинки. Это сложное чувство, присущее, вероятно, только жителю равнин, как, например, мне. В нем, с одной стороны, приятное чувство свободы передвижения на ровной поверхности, чувство уверенности улегшейся, а

* Дженгериком – река Джингирик.

book3.indd 180 09.03.2010 17:36:30

не на вздыбившейся земли. В нем полнота созерцания нестесненным взором обширного горизонта под необъятным сводом небес; совсем как в степи, где единственными высотами встают курганы, бурьяны и отдаленные хутора с деревьями.

Но с другой стороны, в этом чувстве сознание преодоленного подъема, ухода от земных возвышений к небу. Словно твоя привычная равнина вознесена куда-то в волнующуюся высь в воздушном просторе.

Здесь, на Дженгерикских высотах, совсем как в изрезанных оврагами степях южной России. Спокойно и вольно дышится на просторе. Идешь по тропе, по широкой дороге и любуешься, как вперед убегает дорога степной колеей в травах среди цветов. Вправо и влево ширится степь. Но в эту ровную гладь там и сям врезаются балки, падающие куда-то вниз, в овраги. Подойдешь поближе, к началу этих оврагов, к обрыву и ахнешь; ровная земля изменила себе и понеслась в бездну. С одной стороны, с запада, развернулся внизу горный мир верховьев Дженгерика: лесистые ущелья, узкие хребты, целые горные цепи; и на дне этой щели серебрится узкой ниточкой горный поток. А подойдешь к восточным балкам, – там картина еще грандиознее, там роется могучая Теберда в рамке своих хребтов, своих прибрежных высот.

Таково плато Чангуры* между Тебердой и Хасаутом, альпийские луга на высоте полтора километра над уровнем моря. – Но взор, отдохнувший на созерцании широкого равнинного простора, с особым восторгом встречает на далеком горизонте опять горы! Снеговые вершины, ледяные поля гигантов Кавказа, скрывавшиеся для жителя ущелья ближними горами.

На востоке, над массивами, ограничивающими долину Теберды, поднялся могучей, снежной глыбой сам Эльбрус, видимый отсюда до самого основания. А на юге по направлению Тебердинской долины пошли зубчатые, снежные вершины Главного хребта Кавказа с Домбай-Ульгенем** и Бел-ала-кая Продолжение их к западу в сторону Марухских Альп скрыто высокими цепями, также со снегом.

Я часто поднимался на высоты Дженгерика подышать воздухом горных плато, унестись взором, – хотя бы только взором! – в беспредельную даль. Ведь отсюда видать далеко-далеко на северо-востоке четкую

* Чангуры – Джангуры.
** Домбай-Ульген – Доммай Елген.

book3.indd 181 09.03.2010 17:36:30

ровную линию Бечесынского плоскогорья, памятного по 1921 году.

Приходили мы сюда и целой компанией. Поднимались через церковную гору, а спускались не раз без всякой тропинки прямо к лесу. Однажды наткнулись на целое поле шампиньонов и с торжеством принесли домой целый узел грибов.

Глава 9

ОТРЯД ПОКИДАЕТ СЕНТИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Лето было на исходе. Дни стали короче. В березовых рощах под Джингириком появился желтый лист, поредела наша амбулатория. Надо было торопиться домой, где меня ждала больница, клиника, занятия со студентами.

Торопиться надо еще и потому, что нам предстояла небольшая остановка в Баталпашинске. Ведь мы обещали Областному здравоохранению Карачая оказать помощь также и жителям города на обратном пути из гор. Мы не раз слышали от русских: «Что же вы все работаете в горах; все даете горцам, да горцам. А нам не хотите помочь? Разве мало больных у нас? Это нехорошо!» – И я отвечал: «Не обижайтесь; мы остановимся у вас в Пашинке на несколько дней и полечим вас!»

Несколько дней! Откуда взять эти дни, когда на дворе уже сентябрь. Напрасно задержались в Учкулане. Надо было тотчас покинуть Большой Карачай, когда ясно обнаружилось, что работы там не будет… Ну да как-нибудь выкроим два-три дня и для Баталпашинска. Итак, пора из монастыря!

А хорошо было в монастыре, жаль было покидать его. Умеренная, но удовлетворяющая окулистическую совесть работа, казалось, оправдывала идиллическое существование отряда в монастыре. Правда, для осуществления этой работы вполне достаточно было бы двух врачей и одной медсестры. Нас было слишком много, и это создавало впечатление праздного, дачного времяпрепровождения. И это порой смущало и даже раздражало меня; настраивало против Анаиды Александровны.

Но как бы то ни было, жаль было покидать «тихую обитель».

book3.indd 182 09.03.2010 17:36:30

Слишком привлекательна была природа; чудесные были августовские дни, избаловало нас прекрасное отношение со стороны обитателей монастыря, всегда услужливо и покорно исполняющих наши желания. Как расстаться с тихими вечерами на скамейке перед вратами храма, когда в глубине его таинственно мерцают свечи, мелодично звучит хор женских голосов, поющих всенощную, нежными волнами разливается в воздухе аромат ночных фиалок, и в далеком небе над вершинами гор загораются звезды.

Услышу ли я снова песню красавицы-реки, сидя под тенью вековых дубов над обрывом в ясный солнечный день; этот созвучный плеск ритмично и стройно бегущих волн, играющих в лучах солнца в рамке зеленых прибрежных лесов?

Пещера отца Сергия; березовые рощи там, на высотах; вольный простор альпийских лугов на Дженгерике, – как все это покинуть. Приду ли я сюда снова?

Десятого сентября мы в последний раз отпустили наших больных, простились с монахинями, с игуменьями. Игуменья Раиса снабдила нас на дорогу фруктами и велела поставить нам в телегу огромный глиняный жбан, вмещавший в себя целый пуд прекрасного меда.

Сентинский аул по наряду отпустил нам две подводы; мы уселись и с грустным чувством проехали через монастырские ворота, спускаясь к Тебердинскому мосту. Проехали через аул и по-карачаевски медленно потянулись вниз по долине реки, часто оглядываясь назад, прощаясь взором с монастырем. Исчез монастырь. Но еще долго белела старинная церковь на горе, отмечая уголок земли, где мы провели так хорошо три недели.

Солнце уже зашло, когда мы подъехали к Кубани у Каменномостского аула. Здесь нас задержала группа лиц начальственного вида, карачаевцев, среди которых я узнал знакомую фигуру члена Областного Исполкома Гирюгова. Он мельком осведомился, откуда и куда мы едем; не обратил внимания на мои слова о проделанной работе и стал просить заехать в аул к нему в дом осмотреть его больного сына Бориса. Его лечили в Баталпашинске, но безрезультатно.

Наступал вечер; впереди нам предстоял еще путь до Абуковского аула, надо было торопиться! Задержка была нежелательна. Но Гирюгов

book3.indd 183 09.03.2010 17:36:30

обещал дать линейку нашему врачу, чтобы догнать остальной отряд еще до прибытия его в Абуково. Анаида Александровна охотно согласилась поехать в Каменномост к больному; она ведь работала несколько лет в качестве терапевта. Она взяла кое-что из своих вещей, прихватила свою бурку и пересела на линейку к Гирюгову; а мы поплелись дальше. Лошади плелись шагом в глубоком мраке по каменистой дороге; и Анаида Александровна догнала нас еще до прибытия в Абуково…

Почти в полночь добрались мы до Абукова. Здесь подводчики должны были покинуть нас; а дальнейший путь лежал на обязанности этого селения. Ужасная система дорожной повинности, уродливая карикатура на прежнюю езду на перекладных. Мы испытали всю ея нелепость при этом переезде из Сентинского монастыря в Баталпашинск. Нанять подводу на свой счет прямо до Баталпашинска мы не могли: у нас не было денег, жалования нам еще не платили. Если бы даже у нас и были деньги, то не было возможности достать транспорт. Он весь был на учете сельсоветов и отпускался только по наряду служащим, едущим по «казенной» надобности. Пришлось покориться такому порядку и ехать «на перекладных» 1922 года от селения до селения.

В Абуково царил сплошной мрак. Лаяли где-то собаки. Куда ехать, где остановиться? Надо ночевать, ибо ночью никто не даст лошадей. Добрались до школы. Долго стучались. Нашли квартиру заведующего, обрушились на нее: наконец нас впустили в школу, принесли лампочку и предоставили в наше распоряжение пустые классы, до невероятия пыльные и грязные. Летом они пустовали, занятия еще не начинались.

Перед нами расстилалось обширное пространство голого пыльного пола. Разостлались и мы на нем, чуточку приведя его в порядок и преодолевая брезгливость. Никакой мебели!

Пришел кто-то из почтенных жителей аула. Абуковцы лечились у нас в монастыре, и наша работа была им известна. Наш посетитель любезно приветствовал нас, извинился, что нас так плохо встретили и приняли. Ведь мы не предупредили о своем приезде! Не желаем ли мы покушать?

Ужасно хотим! Всю дорогу ничего не ели, проголодались. Хотелось спать, но силен был голод. Поэтому мы терпеливо преодолевали сон, сидя на полу на своих вещах. Горцы медлительны в приготовлении угощения, и ждать пришлось долго. Я засыпал, когда появились лю-

book3.indd 184 09.03.2010 17:36:30

безные кабардинцы с табуреткой, на которую поставили вкусно пахнущее жаркое. Принесли чашки и чайник с чаем. Мы хорошо поужинали, от всей души поблагодарили за угощение, столь неожиданное, и просили не задерживать нас завтра с подводами.

Обещали, ушли. А мы расположились на полу спать. Чувствительна была потеря бурки.

Абуковцы обещание выполнили: прибыли две подводы на волах, но не утром, а около полудня. «Опять запели тесаные дороги», и мы потянулись по Мышиной тропе, по каменистой неровной дороге на север к ближайшему этапному пункту. Небольшой перегон был пройден скоро, и мы явились в Красногорку* когда солнце стояло высоко.

Ужасно досадно! Мимо нас на рессорных линейках, на легких тачанках быстро мчатся ответственные работники и в течение пятишести часов проходят расстояние, на которое мы затрачиваем чуть не половину недели! Словно мы несем неответственную работу; словно у нас дни несчитаны. Застряли почти на сутки в какой-то Красногорке, даже не в станице, – она за Кубанью! А здесь у дороги на прогонной станции. Сколько больных можно было бы принять за это потерянное в дороге время! Сколько операций было бы сделано!

И вот я слоняюсь без дела, стараясь как-нибудь убить медленно текущее время. Спускаюсь к мосту, к Кубани: и, стоя на мосту, гляжу на быстро текущую воду, бурлящую между устоями моста. За мостом по склону горы утопает в садах станица. Говорят, там много яблок. Над станицей красными обрывами, отвесными стенами огненного песчаника падает к реке массив Джангура. Туда уходит солнце. Надо подумать о ночлеге. С нами едет в Баталпашинск по делам монастыря мать-казначея. У нея везде по дороге знакомые, на всех постоялых дворах. Вот и здесь она оказала нам протекцию. Благодаря ей перед нами на ночь широко раскрылись двери… Сеновала!

По шаткой лесенке мы друг за дружкой забрались под крышу над коровником и потонули в мягком сене. Тут мы и провели ночь.

Мне она не очень понравилась; я провел ее беспокойно. Душно было под низкой крышей. Жарко обнимали волны сена, забиравшегося под одежду, коловшего в лицо. Пахло не очень ароматно: запах сена смешивался с запахом навоза. Тяжко вздыхала скотина внизу под ногами.

* Красногорская – станица Красногорская.

book3.indd 185 09.03.2010 17:36:30

С удовольствием приветствовал я зарю нового дня **30 сентября**! Позавчера мы выехали из монастыря, едем третий день, а все еще не проехали и полдороги, проезжая по 12-15 верст в день! Гораздо скорее дошли бы пешком. Но вещи… Уныло побрел к Кубани, где основательно умылся в прохладной воде.

Подводы были поданы нам рано, и мы бодро двинулись в путь опять на волах. Дорога суха, дождя давно не было, пыльно от встречных подвод. Но утро свежее, хорошее. Взор с удовольствием встречает знакомые картины. Когда-то, два месяца тому назад, они так волновали предчувствием чего-то великого впереди.

Вот и Учкулька, где мы ночевали, вернее, дремали на утренней заре по дороге в Карачай. Виднеется станица Усть-Джегутинская. Торопимся скорее туда. Еще так рано. Успеем по приезде заказать себе подводы и будем засветло в Баталпашинске.

Увы! Напрасные мечты! В станицу мы приехали очень рано, около полудня. До Баталпашинска осталось всего 12-14 километров. Но сельсовет наотрез отказался дать подводу: «Где я их достану? Все лошади и волы в степи, все на работе! Подводы надо заказывать накануне, с вечера, чтобы я мог дать наряд на утро. Да и не наберешься этих подвод! Сколько тут карачаевцев и некарачаевцев ездит взад и вперед! И все требуют себе подводу: давай лошадей! непременно лошадей! Откуда я их возьму?»

Долго волновался председатель сельсовета, еще больше волновались мы.

Ужасно досадно! Вот, на севере в туманной пыльной мгле видна Пашинка, ближайшая цель наших скитаний. До нее рукой подать. Еще так рано, почти полдень. А надо ночевать здесь, у порога почти достигнутой цели. Из наших хлопот почти ничего не получилось. Надо ночевать! Надо думать о ночевке, как о чем-то приближающем нас к цели, когда над головой яркое солнце и разгорается прекрасный летний день. Куда деваться, где ночевать? Кто приютит нас?

Опять нас выручила матушка-казначея. У нея тут хорошие знакомые. К ним мы и отправились, нагрянули всем своим цыганским табором.

Усадьба с садиком вдали от главной, большой дороги на тихой улице. Просторные комнаты заставлены мебелью. Самая большая

book3.indd 186 09.03.2010 17:36:30

комната, предоставленная нам, завалена горой диких груш. От гниющих груш идет сладковатый запах. Мы с голодухи набрасываемся на груши, выбираем помягче и кушаем.

Медленно тянется время. Опять прогулка за станицу, в кукурузные поля, доходящие до самого обрыва к Кубани. Кубань течет почти в отвесных стенах между плато, где расположена станица, и известняковыми горами на противоположном берегу. Горы покрыты густым кустарником, остатками бывших здесь некогда огромных лесов. И так резко выделяются на темно-зеленом фоне растительности ярко-белые тропинки по склонам гор.

Два раза я совершил прогулку к Кубани, – и пришло время ложиться спать. Нам предоставили грушевую комнату. Груши значительно сократили площадь пола, не помогло истребление их с нашей стороны. И мы с трудом вместились на оставшейся для наших тел свободной территории. Сколько дней спим мы вповалку на полу, на сене, не раздеваясь? Три дня на пыльных путях! Но это – последняя ночь перед Баталпашинском. Назавтра торжественное вступление в столицу Карачая, на четвертый день пути!

Последний этап нашей томительной дороги был таков же, как и предыдущий. Поздно поданы телеги без сена, без скамеек, простые дроги. И квалифицированные специалисты, глазная клиника Кубанского медицинского института, добрались, наконец, до Баталпашинска, преодолевши семьдесят восемь верст за четыре дня.

Глава 10

РАБОТА ОТРЯДА В БАТАЛПАШИНСКЕ

Нас поместили в больнице; отвели нам две палаты; одну для меня, маленькую; другую – побольше – для женщин.

Нас ожидали. Слух о нашем прибытии быстро распространился по большой станице и по окрестным хуторам. Народ повалил валом, и разгорелась такая жаркая работа, какой мы не ожидали.

Пошли тяжелые трахоматозные больные, невиданные в горах. Тяжелые ириты и кератиты, заболевания глазного дна; миомы, пре-

book3.indd 187 09.03.2010 17:36:30

сбиопы... Множество острых заболеваний требовало лечения два раза в день. Пришлось развернуть амбулаторный прием утром и вечером.

Накоплялся материал для операции. Надо было торопиться, оперировать ежедневно. Промежутки между амбулаторными приемами заполняла работа в операционной. Работой наполнился почти весь день.

Прилив больных нарастал с каждым днем. Я с тревогой смотрел на него. Ведь начавшийся учебный год настойчиво звал нас в клинику. Я рассчитывал пробыть в Баталпашинске не более трех дней. Но больные буквально осаждают нас! Осаждают своей массой, а еще больше тяжестью своих заболеваний, бездной страданий, мольбами о помощи. Как быть?

Пошли дни за днями в жаркой работе. В течение восьми дней мы приняли почти четыреста (392 человека) первичных больных, сделавших 3678 посещения. Принимали по 350 человек в день! Мы сделали 117 глазных операций, из них 45 извлечений катаракты.

Баталпашинской баней мы заплатили весь свой долг, нравственный долг по взятым на себя обязательствам помочь своим отрядом глазным больным. За восемь дней мы потрудились больше, свершили большую работу, чем за два истекшие месяца в горах Карачая. Как же можно покинуть такую массу больных, так долго ожидавших нас?

Поразительно было и отношение к нам больных, выражение благодарности за нашу работу. Они проявляли эту благодарность словами и бесчисленными подношениями. В большой комнате, где спали наши женские члены отряда, целый угол был завален грудами фруктов, арбузов и дынь. Приносили и жареную птицу, пироги и прочую снедь. Мы страшно стеснялись получать эти дары, да еще в здании больницы! Но отказаться от них было невозможно. Нас успокаивало то, что сам заведующий областным здравотделом Магомет Кочкаров был постоянным участником наших обедов и потребителем вкусных подношений.

Вообще больница во время нашего хозяйничанья в ней представляла что-то невозможное: полное отрицание всякого больничного порядка. Вся она была заполнена весь день больными, стационарными и амбулаторными, толпившимися перед больницей, в ее коридорах и палатах. Было необычайно шумно и суетливо.

Кончался амбулаторный прием, а в одной из палат больницы, –

book3.indd 188 09.03.2010 17:36:30

начиналась спешная работа в операционной. Кончались операции, – начинался вечерний прием. Не-глазные больные куда-то исчезали, стушевались. К нам приходили, заглядывали в операционную, даже интересовались нашими операциями другие врачи больницы, ее настоящие хозяева. Они робко поглядывали на нас, изумленные, подавленные этим нашествием. Особый интерес проявлял к нашей работе доктор Николай Николаевич Петров, заведовавший терапевтическим отделением больницы.

Были среди работы маленькие свободные промежутки. Тогда хотелось пойти отдохнуть среди природы. Вспоминались с грустью покинутые горы, суровые ущелья Большого Карачая, очаровательные уголки Сентинского монастыря. Но куда деваться в Баталпашинске, в огромной станице, безнадежно скучной, пыльной, без садов, растянувшейся вширь и вдаль на ровной террасе над Кубанью? Унылая станица!

Изредка пойдешь к собору; войдешь через ворота ограды в церковный двор и посидишь в тени деревьев. Но и тут охватывает станичная жизнь, приправленная элементами национального областного центра.

Единственное место для прогулок – берег Кубани. И я нередко спускался от больничного двора к реке, пробираясь через узкие и мелкие протоки, чтобы уйти подальше от станичных усадеб, теснившихся к самому берегу Кубани. Здесь еще сохранились последние остатки некогда тенистой, обширной рощи в виде корявых ив и тополей. Река растекалась между ними несколькими рукавами и быстро неслась по камням, гладко окатанным.

Я купался в неглубокой воде и сидел на берегу, слушая шум реки, напоминавший мне ее громкие песни там далеко в ущельях Верхней Кубани и Теберды.

Время шло и, наконец, дальнейшее пребывание наше в Баталпашинске стало невозможным. Я отсрочивал день отъезда, надеясь, что вот-вот уменьшится наплыв больных, иссякнет их поток. Но число больных увеличивалось с каждым днем, распространявшим все шире и дальше весть о нашей работе в Пашинке. Появились пациенты из Зеленчукской, Сторожевой, из Невинномысской и ее хуторов.

Надо было закрыть глаза на эту массу ищущих помощи и с бо-

book3.indd 189 09.03.2010 17:36:30

лью в сердце насильственно оборвать работу отряда, прекратить ее в самом разгаре для скорейшего возвращения домой. Случайно подвернулся грузовой автомобиль, обещавший отвезти нас на станцию прямиком, без пересадки. Это было так неожиданно! Вместо пешей ходьбы, вместо скрипящей арбы на волах, вместо тряской телеги на каменистой дороге, вместо медленного движения по 15-20 верст в сутки – быстрая езда на автомобиле!

И действительно, **23 сентября**, в холодный, но солнечный день неуклюжий грузовик, уже переполненный раньше нас усевшейся в него публикой, подкатил к дверям больницы, врезался в толпу больных, повторных и новых, с перевязанными глазами и без перевязок, и резким звуком гудка потребовал от нас посадки. И скорее!

Спешно уложились, спешно попрощались с врачами, с персоналом больницы, с больными, схватившими нас за руки, за полы платья, показывающими нам в коридоре, на крыльце, у колес автомобиля свои больные глаза. Эта была ужасная, незабываемая сцена. Это было бегство от больных, которое можно было назвать позорным, если бы мы не бежали к другим больным, также звавшим нас.

С величайшим трудом мы вступили в толпу пассажиров, удобно усевшихся на своих вещах. Однако нас приняли без особенного ропота, тем более что машина предназначалась специально для нас и только по дороге в больницу как-то переполнилась знакомыми людьми. Мне пришлось сидеть на тюке с огромными яблоками, которыми славится Баталпашинск. Его обширные сады протянулись далеко за станцией на Восток от нее.

Когда машина тронулась, тюк развязался; и я катался на яблоках, бесцеремонно покидавших свой мешок и не дававших стойкой опоры моим ногам… Скорее в Невинку!

book3.indd 190 09.03.2010 17:36:31

Глава 11

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ГЛАЗНОГО ОТРЯДА 1992 ГОДА

Я сижу в станционном зале грязного вокзала Невинномысская.

Около полуночи. Зал скверно освещен, на лавках дремлют, спят, храпят пассажиры в ожидании поезда на север. Воздух спертый. Но не тянет на двор, ибо ночь ветреная, холодная.

Мой отряд представлен печальной группой утомленных женщин, сбившихся в кучу на полу около своих вещей и дремлющих. Они молчат, настроение у них унылое. Нина Максимовна чем-то недовольна, разговор не клеится. Хочется поскорее в поезд. Мы рано приехали на станцию, еще засветло, хотя и потеряли около полутора часов в Ивановке, где наша машина застряла в грязи, и мы дружно вытаскивали ее.

В дороге ужасно продрогли, и хочется поскорее в вагон.

Мне не спится, не дремлется. Ведь столько пережито за протекшее лето, за последнюю неделю, даже за этот день. В голове быстро проходят образы людей, картины природы, сцены из жизни отряда. Я не следовал прошлогодней привычке писать дневник. И этот отряд остался в моей душе, но не на бумаге.

И вдруг мне захотелось писать дневник! Последний день умирающего глазного отряда 1922 года. Я сел на свой чемодан, положил на лавку записную книжку, – ее страницы совсем неисписанны! Но сейчас я пишу.

book3.indd 191 09.03.2010 17:36:31

«Эпилог»

«НАША РАБОТА ОКОНЧЕНА…»

Тяжелый грузовой автомобиль сорвался от обступившей его многолюдной толпы провожавших нас, наших новых друзей, больных и врачей, и мягко понесся по улицам Баталпашинска к мосту через Кубань.

Кубань… Прозрачные волны ее плавно неслись с нежным плеском под пролетами моста. Проходили с юга, из таинственной дали, где синими громадами вздымались горы, окаймляющие ея долину, и серебристая цепь залитых солнцем снеговых вершин питает ея истоки.

Там наш Карачай. Там мы работали и отдыхали под гневный рев Уллу-Кама, под звонкий рокот Учкулана, под вольный и раздольный плеск Теберды. Там мы видели, как с вечных снегов Махарского перевала срывались серебряные нити и слетались в бирюзовый поток. И в мрачном сумраке хвойного леса под вековыми елями спешил Махар в объятия Гондорая, чтобы образовать Учкулан. Там мы сидели на берегу ледяного Аманауса* на грибной поляне и с жутким чувством созерцали одетую в снега и льды Бел-Ала-Кая, этот гигантский перст, Маттергорн Кавказа, прорезывавший тучи и уходивший далеко в небеса.

А у наших ног бешеный Гоначкир из гор Клухора сливался с широким Аманаусом, и вечно рождалась из их слияния под сенью берез красавица Теберда. И ольха купала свои ветви в прозрачной воде.

Далеко позади остались эти реки. Воды их создали Кубань. И вот несутся под мостом в Баталпашинске ея волны. Несутся и уходят на далекий север туда, где расстилается необъятная равнина, степной простор. Там и наш путь в Екатеринодар, опять к Кубани.

Тяжело дыша, поднялся наш автомобиль от реки мимо абазинского Дударуковского аула на широкое плато и быстро покатился по степной дороге в степную даль.

Холодный и ясный день. Резкий северный ветер несется нам навстречу, бьет в лицо и заставляет покрепче закутываться в башлыки, в пальто. И мы летим навстречу ветру, и все несется с нами вперед. Убегает в даль

* Аманауса – река Аманауух (Аманауз).

book3.indd 192 09.03.2010 17:36:31

степная дорога, извивается среди полей, словно стремится ускользнуть от вечно настигающего его автомобиля. Звонко шуршат высокие бурьяны, истово склоняются под порывами ветра; волны перекатываются по сухой траве. В необозримых кукурузных полях шумно и тоскливо: дрожат высокие стебли и жалобно притягивают нам навстречу свои желтые, увядшие руки-листья. Ветер треплет их, обрывает и со смехом уносится прочь.

А справа и слева от дороги, за далью степей чертя горизонт, круто спускаются с горного юга и убегают на север четкие линии степных плоскогорий, разделяющих воды Кубани и обоих Зеленчуков. Мы быстро несемся вперед и настигаем, одного за другим, Малый и Большой Зеленчук. Пересекаем их по зыбким, дрожащим мостам и видим, как обе реки, голубые, прозрачные, бросаются в Кубань под мерный лепет своих волн и тонут, исчезают в широком русле. Нет их больше. Лишь Кубань вольнее разливается, громче шумит на перекатах и звонче бьет в берега.

И нет больше степных плоскогорий, этих водораздельных возвышенностей, окаймлявших берега Зеленчуков. Отроги горных массивов Главного Хребта, они, верно, провожали свои реки, образуя им удобные долины. Благополучно довели их до слияния с матерью-Кубанью, и сами растаяли, расплылись в необозримом море степей, сливаясь с великой русской равниной.

В бесконечную даль уходит эта равнина на севере и западе; и лишь курганы молчат там и сям, волнуя ровную линию горизонта.

Но на востоке кругозор ограничен. Мощная гряда плоских возвышенностей тянется к Ставрополю на север. Это Эльбрус, гигантским усилием вздымаясь к небу, взломал земную кору Северного Кавказа и врезал на сотни верст в равнины свой контрфорс, разделяя воды Кубани и Каспийских рек. Плавно уходят к северу эта гряда и неразлучные спутники, дети царя Кавказа, седовласого Шата.

Быстро несутся кучевые облака. Теневые пятна скользят по желтым обрывам правого берега Кубани, испещряют залитую солнцем степь. Мелькают хутора, селения с разноплеменным населением: русские, абазинцы, ногайцы. Позади остались карачаевцы, осетины, кабардинцы. Мирно живут все они на берегах Кубани и ее притоков. Всех их кормит та же земля, долины и ущелья Кавказа.

И невольно проносятся в памяти образы недавнего прошлого, картины нашей офтальмологической работы в Карачае на

book3.indd 193 09.03.2010 17:36:31

берегах Учкулана, в мирной обители над Тебердой, в Баталпашинске.

Баталпашинск! Тяжелая сцена расставания с больными. Каждый день с утра до вечера мы работали с ними; среди них, для них, сроднились с ними, встречая неизменно самое радушное отношение, выражение самой искренней благодарности. Ежедневно прибавлялись новые группы больных по мере того как распространялась весть о нашем прибытии. Почти все местные врачи посещали нашу операционную и амбулаторию; любовно встречали нас, наперерыв приглашали к себе.

И вот работа прервана в самом разгаре. Грубо и безжалостно разрываются нежные нити душевного единения между нами и местным населением. Длинными рядами сидят на лавках недавно оперированные нами больные в ожидании перевязки. Толпятся в коридорах, на дворе, на улице явившиеся на прием пациенты. Все недоуменно и грустно глядят на нас, на поджидающий и торопящий нас автомобиль.

А мы нервно и торопливо укладываем свои вещи, выносим их и уезжаем прочь.…

У нашего милого заведующего здравотделом Магомета Кочкарова такое грустное лицо, так стоял он в прошлом году на Бермамытской дороге, когда скрипучие арбы уносили нас в ночь к Бермамыту в опасный путь. Так провожал он нас домой на Кисловодском вокзале после окончания нашей работы. И мне казалось, что это грустит душа Карачая, верная своим друзьям.

Невольно навертываются на глаза слезы. И когда автомобиль, подъезжая к Невинномысскому вокзалу, проносится через Кубанский мост, все мы с волнением и душевным трепетом приветствуем сверкнувшие в последний раз на южном горизонте, залитые заходящим солнцем снеговые вершины и шлем последнее прости дорогим сердцу горам».

book3.indd 194 09.03.2010 17:36:31

Глазной отряд
1923 год

КАРАЧАЙ. СТАНИЦА ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ

Тетрадь 2.
Часть 2. Глава 1

ГЛАЗНОЙ ОТРЯД ОРГАНИЗУЕТСЯ И ПРИЕЗЖАЕТ В ЗЕЛЕНЧУК

Возвратившись из Баталпашинска в конце сентября 1922 года, я долгое время был под тяжелым впечатлением, которое оставила во мне работа среди русского населения Карачая в этом городе.

Мне казалось, что мы позорно бежали перед натиском больных и что за нами остается огромный долг оказания помощи населению предгорий Карачая, населенных главным образом русскими. Тяжелые случаи трахомы у пациентов из трех огромных станиц, вошедших в состав Карачаевской области, – Карданикской, Зеленчукской и Сторожевой, – говорили мне ясно, что там очаг трахомы, что там много больных, а лечить их некому.

Огромная территория всей Карачаевской области вместе с окружающими ее районами в закубанских степях была совершенно лишена окулистической помощи. Ближайшие пункты, где работают глазные врачи, были: на востоке в Пятигорске, на севере – в Ставрополе, на западе - в Армавире.

Необходимость организации постоянного лечебного учреждения с окулистом во главе была после нашей работы совершенно очевидной для Карачаевского Областного Исполкома и его здравотдела. Об этом я писал не раз в своих выводах, заканчивая отчеты о глазных отрядах. Но окулиста не было в Карачае, и никто не отзывался на приглашение здравотдела.

Бывали окулисты в Кисловодске, обслуживающие при Карачаевской больнице глазных больных из области. Но они обходились слишком дорого и области, и глазным больным пациентам, как показал нам в 1921 году опыт доктора Давидсона.

book3.indd 195 09.03.2010 17:36:31

Не на меня одного произвел огромное впечатление наплыв глазных больных осенью 1922 года в Баталпашинске во время работы нашего отряда. Местные врачи, внимательно следившие за нашей деятельностью, были поражены обилием тяжелых пациентов, их беспомощностью, собственным неумением помочь им. Поэтому, когда после нашего отъезда областной здравотдел решил подготовить офтальмолога из своих врачей и предложил медицинскому обществу представить кандидата из желающих, сразу выразили желание специализироваться по офтальмологии три врача: доктор Николай Николаевич Петров и две женщины-врача. Пришлось бросить жребий; он достался Николаю Николаевичу Петрову.

Тем временем подоспела весна 1923 года. В Карачаевском Исполкоме было твердо постановлено пригласить глазной отряд и в этом году под моим руководством и к отряду прикомандировать доктора Николая Николаевича Петрова для подготовки в области глазных болезней.

Получивши это предложение, я охотно принял его, ибо мысль о необходимости помочь русскому населению Карачая крепко засела в моей голове. Итак, опять в Карачай, в русский Карачай!

Опыт прежних отрядов показал мне, что не следует брать лишних людей в состав отряда. Три врача и опытная медсестра вполне достаточны, тем более что работа была намечена в станице Зеленчукской, где имелась больница на двадцать пять кроватей с операционной, с полным штатом медперсонала во главе с В.А. Филатовым, хорошим хирургом.

В 1922 году окончила наш Медицинский Институт Вера Михайловна Шепкалова, работавшая со мной в первом отряде в Учкулане, «Салпагарская отшельница», как назвал ее Магомет Кочкаров. Она выразила желание поехать со мной, зная, что я беру из клиники только одного врача. Я охотно согласился, уверенный, что я найду в ней преданного делу, добросовестного, прекрасного врача, желавшего усовершенствоваться в офтальмологии.

Здравотдел Карачаево-Черкесской Автономной области предлагал мне открыть деятельность отряда в двух пунктах области: сначала в станице Зеленчукской, а потом в ауле Бибердовском, имея в виду интересы черкесско-абазинского населения. Станица Зеленчукская находится на окраине черкесской территории, а упомянутый аул – в центре ея.

book3.indd 196 09.03.2010 17:36:31

Я отказался от подобного плана-работы в двух пунктах главным образом из-за недостатка времени. Население медленно узнает о прибытии глазных врачей, постепенно привыкает к оказанию ими помощи для успешности работы, для более глубокого охвата ею всего населения, необходимо продолжительное пребывание отряда в одном пункте, не менее двух месяцев. А в моем распоряжении был только этот двухмесячный период.

В станице Зеленчукской отряд рассчитывал легко справиться с тяжелыми в 1922 году материальными затруднениями при устройстве специальной амбулатории и больницы, требующих подходящих помещений, инвентаря, прислуги и прочего. Все это имелось в Зеленчуке и было заранее приготовлено врачом больницы доктором В.А. Филатовым. А в ауле Бибердовском, лишенном больницы, пришлось бы создавать рабочую обстановку быть может с такими же трудностями и с потерей времени, как это было у нас в Учкулане в 1921 и 1922 годах.

Станица Зеленчукская в своей округе является крупным центром. Хорошие, удобные дороги соединяют ея с целым рядом больших русских поселений (станицы Сторожевая, Кардоникская, Исправная, Красногорская). В Зеленчукскую котловину выходят с севера долины обоих Зеленчуков со сплошным черкесско-абазинским населением. Таким образом, уходя от Баталпашинска далеко к горам, имел в виду приблизить глазную помощь непосредственно нуждающимся в ней.

Главная секция Наркомздрава РСФСР взяла на себя, как и в прошлом году, все материальное оборудование глазного отряда и щедро снабдила его медикаментами, перевязочным материалом и инструментами, даже набором оптических стекол. Я вместе с Карачаевским здравотделом рассчитывал, что доктор Николай Николаевич Петров, работая в отряде, приобретет достаточные знания в офтальмологии и будет после отъезда отряда продолжать его деятельность в Баталпашинске. Так возникает постоянный глазной пункт в области, – прочный след от пребывания наших отрядов. А оставшийся от отряда набор инструментов, оптических стекол, медикаментов и прочего даст материальное оборудование для нового лечебного офтальмологического учреждения.

Как показало будущее, этот расчет оправдался. Я пишу эти вос-

book3.indd 197 09.03.2010 17:36:31

поминания в 1936 году; прошло целых 13 лет со времени моей поездки с отрядом в Зеленчукскую. И до сих пор доктор Николай Николаевич Петров, уже известный своими трудами и опытом офтальмолог, с честью выполняет свой долг, обслуживая глазной помощью в Баталпашинске (г. Сулимов) ряд районов вокруг этого города.

Перед отъездом из Краснодара я получил от Магомета Кочкарова извещение: по прибытии в Невинномысскую потребовать себе конвой из ногайского селения Ураковского, о чем это селение уже предупреждено. В степях и предгорьях за Невинкой оперируют шайки бандитов из русских и черкесов. Множество случаев ограбления и даже убийств. Во главе их стоит какой-то неуловимый черкес Калмыков.

Я не придал серьезного значения этому предупреждению; и мы с Верой Михайловной спокойно выехали в первых числах июня из Краснодара. На всякий случай я телеграфировал в Баталпашинск о дне прибытия в Невинку, куда по соглашению с Исполкомом Карачая должен был явиться для сопровождения нас дальше конвой.

Никакого конвоя в Невинке не оказалось к моменту нашего прибытия. Я не стал ожидать его. Мы не без труда наняли подводчика до Баталпашинска. Подводчики были напуганы грабежами и неохотно согласились ехать. Отнимали главным образом лошадей; а у нашего подводчика была пара хороших коней. Сошлись на довольно высокой плате и поехали вдоль левого берега Кубани, где чаще встречаются русские селения и хутора.

Благополучно доехали до Ураковского еще засветло. Можно было продолжать путь; дорога была хорошая, лошади не утомились. Я зашел в сельсовет, нашел председателя и, кстати, осведомился, почему не прислали конвоя в Невинку, согласно приказу Исполкома. Пожилой ногаец успокоил меня: незачем было посылать конвой, все спокойно.

«А можно сейчас ехать нам дальше?» – Председатель категорически отсоветовал: скоро вечер, наступит темнота. Лучше переночевать здесь и раненько утром двинуться дальше.

«У нас тут спокойно. Но на всякий случай держим охрану, хорошо вооруженную. Спите спокойно». Нам отвели помещение у одного почтенного ногайца, где мы поужинали и легли спать.

Мы спали спокойно, ничто нас не тревожило. Но как только мы проснулись утром, нас поразило волнение, которым был охвачен весь

book3.indd 198 09.03.2010 17:36:31

аул. Под окнами собралась толпа, шумно обсуждавшая на непонятном языке какое-то событие. Пришел к нам хозяин и рассказал, что случилось.

Ночью нагрянул на селение большой отряд бандитов, захватил врасплох охрану и обезоружил ея. Уведено только несколько лошадей, но зато забрано все оружие, все винтовки. Пострадавших, раненых или убитых нет, ибо не было перестрелки.

Мы с Верой Михайловной переглянулись: вот тебе и безопасные дороги! Зашли к председателю Сельсовета посоветоваться, как нам быть; можно ли ехать нам дальше? Мы не боялись, но подводчик был в большой тревоге, боясь потерять лошадей. Председатель уверял, что теперь можно ехать спокойно, ибо, раз бандиты сделали налет, то, зная о немедленном появлении здесь органов ГПУ, они скрылись далеко отсюда. «Однако необходимо дать вам конвой», – прибавил он.

– Зачем нам конвой, если нечего бояться бандитов? Да ведь у вас винтовок нет! А конвой без оружия – курам на смех!

– Нет, на всякий случай я дам вам двух всадников. Они будут скакать впереди вас, и осматривать дорогу. Если покажется что-нибудь подозрительное, они вовремя предупредят вас.

Я решительно отказался от такого конвоя, но председатель настоял на своем. Очевидно, он чувствовал, что ему придется отвечать за нас, если с нами что-нибудь случится; и хотел оправдаться перед начальством принятием мер безопасности в отношении нас. Наш поезд представлял утомительное зрелище, когда мы выехали из аула. Впереди в пятистах шагах от нас скакали на резвых лошадях два безоружных ногайца в лохматых шапках и всматривались пугливо в степную даль, в кукурузное море, через которое шла наша дорога, извиваясь и ныряя в балки, одна за другой сбегавшие в долину Кубани. За верховыми неслась наша телега с дрожащим от страха подводчиком, со смеющимися, несмотря на волнение, путниками.

Да и как было не смеяться! Ногайцы, наши конвоиры, были ужасные трусы. Им постоянно мерещились страхи в высоких зарослях кукурузы. Стройные бурьяны, могучие чертополохи на межах казались притаившимся в засаде врагом. И они скакали назад карьером, махали нам издали шапками: остановитесь мол! И мы замедляли темп, останавливались. – Тревога оказывалась напрасной, путь свободен, –

book3.indd 199 09.03.2010 17:36:31

и наши лошади бойко мчались вперед. Переезжая балки, как место особенно опасное, мы мчались, как сумасшедшие. Таким образом, наша поездка была неровной, нервной; и, в конце концов, мы поддались общему настроению.

Чудесная степь, вся залитая солнцем, мягкая дорога в ней, окаймленная высокой кукурузой: живописные балочки, горы на далеком горизонте, – все внушало страх, говорило о какой-то непонятной опасности, угрожавшей каждую минуту нам, мирным врачам глазного отряда.

Скорей бы добраться до Беломечетки, до Мансуровских аулов. Там, говорят, совсем спокойно. С высокого берега видна уже в отдалении белая церковь с высокой колокольней; скоро поравняемся с Беломечеткой. Но на пути – самая глубокая балка, особенно опасное место. Здесь не раз происходили ограбления приезжих бандитами. Ногайцы прискакали после осмотра этой балки, доложили, что она пока свободна: однако возможна засада где-либо в ея изгибах. А потому надо проехать ее, как можно стремительнее.

Стратегический план был выработан и выполнен нами блестяще: мы стояли смирно у спуска в овраг и ждали, пока пронесутся через него ногайцы. Те, бешеным темпом, понукая лошадей и размахивая руками, летели стрелой и уже выносились на противоположный склон балки. Тогда двинулись в атаку и мы, с головокружительной быстротой взлетая вслед за верховыми на другой берег оврага, словно бросаясь на врага.

И вдруг громовое: «Стой!» – кто-то преградил нам неожиданно дорогу. «Бандиты! – промелькнула в голове у нас. – Все-таки попались!» – подводчик побледнел от страха. Мы остановились и робко взглянули вперед. Далеко впереди на дороге стоял автомобиль. Перед ним в почтительной позе без шапок наши конвойные. Сидящие в автомобиле их допрашивали. Потом позвали нас; потребовали, чтобы телега наша ехала шагом. Мы приблизились и увидели агентов ГПУ, вооруженных до зубов. Через борт автомобиля глядело на нас дуло пулемета. Несколько винтовок целой грудой было прислонено к другому борту.

Подводчик, увидевший, что мы попались не бандитам, а своим защитникам, вдруг расхрабрился и весело сказал: «А здорово мы вас тут

book3.indd 200 09.03.2010 17:36:31

напугали!» Ясно было, что наша стремительная атака через балку могла издали показаться каким-то тактическим приемом наблюдавшему нас издали автомобилю.

Слова подводчика ужасно не понравились начальнику. Он разозлился и крикнул: «Ах ты, с… с… Мы чуть было не перестреляли вас всех, как куропаток! А ты говоришь «напугали!» – еще несколько крепких словечек в адрес подводчика, просмотр наших документов, и нас милостиво отпустили.

К вечеру мы были в Баталпашинске и остановились у доктора Николая Николаевича Петрова, гостеприимно приютившего нас. Весь последующий день прошел в сборах, ибо Николай Николаевич собирался в Зеленчукскую с семьей: с женой и маленьким ребенком трех лет, Котиком.

Из Пашинки мы выехали уже на двух подводах, на одной мы с Верой Михайловной, а на другой семья Петровых с большим грузом. Дорога до Красногорской была безопасна. Но за Красногорской по соседству с черкесскими аулами пошаливали бандиты. Было много волнений, когда мы пересекали плоскогорный водораздел между Кубанью и Зеленчуками. Но я был увлечен созерцанием местности, впервые представлявшейся моим взорам, и забывал о возможности нападения. Отсюда, с этих высот у подножья Джангуры, покрытых хлебными нивами, коврами цветущего подсолнуха, открывался великолепный вид на Эльбрус, на снежные вершины Западного Кавказа.

Проведя ночь в дороге, в станице Красногорской, мы довольно рано приехали в Зеленчукскую.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ И ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Приехав в станицу, мы прежде всего зашли к доктору В.А.Филатову и убедились, что им сделано очень многое для приема нас. Осмотрен целый ряд квартир, подходящих для членов отряда. Выбелена операционная, перевязочная в больнице. Отведена специальная комната для приема амбулаторных больных.

book3.indd 201 09.03.2010 17:36:32

Доктор Николай Николаевич Петров очень скоро устроился с семьей. У него оказались здесь знакомые, пациенты, лечившиеся у него в Баталпашинске. И здесь он нашел прекрасную квартиру с хорошей обстановкой у одного сыровара, служившего когда-то у Чичкина, известного хорошо старой Москве своими магазинами молочных продуктов.

Нам с Верой Михайловной пришлось долго ходить по станице, пока мы не нашли себе угла. Намеченные доктором Филатовым квартиры были недурны, хотя и дороги. Но Вера Михайловна не хотела жить врозь со мной, а найти двухкомнатную квартиру было нелегко. Прошло несколько часов в бесплодном хождении по улицам. Мы очень устали и вернулись ни с чем к В.А. Филатову, жившему на станичной площади напротив церкви.

Прислонившись к забору на улице, мы обсуждали с ним свое положение, когда к нам подошел симпатичного вида старик, оказавшийся лесничим этого района. Мы познакомились. Генрих Оттонович Светыш, узнавши про нашу нужду, предложил остановиться пока у него. Есть у него одна свободная комната для одного человека; а другой может ночевать в большой канцелярии, которая может быть занята только в присутственные часы.

Мы зашли заглянуть в квартиру лесничего. Там познакомились с довольно многолюдной семьей старика-поляка. Осмотр помещения удовлетворил нас; и мы поселились в этой симпатичной семье на полном пансионе. Я занял отдельную небольшую комнату, с входом через канцелярию; а Вера Михайловна устроилась в самой канцелярии, вернее в одном ее уголке, где поставлена была ее кровать.

Так и прожили мы здесь два месяца в квартире лесничего.

29 июня 1923 года. – Мы прибыли в Зеленчукскую, а **30 июня** приступили к работе. Глазная амбулатория была устроена в больнице. Здесь же находилась и наша операционная. Операционные больные оставлялись на несколько дней в больничной палате и затем переводились в находившееся рядом с больницей обширное помещение школы. Таким образом, освобождались места в больнице для новых пациентов и устранялось заполнение участковой больницы одними глазными пациентами. – В школе же, находили себе и другие больные из соседних станиц, требовавшие амбулаторного лечения, но не имевшие возможность устроиться в Зеленчукской.

book3.indd 202 09.03.2010 17:36:32

С самого начала меня неприятно поразило настроение станичных жителей. Они были как-то забиты, напуганы чем-то; и в отношении нашего отряда проявляли какую-то сдержанность, недоверчивость.

Я вспоминал 1922 год в Баталпашинске, когда в течение восьми дней мы приняли до 400 человек первичных больных, когда пациенты валом валили, осаждали нас. Те же русские люди. А здесь больные шли вяло, словно выжидали чего-то. Шли преимущественно из Зеленчукской, хотя в восьми километрах к западу находилась Кардоникская с девятитысячным населением; а в шести километрах к востоку – Сторожевая, почти столь же людная.

Мы терялись в догадках, чем объяснить такое отношение населения к отряду, репутация которого стояла уже очень высоко в области. Возможно, что население не было заранее оповещено в должной мере, не было просвещено относительно целей и задач отряда.

Возможно, что бандитизм сыграл свою отрицательную роль, терроризировал жителей станиц, не отважившихся на переезд из станицы в станицу для лечения глаз.

Насколько силен был страх станичников перед бандитами, отнимавшими в полях на дорогах лошадей, можно судить по тому, что лошади заменялись повсюду в сельскохозяйственных работах волами. Черкесы-бандиты особенно ценили лошадей и беспощадно отбирали их, оставляя нередко хозяевам их волов.

Спокойная, умеренная работа нашего отряда не заполняла всего дня, хотя я организовал прием больных и вечером, главным образом для повторных пациентов с более серьезными заболеваниями глаз (трахомой, кератитами, иритами и другими). Оставалось достаточно свободного времени, чтобы осмотреться, познакомиться со станицей и ея ближайшими окрестностями.

Станица расположена в центре обширной котловины, отграниченной с востока и запада невысокими грядами, отделявшими долину Большого Зеленчука от соседних долин: Малого Зеленчука на востоке и Кяфара на западе. Настоящие горы высились на севере и на юге от станицы. На севере торчал в двух-трех километрах от станицы массив горы Шиссы*, обладавшей круто травянистыми склонами к окраине станицы. А на юге развертывалась альпийская панорама

* Шисса – правильно: Джисса.

book3.indd 203 09.03.2010 17:36:32

Высокогорного Кавказа с рядом параллельных цепей, замыкавших горизонт снежными вершинами.

Эти вершины видны отовсюду, – со станичной площади, с кургана около больницы, из окон нашей операционной. Русская станица по внешности как будто ничем не отличалась от степных кубанских станиц. Такие же белые домики с садами, крытые соломой или железом. Такая же обширная площадь в центре станицы с церковью в деревянной ограде. Такая же русская речь, русские лица. Но взглянешь на север, где высится Шисса; оглянешься на юг, где синеют горы, сверкают вечные снега на них, – и тотчас поймешь, что тут Кавказ.

О том же говорит по-своему и прозрачный Зеленчук, шумно несущийся вдоль западной окраины станицы в галечном ложе. В нем удивительно чистая, зеленоватая вода. Тотчас за станицей к югу берега реки начинают постепенно, но быстро подниматься и замыкают горный поток в тесную, лесистую долину, уходящую прямо в сердце гор. Там в верховьях, в истоках реки знаменитое Старое Жилище, о котором идет такая молва…

Через несколько дней по прибытии в станицу я решил основательно искупаться в реке с мылом, чтобы отчиститься от дорожных ночей в одежде. Хотя день был солнечный, немного ветреный, река показалась мне почти ледяной, и я сильно продрог. На следующий день у меня появился грипп, осложнившийся сильным бронхитом с жестоким кашлем. Пришлось даже один день провести в кровати. Николай Николаевич поставил мне банки на грудь. Около двух недель я переживал последствия этого купания. Да, вода в Зеленчуке говорит о близких снегах.

Станица Зеленчукская широко раскинулась в своей котловине. И живя в самом центре селения, надо затратить немало сил и времени, чтобы выбраться на вольный простор полей и лугов, раскинувшихся зелеными, цветущими коврами на отрогах гор за станицей. Поэтому любимым местом отдыха в часы, свободные от работы, стала для нас церковная усадьба на площади. Деревянную церковь окружали и осеняли огромные фруктовые деревья; под ними высокая трава и тропинки. В жаркую пору солнечного дня здесь царила приятная прохлада. Гуляющих здесь не было, площадь за церковной оградой также

book3.indd 204 09.03.2010 17:36:32

бывала пустынной, оживляясь лишь в утренние часы, когда тут происходил базар.

И мы почти ежедневно после обеда уходили в тень церковного сада. Садились на каменных ступенях у входа в алтарь и усердно читали офтальмологию.

Прилежный Николай Николаевич Петров брал тут свои первые уроки по глазным болезням. Обычно читал я; Николай Николаевич внимательно слушал, задавал вопросы, требующие разъяснения. Вера Максимовна слушала рассеяно и мечтательно; иногда уходила, оставляя нас вдвоем с книгой. Чтение не прерывалось, хотя меня часто развлекало жужжание пчел в цветах, мелодичный шум деревьев над головой, зовущие очертания гор в просвете деревьев – все очарование летнего дня в горной станице.

Дома ждала меня успокаивающая обстановка тихого семейного быта. Лесничий Генрих Антонович знал хорошо леса Кавказа и любил их. Ранее он охранял знаменитую долину Загдана* в верховьях Большой Лабы. Революция застала его в станице Сторожевой на посту охранителя лесов в верховьях Урупа и Зеленчука. Он не любил карачаевцев за хищническое истребление леса и был ужасно недоволен, что все лесное богатство западного Кавказа от Эльбруса до Лабы попало в их руки.

Он болен душою за каждое срубленное дерево. А лесники ежедневно доносили ему о порубщиках, и протоколы накоплялись в несметном количестве. В суде лежало около тысячи возбужденных им дел против лесных хищников; но дела эти почти не разбирались.

По утром в его канцелярии было людно и шумно. Толпились лесники с докладами, покупатели леса. Писались бумаги, выслушивались донесения. Комната наполнялась табачным дымом (Генрих Оттонович курил очень много) и человечьим духом. Но к нашему возвращению из больницы было тихо, все чисто прибрано; и Вера Михайловна могла спокойно улечься на свой кровати. Она часто страдала мигренями и иногда не выходила в столовую к обеду.

А я любил обеды, завтраки и ужины в симпатичной семье лесничего. Они были очень славные люди, необычайно приветливые, ласковые, воспитанные, что составляло такой контраст с окружающей грубостью.

* Загдана – правильно: Загедана.

book3.indd 205 09.03.2010 17:36:32

Семья была многолюдная; приходилось помогать и на сторону старшему сыну и жить на одно жалование старика. Чувствовался недостаток средств. Работала деятельно вся семья. Девочки убирали комнаты, стирали белье. Мать со старшей дочерью готовила обед, шила. Признаюсь откровенно: еда была очень вкусная, разнообразная, настоящая польская кухня. И наслаждаясь обедом, особенно сладкими блюдами, я от души сожалел, что Вера Михайловна отказывалась сесть за стол и лежала в соседней комнате в одиночестве.

За столом лесничий много рассказывал о Старом Жилище, о его красотах и обещал организовать поездку в этот таинственный для меня уголок Кавказа.

Таковы были первые впечатления от жизни и работы в станице Зеленчукской.

Глава 3

НАША ОФТАЛЬМОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗЕЛЕНЧУКЕ

Дни проходили за днями, и медленно нарастала наша работа, главным образом за счет постепенно накоплявшихся повторных больных.

Всего было принято в течение двух месяцев только 713 человек. Но ими сделано до шести тысяч посещений утром и вечером. Большая часть явилась из станицы Зеленчукской и двух соседних с ней Карданикской и Сторожевой. При этом половина принадлежит одной лишь станице Зеленчукской.

Таким образом, помощью глазного отряда воспользовалось главным образом русское население трех станиц, преимущественно жители Зеленчукской. Остальные селения, даже близко расположенные, прислали незначительное количество пациентов. Это – очень грустный и печальный факт; он сильно беспокоил и огорчал меня. Ведь такая редкая малодоступная и узкоспециальная помощь, как окулистическая, в которой так нуждается население глухих углов, организуется глазными отрядами в расчете на округу с радиусом до пятидесяти километров и больше. И эта помощь оказалась не доставленной многочисленным нуждающимся в ней.

book3.indd 206 09.03.2010 17:36:32

Я часто задумывался над этим печальным фактом. Да, действительно, население было совсем плохо подготовлено к приезду отряда, не оповещено. Ни исполкомы, ни сельсоветы, ни профсоюзы, ни педагоги в школах, – никто не позаботился бумагами или словесно распространить слух о нашем прибытии. А ведь об этом я писал не раз из Краснодара!

Характерно, что Карачаевский исполком совершенно не интересовался нашей работой. И не только исполком, областной здравотдел, наш старый друг Магомет Кочкаров ни разу не заглянул к нам в Зеленчукскую. Словно эти районы не нуждаются в заботах о них, со стороны областного начальства. Примеру их следовала и местная администрация: ни исполкомцы, ни райкомцы ни разу не зашли к нам поглядеть, что это за глазной отряд и что он делает, не нуждается ли он в чем-либо.

Нами интересовалась Москва, но никак не местные администраторы, которых вопросы народного здоровья как будто вовсе не касались.

Особенно поразило меня отсутствие черкесов, всего сорок шесть человек из всей массы черкесского населения!

Это было особенно досадно, ибо наш отряд имел целью оказание помощи черкесам на обоих Зеленчуках. В 1921 году три аула Большого Карачая, – только три аула! – дали 750 глазных больных и около 200 операций; возвращено было зрение десяткам слепых, извлечено 96 катаракт.

Между тем в непосредственной близости от Зеленчукской живет до 30-40 тысяч черкесско-абазинского населения, болеющего глазами не меньше, чем карачаевцы. В ногайских селениях, относящихся к Черкесии, много больных трахомой. И тем обиднее, что Черкессия нашей помощью не воспользовалась. Было несколько десятков случайных пациентов с легкими или неизлечимыми заболеваниями. Одна-единственная операция была произведена у одной черкесской бабушки. Так все слепые-черкесы с катарактами и другими излечимыми дефектами не увидели света.

Наша работа в Карачае в 1921 году показала, какое огромное значение для успешной работы отряда среди чужого по языку, нравам и обычаям народа, имеет энергичная и мудрая подготовка населения его представителями, его интеллигенцией. Мы преклоняемся перед личностью покойного Ильяса Магомедовича Байрамукова и свято храним память о нем. В

book3.indd 207 09.03.2010 17:36:32

продолжение всей нашей работы в Учкулане, он, сначала один, а потом вместе с Магометом Кочкаровым, не покидал нас ни в перевязочной, ни в амбулатории, ни в операционной. Был нашим переводчиком и советником и, что самое главное, неустанно разъяснял карачаевцам смысл, значение нашего приезда; объяснял, растолковывал, не жалея ни времени, ни старческих сил. И население шло к нам толпами, дружно.

Я полагаю, что Черкесия в этом отношении без руководителей. Никто из ее представителей не заглянул к нам, не поинтересовался нашей работой. Сомневаюсь, чтобы черкесы были достаточно оповещены о приезде глазного отряда своими эфенди, учителями, муллами, своей администрацией.

Но что говорить о черкесах! Ведь русское население проявило такое же небрежное отношение к здоровью своих глаз, к глазному отряду. Семьсот тринадцать больных за два месяца работы! Смехотворная цифра! К ней можно было бы отнестись с уважением, если бы она была показателем благополучия населения этих огромных станиц. Но цифры и наши окулистические наблюдения говорят совершенно о другом.

Целых пять процентов наших амбулаторных больных были неизлечимо-слепые на оба глаза (41 человек), ослепшие от оспы, бленнореи, глаукомы, трахомы и других болезней. Десять процентов (80 человек) было потерявших навсегда зрение на один глаз. Множество глаз было не слепых, но на грани слепоты. Вот что говорят цифры! Они говорят о сильном распространении среди населения тяжелых глазных болезней и полной беспомощности в борьбе с ними.

Так же плохо обстоит дело и с трахомой. Что Зеленчукская вместе с соседними станицами является очагом трахомы, я знал еще до революции, в годы 1910-1914, когда ко мне в Екатеринодар приезжали из этих станиц с особенно тяжелыми формами запущенной болезни.

Вот почему 101 человек больных трахомой (одна седьмая часть всех пациентов), явившихся к нам, представляют грозный показатель сильной затрахомленности района. И это ничтожная часть из всей массы, болеющих трахомой русских, греков, эстонцев. Подавляющее большинство их, особенно с начальными явлениями болезни, молодежь, не явилась в нашу амбулаторию. Интересно было бы произвести поголовный осмотр всех школьников. Но школы были закрыты в летнее время, дети распущены.

book3.indd 208 09.03.2010 17:36:32

Я подумывал о том, чтобы сделать подворное обследование всей станицы. Это дало бы нам тотчас данные о распространении трахомы. Но настроение станичников делало невозможным осуществление подобного плана. Среди жителей сильно чувствовалось недоверие к Советской власти, к нам, ее агентам; к Карачаевскому правительству. Нам приходилось работать в сгущенной атмосфере недоверчивости и подозрительного отношения. Обычная запись больных в тетрадь вызывала разнообразные неодобрительные толки. Подсматривали, как я зарисовывал глаз, обозначая на чертеже очаг болезни, и говорили:

«Доктор переписывает людей и кладет на фамилии печать антихриста!».

Контрреволюционное настроение поддерживалось бандитизмом, терроризировавшим массы. Слухи об ограблениях на больших дорогах умножались. Направлявшийся к нам из Баталпашинска транспорт с перевязочным материалом, с медицинским имуществом был разграблен около Красногорки. Сопровождавший его ветеринарный врач Трубин был избит нагайками за отказ выдать деньги – содержание служащим в Зеленчукской. Деньги, конечно, были отняты.

Хлеборобы боялись выезжать в степь. При таких условиях поголовный осмотр населения для выявления трахомы был бы мерой крайне непопулярной.

И мы принимали и лечили тех, кто являлся к нам. Несомненно, результаты нашей полезной работы производили сильное впечатление. И проживши в станице полгода-год, мы были бы популярнейшими врачами в округе; не имели бы отбоя от пациентов. Уже и сейчас, в августе, доброхотных приношений нам на квартиру лесничего было так много, что наши вкусные обеды готовились главным образом из нашей собственной провизии. И перед отъездом наша любезная и милая хозяйка отказывалась от уплаты за квартиру и пропитание:

«Вы нам ничего не должны, Станислав Владимирович! Ведь вашей провизией кормилась вся наша семья вместе с вами».

Приток больных в конце нашего пребывания был нисколько не меньше, чем в разгаре работы. Свыше десяти человек с очень тяжелой формой трахомы явились в нашу амбулаторию в последние дни перед отъездом. Так, не по нашей вине огромная масса больных осталась без

book3.indd 209 09.03.2010 17:36:32

крайне необходимой для них и вполне доступной помощи, – суровая дань невежеству и косности.

Особенным утешением для нас были успехи нашей оперативной деятельности. 191 операция, из них 63 извлечения катаракты (у 30 человек сразу на обоих глазах) – таковы итоги нашей операционной работы. Почти во всех случаях и операция и период заживления протекли хорошо.

Я делал попытки расшевелить население, побороть его косность в отношении к отряду. С этой целью я выезжал в соседнюю станицу Сторожевую, в Хуссы-Кардоник*. Просил доктора Филатову во время ее поездки в Хасут-Греческий распропагандировать в этом направлении греков этого населения, сильно пораженного трахомой. Обращался с гневными речами к интеллигентным черкесам с Малого Зеленчука, случайно приезжавшим в наш отряд. Но все мои усилия не имели большого успеха.

Пришлось удовлетвориться скромными результатами в надежде на лучшее будущее, когда проснется самосознание жителей больших станиц Карачая.

Глава 4

МОИ ПРОГУЛКИ

Скромная работа в Зеленчукской давала много времени для прогулок. И я с удовольствием предавался им: слишком привлекательные были ближние и дальние окрестности Зеленчукской станицы.

Уже в первые дни моего пребывания в семье Генриха Оттоновича Светыша, я с Верой Михайловной получил приглашение поехать вместе в эстонское селение Хуса Кардоник, на семейное торжество их родственника. Селение расположено в живописной лесистой долине, при выходе реки из ущелья в котловину Зеленчукской. Мне понравились усадьбы эстонцев, утопавшие во фруктовых садах. Понравилось и то, что усадьбы и сады сразу переходили на склонах долины в густой лес. Было первобытно, дико, густолиственно в жаркий день. Жужжали пчелы, и чувствовалось, что мед в ульях откладывается не по дням, а

* Хуссы-Кардоник – правильно: Хуса-Кардоник.

book3.indd 210 09.03.2010 17:36:32

по минутам, сладкой массой. Хороша была также поездка на волах в Сторожевую к пациентке-старушке, лишенной возможности приехать к нам. Станица расположена в уютной ложбине, параллельной котловине Зеленчукской и лежащей к западу от нее. Ложбина образована слиянием Бижгоня и Кяфара и открывается на севере в широкую долину, где эти реки впадают в Большой Зеленчук.

Подобно нашей Шиссе, гигантской башней вздымающейся над Зеленчукской станицей на севере, так и здесь к северо-западу от Сторожевой, в двух-трех километрах от нее громоздятся к небу отвесные обрывы массива Бельше*. Сторожевая теснее и ближе прижалась к горам, чем Зеленчукская. Отходящие от лесистых черных гор волны подходят к самой станице и дают ей чудесное красочное обрамление. Ибо все они представляют чудесный пестрый ковер, где сменяют друг друга полосы кукурузы, конопли, гречихи и других растений. Нигде, кроме своей Белоруссии, не видел я таких больших посевов гречихи, как здесь. Волы спускали нас с высот Кяфару; и я любовался яркими красками зеленой кукурузы, желтого подсолнуха и белой гречихи, разлившихся вширь и вдаль по холмистому нагорью. А за ним синели на юге грозные стены Абишира-Ахубы** с пятнами вечного снега.

Стесненная горами Сторожевая не так разбросана, как ее соседки, Зеленчукская или Кардоникская. Она вся тесно сплотила свои усадьбы с садиками вокруг небольшой площади с церковью в каменной, толстостенной ограде. Ограда с узкими бойницами напоминает о тяжелом прошлом станичников, когда Сторожевая занимала сторожевой пост в горской войне.

Я вошел в ограду, в тенистый сад, окружавший деревянную церковь. Все было так тихо в солнечный летний день. Ненужными казались косые узкие прорезы в каменной стене. Давила массивная ограда. Потянуло на свободу, на площадь с редкими прохожими.

Осмотрели больных и остались ночевать в станице. А утром на тех же волах перебрались вброд через Кяфар, и домой. С высот, разделявших долины Кяфара и Большого Зеленчука, я устремлял взор на запад, в таинственную даль, где еще не бывала моя нога. За гигантским обрывом горы Бельше, там вставал такой же срыв масси-

* Бельше – гора Бальше.

** Абишира-Ахубы – хребет Абишара-Ахуба.

book3.indd 211 09.03.2010 17:36:32

ва Баранахи, за ним – Шолоха. А дальше, теряясь в дымке туманной мглы, мерещились такие же обрывы степных плоскогорий, падавших ниц перед Кавказом.

Сторожевая казалась мне краем людского света. Но за этими высотами на западе, в параллельной Кяфару и Зеленчуку долине Урупа, лежала станица Преградная. Оттуда явилось к нам несколько больных с очень тяжелой трахомой. Надо бы поехать туда, осмотреть население, направить в Зеленчукскую нуждающихся в операции больных. Но мне решительно отсоветовали показываться к западу от Сторожевой. Дорога в этом направлении во власти бандитов. Недавно к нам в амбулаторию явились две старушки с котомками на плечах из Преградной и рассказывали про встречу с грабителями.

Такие же недобрые слухи ходили и про гору Шиссу над Зеленчукской. Говорили, что там гнездо бандитов, в балках и оврагах, врезавшихся в ее массив. На склонах этой горы прекрасные сенокосы; туда, однако, ездят станичники на косьбу. Я решил, что и мне не следует бояться недобрых слухов и верить им. А гора была действительно заманчивой целью. Она так смело орлиной грудью смотрела на юг, на высокогорный Кавказ; и взор ея вершины летел над станицей, через всю котловину Зеленчука к вечным снегам.

Непременно надо подняться на эту вершину и бросить свой взор на все окрестности. И мы с Верой Михайловной поднялись в один роскошный день.

Чтобы облегчить подъем, мы наняли телегу и подъехали к основанию горы. Лошади оказались достаточно сильными, и возчик довез нас по мягкой дороге с постепенным подъемом до половины высоты горы. Мы не обманулись в своих ожиданиях. Преодолевшие с трудом последний подъем по крутому травянистому склону, скользя и падая на отполированных, гладких подошвах в сухой траве, мы почти на четвереньках выбрались на темя широкой вершины и очутились на воздушной вышке с необъятным горизонтом. Дух захватывало от безграничного простора, словно мы остановились в полете над землей – в воздухе.

Но земля была тут под ногами, прочная, гладкая и ровная, как стол, вся в высоких степных травах. Настоящий остров южнорусской степной равнины, поднятой на высоту полтора километра. Как чудес-

book3.indd 212 09.03.2010 17:36:33

но серебрится ковыль! Какой аромат от цветов, как мелодично шумит ветер в сухих стеблях!

Да, горизонт отсюда поразительный. Глядя к северо-востоку и северу, видишь, как вершина Шиссы, развертываясь вширь и вдаль, постепенно снижается; и, сохраняя тот же степной, травянистый покров, переходит в великую равнину Северокавказских степей. Ея соседки, Джангура на востоке и Бельше на западе, похожи на нее как две капли воды. Такие же грозные бастионы с крутым подъемом склонов перед лицом Кавказа; и такие же плоскогорностепные, расплывающиеся в равнинную степь на севере. И не только эти ближайшие соседки! Такой же характер носят и более отдаленные «у врат Кавказа на часах сторожевые великаны», вытянувшиеся стройно в одну линию, от Кинжала, Бермамата, Эшкакона, Хумары, Джангуры – на востоке и до Баранахи, Шолоха, Ахмета, Гарпагема, до самой Белой – на западе.

Так и чувствуется, что это одна, некогда сплошная гигантская горная складка, на протяжении сотен километров поднявшая степь навстречу Кавказу. Но горные потоки с вечных снегов пробили ее и, вырываясь на степной простор, рассекли ее на ряд отдельных возвышенностей. И залегли между ними в глубоких долинах.

С вершины Шиссы хорошо видны эти ближайшие долины Кубани, Малого и Большого Зеленчука. Видны аулы Черкесии на Малом Зеленчуке; видна станица Исправная на Большом Зеленчуке.

Но невольно хочется поскорее повернуться назад и обратить свои взоры к югу, где развертывается во всей своей красе и величии панорама Большого Кавказа от Эльбруса, Бечесынского плато и Бермамата на востоке, вплоть до вершин у истоков Лабы и Белой на западе. Уже за станицей протянулась и поднялась первая ступень гигантской лест-ницы, ведущей к небесам. За ней встала вторая, в яркой зелени альпийских лугов, в темном одеянии хвойных лесов. А дальше новые и новые цепи,

«…за темными, лилово-голубые;
И если долго к ним приникнуть взором,
за ближним рядом выступят другие.
Здесь темный дуб и ясень изумрудный,
а там лазури тающая нежность.

book3.indd 213 09.03.2010 17:36:33

Как будто из действительности чудной
уносишься в волшебную безбрежность».
(Фет).

И в лазурную нежность небес на горизонте врезаются сверкающие своей белизной вечно-свежие вершины Кавказа.

Долго любовались мы с Верой Михайловной со своей воздушной вышки этой поразительной красотой, так эффектно озаренной лучами склонявшегося к закату солнца.

С вершины Шиссы хорошо видны темные зияющие трещины, прорезывающие складки Кавказа, – ущелья горных потоков. Прямо за станицей открывается одна из этих щелей в стене гор, проложенная Большим Зеленчуком. Надо бы проникнуть в нее по дороге в Старое Жилище и добраться хотя бы до Зеленчукского монастыря. Нам много говорили о монастыре, как об интересном остатке средневековой древности, превосходящем Сентинский женский монастырь богатством своих археологических сокровищ.

В один хороший, солнечный день, мы с Верой Михайловной сидели на ступеньках больницы по окончании работы с больными. Мы поджидали заказанную накануне подводу, которая должна была отвезти нас в монастырь. Время шло, солнце близилось к полудню, а подводы все не было. Мы громко выражали свою досаду и разочарование. Не удалась поездка! Ушло время! Пропал чудесный день. Сидевшие около нас больные женщины заинтересовались, что нас так огорчает, и, узнавши, в чем дело, сказали с укоризной: «В монастырь, святое место, мы все ходим пешком! Даже старушки, и те с посохом, с котомкой ходят к Божьему храму пешком. А вы здоровые, молодые, должны также потрудиться своими ногами».

Нам стало немножко стыдно. Я посмотрел на Веру Михайловну вопросительно: «Пойдем, не поздно ли, дойдем ли к вечеру?» был уже полдень, а впереди предстояло пройти 26 верст. Вера Михайловна ответила утвердительно; и мы просунули палку под ручку довольно увесистой корзинки с провизией и верхним платьем, взялись за концы палки и тут же от крыльца больницы двинулись в дорогу под палящим солнцем.

book3.indd 214 09.03.2010 17:36:33

Утомительные были первые семь верст по улицам пыльной станицы и далее в открытой степи, вплоть до монастырского хутора, где начинается горное ущелье. Прелестна река Зеленчук в этом ущелье, прозрачная, холодная. Лес спускается к самой реке, оставляя место для просторных лужаек с высокой, сочной травой. Мы не раз подходили к самому берегу, чтобы напиться речной воды, ибо жажда была сильная в этот знойный день.

Вера Михайловна начала уставать; но я не замечал этого, пока она, наконец, не свалилась от изнеможения в тени орешника. Мне стало совестно, и я предложил сделать привал, закусить и отдохнуть. Выбрали подходящую лужайку, где извивался в траве ручеек, спешивший к Зеленчуку. Здесь под развесистой ивой расположились и поели. За обширной поляной, где над рекой на широкой террасе расположилась усадьба лесной охраны, дорога стала каменистой, крайне неудобной для ходьбы и для проезда. Местами она поднималась высоко над рекой и, избегая речного разлива, лепилась по крутому каменистому склону. Местами она спускалась на дно ущелья в сумрак леса и там пересекала многочисленные протоки без всяких мостиков. Было грязно и топко в этих серых, тенистых уголках.

К вечеру мы сильно устали. Солнце уже закатилось, когда мы выбрались, наконец, из леса в освещенное последними лучами солнца луговое пространство, где горы отступили от правого берега реки на полтора километра, оставляя место для широкой поляны. У ее начала мы с изумлением увидели древний храм, наполовину вросший в землю, погрузившийся в нее и только верхней половиной выступавший из зарослей гигантских бурьянов и кустарников. Хорошо сохранившийся купол без креста носил на себе несколько молоденьких сосен. Раздвигая ногами и руками ветви кустарников и травы, мы вошли внутрь храма и долго поражались этим остаткам давно ушедшего мира.

Надо было торопиться. Быстро наступали сумерки. Издали доносился церковный благовест. Мы собрали свои последние силы и бодро двинулись дальше. В сгущающейся темноте показались огоньки в окнах большой белой церкви. Скоро мы подошли к ней и услышали церковное пение. Мы вошли внутрь, поставили свою корзину и стали ждать конца службы. Я передал монаху, продававшему свечи, кто мы

book3.indd 215 09.03.2010 17:36:33

такие, и просил познакомить нас с игуменом после окончания богослужения. Скоро из алтаря вышел огромного роста представительный монах в высоком клобуке, вежливо поздоровался с нами, представился в качестве казначея Палладия.

«Служба сейчас окончится, отец игумен просит вас немножко подождать». Мы поблагодарили. Церковь была почти пустая. В ней сиротливо терялась небольшая группа монахов; да у входа скромно стояло несколько богомольцев и богомолок.

Последние возгласы, последние песнопения. Все стали выходить из церкви в ночной мрак. У выхода мы познакомились с игуменом отцом Феофаном, который пригласил нас к себе. Церковь оказалась не огороженной, вне монастырской ограды. Она принадлежит той же эпохе девятого, одиннадцатого века, что и осмотренная нами руина. При основании здесь монастыря ее только немного подновили, отштукатурили, побелили, сохранивши ее прежний стиль, прежнюю архитектуру.

В ограде монастыря, говорил нам дорогой игумен, имеется несколько таких реставрированных церквей, только поменьше.

Вот и дом игумена в саду. Окна в нем освещены. Мы поднялись наверх, на второй этаж. Было как-то неуютно в больших комнатах, грязновато, неряшливо. Игумен заметил мои недоуменные взоры, когда я окидывал глазами просторное помещение, и рассказал, что монастырь только недавно освободился от воинского постоя. Еще и сейчас часто являются в монастырь воинские команды и располагаются в помещениях обители. Монастырь доживает последние дни, ибо предполагается его упразднение. Многие монахи уже покинули его, особенно молодежь. Остались одни старики, которым некуда деваться.

Накрыли на стол и сели ужинать. Игумен очень извинялся, что не может прилично угостить нас, ибо все монастырские запасы отняты. Особенно страдает монастырь от отсутствия хлеба. Пахотной земли нет здесь поблизости в этом диком ущелье. И монастырь пользовался большим участком плодородной степи недалеко от Невинки. Участок этот давно передан крестьянам. И монахи питаются суррогатом из свеклы. Отец Феофан мог предложить нам только соленые и маринованные грибы, по полной тарелке грибов. Вместо чая (чая и сахара не

book3.indd 216 09.03.2010 17:36:33

было) фруктовое, грушевое вино из лесных и садовых груш. От свекольного хлеба мы отказались. Слишком он был противен на вкус. И угостили наших хозяев принесенным нами хлебом.

Еще Генрих Оттонович Светыш говорил нам, что монастырь раньше славился своими фруктовыми винами, яблочным, грушевым, крыжовничным и особенно смородинным. В горах, окружающих монастырь, очень много смородины и крыжовника, много и малины. Ныне все эти вина выпиты; осталось наименее вкусное грушевое.

Мы ели грибы, запивали грушевым вином, по вкусу походившим на квас, и разговаривали о прошлом, настоящем монастыря, которому не суждено иметь будущего. Давала себя чувствовать усталость, немилосердно клонило ко сну.

Нам постелили в наиболее чистой комнате. Но я не спал почти всю ночь от нашествия блох. Прохладное, росистое утро. Яркое солнце вышло из-за высоких гор, стесняющих ущелье. Осмотрели сад, огороды монастыря, старинные церкви в его ограде. Древние старички медленно двигались по дорожкам. Чувствовалось, что среди ликующей, горной природы, под этим ярким солнцем, под аккомпанемент шумного Зеленчука, монастырская жизнь покидала ущелье и исчезала, как анахронизм, как пережиток старины. И этому храму, пережившемуцелое тысячелетие, предстоит опять стать Старым Жилищем.

Надо было и нам торопиться домой в станицу Зеленчукскую. Я боялся за Веру Михайловну, убежденный, что она не дойдет пешком до станицы. Она очень устала. Да и я предпочел бы доехать на лошадях. Нелегко шагать в десятифутовых сапогах по такой дороге. К счастью, монастырь снаряжал подводу в станицу по делам обители; и нам любезно предложили сесть на телегу, где нам устроили прекрасное мягкое сиденье. Кучером сел отец казначей, маленький подвижный старичок. А рядом с нами поместился огромный отец Палладий. Мы поблагодарили отца Феофана за гостеприимство и поехали.

Путешествие было веселое. Так приятно было чувствовать, что едешь с удобствами, а не идешь пешком под горячим солнцем, по каменистой дороге, перебираясь вброд через протоки, огибая лужи в зарослях ольхи. Отец Палладий оказался необычайно общительным, разговорчивым спутником. Будучи черногорцем, он как-то попал в

book3.indd 217 09.03.2010 17:36:33

Россию; побывал в разных социальных положениях и очутился монахом в горах Кавказа. Он любезничал с Верой Михайловной и не прочь был рассказать несколько веселых анекдотов.

Лошади бежали бойко; отец казначей энергично пристегивал их. Отец Палладий без умолку рассказывал что-то. А я наслаждался ездой в живописном ущелье: поглядывал по сторонам и примечал с удовольствием знакомые места, где мы вчера плелись с корзиной потные, усталые.

Вот и монастырский хутор при выходе ущелья в долину. Здесь мы остановились на два-три часа; осмотрели хутор, прекрасный сад, обширную пасеку. Ее еще пока не отняли у монастыря. Заведующий пасекой монах угостил нас чаем с медом и фруктами. После скудного завтрака в монастыре, это угощение было весьма кстати. Около полудня мы были уже в станице Зеленчукской, дома.

Глава 5

МОИ ПОЕЗДКИ В СТАРОЕ ЖИЛИЩЕ

В один прекрасный день ко мне неожиданно заглянул в больницу Г.С. Медяник:

– Едем в Старое Жилище. Вы ведь давно хотели побывать там. Я еду с товарищем по делам кооперации. У нас хорошая бричка; зад ее на рессорах. Будет место и вам.

Я с восторгом принял это предложение, тем более что работа в больнице была тихая. Оставались продолжать ее Вера Михайловна и доктор Петров. И поездка предполагалась непродолжительная, всего на два-три дня.

Мы быстро проехали знакомые мне места и, не задерживаясь в монастыре, переехали на левый берег Зеленчука. Ущелье стеснилось еще больше и потонуло в море горного леса, заполнившего дно его, склоны гор до самых вершин. Горы то падали к реке отвесными обрывами, то отходили от берега на небольшое расстояние, оставляя место для полянок. Так и дорога местами взбиралась высоко на горный склон и шла в дремучем, буковом лесу, где среди обломков скал колея хранила непросыхающую после дождей грязь. Здесь в лесном сумра-

book3.indd 218 09.03.2010 17:36:33

ке царила торжественная тишина среди древесных гигантов. Еле-еле доносился снизу шум горного потока и гулко отдавался стук колес о камни. Бричка качалась, как лодка по волнам, приглашая сойти с нее и идти пешком по мягкой мшистой тропинке вдоль дорожной колеи. Идешь, перепрыгивая, через камни, через змеящиеся толстые корни могучих буков; рискуешь каждую минуту споткнуться о них и упасть, ибо взор неудержимо тянет оторваться от неровной земли и поглядеть вверх, вперед, в стороны. Хочется вглядеться в лесные дебри, восхищаться мощными буками, скалами, покрытыми мхом и лишайниками. В просветах подающего к реке леса изредка открываются заманчивые дали, виды на противоположный склон ущелья, такой же лесистый, на горные вершины, уже освобождающиеся от лесного покрова, вырастающие из него к небу.

И вдруг дорога пошла вниз. Бричка сначала осторожно спускается, лавируя среди камней, выходит на гладкую поверхность. И мы стремительно выкатываемся из лесного сумрака в яркий, солнечный день, на широкую травянистую поляну у самого речного ложа. На одной из этих полян мы расположились на ночлег. Хороший корм для лошадей, близка хорошая вода. Мягко спать на траве у лесной опушки.

Проснулись на заре, напились горячего чая и двинулись дальше. Горы, сжимающие ущелье, стали круче. Дорога лепится у самой реки; местами проходит по карнизу срезанного утеса над кипящим потоком. Но природа гор здесь не угрюмая, не суровая. Она улыбается всеми красками земли и неба: она наполняет чувства музыкальной мелодией, ароматами цветов, дыханием ветра, проносящегося по ущелью.

Поет река, шумит лес, треплет ласково кроны деревьев на противоположном склоне. Изумрудные луга спорят на вершинах гор своей зеленью с синевой неба. огУтренней прохладой веет из лесной чащи безмолвных дебрей у дороги. Меняется лес. На дору выбегают отдельные сосны и пихты и постепенно вытесняют лиственные породы. Среди хвойных деревьев появляются березы.

Дорога окончательно становится ровной, поворачивает вправо и выходит на обширное, ровное пространство, поросшее прекрасным строевым лесом. Огромные сосны, стройные березы без всякого подлеска, зеленая трава под ними, убегающая вдаль гладкая лесная дорога, по которой мягко рысью катится наша бричка, – все

book3.indd 219 09.03.2010 17:36:33

это напоминает мне наши белорусские леса. В стороне от дороги, пересекая ее, тянутся правильные ряды камней в виде то четырехугольника, то длинного вала или ограды. Словно здесь стояли дома, большие здания, городские стены, ограды, в незапамятные времена, когда здесь кипела жизнь. Но жизнь ушла, постройки разрушились, и девственная природа гор вступила в свои права. Надвинулся лес, спустившийся с окрестных гор, заполнил всю территорию городского поселения. Мох покрыл руины, хвойные иглы засыпали их. И только правильные линии этих каменистых куч говорят, что это Старое Жилище.

Бойко бегут лошади, мягко катится бричка. Все лес да лес, смесь берез и сосен. Не слышно шума реки, она где-то далеко влево. Совсем как в лесах под Москвой или Рязанью. Но нет, здесь настоящий Кавказ! Пересекая небольшую поляну с тихо журчащим ручейком, я вижу горные громады Абишира-Ахубы с пятнами снега на гранях с лазурным небом. Леса поднимаются высоко по ее склонам, темные сосновые рощи сменяются зеленью лугов; а еще выше – ореховые скалы врезаются в небесную синеву.

Лесное безмолвие нарушено. В просвете деревьев видать дымки человеческого жилья; видны досчатые, бревенчатые постройки. Это недавно образовавшийся здесь карачаевский аул Архыз. Мы остановились в усадьбе Хубиева, хорошего знакомого Г.С. Медяника. Остальную часть дня и утро следующего я провел в прогулках по живописнейшим окрестностям аула Архыз. Описывать их нет возможности, – так они разнообразны и красивы. Я сделаю это в эпилоге в немногих бледных словах.

Утром мы должны были на заре отправиться в обратный путь. Но в бричке случилась какая-то неисправность, и отъезд наш отсрочился. В ожидании, пока закончится ремонт, я прилег на бурке отдохнуть под тенью огромных берез.

Был прекрасный, солнечный день. Лежа на спине, я любовался чудесной картиной южного неба с медленно плывущими облаками, через нежную сетку зеленых ветвей, метавшихся по небу под свежим ветром. Ветер порывами проносился с оснеженных вершин на юге, туда на север, куда стремился и Зеленчук. Над моей головой звучала симфония леса, тронутого, как Эолова арфа, струями летящего воздуха.

book3.indd 220 09.03.2010 17:36:33

Запевали где-то в стороне… далеко сосны. Их шум постепенно приближался и ширился, словно в хор входили все новые голоса. Мои березы над головой подхватывали мелодию, вторили ей. Вот уже в такт ритмично заколебались и зашумели впереди стоящие лесные великаны, и все наполняя своими голосами, загремел горный лес, словно оратория Генделя, поющая «хвалебный гимн отцу миров».

Закроешь глаза и слушаешь эту удивительную симфонию, с которой не сравнится никакая человеческая музыка. Но симфония смолкает, нежно голоса уносятся куда-то в даль. Мгновенное затишье. И снова сзади доносится приближающийся напев сосен, снова он растет и ширится; и вот-вот грянет опять та же песнь, какую пели леса еще до создания человека, когда на их дрожащих струнах играли первозданные ветры.

Я не знаю, сколько часов пролежал в таком созерцании. «Пора вставать! Бричка готова». Почтенный Хубиев приглашает позавтракать жирным хычином с бараньим мясом, запить айраном. Поели, поблагодарили хозяев, хозяйку; сели в бричку и – опять в дорогу. Ночевали на богословской поляне, где дали лошадям хороший отдых. Не доезжая монастырского хутора, забрались на чужой луг в стороне от дороги; и здесь под надежным покровом зарослей из орешника и крушины накосили свежей травы, которой наполнили доверху нашу бричку.

Г.С. Медяник вытащил косу, очень ловко действовал ею; а я проворно сгребал кучи скошенной травы и накладывал в бричку. Этот воровской прием сошел нам с рук вполне благополучно. И мы к вечеру были дома.

Мой рассказ о Старом Жилище подействовал на старого лесничего и поторопил его с организацией поездки, обещанной им. Вере Михайловне очень хотелось побывать в верховьях Зеленчука, в урочище, получившем давно это странное название Старое Жилище.

Да, там, несомненно, когда-то жили люди, жили большим поселением, с высокой культурой. Это доказывают многочисленные храмы в ущелье Зеленчука, обширные кладбища, развалины построек, археологические находки. Генрих Оттонович, несколько десятков лет прослуживший в этих местах, рассказывал, какое множество этих находок (монет, ожерелий, колец, посуды, инструментов и вообще разных

book3.indd 221 09.03.2010 17:36:33

золотых и серебряных вещей) переходило из рук в руки и увозилось греками и армянами.

По-видимому, здесь по Большому Зеленчуку, как и по Теберде, проходила важная торговая дорога от Черноморского побережья через Главный хребет на плодородные равнины Северного Кавказа.

Генрих Оттонович долго собирался в путь; совещался со своими лесниками, что-то писал, о чем-то совещался. Наконец, около середины августа перед нашим домом явилась пароконная подвода в сопровождении маленького отряда верховых с запасными лошадьми. Это были подчиненные старого лесничего, лесные объездчики с ружьями.

Я предпочел ехать верхом; моему примеру последовала и Вера Михайловна, впоследствии менявшая седло на место в телеге. Генрих Оттонович, несмотря на свой почетный возраст, весь путь совершил верхом на лошади. Таким большим отрядом в девять человек мы двинулись в горы. В первый день мы доехали до усадьбы лесной охраны, в пятнадцати километрах от Зеленчукской, и там остались ночевать. Вторую ночь мы провели на последней поляне перед Старым Жилищем и лишь на третий день утром достигли аула Архыз. В течение следующих трех дней мы были в вечном движении, посещая ущелья Кызгыча, роскошные поляны Псыша и Софии, великолепную долину Архыза. Мы ночевали на скипидарном заводе Калганова, откуда верхами поднимались к Софийскому леднику. От ледника я сделал было с Верой Михайловной попытку перебраться через седловину, разделяющую долину Софии от ущелья Кызгыча.

По склонам, покрытым мхами и лишайниками, по лужайкам, полным брусники и черники, я упорно карабкался все выше и выше. Но, не достигши перевала, отказался от заманчивой перспективы заглянуть в обход гиганта Софии на Главный хребет над истоками Кызгыча: не хватило сил!

Но особенное впечатление произвела на меня долина Архыза. Мы проехали по ней около пятнадцати километров вместе с Генрихом Оттоновичем. Она показалась мне райским уголком в этот роскошный, солнечный день. Чередование сосновых рощ с луговыми полянами, полными цветов; темные дебри пихтовых лесов на правом берегу, снеговые вершины Главного Хребта над ними; грозная стена Абишира-Ахубы над полянами и соснами левого берега; чудесная, мягкая дорога в высокой траве у реки с прозрачной водой. Убегающая на запад

book3.indd 222 09.03.2010 17:36:34

горная даль, замыкающаяся невысоким перевалом на Загидан, такая зовущая, заманчивая. И над раздвинувшимися склонами долины необъятная ширь далеких небес. Все это неописуемо, незабываемо.

Я был опьянен этой роскошью горной природы Кавказа. Я слез с лошади, утомленный долгой ездой, и оставил ее в коше, где остановился Генрих Оттонович. Я пошел вдаль без цели, прошел через сосновую рощу, поднялся на гребень отрога, стеснявшего горизонт; увидел за ним новое препятствие для взора, новый отрог. Преодолел и его, и упал в высокую траву от утомления.

Мне хотелось сразу обнять, охватить всю эту несравненную красоту; унести с собой как можно больше впечатлений; достичь какого-то предела, каких-то высот…

«В путях томительной печали
стремится вечно род людской
в недосягаемые дали,
к какой-то цели роковой.
Но создает неутомимо
судьба преграды перед ним;
и все далек от пилигрима
его святой Иерусалим».

(Соллогуб).

Так и для отдельной личности…

Я возвратился к оставленной лошади, где меня поджидал лесничий. Уже солнце заходило; от деревьев ложились длинные тени. Красным пламенем горели на темно-синем небе острые гребни Абишира-Ахубы. Кругом царила глубокая тишина, торжественная и волнующая. Долина Архыза прощалась с уходящим днем. Надо было торопиться в аул, и мы крупной рысью пронеслись по долине. Это быстрое движение верхом на лошади в горных сумерках дало мне особенные ощущения какого-то интимного слияния с девственной природой Кавказа.

Через день мы возвращались домой. Я уносил с собой груз впечатлений, совершенно заполнивших мое сознание. Дома все оказалось в порядке. Николай Николаевич Петров в наше отсутствие продолжал работу отряда, не ослабляя ея умеренного темпа.

book3.indd 223 09.03.2010 17:36:34

Глава 6

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРАСНОДАР

Наша работа окончилась. Окончилась не потому, что прекратился приток глазных больных, как это было в 1921 году в ущельях Большого Карачая. Нет, до самого последнего дня равномерно шли пациенты; таким же темпом шла и оперативная работа. Напротив, можно было ожидать, что с прекращением полевых работ больные появятся в значительном количестве из более отдаленных селений. Ведь до конца нашей работы помощью пользовались жители трех больших станиц, Зеленчукской, да находящихся в девяти километрах от нее Кардоникской и Сторожевой.

Медленно распространялась молва о нашей деятельности. Власти преступно молчали о ней, ничего не сообщали населению. Постепенно самотеком узнавали о нас и более отдаленные поселения. Так же постепенно создавалась и крепла необходимая для успешной работы атмосфера доверия.

Мы уехали потому, что окончился срок командировки, и надо было возвращаться в Краснодар к обычной клинической, научной и преподавательской работе. Зеленчукский район с преобладающим русским населением уже выходит из горных теснин и к северу переходит постепенно в степной простор, где расположены большие станицы и селения, где гнездится трахома и где так необходима постоянная окулистическая помощь.

Город Баталпашинск является естественным географическим и административным центром этой плоскогорно-степной области. И здесь надлежит быть хорошо устроенной глазной лечебнице для нужд всего края, всей Карачаево-Черкесской Автономной области.

Мы могли спокойно покинуть станицу Зеленчукскую и прервать работу, которая никогда не будет законченной. Мы увозили с собой в Баталпашинск молодого окулиста, доктора Николая Николаевича Петрова, которому предстояло продолжить там дело глазной помощи, нами начатое. Отпущенный Наркомздравом РСФСР глазной инструментарий и набор

book3.indd 224 09.03.2010 17:36:34

стекол переданы ему для организации глазной лечебницы; заложен первый самый главный камень для этого важного дела. А нам пора домой!

Прощание наше с семьей старого лесничего было трогательное. Жаль было расставаться с этими прекрасными людьми. Еще за неделю до отъезда Генрих Оттонович, желая дать мне что-либо на память, вытащил откуда-то огромные рога тура, убитого некогда в районе Старого Жилища. Эти рога занимали много места в моей комнатке и страшно стесняли меня. Мысль, что мне придется везти их в Краснодар, приводила меня в ужас. Поэтому в день отъезда я спрятал их за кровать и успокоился: отделался от неудобного, непортативного, хотя и душевного подарка!

Приехали две подводы, одна для нас с Верой Михайловной, другая для семьи Петровых. Мы уложились, попрощались, перецеловались и уселись. Подводчики уже тронули лошадей, как вдруг раздался крик Генриха Оттоновича:

«Стойте! Вы забыли рога!» – бедный старик с трудом тащил череп тура с огромными рогами.

Делать нечего! Кое-как сунули рога под переднее сиденье. Кучер уселся на череп между рогами, которые торчали в стороны к хвостам лошадей, почти касаясь их.

Без всяких инцидентов проехали опасный участок до станицы Красногорской и там заночевали в отведенной нам квартире состоятельного казака. На другое утро председатель Сельсовета отказался выпустить нас в дальнейший путь без конвоя: «На Учкульке шалят! Могут вас ограбить или подстрелить».

Напрасно мы доказывали, что с конвоем будет опаснее. Подумают, что мы – важные люди, везем что-то ценное, и перестреляют нас из засады. Станичные власти, очевидно, имели какие-то инструкции относительно нашего транспорта. И нам пришлось покориться.

«Конвой» действительно сильно стеснил нас. Он состоял из двух пар дюжих парней с винтовками старого образца, усевшихся на наши телеги. Они спустили наружу ноги, положили в телегу свои ружья и лениво посматривали по сторонам, напевая что-то от скуки себе в усы. На Учкульке они крепче держались за свое оружие и этим производили на нас впечатления трусоватых парней. Мирный Николай Николаевич очень волновался, опасаясь за свою семью. Но все обо-

book3.indd 225 09.03.2010 17:36:34

шлось благополучно. И поздно вечером мы приехали в Баталпашинск, сильно разбитые тряской ездой в жаркий, солнечный день. Снимая свои вещи с подводы, я благоразумно запрятал рога. В передней за огромным сундуком незаметно для хозяев. Пусть останутся они на память доктору Петрову!

Целый день мы провели в Пашинке, отдыхая, я сделал доклад о проделанной работе, побеседовал с Магометом Кочкаровым об организации постоянного глазного пункта в области и рано лег спать.

Утром мы Верой Михайловной садились в телегу, которая должна была отвезти нас на железнодорожную станцию. Провожая нас, Николай Николаевич заметил высунувшийся из-за сундука рог и всполошился.

«Станислав Владимирович! Вы забыли рога! Надо уложить их на подводу!» – Я попытался робко предложить их Николаю Николаевичу на память о Зеленчуке.

«Что вы, что вы! Это вам подарок от Светыша, вы должны обязательно взять их с собой!». Мне стало стыдно от такого неуважения к памяти доброго Генриха Оттоновича. Делать нечего: опять рога были извлечены на свет божий и двинулись дальше.

В Невинку мы приехали неожиданно крайне удачно, к самому приходу пассажирского поезда. На ходу поймали носильщика, опрометью бросились к кассе за билетами и перед вторым звонком выскочили на платформу. Когда я подбегал к вагону с чемоданом, кто-то кричал мне вслед. Это был наш подводчик с рогами! На этот раз я совершенно забыл о них, выскакивая из телеги; и честный подводчик вытащил их из сена и поспешил вручить их мне.

Держа в одной руке чемодан, а в другой турьи рога, я тщетно пытался войти в поезд, готовый ежесекундно тронуться. Наполнявшая переднюю площадку публика хотела было протестовать против вторжения в вагон такого непортативного груза. Но любопытство пересилило недовольство; все с изумлением смотрели на меня, на мой странный багаж; расспрашивали меня, как я убил этого зверя, и даже помогли поудобнее уложить этот непокорный предмет.

Когда я отдышался и успокоился после такой стремительной посадки, выяснилось, что мы с Верой Михайловной влезли в прямой вагон Минеральные Воды – Новороссийск и что неприятная перспекти-

book3.indd 226 09.03.2010 17:36:34

ва пересадки в Кавказской миновала нас. Рога могут лежать спокойно до самого Краснодара…

Прошло много лет после первой моей поездки в станицу Зеленчукскую, после мирного жития в семье старого лесничего. А турьи рога до сих пор занимают свое почетное место на стене моего кабинета в Кубанской глазной клинике, между портретами Гельмгольца и Дондерса.

И я краснею, вспоминая, как я хотел отделаться от этого скромного дара славной семьи.

Глава 7

Эпилог

Поздняя осень 1923 года. Ярко освещенный зал Дома санитарного просвещения. Торжественное заседание Физико-Медицинского общества, посвященное приехавшим к нам представителям Курортного Управления.

Я в роли докладчика на тему: «Старое Жилище и верховья Большого Зеленчука»; стою у кафедры, волнуюсь от присутствия многочисленного общества, глядящего на меня; вспоминаю недавнее прошлое в горах Кавказа и говорю, сначала робко, потом смелее:

1

«Ровно неделю тому назад я докладывал в Кубанском Физико-Медицинском обществе о своей трехлетней работы в Карачае, в долинах и ущельях верхней Кубани и ее первых притоков. В этом докладе я выступил в роли врача-офтальмолога; и мои наблюдения, выводы из них носили офтальмологический характер. Теперь я в иной роли, в роли любителя и наблюдателя природы горного района, заключенного между Эльбрусским поднятием на востоке и верховьями Большой Лабы на западе.

Этот район, издавна занятый мирным горским народом, карачаевцами их многолюдными аулами и их кочевками (кошами), и представляет собой Карачай. Гоняясь за глазными болезнями среди на-

book3.indd 227 09.03.2010 17:36:34

селения этой обширной страны, я со своими спутницами, врачами и студентками, пережил все очарование непосредственного общения с величественной горной природой Кавказа и ее гостеприимными обитателями. И мне опять хочется поделиться результатами иных наблюдений, иных переживаний.

Я далек от мысли познакомить вас с природой этих гор в обстоятельном очерке. А также не берусь заразить вас своим настроением, – нашим настроением, испытанным нами в эти памятные месяцы. Моя задача гораздо скромнее.

Мы живем в Кубано-Черноморском крае. Горный район Карачая, где родилась Кубань и ее первые притоки, составляет в географическом отношении непосредственное продолжение нашей области. И мы, живя здесь, должны знать, какие природные богатства хранит в себе этот край, наш ближайший сосед. Мы, врачи, должны знать, какие курортные сокровища таятся в его недрах. Вот с этой стороны примите мой рассказ. Я, правда, не курортовед. Я не профессиональный географ. Я простой очевидец, «природы праздный соглядатай» и друг ея с детских лет. Надеюсь, что мое описание виденного будет правдиво.

2

Все мы много слышали о Старом Жилище, а иные из вас, быть может, бывали там. И я слышал и читал кое-что об этом живописном уголке Кавказа, о его красотах и курортных возможностях. Меня давно тянуло в эти места. Но судьба заставила меня пройти длинный путь, пересечь ряд горных хребтов, пройти ряд перевалов, углубиться в долины и ущелья рек прежде, чем в настоящем году мне удалось увидеть Старое Жилище.

Я хотел бы, чтобы и вы не сразу попали в Старое Жилище, но в мечтах и фантазиях прошли бы со мной этот путь. Поверьте мне! Тогда только вы поймете всю суть Старого Жилища, все особенности этого горного уголка.

Я не вхожу в географические подробности Карачая, но несколько слов из орографии Северного Кавказа необходимы: Эльбрус, Минги-тау карачаевцев, высочайшая вершина Кавказа и Европы, – вот узел нашей горной страны. Издалека в степях, в таинственном

book3.indd 228 09.03.2010 17:36:34

тумане отдаленья, видна его белоснежная вершина. И вокруг этой вершины издавна сплетаются легенды туземцев Кавказа со сказаниями пришельцев из других стран. От Эльбруса, отошедшего на пятнадцать верст к северу от главного хребта Кавказа, еще дальше на север отходит мощное поднятие, которое можно проследить через Ставрополь до самого Маныча. Ставрополь расположен на хребте его, на высоте почти 650 метров над уровнем моря. Это – водораздел между Каспийским и Черным морями, между системами Терека и Кумы с одной стороны и Кубани – с другой. Наши группы Кавказских Минеральных Вод находятся на восточной покатости этого могучего поднятия. Кубань и ее притоки прижимаются к крутым обрывам западного его склона.

Мы явились в Карачай впервые в 1921 году, идя туда необычной дорогой. В горные гнезда карачаевцев мы не поднялись, следуя по долине и ущелью Кубани, как большинство путников. Мы спустились к ним с еще более высоких мест, с заоблачных стран. И я особенно рекомендовал бы курортоведам этот путь, чтобы понять и оценить все неотразимое влияние горных степей Карачая.

Мы знаем, какое влияние оказывает на больной организм девственная степь, цветущая, ковыльная, кумысная. Степи уфимские, оренбургские, предалтайские. Теперь представьте себе эту степь, приподнятую гигантской рукой на высоту полтора, два километра; степь, сжигаемую южным солнцем, но неопалимую от ночной прохлады, от обильной росы; степь под необъятным куполом южных небес, с горным воздухом, распирающим грудь; степь, приосененную гигантской вершиной седовласого Эльбруса, такого могучего и великого, в сонме серебряных хребтов, уходящих от него к востоку и западу и замыкающих весь южный горизонт; степь, питающую бесчисленные стада карачаевцев; степь с карачаевскими барашками, вкусным сыром и несравненным айраном!

Таковы зеленые пустыни за Бермамытом, плато Бечесына и его отрогов. Туда привела нас дорога из Кисловодска в Учкулан.

Где же горная страна, ущелья и пропасти, бешеные потоки и отвесные скалы, – весь шаблонный ансамбль, трафаретный пейзаж горной природы? Один только Эльбрус ушел к небесам; остальные горы кажутся такими невысокими! Кругом беспредельный простор… В ту-

book3.indd 229 09.03.2010 17:36:34

манную даль уходит колея аробной дороги, годной и для рессорного экипажа. Везде мягкая трава, и в неглубоких оврагах нежно журчат ручейки ключевой воды. По зеленым буграм медленно плывут пятнатени кучевых облаков; и пестрыми подвижными пятнами выделяются бесчисленные стада. Повсюду дымки кошей. Со всех сторон доносится лай собак, блеяние овец, мычание коров, ржание лошадей; кричат ишаки. А на склоне плато звенит коса; и стогами душистого сена покрываются склоны зеленых волн горной степи. Могучее дыхание мирного труда небольшого народа, сильного своею крепкою связью с родной природой, невидимыми волнами разливается над степью. Это – горные степи Карачая.

Но пойдем через эту степь к снеговым вершинам. Надо же спускаться к аулам, где нас ждут больные глаза. И вот у края этого степного плоскогорья перед нами развернется весь горный мир. Не вверху, на высоте над нами, а там, далеко внизу, где глубокие пропасти и ущелья рассекли землю и превратили ее в хаос хребтов, остроконечных скал; где шумят бешеные потоки в пене каскадов и дремучие леса надели склоны и ушли на дно долин. Невольно останавливаешься, прежде чем спуститься в этот новый мир и отдаться в его власть; в последний раз взором степняка, жителя беспредельных равнин, озираешь даль и начинаешь разбираться в кажущемся хаосе потрясенной земли.

Вот на юго-западе видны вершины главного хребта и уходящие от них на север отроги. Между ними глубоко залегли ущелья Кубани и Теберды. Целые ряды хребтов следуют одни за другими, чертя нежными линиями западный горизонт, – синими и фиолетовыми линиями – пурпуровую даль заката. Ближайшие хребты – такие ясные и отчетливые, словно рукой достать до играющих на солнце пестро-цветных скал и деревьев на их склонах; более далекие в лилово-голубой дымке. Но напряженным взором открываешь за ними все новые и новые ряды, там, где Хасаут, Марух, Большой Зеленчук проложил себе узкие пути в каменистых теснинах, но и за ними «утомляя робкий взгляд, несется горная даль».

Таковы горные степи Карачая, мы покидаем их и спускаемся по вьючной тропе. Нас тотчас обнимает настоящая горная страна, как ее обычно представляют. Быстро бегущие вниз склоны уносят нас

book3.indd 230 09.03.2010 17:36:34

все дальше и дальше книзу; бурные потоки стремительно и шумно провожают нас. И мы уже на дне; стесненные, сжатые горными громадами. Мы проходим через девственные леса, пересекаем по пути горные ручьи, перебираемся через каменные россыпи и достигаем, наконец, долин Кубани или Теберды, составляющих цель наших стремлений. И здесь в этих теснинах, глядя вверх на каменные кружева горных вершин, на клубящиеся вокруг них и уносящиеся ввысь облака, на узкую полосу синего неба, мы невольно возвращаемся мыслью туда, наверх, откуда пришли мы, куда стремятся эти скалы, словно сотканные из воздуха; куда улетают, как дым кадильный, облака. И где такой необъятный простор и небес и земли! Там, там горные степи Карачая.

Ведь мы, особенно врачи, должны считаться с извечным стремлением человека ввысь, словно слышит он в небесах могучий зов: «Excelsior!» и на горных высотах не только легче дышится усталой или больной грудью, но и перестраивается душа на иной гармонический лад, особенно душа расстроенная. Но как мы представляем себе горные курорты; что такое, например, Кисловодск или Теберда? Да, они расположены высоко, они в горах. Однако они на дне, на самом дне глубоких ущелий или долин. И не простой избыток физических сил, мышечной энергии заставляет больных и здоровых стремиться вверх, карабкаться по склонам, чтобы с невероятными трудностями, непосильными для слабых, выбраться со дна долины, из замыкающих кругозоров стен, на вольный простор горных вершин. «Горы давят», – так говорят жители нашей необъятной равнины. Да, они давят, но потому, что мы мыслим жизнь в горах, как жизнь на дне, и лишаем себя чудесного наслаждения подняться к небесам на гребне каменной волны и окунуться в жизнь высокогорных плато.

Быстро спешит путник в Теберду или в Старое Жилище, лошади мчат его по долине Кубани или Большого Зеленчука. Равнодушно смотрит он на однообразные склоны, провожающие его справа и слева. И только скалистые обрывы Учкульки или Мышиной тропы заставляют его стряхнуть дремоту. Ибо душно и жарко в летний солнечный день на дне долин. И опять лениво скользит его взор по все выше и выше поднимающимся обрывам мощных плоскогорий, через которые проложили себе путь эти горные реки, пока, наконец, не привлекут

book3.indd 231 09.03.2010 17:36:34

его внимания надетые густым лесом горные склоны за Осетиновкой или у Зеленчукского монастыря. Так и доедет он до курорта, следуя по дну речной долины, окруженной горами, словно конвоируемый ими. И горы сомкнутся вокруг него еще более высокие и грозные, где он думает отдохнуть.

Нет! Если вы действительно хотите отдохнуть душой и телом, не давайте сомкнуться вокруг вас этим каменным объятьям, а сами обнимите их творческим порывом духа, не знающего пределов границ. Непонятна и тускла жизнь и природа без панорамного пункта. Чтобы охватить исторический процесс и постичь его, вы должны подняться на высоты духа, откуда просветленному взору открывается вся даль времен. Без таких, хотя бы минутных подъемов, вся ваша жизнь становится однообразной и непостижимой игрой событий, словно эти монотонные склоны гор на дне речной долины. Горный мир также открывает все свои чудеса тому, кто побывал на его вершинах. С вершины Гернерграта в Швеции я видел мелких мурашек, ползущих кверху по снежным полям. Это – толпы туристов, стремящихся на вершины Монте-Роза, Брейтгорна, Маттергорна. Десятки тысяч их ежегодно в Альпах совершают свои восхождения, и сотни падают жертвой этого стремления ввысь. Бесчисленные поезда привозят публику на вершины Риги, Пилатуса, Юнефрау, Гернерграта и других гор, других пунктов. Но там, в Альпах, эти панорамные пункты почти сплошь остроконечные вершины скал. И там даже здоровый духом человек, здоровый телом, невольно содрогается, окруженный безднами, протягивающими ему отовсюду свои холодные руки. И ему непривычно, жутко: «не от того ль, что одиноко он заглянул в лицо небес?»

Наш Кавказ в пределах Карачая лучше, по милости Эльбруса. Сам уносясь в недостижимую высь, седовласый Шат приподнял вокруг себя земную кору на огромную высоту и создал эти очаровательные горные степи Карачая у своего северного подножия. Посетители Кисловодского курорта хорошо знают, какая чудесная панорама развертывается с обрывов Бермамыта. И кому посчастливилось наблюдать здесь картину восхода солнца и Эльбруса, приветствующего зарю нового дня, тот не забудет этой картины на всю свою жизнь. Но весьма немногие, что такие же панорамы, и еще более величественные, раскрываются к востоку и западу, особенно к югу от Бермамыта,

book3.indd 232 09.03.2010 17:36:34

где могучими волнами прокатилось от подошвы Эльбруса и застыло, окаменев, его поднятие, несущее на себе степной покров с ковром альпийской флоры. Пастух-карачаевец, опершись на палку, молчаливо созерцает это величие природы. Фигура всадника мелькнула на зеленом бугре; он зорко всматривается в даль и через минуту как вихрь улетел навстречу зовущему простору. Глубока должна быть душа народа, питающегося такими впечатлениями в повседневном быту своей трудовой жизни.

От главного поднятия Эльбруса волнами разбежались к востоку, и особенно к западу, мощные гряды степных плоскогорий. Их прорезает Кубань, оба Зеленчука, Уруп. И до самой Лабы добегают эти волны взбудораженной земли. Постепенно спускаясь к северу, где они переходят в великую равнину и сливаются с ней, эти волны к югу обрываются отвесно, образуя цепь вершин: Бермамыт, Кум-баши*, Хумара, Джангура, Шисса, Бельше, Баранаха. Незаметные с севера, с юга они кажутся «у врат Кавказа на часах сторожевыми». Словно в нашей степи еще живы былинные богатыри и зорко, немигающим взглядом всматриваются они во мрак лесных ущелий перед ними, в грозные, одетые в ледяные панцири вершины «погибельного Кавказа». И что-то сторожат, о чем-то думают. У подножья самых западных из них приютились последние русские станицы, последняя волна великого русского моря, докатившаяся до Кавказа: станицы Кардоникская, Зеленчукская, Сторожевая, Преградная.

3

Теперь вы поймете, почему, работая в станице Зеленчукской, откуда прямая дорога по ущелью Большого Зеленчука ведет в Старое Жилище, я стремился, прежде всего, подняться из станицы на вершину Шиссы, на темя одного из этих степных великанов. И здесь душою, привыкшей к простору и широте горизонта, лежа в высокой траве, обвеянный ароматом степных цветов под тихий шелест волнующегося ковыля, я, пришелец из великой равнины, внимал чудесным легендам, которые рассказывал мне гостеприимный Кавказ, глядевшей мне в лицо своими развернутыми ущельями и горными цепями. Эти ущелья вели в Старое Жилище; эти горные цепи окружали его и охраняли его покой.

* Кум-баши – правильно: Гум Башы.

book3.indd 233 09.03.2010 17:36:35

Через несколько дней я отправился в сердце гор, в Старое Жилище. В моем воображении рисовалась карта, которую раскрыла перед моими глазами вершина Шиссы и без которой трудно понять климатические особенности горного мира в верховьях Большого Зеленчука. Вот она, эта карта.

В двадцати пяти километрах к Северу от Главного хребта Кавказа, параллельного с ним, тянется на протяжении почти сорока километров мощная цепь Абишира-Ахуба, по своей высоте (одиннадцать тысяч футов над уровнем моря) лишь немного уступающая водораздельному гребню Кавказа и потому совершенно закрывающая с севера вид на Главный хребет. С возвышенностей, окружающих станицу Сторожевую, эта цепь раскрывается во всем своем величии до основания. Таким образом, между Главным хребтом Абишира-Ахубы образуется замкнутый горный угол, надежно защищенный от суровых влияний севера. Юго-западные ветры, несущие средиземноморскую влагу, задерживаются высокой стеной Кавказа и обильными дождями осаждают ее на Черноморском побережье от Сочи до Батуми. С другой стороны, Абишира-Ахуба принимает на свои северные склоны дожди, приносимые воздушными течениями с северо-востока и северо-запада. И этой влагой питаются стекающие с этих склонов Кяфар и Уруп. Весной и летом, в то время как в котловинах Сторожевой, Зеленчукской и Кардоника и всюду в предгорной полосе льют обильные дожди и влажные ветры протекают в долину Теберды, расположенную меридионально и широко открытую с севера, – в Старом Жилище ясно и солнечно; лишь изредка дождливая погода туманит солнечные дни. Отходящие от Главного Хребта к северу высокие гребни ограждают могучими стенами наш район с запада и востока; отделяют его от верховьев Лабы (на западе) и от ущелья Маруха (на востоке). Проникнуть в этот край можно только с севера, через теснину Большого Зеленчука, прорвавшего на севере кольцо гор. Два раза в своем узком ущелье река меняет круто свое направление, ломаясь под прямым углом; и тем еще надежнее замыкается с севера речной прорыв.

Большой Зеленчук образуется в этом горном уголке из слияния Кызгыча, Софии, Псыша и Архыза! В вечных снегах и небольших ледниках рождаются эти потоки и несутся шумно и весело вниз, спеша

book3.indd 234 09.03.2010 17:36:35

друг другу навстречу через зеленые цветущие поляны, сквозь вечный сумрак пихтовых и сосновых лесов. Первыми сливаются София и Псыш; но скоро присоединяется к ним прозрачный Архыз; затем и Кызгыч сливает с ними и свои воды. И здесь, в урочище Старое Жилище, Большой Зеленчук принимает в свои объятия все эти горные реки и могучей струей бешено бьет в каменную грудь Абиширa-Ахуба, вырываясь на север.

Из этих рек только Кызгыч имеет, подобно Теберде, Хасауту, Марухе, меридиональное направление. И потому долина его, такая же тесная, с такими же высокими хребтами, нависающими над ней с востока и запада, имеет недостаточную инсоляцию, отличающую вообще все поперечные долины Кавказа с направлением «юг-север». Но полноводный Псыш течет с юго-запада на северо-восток. А кристально-чистый Архыз занимает продольную долину. Параллельно Главному Хребту с протяжением с запада на восток, что создает исключительно благоприятные условия для освещения солнцем склонов долины.

Вот что показывает карта Кавказа, живая карта развертывающихся панорамных пунктов Карачая. С ней мы и отправились в Старое Жилище.

4

Дорога из станицы Зеленчукской уходит на юг по долине реки Большого Зеленчука. Это – исторический пункт, дорога народов, с незапамятных времен двигавшихся с побережья Понта на равнины нынешней Южной России и обратно. Эта дорога – сплошной археологический музей, где руины времени, разорванные горными потоками каменные хребты, скалы, застывшие в своем падении, чудесно сплетаются с руинами человеческими, развалинами храмов, целых городов, остатками некрополей и тому подобное. Каменный уголь, выброшенный горным ручьем из недр каменного склона; и рядом череп, скелет древнего обитателя этой долины, вымытый разбушевавшимся потоком. И дыхание вечности, бесконечного потока времени, веет над этой дорогой, зовущей и ведущей к вечным снегам.

На полпути Зеленчукский монастырь, основанный на месте нахождения старинных византийских храмов одиннадцатого века. За монастырем долина превращается в ущелье более тесное, чем

book3.indd 235 09.03.2010 17:36:35

Тебердинское по дороге к курорту Теберды. В дремучем лесу проложен путь; широкие поляны с высокой сочной травой разнообразят его. Да и сам лес полон очарования, особенно могучий буковый лес за монастырем на протяжении восьми километров. Таинственный сумрак царствует под сплетающимися в сплошной зеленый свод величественными кронами среди белеющих колонн мощных столбов. И еле доносится снизу, со дна пропасти, шум Зеленчука.

Далее ущелье сужается еще больше. Среди лиственных деревьев начинают попадаться сосны и пихты, постепенно вытесняющие все остальные породы. Дорога местами лепится по карнизу над бурной и грохочущей рекой. Громкое речное эхо разносится по ущелью. А за рекой видны покрытые сплошным лесом крутые склоны Пастуховой горы. Здесь-то река и прорезывает хребет Абишира-Ахубы, защищающей с севера подступы к Старому Жилищу. Шумно и весело в этом ущелье от грохота бушующей реки, от несущегося по ущелью свежего ветра, треплющего кроны лиственных деревьев и глухо шумящего в вершинах сосен и пихт. Временами на изгибах Зеленчука промелькнут в просветах среди лесных великанов волнующие очертания снеговых вершин. Но снова лес смыкается еще плотнее; и крепко обнимает путника лесное море.

На пятьдесят шестом километре от станицы ущелье оканчивается. Как-то сразу и неожиданно среди густого леса горы расступаются, и куда-то влево уходит река. Раскрывается обширная площадь до четырех километров в длину (с востока на запад). И полтора-два километров в ширину (с юга на север), ровная, как стол, и сплошь заросшая строевым сосновым лесом с примесью березы. Это и есть Старое Жилище в тесном смысле слова. Главное протяжение ее с запада на восток; таково здесь течение Зеленчука, несущегося в каменном ложе по южной окраине этой обширной лесной площади. Вы – среди густого леса с ароматом высоких и стройных сосен, – леса, напоминающего Среднюю Россию, но под куполом синих южных небес. Торжественно в лесу. Не слышно шума реки; и лишь шум идет по вершинам сосен, когда в них играет ветер. Нет подлеска, кустарника. Мягкая трава покрывает усыпанную хвоей землю; и в этой траве столько пахучей земляники!

Небольшие горные ручейки спешат через лес; а журчание их так

book3.indd 236 09.03.2010 17:36:35

гармонирует с лесными шумами. Вас обнимает атмосфера сосновых лесов севера. Но вы на огромной высоте в полтора километра над уровнем моря; и это сразу чувствуется.

Порой дорога пересекает поляны. С этих полян открываются лесные дали и развертывается панорама гор. Вершины Главного хребта на юге скрыты его отрогами с лежащими на них пятнами снега. А на севере величественной стеной уходит к небу высокий хребет, кажущийся отсюда таким близким. Сосновый лес теснится у его подножия и решительно взбирается по его крутым склонам все выше и выше; сначала сплошной массой, далее – отдельными рощами, достигающими половины высоты хребта. Выше лесной границы зеленеют горные луга; и мы отчетливо различаем пасущийся на них скот. Но выше уходит стена гор; остаются внизу и зеленые пастбища. Из-под травянистого покрова выступают обнаженные скалы; и синеву бездонных небес бесстрашно режут нежно-розовые каменные гребни. Это Абишира-Ахуба, хранитель Старого Жилища.

Мы у старой лесной караулки на небольшой лесной поляне у ручья. Безлюдье окончилось. Нас обступила группа карачаевцев; здесь административный центр нового аула Архыза. Поодаль, среди леса в просветах между деревьями виднеются новые постройки; дворы, обнесенные изгородью из жердей и целых стволов; бродят лошади. Вьется дым из очаговых труб. Карачай давно занял покинутое людьми Старое Жилище; и ожили лесные дебри в верховьях Зеленчука от присутствия человеческого труда.

Зовут и манят к себе снеговые вершины. Мы покидаем лесную площадь Старого Жилища. И направляемся вдоль берега бурной реки вглубь гор. Веером рассыпается Зеленчук на систему образующих его горных рек. Тотчас за Старым Жилищем раскрываются эти ущелья, направляющиеся в разные стороны от материнского русла. Расступаются и горы, и открывают бесконечные горные дали. Куда идти? Какой долине, какому потоку отдать предпочтение? Все они так похожи друг на друга, так полны своеобразной красоты, особенного очарования, отличающего именно определенную долину. И в то же время всех их связывает множество родственных черт, созданных общностью орографических и климатических условий. Главный хребет Кавказа на юге и Абишира-Ахубы на севере крепко заключили их в

book3.indd 237 09.03.2010 17:36:35

свои объятия, эти мирные долины. И они живут своей жизнью под ясным небом, не зная бурь, озаренные южным солнцем.

Главный хребет, проходящий здесь на высоте двенадцать тысяч футов над уровнем моря с труднодоступными перевалами на высоте девять тысяч футов, не достигает таких высот, как в верховьях Теберды и Кубани. Он гораздо ниже водораздельного гребня Кавказа между Эльбрусом и Казбеком. Поэтому вы не найдете здесь устрашающих и подавляющих воображение таких «гранитных исполинов Кавказа», как например: Коштан-Тау, Дых-Тау, Шхара за Нальчиком. Не найдете здесь такой обширной поверхности оледенения с огромными глетчерами и фирновыми полянами, как в районе Безинги, Караугома и Цея, откуда веет леденящим холодом и пронизывающими туманами. Лед, камень и туманы вверху: угрюмые, мрачные ущелья с каменными россыпями на склонах внизу; а на дне с громким воем роются вырвавшиеся из-под ледников потоки. Таков «холодный Кавказ». Но в Старом Жилище вы его не встретите.

Правда, для любителей сильных ощущений, для любителя смелых восхождений, найдутся здесь грозные вершины, как, например: София, Псыш. Есть остроконечные пики, фирновые поля и глетчеры. Но они отступают на задний план, оттесненные смеющейся природой Кавказа и не смеют заглядывать вам отовсюду в лицо, как привидение, и пугать ледяными призраками, подобно Маттергорну в окрестностях Цермата.

Здесь нет, собственно говоря, и ущелий. Здесь долины. Так много в них воздушного простора и солнечного света. Один Кызгыч течет с юга на север, окруженный и стесненный высокими стенами. Другие реки весело несутся в широких долинах, развернувшихся удобно и вольно. И горные цепи, отодвинутые ими на почтительное расстояние, шлют им свои лесные отроги, цветущие луговые поляны, и мягко обрамляют, но не сжимают их.

Чудесные поляны в верховьях Зеленчука – это особенный дар, ниспосланный природой району Старого Жилища. Вы знаете о роскошных альпийских лугах горных стран там, на высотах, где оканчиваются горные леса, одевающие склоны и где растительный мир развертывается пышным травянистым покровом среди безжизненных скал, в преддверии вечных снегов. На Кавказе они такие очаровательные, эти «Matten» Швейцарии и Тироля; и также питают многочисленные стада.

book3.indd 238 09.03.2010 17:36:35

Они на огромной высоте. Туда трудно добраться. Кругом – обнаженные скалы. Груды, обломки скал выступают из ковра незабудок и генциан. Леса внизу под ногами; небеса вверху; – и вокруг вечный покой, нарушаемый свистом ветра среди скал и клубящимися по земле туманами. Да порой налетит грозовая туча и наполнит собою все окрестности. Пронесется, и опять все спокойно.

Не такие поляны Старого Жилища. Они на дне и на склонах долин и потому вполне доступны и для слабосильного путника. Они постоянно раздвигают лесные чащи и разгоняют сумрак сосновых и пихтовых лесов. То маленькие в два-три гектара, то обширные, могущие приютить целый город. Эти поляны разбивают лесные своды и низводят на землю голубой свод небес вместе с потоками солнечного света. Почва на полянах мягкая, лишенная камней, поверхность их ровная, напоминающая местами дно озера. И в высокой мягкой траве пестреют всевозможные цветы: то синие и голубые, словно капли неба, упавшие на изумрудный ковер; то оранжевые, желтые, пурпурные, словно брызги закатного пламени; то ярко-белые, словно хлопья снега с окрестных вершин. И среди этих цветов реют и снуют, между ними и над ними, цветы-бабочки, всяких красок и оттенков. Такие луговые поляны в верховьях Зеленчука.

Смело ступает косарь в высокой по грудь ароматной траве: здесь нет камня. Ровными рядами ложится трава под взмахами косы. Далеко растянулась цепь косарей. Сосновый бор обступил поляну вольным, широким кругом. Отдельные сосны, то в одиночку, то группами покидают лес и вступают в круг. И здесь на просторе могуч их рост. На опушке леса приютилось несколько домиков – хутор карачаевца-скотовода. Здесь вы найдете радушный, гостеприимный очаг и встречу. Но вы медлите войти под приветливый кров: вы очарованы панорамой гор, близких и далеких, окружающих поляну и обступившие ее леса. На севере нежно розовеют скалы Абишира-Ахуба; и к вашим ногам плавно сбегают волнами ее отроги, несущие сосновые леса. А на юге за рекой, у которой оканчивается поляна, черною массой вздымается пихтовый лес и уходит все выше и выше по широкому склону гор, отрогов Главного Хребта. Словно темно-зеленая ширма защищает ваш взор от пламенных лучей юга. Белоснежные вершины выглядывают в прорезах ближайших гор; и необъятен раскинувшийся над

book3.indd 239 09.03.2010 17:36:35

горами небесный свод. Широкий шум пронесся над вашими головами и заставил оглянуться вокруг: то зашумели сосны на лесной опушке. И вы, наклонив голову и согнувшись, вступаете через низкую дверь, в тихий сумрак хижины, куда вас давно приглашают хозяева и где вас ожидает жареная баранина, горячий чай и айран. Такова поляна в долине реки Архыз.

Я не берусь описывать в отдельности все долины верховьев Большого Зеленчука. Для этого у меня не хватит ни места, ни времени, ни слов:

«Как чудесный мир, раскинутый перед нами –
Этот дивный мир исполненных красот,
Жизненно набросить метками, штрихами
И вместить в размеры этих тесных строк?..»

Но этот мир так доступен для путника!

Прекрасные тропинки, даже аробные дороги проходят по всем долинам, особенно по Архызу. От скипидарного завода Калганова мягкая тропа, широкая и удобная для верховой езды и для пешеходной прогулки ведет через пихтовые леса, среди зарослей малины и смородины на Софийские поляны. Ведет среди насаждений черемухи и горного клена все выше и выше туда, где уже оканчиваются леса; где среди низкорослой ивы, приземистой березы, под кустами рододендрона земля усеяна брусникой и черникой, и где над головой висит огромный Софийский глетчер, спускающийся с массива Софии, занимающий весь южный небосвод. Не нужно никакого специального снаряжения, никакой особенной одежды или обуви, чтобы окунуться в архитектурный мир по соседству с ледниками, с ледниковыми водопадами и подышать воздухом вечно-снежных горных вершин.

Но особенно привлекательна самая доступная из долин, долина реки Архыза. Она вся под солнцем, улыбающаяся, смеющаяся. Первые лучи восходящего солнца освещают ее, когда еще сумрачно в ущелье Кызгыча. И последнею из всех долин Старого Жилища потухает она на закате. Она тесно прижалась к южному, солнечному склону Абишира-Ахуба; и эта цепь, верно, сопровождает ее на всем ее двадцатипятиверстовом протяжении, надевает ее, особенно этот склон,

book3.indd 240 09.03.2010 17:36:35

сосновым лесом, раздвигающимся только для того, чтобы дать простор изумрудным полянам. Архыз течет на дне долины с изумительно прозрачной водой. Здесь все тихо, мирно; кругом широкий простор. Словно с подножья Эльбруса спустились сюда горные степи Карачая и легли этими полянами на дне долины, на ее склонах. И принесли оттуда прозрачные дали и мирно журчащие ручейки, и коши с запахом дыма и навоза, и бродящие около них стада.

Своей самобытной жизнью живут мирные долины в верховьях Большого Зеленчука. И высокие горы да еще более высокие небеса охраняют их покой.

5

Я кончил. Я не задаюсь целью расхваливать красоты Старого Жилища или превозносить с курортологической точки зрения его климатическое значение.

Я далек от этого и не поймите меня так. Ведь я начал с вами издалека и прошел с вами длинный путь, надолго задержавшись на степных плоскогорьях Эльбрусского поднятия. «Природа, как всегда, полна очарования», будет ли это природа южнорусских степей, лесов моей родины Белоруссии; холмистых возвышенностей Средней России или горных стран Урала и Кавказа. Везде дает она отдохновение и исцеление утомленному и больному человеку.

Но мне хотелось бы взглянуть на природу с точки зрения обитателя нашей великой равнины и проникнуться настроением больного и утомленного человека, которому нужны горы, высоты, все целебное величие горного климата. Но его теснят и давят эти горы, его, уже придавленного. Ему хочется горного простора. И он завистливым оком взирает на своих более счастливых товарищей, постоянно совершающих экскурсии на горные высоты и приносящих ему сверху вести о чудесах горного мира.

В верховьях Большого Зеленчука горы предстают человеку не в грозных обликах, устрашающих и давящих, ибо «там ужас обитает, и нет людского там следа». Нет! Здесь они спускаются к нему в мягких и ласкающих образах, надетые в пышные зеленые плащи из хвойных лесов, ароматные от запаха сосен. У подножия их разостлали свои ковры чудесные поляны, где в цветах собраны все краски неба и земли. Здесь

book3.indd 241 09.03.2010 17:36:35

царство воздуха и света; здесь обилие солнца среди этих гор, таких доступных и зовущих. Здесь есть вершины с вечными снегами; но и туда нетруден путь.

Здесь прозрачные реки несутся плавно с мягким рокотом и нежно будят лесную тишину. И путник, добравшийся до Старого Жилища, незаметно поднявшийся на огромную высоту, здесь чувствует, как весь горный мир спустился к нему, чтобы обнять его любовно и ласково. Сбежали с гор хвойные леса, там, в Теберде, угрюмо лепящиеся по склонам, как будто убегающие от человека. И отборные сосновые рощи несут ему привет из далекой России. Сбежали вниз и альпийские луга; и в высокой траве среди цветов под ярким солнцем реют бабочки и трещат кузнечики. И горные громады спустились к нему навстречу поднявшей его груди матери-земли.

И мне кажется, что всякий из нас, побывавший в Старом Жилище, возвратясь в свою обычную обстановку и там вспоминая пережитое в горах и сравнивая с горным миром:

«…свой берег дикий и пустой, –
Прекрасна, скажет, жизнь земная.
Богат и весел край земной…»

20.10.1923

book3.indd 242 09.03.2010 17:36:36

Организация отряда и приезд в Сентинск

1924 год

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Тетрадь 3. Глава 1.

СЕНТИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В КАРАЧАЕ И КЛУХОРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

По приезде в Баталпашинск я с доктором А. А. Гюльназарян остановился у доктора Н. Н. Петрова, который должен был примкнуть к нам с медсестрой для образования глазного отряда.

На другой день мы были уже в пути на двух телегах. Впереди ехал Н. Н. Петров с семьей, за ним наша повозка. Меня немного забавляла робость Н. Н. Петрова, которую он обнаруживал на всех спусках. Когда дорога шла под уклон, он останавливал телегу, слезал с нее, брал на руки мальчика и шел пешком до конца спуска. В этом, впрочем, сказывалась боязнь за семью.

У Георгиевско-Осетинского селения мост через Кубань был неисправен, не хватало досок настила моста. Пришлось, проехавши часть моста, забирать доски сзади и настилать ими путь впереди. Через зияющие щели жутко было смотреть на бурную, пенистую реку. Часа два продолжалась эта переправа двух телег через мост. Но все обошлось благополучно. В Осетиновке мы ночевали и на другой день прибыли в Сентинский монастырь.

Я был в монастыре в 1922 году. Тогда монастырская обитель существовала, хотя и доживала последние месяцы под ударами нового строя. Игуменья Раиса и монахини знали, что часы их сочтены, и ликвидация монастыря неизбежна. Однако ежедневно совершалась храмовая служба. По вечерам шла всенощная; из раскрытых врат церкви в вечернем сумраке разливалось мелодичное пение и сливалось с ароматом ночных фиалок.

Искусные художницы в мастерской писали красками картины. Работал свечной завод, пасека. В монастырском саду, отлично содер-

book3.indd 243 09.03.2010 17:36:36

жимом, созревали прекрасные фрукты. Цветники окружали все постройки, все домики. А вокруг древнего храма цвела и благоухала очаровательная воздушная площадка и реела над долиной Теберды, как видение из далекого тысячелетнего прошлого. И там шла служба.

Теперь с монастырем было покончено, на его месте хозяйничал совхоз. По-видимому, он еще только собирался с силами, ибо пока на всем лежала печать разрушения и запустения без признаков созидания.

Нам для глазного отряда уступили часть двухэтажного здания бывшей монастырской гостиницы, где мы работали в 1922 году. Здесь на втором этаже поселились мы. Здесь же был организован стационар для оперированных и устроена операционная. Амбулаторный прием велся во флигеле, где было отведено место для житья нуждавшихся в таком приеме, приезжавших издалека больных, главным образом трахоматозных.

Атмосфера для работы была далеко не столь благоприятная, как в 1922 году, когда персонал монастыря старался окружить нас заботой в удовлетворении разных наших нужд. Тогда мы встречали деятельную помощь во всем. Теперь отношение к нам со стороны разных учреждений, поселившихся в бывшем монастыре (прокуратура, суд, школа, совхоз), было, в лучшем случае, равнодушное.

Население, занятое приспособлением к новым формам жизни, без энтузиазма отозвалось на приезд глазного отряда. Администрация ничего не сделала для оповещения населения в этом направлении. Прогулки в окрестностях монастыря производили унылое впечатление контрастом с прошлым. Так, верхний храм, имеющий огромную археологическую ценность и нуждающийся в охране правительства, был разгромлен и превращен в грязный кош. Туда загоняли баранту… нечего и говорить, что роскошная, цветущая некогда площадка вокруг него была истоптана и загажена. Никаких следов цветников, дорожек, скамеек, кустарников…

Выбранное Карачаевским здравотделом место для работы отряда было неудачно. Долина Теберда очень мало населена. В ней имеются два аула (Нижняя и Верхняя Тебердинские) и курортный поселок Теберда – немноголюдные поселения. Значительные массы горцев уже

book3.indd 244 09.03.2010 17:36:36

начали расселение и двинулись из гор на плоскость. Возникли новые аулы по Кубани ниже Каменномостского, в бассейне Подкумка на склонах к Кисловодску, в верховьях обоих Зеленчуков.

Карачаевцы, как и горцы вообще, не приучены к специальной медицинской помощи. Они не станут совершать далекий переезд, чтобы показать свои глаза. Они предпочитают ждать, когда врачи приедут сами к ним в аул. Они заглянули бы к нам мимоездом, если бы наша база была им по пути или была бы в центре притяжения их интересов, хозяйственно-экономических или административных. Но бывший монастырь никак не мог быть центром и, расположенный в тупике, был в стороне от больших транзитных путей.

Таким образом, уступая просьбам Карачаевского здравотдела и доктора Н. Н. Петрова, я согласился организовать работу в Сентинском монастыре, не ожидая большого размаха в ней. Действительность подтвердила мои ожидания.

Глава 2

РАБОТА ГЛАВНОГО ОТРЯДА

За время с 9 августа, когда был начат прием больных, до окончания работы 5 сентября, было нами принято 342 человек первичных больных, сделавших 2685 посещений. Большое количество посещений объясняется тем, что прием производился два раза в день для больных, оставшихся в монастыре или в Сентинском* ауле для лечения трахомы, кератитов и других болезней, которые требуют систематического лечения.

Насколько мало воспользовались нашей помощью карачаевцы, видно из того, что среди больных первое место по численности занимали русские (148 чел.), карачаевцев было только 136 человек, осетин 38 человек. Из одного Баталпашинска было около 100 человек (94 чел.), аул Сентинский дал 73 пациента, из обитателей монастыря было 37 человек, из Осетиновки – 32.

* Сентинском ауле – правильно: аул Сынты (в настоящее время это село Нижняя Теберда).

book3.indd 245 09.03.2010 17:36:36

Вообще, приток больных был небольшой, течение этого потока вялое. Преобладали пациенты с болезнями конъюнктива (152), из них трахоматозных было всего 23 человека, 15 русских и 4 осетина! И это из селения Георгиевско-Осетиновского, где около половины всего населения страдает тяжелой трахомой…

Помимо плохого осведомления населения администрацией Края о приезде отряда; помимо неудачного выбора пункта деетельности отряда, на слабый приток больных повлияло также и время этой деетельности, также неудачное. В августе происходит разгар полевых работ: в низких местах на предгорьях уборка урожая хлебов, кукурузы. А в горах заготовка сена, покосы. Не до лечения глаз было населению Карачая.

Особенно трудно было задержать больных для операции. Неохотно везли стариков и старух с катарактами: нужны были подводы, лошади, рабочие руки для хозяйственных целей, таким образом, нам удалось произвести всего 61 операцию, 25 извлечений катаракты и др.

Доктор Н. Н. Петров был огорчен скудностью оперативной работы, на которую он сильно рассчитывал. Я утешал его тем, что с открытием постоянного окулистического пункта в Баталпашинске под его руководством он будет вполне обеспечен этой работой в месяцы поздней осени и зимой, когда население области освободится от сельскохозяйственной страды. Отныне область уже не была обездоленной в смысле окулистической постоянной помощи. Имелись хороший инструментарий и наборы оптических стекал (присланные НКЗдравом РСФСР) для полного оборудования глазного кабинета.

Глава 3

КЛУХОРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Так скромно протекала наша окулистическая деетельность в стенах бывшего женского монастыря. Понятно, что у нас не было недостатка в досуге для чтения научных книг по офтальмологии, и я с Н. Н. Петровым штудировали прекрасное руководство Фукси.

Было время и для прогулок по окрестностям монастыря. Но вос-

book3.indd 246 09.03.2010 17:36:36

поминания о 1922 годе, когда эти окрестности представали в ином виде, лишали эти прогулки прежнего обаяния. На Джингирике на монастырском хуторе, где мы пили молоко, обосновался кош. Все было неприветливо, заброшено, носило следы упадка. Правда, нам удалось два раза за небольшую плату поесть на высотах Джингирика настоящего айрана в кошах.

Однажды с профессором А. И. С…вым, путешествовавшим в это лето по Карачаю в качестве зобоискателя, мы устроили на коше состязание; кто из нас двоих выпьет больше айрана залпом. Он меня «перепил», опрокинувши в рот сразу больше двух литров айрана.

Но первая наша встреча с проф. А.И.С. состоялась в Курорте Теберда, куда я поехал на линейке в качестве экскурсанта на 2-3 дня, оставивши работу в отряде на своих двух помощников.

Это было в половине августа. Стояла прекрасная погода; и я с удовольствием любовался знакомой дорогой вверх по Теберде. Вот и курортный поселок. Он, видимо, оживал после погрома 1921 года. Еще стояли полуразрушенные дачи. Но некоторые дома были ремонтированы. По дороге встречались отдыхающие на курорте дачники. У моста через Теберду при переезде с Казенной стороны на Карачаевскую нас неожиданно окликнула кавалькада из трех верховых, это были профессор А.И.С...в, Хаджи-Мурат Кочкаров и Софья Гюльназарян, сестра Анаиды Александровны.

Они сопровождали проф. А.И.С. в его поездке по Карачаю; побывали в Теберде, попавши сюда из Учкулана через Эпчикский перевал и собирались к нам в Сенты. Встретившись со мной, они решили остаться в Теберде для общей экскурсии на Клухор.

Найти хороший приют на «курорте» было нелегко, даже невозможно. Санаторий в истинном смысле слова еще не существовало. Знаменитая Судейская дача, где помещалось когда-то в живописнейшей части курорта на берегу озера несколько сот больных, зияла еще разбитыми окнами, проломами в крыше. Груды печного мусора лежали на ее полах. Карачаевское Правительство решило прежде всего закончить постройку так называемого Санатория Кубанского Казачьего войска. Ко времени революции 1917 года это капитальное сооружение было готово только вчерне, без внутренней отделки, даже без окон и дверей. Поэтому погром 1921 года его не коснулся.

book3.indd 247 09.03.2010 17:36:36

Торопясь поскорее открыть курортный сезон в Теберде, Карачаевский здравотдел наскоро отделал половину санатория и в 1924 году пригласил в единственный Тебердинский санаторий врачебный персонал и пациентов. Пациенты, вернее дачники, нашлись главным образом из служащих Карачаевской области. Таким же случайным элементом оказался и врачебный персонал. Главным врачом санатория был врач Ч., вовсе не терапевт, а физиолог, ассистент Бакинской кафедры физиологии.

Будучи сам больным туберкулезом, он приехал в Карачай и предложил свои услуги в качестве фтизиатра. Больные помещались в наскоро достроенной части здания. А мы, экскурсанты, расположились в недостроенной, без окон, без дверей, даже без пола. Пол заменяло нам сено, на охапках которого мы и расположились.

Наше намерение подняться на Клухорский перевал получило огласку. К нам присоединились врачи санатория с женами, некоторые служащие и отдыхающие, среди которых был проф. Костанян, терапевт Ростовского медицинского института. Собралась большая компания. Выбрали завхоза экскурсии (он же завхоз санатория), закупили в складчину провизию, наварили баранины, наняли две телеги.

Я чувствовал себя плохо в этом сброде мне совершенно незнакомых лиц, суетившихся, кричавших и претендовавших на какую-то руководящую роль. На другой день утром я кое-как примостился на телеге в очень неудобной позе, стесненный вещами и бесцеремонно развалившейся публикой. Но дорога была так интересна, что доставляло огромное наслаждение идти пешком.

Тебердинское ущелье покрыто густым лесом, спускающимся с крутых склонов высоких гор на дно ущелья. Даже речное ложе на многочисленных островах покрыто густыми зарослями ольхи. Дорогу пересекают местами шумные потоки, летящие с гор. Лес закрывает даль. Еще величественнее, еще грандиознее раскрылись передо мною картины природы гор, когда мы свернули влево и вступили в ущелье Гоначхира.

Раздались лесные чащи, расширилась теснина. Стали среди соснового леса встречаться широкие поляны с сочной луговой растительностью – места стоянки кошей. Справа, со стороны Главного Хребта, в прорезах боковых ущелий, показались вечно-снежные вершины Кавказа в его

book3.indd 248 09.03.2010 17:36:36

водораздельном гребне: Домбай-Ельгень*, Буульгень** и другие. Впереди, замыкая нам путь, поднялась грандиозная вершина Чатча***.

Широкое озеро Туманлы-Кель**** и его продолжение в виде обширной поляны, местами еще топкой, расположилась у основания Главного Хребта. И мы оказались в тупике: дальше колесной дороги не было. Дальше путь на перевал намечался зигзагообразной тропой, на протяжении 16 километров прорезывавшей стену гор. Тропа начиналась сейчас же над поляной у опушки соснового леса, от развалин шоссейного дома. Здесь жили раньше сторожа, приводившие в порядок тропу. Карачаевцы разгромили эту усадьбу и превратили ее в груду мусора.

Наступал вечер. Надо было устраиваться на ночлег ввиду завтрашнего подъема на Клухорский перевал. На поляне стояло несколько больших бревенчатых срубов с полуразвалившимися крышами. Здесь были коши карачаевцев, о чем свидетельствовало обилие грязи, навоза, бурьяна.

Небо нахмуривалось. Вершины гор закутывали облака, спускавшиеся все ниже. Грозило дождем. И нам хотелось приютиться на ночь под чьим-либо покровом. Последние сосны на границе лесной растительности могли быть хорошим убежищем. Но компания решила остаться на поляне невдалеке от развалившихся кошей.

Развели костер, поужинали довольно скромно. Ибо, несмотря на обилие провизии, завхоз наш диктаторски наделил нас очень скупой пищей, боясь, очевидно, что ее не хватит при восхождении на перевал такой многолюдной компании.

К ночи настроение публики упало; начался легкий дождь из низко опустившихся облаков. Все завернулись в теплые пальто, плащи, бурки; прижались друг к дружке и улеглись спать. Я, счастливый обладатель хорошей бурки, уделил часть ее для одетого в легкое пальто профессора Костаняна и его еще более легко одетой дочери. Спать было очень неудобно, и сон не шел ко мне.

Когда в 4 часа утра надо было вставать, чтобы своевременно начать подъем, большая часть нашего общества отказались от вос-

* Домбай-Ельгень – правильно: Домбай-Елген.
** Буульгень – правильно: Буу-Елген.
*** Чатча – правильно: Чотча.
**** Туманлы-Гель – правильно: Тубанлы Кел.

book3.indd 249 09.03.2010 17:36:36

хождения, мотивируя отказ дурной погодой. «Не стоит! Все равно ничего не увидим в такую дурную погоду!» Отказался вставать и профессор А.И.С.: «Видал я на свете и не такие перевалы!»

Двинулось в путь около 10 человек. Мы рассчитывали, что туман постепенно рассеется, и будет нам солнце. И храбро двинулись вперед. Мы скоро покинули зигзаги тропы и, сокращая путь, стали срезать их по крутым дорожкам. Это было неразумно, ибо такой маршрут требовал огромного напряжения сил. Но нам было поставлено внизу оставшимися условие: возвратиться обратно не позже двух часов дня; иначе придется нам идти в Курорт пешком, так как подводчики должны к ночи быть дома.

Шли мы налегке. Завхоз дал нам по маленькому ломтику хлеба и по одному маленькому яблоку, хотя мы выступили натощак. Но и без груза подъем давался нам нелегко. Скоро половина партии отстала и возвратилась вниз, отказавшись от дальнейшего подъема. Осталось всего пять человек: я, Хаджи-Мурат, Соня Гюльназарян и еще двое спутников.

Мы карабкались в густом тумане, в облаках, находя тропу по избитому следу, по навозу от прогоняемого через перевал скота. Чувствовалось, что мы – у последних зигзагов тропы, которая вдруг пошла горизонтально над какой-то пропастью, зиявшей внизу в тумане. Никто из нас ни разу в жизни не был здесь, никто не мог служить проводником. Но я был хорошо знаком с дорогой по описаниям, по фотографиям и храбро взялся указывать путь.

Я решил, что горизонтальная тропа идет уже к самому перевалу, а зияющая бездна внизу – перевальное Клухорское озеро. И вдруг, как бы по волшебству, туман сразу рассеелся; и озеро сверкнуло во всей своей волшебной красоте, зелено-голубое, отразившее глубь раскрывающихся небес.

Налетел ветерок с юга, из-за перевала. Свернулась, слетела, исчезла завеса облаков, покрывавших горы. И весь перевальный горный мир, залитый яркими лучами солнца, предстал перед моими очарованными взорами. Вниз, сзади в бездну упала наша уже пройденная тропа. Над нею гигантом из оснеженного гранита стала Чатча. От нее вправо и влево потянулись такие же великаны Главного Хребта Кавказа. Но впереди горизонт был закрыт выемкой перевала.

Время было дорого. Скорей на перевал!

book3.indd 250 09.03.2010 17:36:36

И я бросился по тропе, выводившей прямо на перевал. За мной – остальные. Мы шли над озером по снегу, по камням, под ледяным душем потоков, почти непрерывными струями падавших на тропу из снежных полей. Мы были мокрые от пота и от лившейся сверху воды. Перевал был совсем близко, всего в двух-трех сотнях шагов, как вдруг путь к нему перегородило непреодолимое препятствие. Тропа на протяжении нескольких десятков шагов была сорвана! Отвесная стена над тропой падала отвесно в озеро, и некуда было ступить ногой. Дальше идти было невозможно!

Я осмотрелся. На нашей тропе нигде не было видно следов лошадей. Скорее назад! Там позади надо искать путь к перевалу. Опять под ледяными душами мы свернули к началу горизонтальной тропы. Солнце светило ярко, было все видно; и ориентироваться стало легко.

Мы спустились с тропы к озеру, к тому месту, где из озера вытекала речка. Здесь оставались следы лошадей. Очевидно, обходная тропа была именно здесь. Я храбро бросился в речку в сапогах и быстро перешел ее, за мной так же прошли остальные. В скалах над озером оказались намеки на тропу, которой мы стали держаться. Обойдя озеро по скалам, мы попали на фирн, питавший небольшой ледник над озером. За ледником четкой линией, зазубриной в гребне гор вырезывался Клухорский перевал.

Я сел на снег и смело, как на салазках, быстро скатился на ледник. Лед был рыхлый, по нему текли потоки воды. Через пять минут мы все были уже на перевале, и перед нами раскрылся далекий горизонт, горный мир Абхазии.

Клухорский перевал очень узок, как гребень. Здесь в буквальном смысле можно стать одной ногой в Карачае, на Северном Кавказе, а другой – в Закавказьи, в Абхазии. От него вниз убегает на юг хорошая тропа к Сухуму. Я сделал по ней несколько сот шагов, словно ожидал, что вот-вот сверкнет передо мною Черное Море. И с сожалением возвратился назад. Горизонт Абхазии с перевала далекий, но очень узкий, стесненный справа и слева великанами Большого Кавказа и отходящими от них к югу мощными отрогами.

Хорошо было на перевале! Нас обливало своими горячими лучами солнце. Горячий воздух струился от нагретых скал. Ослепительно сверкали снега и ледники. На скалах в изобилии росли лиловые и

book3.indd 251 09.03.2010 17:36:37

фиолетовые тюльпаны, над цветами реели бабочки. Жизнь приютилась среди снегов, в царстве угрюмых скал… Но надо было спешить назад, помня данный нам внизу наказ.

Мы были ужасно голодны! Давно был уничтожен наш жалкий завтрак, яблочко было съедено мною с хвостиком. Вниз мы катились кубарем, разбивая себе обувь и ноги. Но путь был далек, и мы спустились к нашей стоянке только в два с половиной часа.

Нас встретили неласково, ворчанием. Лошади были уже запряжены и повозки готовились отправиться в обратный путь. Оставшаяся внизу компания, раздосадованная нашей удачей, не хотела слушать нашего восторженного рассказа о подъеме, о перевале. Нам сунули горы хлеба, вареное мясо и потребовали, чтобы мы скорее ели, ибо давно пора ехать домой. Оказалось, что наш нелепый завхоз, моривший нас голодом, сберег горы провизии, которую пришлось везти обратно… Глубокой ночью я был уже на «Курорте» и пытался заснуть в «санатории» в бурке, на сене в одной из «палат».

Глава 4

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПЕРЕВАЛА И ДОМОЙ

Мы возвращались в монастырь большой компанией, ибо со мной направлялись туда профессором А.И.С. Хаджи-Мурат Кочкаров и Соня Гюльназарян (оба студенты-медики нашего Кубанского института). Они были женихом и невестой, веселые, резвые, полные юношеского огня.

Однако по мере приближения к монастырю они становились все более серьезными, молчаливыми и озабоченными. Им предстояло встретиться там с моей помощницей, сестрой Сони, Анаидой Гюльназарян, которая, как старшая сестра, считала себя вправе опекать младшую. А она решительно не одобряла поведения младшей и смотрела на ее близость к молодому карачаевцу как на семейное несчастие. Бедный Хаджи-Мурат был сильно смущен и просил у меня заступничества.

Когда мы подъехали к нашей квартире, Анаида приняла сестру как преступницу, наверху у себя в комнате. А Хаджи-Мурата

book3.indd 252 09.03.2010 17:36:37

не пожелала видеть. Соне пришлось выдержать жесткую головомойку. Через несколько дней, однако, установились напряженные мирные отношения…

Наступил сентябрь, пришла к концу деетельность нашего отряда. В Осетиновке были наняты подводы, и мы тронулись на север в Баталпашинск, без сожаления покинувшие бывший монастырь.

Карачаевский исполком распорядился отправить нас с Анаидой Александровной на автомобиле в Ессентуки для посадки там в поезд, ибо дороги на Невинномысскую были под угрозой нападения бандитов. Переночевав в гостеприимной семье Петровых, мы были на утро готовы в путь.

В назначенный час прибыл автомобиль. Мы с комфортом уселись в него, пораженные такой любезностью Карачаевского правительства по отношению к профессору и его помощникам. Раньше в Карачае мы знали передвижение пешком, на арбе, на мажаре, запряженной волами или лошадьми. Об автомашине мы не мечтали. Только раз в 1922 г. нас доставили на железнодорожную станцию Невиномысскую в грузовике, битком набитом людьми. И вдруг – легковая машина доставит нас прямехонько в Ессентуки. Чтобы мы не попали в руки бандитам по дороге на Невинку! Это было очень любезно.

И мы весело покатили по улицам Баталпашинска, предвкушая прелесть дальнейшего пути в прохладный солнечный день на пороге осени по беспредельной степи. Но докатились мы только до здания исполкома, где нам предложили… слезть с автомобиля! Он понадобился для УББ, т.е. уполномоченного по борьбе с бандитизмом, едущего по службе в Кисловодск... После некоторых переговоров предложили сохранить место мне одному, а моей помощнице дадут завтра конвой для безопасного следования в Невинку.

Я наотрез отказался от такой любезности. Возмущенная Анаида Александровна обратилась к секретарю обкома тов. Гутякулову. И после продолжительных переговоров автомобиль остался за нами. УББ сел рядом с шофером, и мы вихрем понеслись по степи, ибо УББ очень торопился.

9 сентября я был в Краснодаре.

1924 год

book3.indd 253 09.03.2010 17:36:37

«...Приветствую тебя, Кавказ седой...»

Ноябрь 1926 года

Тетрадь 4. Глава 1.

ЭПИЛОГ ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

«Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле.
Проглянет день, как будто поневоле,
И скроется за край окружных гор…
…Приди, огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви…»

19 октября – А.С. Пушкин.

Сейчас у нас осень, глубокая осень. Уже упал с деревьев их пышный багряный убор, и наши сады и рощи стоят обнаженные и словно дрожат под порывами холодного ветра. Дни проходят за днями, рабочие, трудовые, не блещущие яркими впечатлениями. В такие дни невольно уносишься мыслями к совсем недавнему прошлому, когда мы вели такую же офтальмологическую работу, но в других краях, под летним небом Кавказа.

book3.indd 254 09.03.2010 17:36:37

Я составлял обычный годовой отчет о деетельности наших глазных отрядов. Но вместо сухих цифр в голове теснились образы и воспоминания, мешали мне, и я гнал их прочь. Теперь отчет закончен, и я даю им волю, слушая их волшебный рассказ «о бурных днях Кавказа». Кое-что из этого рассказа я передам и вам.

1

Успех наших глазных отрядов, в течение 5 лет исследовавших горные районы в бассейне реки Кубани между Эльбрусом на юго-востоке и линией майкопо-туапсинской дороги на северо-западе, окрылил молодую клинику Кубанского Медицинского института. И в настоящем году всем нам захотелось на широкий вольный простор полей, лесов и гор; в селения и аулы, где, несомненно, многие глазные больные нуждались в нашей помощи.

Такое настроение, встреченное сочувственно Крайздравом и Кубанским окружным здравотделом в лице В.М. Мухина и В.И. Яковлева, повело к тому, что мы решили повести борьбу с глазными болезнями не одним, а целыми пятью отрядами, растянувший свой фронт от Таманского полуострова между Азовским и Черным морями, через Красную Поляну в районе Сочи, через Карачай мимо Эльбруса до границ Дагестана, где в Чеченской автономной области, в бассейне Терека и Сунжи на покатости к Каспийскому морю был крайний левый фланг нашего расположения.

Отряды уходили за отрядами, то поодиночке, то парами, делали свое дело и возвращались к своей базе, нашей глазной клинике, давая возможность другим отрядам выступить в свой черед.

От начала мая до 1 октября тихо и незаметно шла эта работа в пяти разных пунктах обширной территории Северо-Кавказского края.

«Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет.
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая.
А море Черное шумит, не умолкая…»

book3.indd 255 09.03.2010 17:36:37

Этими словами Лермонтова прекрасно описана обстановка, в которой протекала деетельность наших отрядов. На пароходе по Кубани направлялся наш Темрюкский отряд к месту своего назначения и работал там, где Кавказский Хребет только начинает подниматься над изрезавшими полуостров лиманами Черного и Азовского морей. А когда наш Краснополянский отряд плыл по Черному морю к Адлеру, то перед его глазами вставали из моря «великаны-горы снежными цепями и по темным кручам лесом заросли». – Я со своим отрядом катился по мягкой степной дороге вдоль Кубани к Карачаю. Мы неслись в поезде от Минеральных Вод к Грозному по прикумским и надтеречным степям. Мы пересекали Чеченскую плоскость в зарослях кукурузы – и повсюду немую степь венцом охватывали серебряные цепи Кавказа, хребты его отрогов.

Мы останавливались, начинали работать в потоке нахлынувших на нас больных, порой забывая об отдыхе, об обеде в жаркой страде трудового дня. Но всегда Кавказ вел с нами немолчный разговор языком горских народов, шумом и плеском своих горных рек, и очаровывал наши взоры картинами своих долин и ущелий, хребтов и вершин. А когда уменьшался приток больных, и в работе наступало затишье, мы сводили с горами более близкое знакомство, – с Кавказом и его обитателями.

Так провела минувшее лето наша глазная клиника. К началу осени все возвратились домой к немногим остававшимся. Заведующие отрядами отдали мне свои отчеты, к ним я присоединил свой. И перед моими глазами в столбцах цифр выросла большая работа, о которой, наверное, еще и до сих пор говорят русские и греки, чеченцы и карачаевцы в далеких селениях и аулах. Это была годичная работа целого глазного отделения губернской больницы: четыре с лишком тысячи первичных глазных больных, до 18 тысяч посещений в амбулаторных приемах утром и вечером, почти 800 глазных операций, из них почти 200 извлечений катаракты. Сотни слепых увидели свет. В газетах «Горская Жизнь», «Терек», в Чеченской газете нашим отрядам были посвящены самые сочувственные статьи и заметки.

Я не собираюсь знакомить вас с нашим обстоятельным отчетом и утомлять ваше внимание цифрами. Отчет уже послан по назначе-

book3.indd 256 09.03.2010 17:36:37

нию с тайной, хотя и сомнительной надеждой, что хоть одна душа прочитает его. Не буду я также излагать вам по порядку деетельность каждого из пяти отрядов; описывать, как неутомимая Анаида Александровна Гюльназарян и в течение одного месяца в Темрюке выдерживала натиск четырех с половиной тысяч больных и двух тысяч школьников, сделала 216 операций и при этом совершала наезды в соседние станицы. А Р. Г. Берберов в эти же весенние недели открыл в Красной Поляне стационарное отделение нашей клиники и лечил греческую трахому неспешно, методически, как и полагается для этой болезни.

Пусть они сами опишут. вам и красоту лиманов Таманского полуострова, песчаные берега Азовского и Черного морей, грязевые вулканы у начала Кавказа; роскошные виды Краснополянского шоссе, пышные альпийские луга Ачишхо и величие Кавказского снегового хребта с острых вершин Аибчи.

Я же расскажу вам о том, где мы были, что мы видели, – я со своим отрядом, со своими спутницами и помощницами в Карачае и в Чечне…

Из доклада в Медицинском обществе осенью 1926 года.

Глава 2

ОРГАНИЗАЦИЯ ОТРЯДА

Впечатление от нашей работы в Учкулане в 1921 году было так сильно среди горцев Карачая, что уже с зимы 1925-1926 года летели к нам в Краснодар, в глазную клинику, приглашения от правительства молодой Автономной области поработать еще раз на старом месте, в сердце Большого Карачая.

В 1925 г. Карачай окончательно размежевался с Черкесией и начал строить себе, по постановлению Центрального Правительства СССР, собственную столицу, свой административный центр при слиянии рек Теберды и Кубани, город Микоян-Шахар. Праздничное настроение царило в области в связи с резким оживлением эконо-

book3.indd 257 09.03.2010 17:36:37

мической и политической жизни. Энергично велось расселение горцев, выход их из каменных гнезд на вольный простор плодородных степных предгорий. Быстро возникали новые аулы; и карачаевские селения по Кубани, Подкумку, Зеленчукам подвигались вплотную к русским станциям.

По горам бродили партии инженеров, разведывали естественные богатства мало изученного края. Составлялись описания этих богатств в подземных недрах и на поверхности земли: лесные массивы, энергия горных потоков, целебные источники, климатические ресурсы.

Все учитывалось с восторгом, как залог будущего процветания Карачая. Но настоящее было еще полно труда, усилий. Строились колхозы, горцы не без трений вступали в новую жизнь. И правительству, естественно, хотелось показать трудовым массам осязательный пример благодеений, которые уже сейчас приносит Советская культура некогда заброшенным и забитым национальностям великого Союза.

Политическое значение нашей работы в 1921 году было очень велико в деле замирения горцев Карачая. Мы хорошо поняли призыв облисполкома и облздрава зимою 1925 года. И вопрос об организации глазного отряда летом 1926 года был окончательно решен. По примеру прошлых лет предполагалось двухмесячная летняя деятельность, возможно, в двух отдельных пунктах Большого Карачая.

Но весна 1926 года принесла неожиданное осложнение и перемену нашего плана. Контрреволюционная агитация в Чечне в пору введения коллективизации сельского хозяйства взбудоражила там население. Осенью и зимою происходили вооруженные столкновения с организованными бандами. И Крайздрав в лице В. М. Мухина убеждал меня в необходимости перенести нашу работу летом 1926 г. в Чеченскую Автономную область. Так как отменить поездку в Карачай было уже невозможно, – там о нашей предстоящей работе было оповещено заранее все население, – то пришлось изменить план, чтобы удовлетворить и Карачай и Чечню.

Я со своими помощницами из глазной клиники должен был выехать из Краснодара в конце июня, по окончании учебных занятий. По дороге в Баталпашинск к нам должен был присоединиться для

book3.indd 258 09.03.2010 17:36:37

усиления отряда окулист Карачая и Черкесии доктор Н. Н. Петров. И мы в этом составе намерены были поработать в центре Большого Карачая, в ауле Учкулан, весь июль. К началу августа я со своей клинической группой переезжаю в Чечню, а работу в Карачае продолжает прибывшая к этому моменту из Краснодара ассистентка Анаида Александровна Гюльназарян вместе с доктором Н. Н. Петровым. Таким образом, будет удовлетворительно обслужено и население Большого Карачая, не отказано будет в помощи и Чечне.

Правда, меня сильно смущала мысль о краткости времени для работы в Чечне. Один месяц август, очевидно, был крайне недостаточен для этой обширной области, которая, как мне казалось, тяжело страдала от всевозможных глазных болезней. Еще в дореволюционную эпоху работавший там отряд доктора Цвибака обнаружил на Тереке и в Чечне страшную нужду в глазной помощи, которой совершенно не имеют станицы по среднему и нижнему Тереку, по Сунже а тем менее горные районы Чечни.

Окулистический центр в городе Грозном обслуживал главным образом жителей города и многочисленных рабочих нефтяных промыслов. И для населения Чеченской плоскости и горных аулов не оставалось ни коек в небольшом глазном стационаре города, ни времени у занятых городскими пациентами окулистов.

Месяц в Чечне! Мне представлялась такая работа чем-то несерьезным, каким-то набегом на больных. Взволнуешь чеченцев перспективами блестящих успехов нашей медицины, призраками возможного прозрения для слепцов и… уедешь в разгаре притока больных. И население останется разочарованным с обманутыми надеждами и ожиданиями.

Однако Крайздрав настаивал, требовал. Делать было нечего, надо было соглашаться и на такую сомнительную работу отряда. Как увидим ниже, действительность, печальная и правдивая, показала, насколько я был прав в своих предположениях.

Во всяком случае, я принял свои меры, чтобы наше пребывание в Чечне, хотя бы и кратковременное, было бы наиболее продуктивным и дало бы хорошие плоды. Я связался с Чеченским Облздравом и дал ему все указания для лучшей подготовки населения к приезду

book3.indd 259 09.03.2010 17:36:38

отряда: основательный выбор пункта для работы в глухой, отдаленной от города местности, с наибольшим числом глазных больных; заблаговременное оповещение населения; организация приюта для приезжающих издалека. Мне было обещано исполнение всех этих советов и указаний.

Итак, в последних числах июня мы покинули глазную клинику в числе четырех человек: я, моя бывшая ассистентка Нина Максимовна Привалова, участница второго отряда в Учкулане (в 1922 году), прибывшая из Москвы; доктор Наталья Федоровна Хлынина, участница первого отряда в Учкулане (1921 г.), примкнувшая к отряду из клиники, и медсестра Мария Ивановна Цыпкина, участница 1-го, 2-го отрядов в Учкулане, – все старые работники Большого Карачая.

Глава 3

ДОРОГА В КАРАЧАЙ И ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ УЧКУЛАНА

В Невинномысской мы наняли подводу и без приключений доехали до Баталпашинска, где и остановились в квартире гостеприимного Николая Николаевича Петрова и его супруги Любови Дмитриевны. В последний раз я работал с ним в Сентинском монастыре в 1924 году. Тогда, как и в 1923 г. в станице Зеленчукской, Николай Николаевич принимал участие в работе отряда с семьей, состоявшей из него, его жены и ребенка двух-трех лет «Котика» (Коли).

Сейчас семья увеличилась рождением девочки Тани. И на этот раз вся семья собиралась в отряд вместе с ними. Заботливая супруга не отпускала Николая Николаевича одного в дальний путь и считала долгом обставить ему жизнь в ауле как можно комфортабельнее.

На другой день утром у ворот стояли рессорные тачанки; не волы, впряженные в скрипучие арбы, как в 1922 году, и не тряские телеги, как 1923 году, – а удобные настоящие экипажи. В путь!

book3.indd 260 09.03.2010 17:36:38

«…Приветствую тебя, Кавказ седой,
Твоим горам я путник не чужой… » –

воскликнул я в душе, когда подводы выехали за пределы пыльной неуютной станции и покатились по мягкой дороге навстречу горам. Как можно привыкнуть к вечной смене явлений природы, к восходам и закатам солнца, к приходу весны или зимы, к весеннему цветению садов, к осеннему листопаду, к летним грозам? Так же невозможно без глубокого волнения встречать картины природы, как бы часто не приходилось видеть их. Все вокруг такое знакомое и оттого особенно дорого и мило сердцу. Оно будит воспоминания, – и они легко проносятся в душе, как летние облака по голубому небу.

Вот и Учкулька, знакомое местечко у дороги, где мы в 1922 году дремали на утренней заре у распряженных арб в ожидании, пока позавтракают наши быки. А вот и балочка около Красногорского источника, тут я в 1923 году закусывал уже сам с аппетитом у ручья и подбодрял бедного Николая Николаевича, который не мог проглотить ни одного куска, бледный от страха, ожидая каждую минуту быть подстреленным или ограбленным бандитами. Правда, их тогда было много окрест.

Как будто вот здесь мы в 1924 году сворачивали с Сухумской дороги на Кубрань в колонию прокаженных, где нас ожидал гостеприимный ночлег, ужин и даже жаркая баня!

Да, все на своем месте, как было и раньше: и быстрая говорливая Кубань, и столообразные вершины гор, падающие травянистыми скатами к речной долине; старые станицы и селения на береговых террасах, кукурузные поля вокруг них. Но воспоминания обрываются вместе с монотонным ландшафтом предгорий.

Укачали, было, убаюкали волны Кубани, однообразные линии горных плато на горизонте, однотонная зелень травянистых склонов. И несущаяся на север река да бегущее туда же белое полотно дороги унесли с собою все волнения недавнего прошлого, все заботы и тревоги о покинутых в Краснодаре делах и людях. Так приятен этот разрыв всяких связей с прежним миром, нас окружавшим, словно только сейчас мы приобрели самодовлеющую ценность. И эти тачанки с глазным

book3.indd 261 09.03.2010 17:36:38

отрядом, пыльными клубочками катящиеся по горной дороге среди молчаливых громад Кавказа, представляются мне какими-то сорванцами, тайком убежавшими от родителей в Америку поискать себе счастья за морями, за океанами. Ах, как хорошо! Вот только телеграфные столбы для чего-то бегут с нами по дороге! Но эта связь с прошлым при нашем настроении кажется нам несерьезной: «Все равно, мол, заберемся в горы так далеко, что нас не найдут!…»

«Ночлег, ночлег, мне издавна знакома
Твоя попутная разымчивость в крови…»

Вместо прежних ночлегов в бурке, на голой земле под открытым небом, мы ночуем культурно в селении Георгиевско-Осетиновском на полу и на кроватях в знакомой Н. Петрову семье осетина. Мы крепко спим у ворот Карачая.

Новый день не дает места воспоминаниям, ибо действительность яркая и красочная заполняет сознание, уже вырвавшееся из плена прошлого и готовое жить новой жизнью. Горный мир сразу надвинулся на нас своей могучей грудью, рассеченной тремя глубокими ущельями. На востоке открылось ущелье реки Мары с дорогой на Кисловодск. Прямо на юг с легким уклоном к юго-западу потянулась дальше наша Военно-Сухумская дорога к Теберде. А мы остались верны своей Кубани и, крепко держась ее берегов, покатились на юго-восток, к аулам Большого Карачая.

У входа в ущелье Верхней Кубани – аул Каменномостский. Перед аулом на широкой поляне между Кубанью и рекой Тебердой целый городок новых построек. Одни дома уже готовы, вокруг других в процессе сооружения кипит работа.

Это Карачай, покидая Баталпашинск, строит себе здесь столицу, центр управления своей автономной областью. Мы быстро проезжаем через аул. Любопытные лица провожают нас глазами, а мы через встречного верхового просим передать всем, всем, всем: «Едут в Большой Карачай глазные доктора! Собирайтесь все больные глазами в Учкулан!»

Аул скрылся за поворотом ущелья, и нас на весь день поглотила горная пустыня. Уходящие в небеса горы, покрытые густым дремучим

book3.indd 262 09.03.2010 17:36:38

лиственным лесом; узкая теснина, дающая проход только бурной реке да бегущей вдаль реки дороге, – таково величественное Кубанское ущелье за Каменномостом, знакомое нам по отряду 1922 года.

Неужели это Кубань, этот грохочущий среди камней и скал горный поток, несущийся в пене в зеленой рамке ольховых и березовых зарослей? Да, это она, пока еще полная кипучих сил молодости. А когда окончилось ущелье крутым поворотом к югу, и раздвинулись горы, еще более высокие, с сосновыми рощами на склонах, с пятнами снега на вершинах, тогда показались и первые кварталы – хутора аула Карт-Джюрта.

Так в надвигающихся сумерках летнего дня, поливаемые теплым дождиком из клубящихся над снежными вершинами облаков, мы прибыли в Большой Карачай.

Карачай остался верен себе в отношении помещении членов отряда. Хотя вопрос о нашем приезде был решен еще зимою, администрация совершенно не позаботилась о квартире для членов отряда. Поднявшись на знакомую площадку при слиянии рек Уллу-Кама и Учкулана, где находится центр управления Большого Карачая, мы остановились в недоумении, не зная, куда нам направиться. На этот вопрос не могли дать нам ответ и появившиеся у наших подвод лица из администрации. Пришлось спуститься к самой реке, на нижнюю террасу, где стояла больница. Нас любезно встретили старший врач с женой: угостили наскоро приготовленным ужином и уложили спать в больничных помещениях. Там была и квартира старшего врача. К сожалению, больница так и осталась на все время деетельности отряда жилищем для его членов. Говорю «к сожалению» потому, что занятие нескольких палат под квартиры врачей сильно сократило коечную площадь для пациентов. Заняты были палаты, заняты были и кровати. При большом наплыве глазных больных, нуждавшихся в стационарном лечении (например, для извлечения катаракты), мы остро почувствовали этот недостаток.

Я энергично протестовал против поселения отряда в больнице, так хорошо устроенной и чистой. Но в ней уже помещались в двух комнатах семья старшего врача, уступившего одну комнату семье Н. Н. Петрова с детьми. Больница со всеми удобствами представ-

book3.indd 263 09.03.2010 17:36:38

ляла так много соблазнительных условий для уютного обитания с маленькими детьми, что Петровы решительно отказались от дальнейших поисков и остались в больнице. Так же нехорошо поступили и наши члены отряда, доктор Наталья Федоровна Хлынина и медсестра Мария Ивановна Цыпкина, занявшие одну палату и отказавшиеся последовать нашему примеру: моему и Нины Максимовны Приваловой с мальчиком.

Мы устроились на втором этаже пустующей в летнее время школы. Классными досками и фанерой отгородили себе в обширной зале углы и получили далеко не комфортабельный, слишком примитивный, но вполне обеспеченный от непогод приют на все время пребывания в Учкулане.

Наша совесть была спокойна: мы не обидели больных, как другие члены отряда, поселившиеся в палатах. Кроме того, вдоль второго этажа школы шла галерее, и с нее открывался прекрасный вид на восток в сторону Эльбруса. Эта галерее была в нашем распоряжении. Я не мог пользоваться для утреннего туалета больничными удобствами. Но зато к моим услугам был Учкулан с ледяной водой. Там я с наслаждением умывался каждое утро.

В больничной кухне готовилась нам пища, и для принятия ее, мы собирались три раза в день в «квартире» Натальи Федоровны Хлыниной и Марии Ивановны Цыпкиной. Семья Петровых завтракала и обедала у себя, в своей комнате. Администрация Карачая была очень довольна таким нерациональным и неудобным помещением отряда. Это избавляло ее от необходимости приискивания подходящих квартир, которые, несомненно, имелись в большом ауле. А мы по опыту прежних лет знали, что полагаться на администраторов Карачая совершенно невозможно. Поиски квартир будет тянуться целый месяц.

А нам надо было поскорее начинать работу. Поэтому я примирился с создавшимся положением, хотя и ворчал на своих коллег за их слишком большую требовательность к жизненным удобствам, за нежелание поселиться в сарае образной школы.

Первые дни пребывания в Учкулане – дни воспоминаний и сравнений настоящего нового со старым прошлым. Праздники Курмана давали нам для этого свободные часы. Мы восхищаемся новой

book3.indd 264 09.03.2010 17:36:38

больницей в Учкулане: ею справедливо Карачай может гордиться. Больница на 25 кроватей, с большими светлыми палатами, водопроводом, ванной и промывным клозетом. Предоперационная и операционная ослепляют блеском масляной краски. Солидный автоклав внушает особенное почтение. Больница на полном ходу под управлением старшего врача, опытного хирурга.

По коридору и палатам снуют настоящие русские санитарки, состоящие в настоящей страхкассе; и в определенные часы больные из кухонного флигеля получают завтраки, обеды и ужины. Но лица глядящих с любопытством больных – все карачаевские.

Я открываю окно в палате. Палату наполняет шум горной реки, несущейся у самой больницы. Больница расположена в том географическом пункте, где сходятся три главных ущелья Большого Карачая: с юга, со стороны Главного Хребта – Учкуланское, с востока от Эльбруса – Хурзукское, с севера – Кубанское. Здесь, в трех-пяти шагах за больничной кухней, сливаются два главных истока Кубани: прозрачный Учкулан с мутным Хурзуком, и в пене гремящих волн вечно рождается наша Кубань и убегает на север.

Глава 4

НАША РАБОТА В УЧКУЛАНЕ

В четвертый раз я в качестве окулиста посещаю со своим отрядом Карачай. Порою мне казалось, что там нам нечего будет делать: излечимо-слепые после наших операций стали зрячими, а неизлечимым слепцам все равно не поможешь. Но Карачай так любезно, так настойчиво приглашал нас: «непременно приезжайте! Созрели новые катаракты, некому снимать жатву!» И действительно, неисчерпаемы как людские радости, так и страдания, особенно для глазных отрядов Кубанской клиники.

Закипела опять работа в больнице, внизу у реки; и в амбулатории вверху на площади. Большой Карачай прислал нам, своим старым друзьям, всех своих глазных больных. Около 1000 прошло их перед нашими глазами в течение пяти недель работы. Четыре с по-

book3.indd 265 09.03.2010 17:36:38

ловиной тысячи помещений сделали наши пациенты, являясь к нам утром и вечером для лечения запущенных хронических блефаритов и коньюнктивитов.

По узким тропинкам в каменных оградах, от больницы вверх к амбулатории и обратно вниз забегали в белых халатах наши врачи, члены глазного отряда. Одни принимают больных в школьном помещении наверху, где устроена амбулатория. Осматривают новых больных, лечат повторных; отбирают подлежащих операции и отправляют их вниз при дружном содействии добровольцев-переводчиков, а также пользуясь запасом уже приобретенных лингвистических познаний. Шумно и весело, как на маленькой ярмарке.

В это же время другие наши окулисты внизу, в перевязочной больницы, производят перевязки уже оперированных больных; принимают передаваемых сверху пациентов для помещения их в стационар и готовят все необходимое для операций. Потом все сходятся в операционной, нарядившись в чистые халаты, и тихо, торжественно совершают свое дело.

Всего было сделано нами 150 больших глазных операций. Из них особенно поразило весь Карачай удаление катаракты у трех мальчиков-братьев, слепорожденных. Мать карачаевка отнеслась недоверчиво к возможности дать зрение детям, пораженным от рождения слепотой: такова воля Аллаха… такое настроение разделяла и масса горцев, особенно пожилых и старых. Тем не менее, согласие на операцию было дано, и я в одно операционное утро извлек все шесть катаракт у трех детей. Трогательно было видеть заботу пораженной матери о своих детях. Она зорко смотрела за всеми тремя, оберегая оперированные глаза от случайных возможных повреждений со стороны маленьких пациентов. Самого младшего, двух лет, она привязала к люльке и потихоньку укачивала его. Другого, постарше четырех лет, уложила рядом с собою на кровать, и все время наблюдала за старшим, девятилетним, покойно лежавшим на соседней кровати.

Послеоперационный период протекал без осложнений, и все дети прозрели. Нас пропечатали в газете «Горская жизнь» в Баталпашинске.

Однажды после работы мы совершили небольшую прогулку по

book3.indd 266 09.03.2010 17:36:38

Джазлыкской тропе к ближним нарзанам. От аула Эльбрус тропа круто поднималась вверх; и мы, достигнув цели, отдыхали у скромного источника. Снизу послышался звон копыт по каменистой дорожке; и с нами поравнялся горец, спешивший из Учкулана к себе в Джазлык, в ущелье реки Доута. Уже солнце давно скрылось за хребтом, приближался вечер. Впереди всаднику предстоял еще длинный и крутой подъем на перевал. Но карачаевцы любопытны! Увидевши в трех километрах от Учкулана такую странную группу русских, одного мужчину среди 5 женщин.

Узнавши, что мы – глазные врачи, он тотчас спросил, правда ли, что дети такой-то карачаевской женщины, родившиеся слепыми, стали после операции видеть, об этом говорит весь Учкулан. Мы сказали, что это правда, что дети будут зрячими. Горец был поражен. На лице его выразилось изумление и недоверие. Он тотчас повернул лошадь и, невзирая на наступающие сумерки, поскакал обратно в Учкулан, проверить наше сообщение.

Такова сила впечатлений от наших операций на обитателей горных селений.

Мы работали в Карачае впервые при таких благоприятных условиях, в такой хорошей обстановке. И это было так необычно! Не надо было приспосабливать под операционную или амбулаторию грязные помещения, своими руками выносить пыльный, отвратительный хлам. Не надо было нашим врачам своими руками мыть стены, подметать пол. Не надо было устраивать собственное жилье... Все это было пережито в прежних отрядах так остро, что Учкулан 1926 года казался нам раем.

Правда, моя «комната» – угол классного зала – весьма мало напоминал жилое помещение и был отрицанием всякого уюта. Но в нем было воздушно, просторно, уединенно, а главное – нашим больным было хорошо. Мы впервые работали в настоящей больнице, и амбулатория была настоящей амбулаторией. Так в ровной спокойной работе прошел весь июль.

book3.indd 267 09.03.2010 17:36:38

Глава 5

НАШЕ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ В УЧКУЛАНЕ

Хорошо дышится в Учкулане, на высоте почти полутора километра над уровнем моря. Суровая горная природа окружает нас, и мы не чувствуем дурных влияний со стороны охвативших нас со всех сторон четырех больших аулов Карачая.

Карачаевцы живут трудно. В их бревенчатых саклях мало света, дымно и пыльно. Во дворах много навоза. Но аулы Большого Карачая совсем не похожи на орлиные гнезда горцев Дагестана, горной Чечни, Ингушетии и Осетии, где сакли лепятся друг к дружке на саклях, образуя одну сплошную массу каменных ящиков наподобие крепости, всегда готовой к осаде, к обороне.

У нашей больницы сходились, от нее расходились на целые километры все четыре аула Большого Карачая. К югу аул Учкулан по реке того же названия. К востоку аул Хурзук по реке Уллу-Каму и Уллу-Хурзуку. К северу по правому берегу Кубани растянулся Карт-Джурт, а по левому – аул Эльбрус. Все эти аулы состоят из группы хуторов-кварталов, разбросанных на большом пространстве и отделенных один от другого цветущими лужайками покосных участков. Каждый квартал образован несколькими усадьбами и представляет родовое гнездо того или иного рода: Кочкаровых, Коркмазовых, Аджиевых, Эркеновых, Текеевых, Урусовых и т. д. Кварталы так и носят название рода, которому они принадлежат. Обширный род занимает большой квартал, целое селение дворов, сгрудившихся у подножия горы или вдоль горной речки в живописном беспорядке.

Одни кварталы богаты фруктовыми садами, ибо и здесь, несмотря на большую высоту над уровнем моря, превосходно созревают яблоки, груши, абрикосы, сливы. Но сады здесь редки. Другие кварталы издали бросаются в глаза, подымающимися над ними высоко к небу пирамидальными тополями. Некоторые отмечены большими мечетями со стройными минаретами. В иных поражает неожиданно

book3.indd 268 09.03.2010 17:36:38

выступающий среди бревенчатых саклей с земляной крышей – европейского городского типа дом, крытый железом.

Тесно в квартале, во дворах усадеб и в узких проходах – улицах – между отдельными саклями. Сакли, сложенные из огромных сосновых бревен очень грубо, немногим выше роста человека. На плоской земляной крыше – целый лес высоких, цветущих трав и бурьянов. Плохо прилаженная покосившаяся дверь ведет внутрь сакли, где видное место занимает очаг с широким отверстием в потолке для выхода дыма. Это отверстие выходит в деревянную, обмазанную глиной трубу. Закопченные внутри стены сакли скрадывают и без того тусклый свет, проникающий в саклю через дверь и маленькие оконца. Но на земляном полу под черным потолком целый склад всевозможной домашней утвари: посуды, сундуков, подушек, перин, одежды и сельскохозяйственных орудий.

И рядом с такою саклей – опрятный дом под железной крышей из нескольких комнат, с деревянным полом, с железными кроватями, венской мебелью, комодом и большим зеркалом. Но и здесь обязательно имеется помещение с земляным полом, с традиционным очагом под выходящим прямо в небо дымовым отверстием. Над очагом висят на железных цепях котлы и котелки. Здесь женщины готовят гостю вкусный хычын, жарят баранину, пекут кукурузные и пшеничные пышки.

Можно заблудиться среди квартала в лабиринте узких проходов, вдоль пересекающих его во всех направлениях ручейков и изгородей. Но стоит только выйти за пределы квартала, – и вас тотчас охватывает воздушный простор и аромат цветущих под солнцем Кавказа роскошных лугов. Это заливные луга, принадлежащие кварталу и отделяющие его от соседнего квартала; занимают они иногда обширное пространство в десятки гектаров. Тщательно орошаемые горной водой, надежно защищаемы от потравы скотиной высокими оградами из камня, они разделяются причудливыми узорами каменных границ на отдельные участки, принадлежащие разным членам рода. До покоса, происходящего здесь в конце июля или начале августа, эти луга в опоясывающих их пестро-цветных каменных лентах кажутся букетами роскошных пахучих цветов. Наши женщины ни-

book3.indd 269 09.03.2010 17:36:39

когда не могли удержаться от соблазна сорвать в прогулках большую охапку этих цветов. И возвращались к себе в больницу, украшенные чудными дарами альпийской флоры.

Тихо, уединенно вокруг больницы, вдали от родовых кварталов. Она вся во власти обступивших ее со всех сторон каменных громад и гремящих у подножия их потоков. Это затишье наступало после вечернего приема больных. Пустела площадь. Расходились по разным дорогам, по трем ущельям последние пациенты. Прекращалась жизнь и во всех учреждениях административного городка над больницей.

Мы забирались тогда на широкий балкон второго этажа школы, где квартировал я и Нина Максимовна Привалова с мальчиком Витей. Раскрывалась книга «Руководство по офтальмологии» Фукса, и начиналось чтение. С балкона раскрывался вид на восток, на все ущелье Уллу-Хурзука, прегражденное на близком горизонте красивою цепью снежных зубчатых вершин – отрогов системы Эльбруса. Сам «седовласый Шат» немножко выглядывал фирновыми полями своего юго-западного склона.

Склонявшееся к Эпчикскому перевалу солнце удивительно эффектно освещало эту группу гор. В последних лучах его гранитные вершины и медленно клубившиеся вокруг них облачка. Я замечал, что мои слушательницы мыслями очень далеко от учебника Фукса, что освещение становится неблагоприятным для литературных занятий, что я становлюсь уже пресбиопом, – и чтение прекращается. Никто не протестует, кроме одного трезвого Н. Н. Петрова, всегда стремящегося использовать жизнь и работу в отряде для пополнения своих знаний.

Вечереет. По ущельям проносятся холодные струи воздуха. Громче начинают греметь реки. Вечерние тени сгущаются на дне долин. Последние краски заката гаснут на вершинах гор, над ними зажигаются первые звезды. И ночь спускается на мирные аулы Большого Карачая.

Особенно хороши лунные ночи! Когда умолкают все человеческие звуки, реки шумят, как морской прибой, как летний ливень. И шум этот то слегка затихает, то растет и ширится полнозвучными волнами по ущельям, колеблемый ночным ветром гор. Безлесные

book3.indd 270 09.03.2010 17:36:39

горы вокруг в призрачном лунном сиянии придвигаются вплотную своими каменными грудями к нашей маленькой площадке над рекой. Их исполинские бугры изборождены глубокими щелями, зияющими, как черные трещины среди ярко освещенных гребней. Тени от облаков скользят бесшумно по горам, как сказочные привидения. И колесница Большой Медведицы удобно расположилась на грузной вершине Эльбаши…

Тогда жутко становится от сознания своего ничтожества перед этим вечным шумом и вечным молчанием величественной горной природы. И хорошо от сознания, что мы – в ней и заодно с ней.

Я ложусь спать и долго слышу, как за окном шумит грозовым летним ливнем неугомонный Учкулан. Ранним утром я уже у реки и делаю свой утренний туалет около островка при слиянии Учкулана и Уллу-Кама. Постепенно появляются один за другим члены отряда. Медленно приводит себя в порядок наш Кунктатор – невозмутимый и методичный во всех своих действиях Н. Н. Петров. Горное солнце ярко освещает наш уголок. Потоки горячего света уже спустили с Эркеновского квартала за рекой и затопили нашу больницу.

Мы собираемся вокруг стола, накрытого для завтрака, начинается наш рабочий день.

Глава 6

НАШИ ПРОГУЛКИ

Так проходили дни за днями, полные своих волнений и забот. В этом году в нашем отряде преобладало созерцательное настроение. Мы удовлетворились скромными прогулками, маленькими, недалекими экскурсиями, словно весь этот горный мир был уже в нашей душе, как ее неотъемлемое достояние. Словно незачем было преодолевать косную материю и в поте лица, в трудовых материальных подъемах завоевывать эти вершины, тесные ущелья и крутые перевалы, когда все это преодолено, достигнуто и уже во власти духа. И из полноты душевной глубины мы делали маленькие наблюдения над окружающими явлениями.

book3.indd 271 09.03.2010 17:36:39

Так в области офтальмологии было ужасно интересно наблюдать «настоящий» карачаевский весенний катар, обилие начинающихся катаракт, особенности местного блефароконьюктивита. Так открыли мы очаг местной трахомы, занесенной сюда из далекого Дагестана единоверцем-лезгином, женившимся на карачаевской женщине и заразившим целую семью.

От глаз своих пациентов мы с таким же интересом и любопытством переходили к другим объектам наблюдения.

В первые же дни нашего пребывания в Учкулане, пользуясь отсутствием больных в праздник Курмана, мы решили подняться на склоны высокого хребта, острым клином врезавшегося между ущельями Учкулана и Уллу-Кама. Гигантской пирамидой подымалась эта вершина над кварталами Учкулана, местами, покрытая молодой сосновой порослью, – остатками огромных хвойных лесов, истребленных в начале революции. Местами ее склоны были изборождены каменистыми осыпями, резко выделявшимися мертвыми каменными потоками на нежной зелени альпийской луговой растительности.

Когда вершина скрывалась в облаках, учкуланцы знали, что будет непогода. К этой вершине и устремились мы, нисколько не претендуя на ее достижение; хотелось побывать на ее склонах и поглядеть оттуда вниз на весь аул, вытянувшийся вдоль Учкулана на пять-шесть километров.

Крутой подъем по травянистому склону скоро утомил нас, особенно женскую часть нашей экскурсии. Из мужчин было лишь двое: я да мальчик Витя. Доктор Н.Н. Петров всегда избегал далеких прогулок, оберегая свое здоровье. К счастью, вскоре склон стал более отлогим и показалась тропа, ведшая к концу на лесной опушке. Это было весьма кстати. Все мы – любители карачаевского айрана, особенно в экскурсиях, вдали от селений, когда одолевают голод и жажда. Айран в таких случаях – божественный напиток. Кош оказался простым шалашом из ветвей, овцы и коровы паслись где-то вдали в балке. Однако пастух угостил нас айраном вдоволь и поднял падавшее было от усталости настроение.

Мы углубились в лес, состоявший из хвойных и лиственных пород с преобладанием сосны и березы. Как это всегда наблюдается

book3.indd 272 09.03.2010 17:36:39

в горах, наша вершина, казавшаяся снизу из аула самостоятельной одинокой горой, развернулась при подъеме в целую систему хребтов, один выше другого, – в целый лабиринт ущелий скалистыми стенами, просторных седловин с льняной, травянистой растительностью.

Мы вступили с интересом в этот мир, полный разнообразия в постоянной смене картин горной природы. Незаметно и постепенно поднимаясь среди деревьев и кустарников, обходя живописные скалы, мы достигли замечательной высоты. Мои спутницы стали решительно подумывать о возвращении домой, что мне ужасно не нравилось. Высоты влекут к себе; чудится особенный мир там, на вершинах, раскрывающих бесконечные дали. Мне казалось, что после пройденного пути вершина недалека. Excelsior!

Женщины запротестовали: дальнейший путь намечался очень крутой воздушной тропой по скалам среди редеющего леса, переходящего в кустарниковую поросль. Жутко и страшно! Спасло положение неожиданное появление огромного цветущего куста рододендрона. Я быстро двинулся вперед и издали крикнул, что вдали весь горный склон покрыт цветущими зарослями этой красы Кавказа.

Наши женщины последовали за мною, забывши про усталость. И горы огласились громкими криками восторга. Действительно, картина поражала своим великолепием. Там, где лесной покров оканчивался редкими рощами среди хаотически разбросанных скал, и начинался развертываться предвершинный мир альпийских лугов, сверкнуло внезапно лиловое, розовое, фиолетовое море цветов, собранных в огромные шаровидные букеты. Это цвели заросли рододендрона, чередовались между собою различные оттенки лиловых и фиолетовых тонов на зеленом фоне под ярким солнцем под синим небом. К роскошным зрительным впечатлениям присоединялось волнующее ощущение горных высот, отрыва от земли, парение в воздухе, нежный аромат цветов струился от разогретой земли. Все бросились в кустарниковую чащу рвать цветы. Я остановил их, посоветовавши сделать это на обратном пути, и указал вверх на близкий гребень вершины. Витя уже пересекал травянистый крутой склон, утопая в цветах. Вот он уже на гребне, кричит и машет шляпой. Нехотя последовали за мной наши женщины; с трудом одолели,

book3.indd 273 09.03.2010 17:36:39

скользя в высокой траве, луговой крутой склон, неожиданно опустились на вершине. То, что увидели мы с вершины, не поддается описанию, ибо трудно совместить точность изображения географических деталей, как она дается зрительным восприятием, с эстетическим наслаждением, в котором участвуют все чувства, вся душа.

Наша вершина оказалась, как и следовало ожидать, оконечностью, своего рода острием длинной горной цепи, отходящей от Главного Хребта Кавказа у стыка его с Эльбрусом. Эта цепь является водоразделом между речными системами Уллу-Кама и Учкулана и распадается в сложную систему вершин и ущелий, вырытых горными потоками, притоками этих рек. С нашей вершины в сторону юга, к Главному Хребту, раскрывалась вся эта система с обширными снежными полями, с небольшими ледниками, начинавшимися в ближайшем соседстве с нами. Только сейчас мы поняли, на какой высоте находились.

Но венцом всей картины был, конечно, Эльбрус, гигант Кавказа, как всегда, одинокий, не знающий соперников. Он подымался на востоке над ущельем Хурзука белоснежной массой, исполинским конусом с рассеченной вершиной и, казалось, широко распростерся мощным основанием на гранитных гребнях окружающих его и служащих ему подножием высоких гор.

«… И в их кругу колосс двуглавый,
В венце сверкая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый
Белел на небе голубом…»

(Пушкин, «Кавказский пленник»)

Внизу под ногами развертывались и уходили в даль знакомые ущелья с еле заметными кварталами аулов. И так странно выделялся на зеленом фоне лугов причудливый узор каменных ограждений отдельных покосных участков. Так, вероятно, рисуется земля взором наблюдателя с аэроплан

Долго сидели мы на воздушной вершине, любуясь чудесной панорамой горного уголка, где нас ожидала работа. Спуск мы совершили быстро, ненадолго задержавшись в знакомом коше, чтобы на-

book3.indd 274 09.03.2010 17:36:39

питься айрана. Однако домой вернулись мы с разбитыми этим спуском ногами.

В разгаре работы нам трудно было покидать больных на продолжительное время. Правда, доктор Н. Н. Петров всегда готов был заменить меня в больнице и амбулатории, но это повело бы к сокращению нашей деятельности. А главное – цель нашего пребывания в Карачае была не прогулки, не экскурсии в живописной горной стране, а работа. Наше настроение определялось размерами работы; мы были в восторге, когда захлебывались в потоке больных и операций, мы впадали в унынье, когда этот поток иссякал.

Вспоминаю наше настроение в Учкулане в 1922 году, когда ничтожные размеры работы привели меня в отчаяние и побудили бежать скорее в другой район. Тогда, несмотря на обилие досуга, и прогулки были нам не милы. К счастью, в этом, 1926 году, мы могли с удовольствием глядеть на толпы пациентов в амбулатории, на кипучую деятельность в операционной. Однако я должен сознаться: с нашими крупными силами мы смогли совершить работу в десять раз большую – принять не четыре с половиной тысячи, а сорок тысяч больных и сделать не сто пятьдесят операций, а целую тысячу. Правда, для этого нам пришлось бы работать с утра до вечера, как это наблюдалось в моих прежних отрядах в Уфимской и Оренбургской губерниях*.

В этом году в Учкулане мы, таким образом, были не нагружены работой, которая в необычных для нас благоприятных больничных условиях протекала очень гладко и быстро и потому оставляла достаточно времени для наслаждения природой Кавказа. Чаще всего мы в свободные часы уходили из больницы за реку Учкулан и отдыхали на лужайках около аула Эльбруса. Или же перед закатом поднимались на холм перед Эркеновским кварталом, следуя тропой к Ыпчикскому перевалу. Здесь мы усаживались на огромные камни и любовались открывшимся отсюда видом на Эльбрус, как он чудесно пламенел, меняя краски, покрывался литым золотом и постепенно погасал на вечерней заре. Солнце уже давно ушло за

* Так прошла работа в 1928, 1929 и 1936 годах в моих отрядах в Ингушетии, Осетии и Абхазии, где работа велась с 7-8 часов утра до 8 часов вечера – Прим. 1937 года.

book3.indd 275 09.03.2010 17:36:39

перевал, ущелья встречали сумерки уходящего дня, но Эльбрус еще видел не видное для нас солнце и посылал его лучам свой красочный привет.

Хороша была прогулка по крутой тропе мимо знакомых Нарзанов к Джазлыкскому перевалу. Она, эта тропа, начиналась от ближайших к Учкулану кварталов аула Эльбрус, от Лепшоковского квартала, и стрелой летела вверх, соперничая в крутизне подъема с летящим в нее потоком. – Я уморил своих спутниц, побуждая их двигаться все выше и выше. Мне чудились мощные хвойные леса на перевале. И я не ошибся. Мы вышли в путь после работы в больнице поздно. И потому только перед закатом, обливаясь потом, вступили в перевальную область

Лес был густой. Могучие сосны своими корнями преграждали путь. Таинственный сумрак царил под лесными сводами: ночная тишина усиливала очарование. Настоящий сказочный горный лес! А в просветах между стволами на востоке, над падавшей в бездну пройденной тропой, вставал на небе над горами величественный шатер Эльбруса и играл всеми красками начинавшегося заката.

Крутой подъем остался позади. Земля стала ровной. Я углубился в лесную чащу и заметил начало спуска в Доутское ущелье к Джазлыку. Так хотелось побежать вниз и посмотреть, что творится на той стороне, какой новый мир откроется на западе с высот перевала. Но быстро надвигались сумерки, и нам предстоял очень крутой спуск домой. Благоразумие и забота о женском персонале отряда в городских туфлях взяли верх. И мы спешно двинулись назад, все время любуясь Эльбрусом.

Спуск был труден в сумерках, когда мы вышли из лесов и покатились вниз по каменной тропе. Не одна нога пострадала во время этого спуска, не одна женщина проклинала чрезмерное увлечение горными подъемами и мое участие в них. Во всяком случае, мне больше не удалось организовать в компании еще одну прогулку в этом интересном направлении и полюбоваться мрачным ущельем Доута среди высоких крутых хребтов с высот этого перевала.

В работе мы все жили очень дружно, все проникнутые одним настроением, стремящиеся к одной цели – как можно лучше помочь

book3.indd 276 09.03.2010 17:36:39

нашим глазным больным. Но за пределами этой цели уже начиналось наше расхождение. Н. М. Привалова претендовала на исключительное внимание к себе, что не нравилось М. И. Цыпкиной и Н. Ф. Хлыниной. Супруги Петровы жили своей особой жизнью. В этих взаимоотношениях не было для меня ничего неожиданного. Пример отряда 1925 года, когда коллизии в женской половине (вернее, в женских пять из шести) отряда вылились в резкое обособление одних групп от других, явился примером для прочих отрядов с преобладанием женщин в составе отряда.

Мне ужасно хотелось объединить всех не только в наслаждении увлекающей офтальмологической работой, но и в наслаждении природой Кавказа, в общении с нею и населяющими ее людьми. Это была очень трудная задача. И я часто отдыхал в одиночестве, уходя в горы. Чудесную прогулку совершил я на вершину Эльбаши. Эта громада, принадлежащая к системе Эльбруса, подымается круто над ближайшими к нам кварталами аула Хурзук. Совершенно голая, обнаженная с этой стороны, она, по-видимому, и на вершине лишена лесного покрова благодаря своей высоте. Да и вершина ее не представляет никаких красот рельефа; ровная и плоская, как спина бегемота, она переходит к востоку в обширные плоскогорья Бечесына. Я очень люблю эти горные степи у северного подножья Эльбруса, где расстилается бесконечный простор горных далей и небес, где только один Эльбрус на юге ограничивает ближний горизонт.

Ишачья узенькая тропа по западному склону над Карт-Джюртом шла сначала среди кустарников боярышника и барбариса, – остатков истребленного недавно леса. Местами тропа срывалась с крутого склона в каменных осыпях, образованных дождевыми промоинами. И тогда мне приходилось испытывать жуткое ощущение, и даже страх: вот-вот покатишься сам по склону вниз, туда, где несется среди перекатов Кубань. Но опасные места пройдены благополучно, и тропа ушла в лес, в складках северного склона горного массива. Я с трудом поднимался у верхней границы лесного покрова, утопая по шею в высочайших травах. И только вершинный купол с каменными обнажениями, со скудной травяной растительностью дал твердую опору ногам и свободу их движениям.

book3.indd 277 09.03.2010 17:36:39

Вершина не обманула моих ожиданий. Я получил то, к чему стремился: обширное темя горного массива доминировало над окрестными горами и открывало широкий горизонт во все стороны. Я долго бродил по горному лугу; узнавал наш путь 1921 года по ущелью реки Сесь, когда мы после невольного многодневного сиденья на Бечесыне получили, наконец, возможность двинуться к Учкулану. Тогда нас выручил молодой Хаджи-Мурат Кочкаров с отрядом милиционеров.

Глава 7

КАМЕННЫЙ МОСТ

Теперь Хаджи-Мурат был уже студентом Кубанского Медицинского института! Он часто заглядывал в нашу амбулаторию, в нашу больницу, как заправский врач. Ведь он официально заведовал Учкуланской «поликлиникой» и вел самостоятельно прием больных в соседнем с нашим кабинетом помещении.

Видя мои одинокие прогулки и догадываясь о моем настроении, о моем желании уединиться где-либо среди величественной горной природы, он однажды явился к нам в больницу верхом, ведя в поводу другую оседланную лошадь.

– Станислав Владимирович, не согласитесь ли съездить со мною в аул Хурзук? Там одна старушка, больная, очень просит оказать ей помощь. У нее сильно болят глаза!

Так как работа в больнице уже близилась к концу, я охотно согласился на это предложение. Но едва мы выехали через мост на гладкую хурзукскую дорогу, Хаджи-Мурат вдруг заявил мне:

– Станислав Владимирович, я вас обманул. Никто нас в Хурзуке не ждет! Я просто хотел вас пригласить проехать к Каменному Мосту верхом. Вы работаете так долго в Карачае и еще не видали этого красивого уголка. В 1922 году там были, кажется, наши врачи без Вас. вот я и хочу поехать с вами туда вдвоем. Если бы я заявил об этой прогулке открыто всем, все потребовали бы устроить туда поездку, но столько лошадей трудно достать. Поедем вдвоем!

book3.indd 278 09.03.2010 17:36:39

Прекрасный солнечный день: горный воздух; волнующее ощущение верховой езды; заманчивые перспективы увидеть высокогорные уголки у самого Главного Хребта… Чего еще можно желать?! И мы поскакали вперед по ущелью Уллу-Кама через Хурзук.

Урочище «Каменный Мост» находится в 25 километрах от нашей больницы. Трудно представить себе более очаровательный уголок в горах. Там, где громада Эльбруса примыкает к Главному Хребту Кавказа, из-под снегов и ледников собираются горные потоки и стекаются в тесных лесистых ущельях в большой поток Уллу-Кама. Другой исток этой реки, Узун-Кол, стремится прямо с юга от Главного Хребта. При слиянии этих рек – высокий горный отрог с плоской, слегка волнистой поверхностью.

Этот гранитный массив представляет роскошный бельведер, откуда во все стороны открываются виды, один другого величественнее и привлекательнее. Его гранитные купола, отполированные тысячелетиями, цветущие полянки между ними, где так хорошо полежать в высокой траве; его группы обомшелых скал с сосновыми рощами на них… Все это, обвеенное прохладным воздухом близких снеговых вершин, залитое горячим солнцем юга, уже лишает способности говорить, восхищаться.

Но не увлекайтесь до самозабвения мелодичным пением шумящих над вашей головою сосен и оглянитесь. Прямо на юге над ущельем Узун-Кола гигантской стеной высится Главный Хребет. Чернеют его отвесные пики и ослепительно сверкают вечные снега. Какой-то таинственный мир, декоративно выглядывающий как будто из-за кулис между ближними, также снежными на вершинах, мощными отрогами.

Невольно влечет туда ввысь к заветной грани, к перевалам в загадочную Сванетию. И совсем нестрашным кажется путь туда, когда посмотришь, как весело и резво несется оттуда по хвойным лесам, по зеленым лужайкам Узун-Кол. Я даже спустился с бельведера и выкупался в ледяных струях горного потока.

На востоке открывается ущелье Уллу-Кама, но реки не видно. Недалеко высятся снеговые цепи и замыкают горизонт. Еще ближе бесчисленные горные отроги бесконечными кулисами заходят друг за друга и намечают глубокую впадину, всю заполненную дремучим

book3.indd 279 09.03.2010 17:36:40

сосновым лесом. Там, в этих лесах, извиваясь змеей, и прокладывая себе путь среди теснящих его справа и слева горных отрогов, роется Уллу-Кам. Реки не видно. Но где-то близко она ревет. Откуда-то снизу доносится ее заглушенный шум.

Я спускаюсь с бельведера, вступаю в сосновый лес, направляясь к реке. Но ничто, кроме растущего шума, не говорит об ее близости! И вдруг я неожиданно останавливаюсь на краю страшной пропасти с отвесными, даже подрытыми краями. Жуткая и величественная картина открывается сразу передо мной и подо мной, когда я, держась за дерево на краю бездны, смело гляжу в нее и внизу на глубине нескольких десятков саженей вижу бешеный поток, летящей по камням, бьющий в гранитные стены узкого коридора, словно разъяренный мечущийся в клетке зверь.

В давно минувшие времена огромная скала обвалилась с соседней вершины; и обломок ее докатился до речного каньона и застрял в узком желобе сверху его, образовавши, таким образом, естественный мост. Это и есть знаменитый «Каменный Мост» в ущелье Уллу-Кама. Я долго сидел на этом монолите прямо над кипящей бездной в густом сосновом лесу, пронизанном горячими лучами горного солнца. И как всегда в природе и жизни, рядом с этой пропастью – такие мир и тишина вокруг!

Песчаная дорога ведет вглубь ущелья. По ней медленно спускаются карачаевские арбы с лесом. Идут, возвращаясь с кошей, ослики, нагруженные туго набитыми бурдюками с айраном. Там, в этих высокогорных ущельях, процветает такой же труд, как и внизу в долинах. А в стороне от дороги, на лесорубных местах, на прогретых солнцем полянах такое обилие спелой пахучей земляники…

Я возвратился к вечеру, очарованный поездкой и всем виденным. Лишенный эгоизма, я твердо решил, что все наши члены отряда должны побывать у Каменного Моста. Поэтому я тотчас рассказал о своих впечатлениях. И мы в ближайшие дни воспользовались праздничным затишьем в работе и организовали экскурсию в ущелье Уллу-Кама на двух тачанках.

Восторг был всеобщий, тем более что к зрительным и слуховым впечатлениям присоединились не менее приятные вкусовые от зем-

book3.indd 280 09.03.2010 17:36:40

ляники. Мои спутницы долго не могли оторваться от этого лакомого блюда, когда я торопил их в обратный путь.

Глава 8

*К ЭЛЬБРУСУ! ЛЕДНИК КЮКУРТЛЮ**

В этом году мне удалось наконец осуществить давнишнюю мечту, заветное желание во время поездок в Карачай – побывать на леднике Эльбруса, подойти поближе, вплотную к этому гиганту, высочайшей вершине всего Кавказа и Европы. Мне казалось, что этот год – год прощания с Карачаем; что я не скоро попаду в его гостеприимные ущелья. И, покидая, быть может, надолго этот горный уголок, хотелось проститься с исполином Кавказа, под сенью которого нашли себе приют наши горцы.

Наша работа в отряде склонялась уже к закату. Главная масса больных уже прошла через амбулаторию. Операции стали реже. Угадывая мое желание, карачаевская молодежь во главе с Хаджи-Муратом Кочкаровым и хурзукцем Кубановым – оба студенты, организовала нам экскурсию к Эльбрусу: собраны были лошади и намечен план ее. В экскурсии принял участие и Магомет Хубиев из аула Эльбрус, служивший лекпомом в родном селении.

Работа в отряде не могла потерпеть ущерб от моего отсутствия, ибо Н.Н. Петров и Н. М. Привалова отказались от поездки, считая ее трудной и утомительной. Они остались продолжать работу. Таким образом, из членов отряда участниками экскурсии оказались – я, Наталья Хлынина, Мария Ивановна Цыпкина и Витя, которого нехотя отпустила мать с нами.

Действительно, утомителен был этот верховой путь по ущелью Уллу-Хурзука, крутой подъем в сосновом лесу на Кюкуртлю-Кол, дальнейшее движение вдоль этой реки по каменистой тропе среди древних мореных отложений ледника.

Несколько раз Эльбрус показывался нам с поворотов тропы,

* Кюкуртлю – Кюкюртлю.

book3.indd 281 09.03.2010 17:36:40

совсем близкий; и потому доступной обзору была только небольшая часть этого снежно-ледяного гиганта. Но вот и последние рощи, последние сосны робко подошли к желтеющим обрывам и остановились перед хаосом обломков скал в ложе потока. Стало холодно. Впереди чувствовалась унылая горно-ледяная пустыня. Оттуда веяло жутью.

Мы остановились у реки, выбравши местечко с жалкой травяной растительностью, и расположились на ночлег, ибо надвигались сумерки. Здесь в этой мрачной трущобе темнота еще более усиливала жуткое чувство оторванности от всего живого. Ярко запылал костер, сооруженный энергичной молодежью. В темноте стало клонить ко сну после продолжительного перехода. Закутавшись в бурку, я готов был тотчас задремать, не дожидаясь ужина, которым занялись наши карачаевские спутники.

Но дело с ужином приняло серьезный оборот. Хубиев заявил мне, что ужин готовится в честь меня, в честь моей работы в Карачае. Для этой цели режется барашек, и будет торжество. И действительно, началось священнодействие, продолжавшееся далеко за полночь под руководством Хубиева. Освежевали со всеми церемониями барана, варили его в котле, жарили шашлык, поливая его айраном. Потом торжественно уселись в кружок около костра, поднимали чаши с айраном, провозглашали тосты, ели жаркое, причем мне предлагались лучшие куски.

Произносились речи, в которых отмечались мои заслуги перед Карачаем. Жар от костра и темнота ночи позволили мне скрывать свое смущение от неумеренных похвал. Я любовался как зритель, а не как соучастник пира, всей этой странной обстановкой. Бивуак у подножия Эльбруса, у входа в самый мрачный из ледников Минги Тау, – серный ледник, по-карачаевски «кюкюрт» – сера. Холод горных высот, на 10 тысяч футов над уровнем моря, усиливаемый холодом ночи. Безмолвие пустыни, нарушаемое слегка треском костра и отдаленным рокотом потока, да голосами пирующих. Иссиня-черное небо, усеянное звездами, кажется еще более черным от костра, в освещенном круге которого мы все сидим.

Плохо спалось мне в бурке на жестком каменном ложе. И я был

book3.indd 282 09.03.2010 17:36:40

страшно рад, когда забрезжил рассвет, обещая яркий солнечный день. Медленно поднимались один за другим мои спутники, пригревшиеся у костра. Я торопил всех в путь к леднику, ибо утром ледник доступнее: вытекающий из-под ледника поток мелководен, его легко перейти вброд по камням; ледяной покров тверже, нет на его поверхности такого обилия ручьев, падающих в трещины, как это бывает днем в разгаре таяния под солнцем.

Тяжел был крутой подъем пешком к глетчеру с прыжками через ледниковые потоки, через острые обломки скал, по рыхлому, мореному щебню, пока не оказался под ногами твердый лед. Тяжело было и продолжительное странствование по скользкому льду в неприспособленный для этого обуви, осмотр ледника и обратный путь к месту ночлега.

Ледниковый мир высокогорных областей очень своеобразен и возбуждает особенные чувства. На солнечном гранитном выступе у Каменного Моста, среди цветов альпийских лугов, под нежно шумящими соснами я испытывал полную немоту и слов и чувств; полное слияние с природой в одном космическом сознании, в высших сферах бытия. Это состояние можно лучше всего выразить словом «очарование», словами поэтессы, слагающей псалом природе:

«Есть в высоте блаженной кущи,
Цветами полны кущи те.
Но дух, Тобой едино сущий,
Их созерцает в немоте.
Там ангелы поют порою,
Крылами вее на лету...
Но в их золотострунном строе
Храню немую полноту…»

Но природа двуликая; и в диком ущелье Кюкуртлю пробуждаются иные чувства. И здесь было солнце и голубое небо. Но это солнце освещало ужасную рану, обнажившую западный фланг Эльбруса, словно подрывшую самое основание этого великана Кавказа и открывшую недра гор.

Двуглавой вершины Эльбруса не видать. Он как будто отклонился

book3.indd 283 09.03.2010 17:36:40

в сторону, чтобы показать свой раненый бок. И мы мелкими букашками ползаем по самому дну этой жуткой трещины, по глыбам льда по скалам. Сжимающие ущелье скалы какие-то необычайные.

Это не гордые, несокрушимые гранитные пики и гребни, так величественно обрамляющие другие ледники Кавказа, как, например, Безингийский, Цейсский, Караугом. Здесь это – затихшие потоки лавы, растрескавшиеся, разбитые, размытые ледяными и водными потоками, торчащие над глетчером гигантскими желто-красными стенами, готовыми вот-вот обвалиться. Они и обваливаются и засыпают лед безобразным мусором, осколками сернистых минералов, чистой серой. Серный запах стоит над ледником, как будто у входа в преисподнюю.

Это – та же природа, природа Кавказа. И мы те же, но чувства напряжены, – чувства насторожившегося животного и человека. Осторожно обходя ледниковые трещины, перепрыгивая через ледяные ручьи, работая руками и ногами, мы выбираемся наконец из холодных объятий глетчера на зеленые склоны обрамляющих его у выхода гор. И долго отдыхаем под солнцем в траве, глядя в голубые глаза незабудок, в синие звезды генциан.

Мы возвратились к нашему бивуаку утомленные. И когда любезный Кубанов предложил двинуться дальше к северным склонам Эльбруса по ущелью Битюк-Тюбе, чтобы посмотреть горячие нарзаны по соседству со снегами, я решил возвращаться домой: моим спутникам нелегко дался верховой марш, и обратный путь предстоял далекий.

В течение нескольких дней после этой поездки я чувствовал себя физически разбитым, но в то же время глубоко удовлетворенным.

book3.indd 284 09.03.2010 17:36:40

Глава 9

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В УЧКУЛАНЕ И ПРОЩАНИЕ С КАРАЧАЕМ

Наступили последние дни нашего пребывания в Карачае. Приближался конец июля. Чечня ждала нас. Туда было послано извещение о нашем прибывании в Грозный 2-3 августа. А. А. Гюльназарян должна была сменить «чеченцев» и заканчивать здесь работу вместе с доктором Н. Н. Петровым.

В назначенный для ее приезда день мы всем составом отряда вышли ей навстречу по Карт-Джюртской дороге и в двух километрах от Учкулана расположились на пригорке, ожидая, что вот-вот покажется тачанка с знакомой всем нам участницей многих наших глазных экспедиций. Мы просидели до сумерек и возвратились в Учкулан разочарованные, решивши, что Анаида Александровна осталась ночевать в Баталпашинске. Но на другой день оказалось, что мы ошиблись: Анаида Александровна проехала поздно вечером мимо того места, где мы ожидали ее. Но проехала она и мимо нас, мимо больницы и остановилась в Кочкаровском квартале в семье Хаджи-Мурата.

Напрасно мы рассчитывали на появление ее в отряде тотчас по приезде. Она не явилась ни в день приезда, ни в последующие дни. Она была сильно раздражена и недовольна тем, что в приказе по Карачаевскому облисполкому об организации отряда в Учкулане она не была включена в состав отряда.

Когда мы навестили ее в ее «Splendid isolation», наступила и моя очередь раздражаться и быть недовольным ее поведением. Оказалось, что она самовольно, но от моего имени, организовала себе двухмесячный глазной отряд в Кисловодске, в качестве якобы продолжения нашей работы в Карачае, ибо в Кисловодске находился центр Мало-Карачаевского округа. Работа в Кисловодске, в шумном и блестящем курорте, в разгаре курортного сезона, мне казалась профанацией идеи глазных отрядов, которые должны идти в самую глушь, в тру-

book3.indd 285 09.03.2010 17:36:40

щобы, «где трудно дышится, где горе слышится», где голод и жажда по глазной помощи.

Но как бы то ни было, дело было сделано: Анаида Александровна с семьей доктора Петрова и своей семьей должны были после нашего отъезда в Чечню покинуть Учкулан через несколько дней вслед за нами и выехать в Кисловодск. Учкуланские больные для окончания лечения предоставлялись попечению Хаджи-Мурата Кочкарова.

Последние дни… Прощание с Карачаем ознаменовалось неожиданными для меня событиями и носило очень трогательный характер. Уже под Эльбрусом на бивуаке у ледника Кюкуртлю был зарезан барашек в честь меня, как новоизбранного гражданина Карачая, почетного гражданина аула Учкулан. Теперь последовало торжественное провозглашение этого события в заседании Исполкома, в присутствии представителей населения Учкуланского округа. Я занимал в президиуме почетное место. Почтенные старики и молодежь говорили мне от души простые и хорошие слова. Я от имени всего отряда, всех прежних наших отрядов, отвечал благодарственной речью. Потом, как настоящий горец, я получил подарки: на меня надели бурку, папаху и башлык! Хаджи-Мурат явился с двумя оседланными лошадьми. И я в этом новом наряде проехал с ним через весь длинный аул, через все его кварталы, в жаркий солнечный день.

Потом нас не менее торжественно провожали…

Все эти последние дни я ходил как в угаре и опомнился только тогда, когда на двух линейках быстро катились по Кубанскому ущелью через аул Карт-Джюрт с лицом, обращенным к северу. Но долго еще звучат в ушах последние слова приветствий и перед глазами все еще стоят группы провожающих, друзей-карачаевцев и оставшихся членов нашего отряда, нашей клиники…

Линейки быстро катятся по твердой гладкой дороге, словно хотят обогнать волны Кубани, стремящейся также на север. Я мечтательно гляжу вперед. Мое внимание привлекает всадник на противоположном берегу реки. Он держит путь параллельно нашему через аул Эльбрус. Он мчится вихрем на прекрасной лошади, высокий стройный горец с такой красивой посадкой. Он не отстает от нас, он обгоняет нас, как будто хочет перерезать нам путь. Но Кубань пол-

book3.indd 286 09.03.2010 17:36:40

новодна, и его лошадь не переправиться через нее вброд. Но вот и последние кварталы Карт-Джюрта, мост через реку. Загремели кованые копыта по деревянному настилу зыбкого моста, и всадник, обогнавши нас, остановился на дороге.

Это был лекпом Магомед Хубиев. Он провожал нас через свой родной аул Эльбрус…

book3.indd 287 09.03.2010 17:36:40

В.Очаповский,
отец Станислава
Владимировича,
секретарь съезда
мировых судей.

Фото конца 19 века

Оригиналы фотографий, дневников Очаповского

book3.indd 288 09.03.2010 17:36:41

Студент Военно-медицинской академии С.В.Очаповский. 1901 г.

book3.indd 289 09.03.2010 17:36:42

Станислав Владимирович и Надежда Васильевна с сыном Володей. 1933 г.

Станислав Владимирович с семей. 1935 г

book3.indd 290 09.03.2010 17:36:43

Глазной отряд перед монастырской амбулаторией

Наш глазной отряд в Адыге-Хабле, 1929 г.

book3.indd 291 09.03.2010 17:36:44

Глазной отряд перед амбулаторией в Монастыре

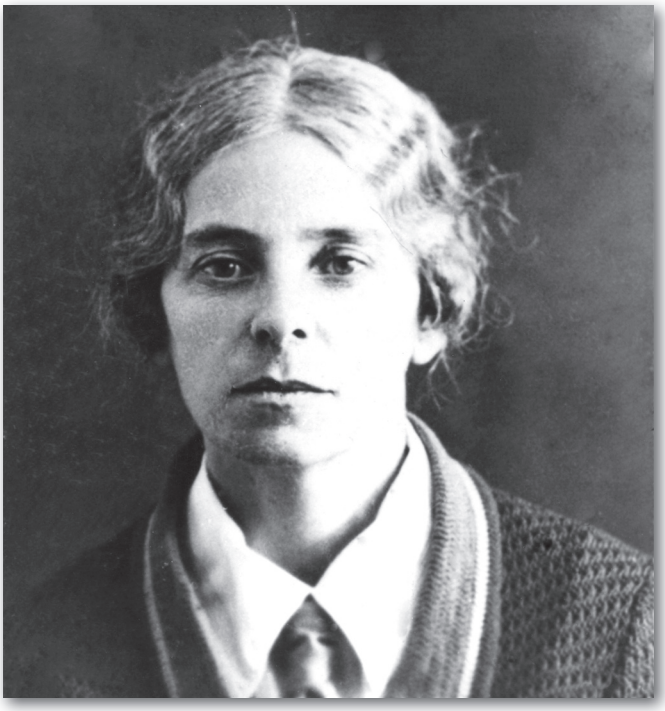
В первом ряду - НИК..., С.В.Очаповский,В.М. Шепкалова

book3.indd 292 09.03.2010 17:36:45

Заведующий
Областным
Карачаевским
здравоохранением
Магомет Кочкаров

Эльбрус с Бийчесына

book3.indd 293 09.03.2010 17:36:46



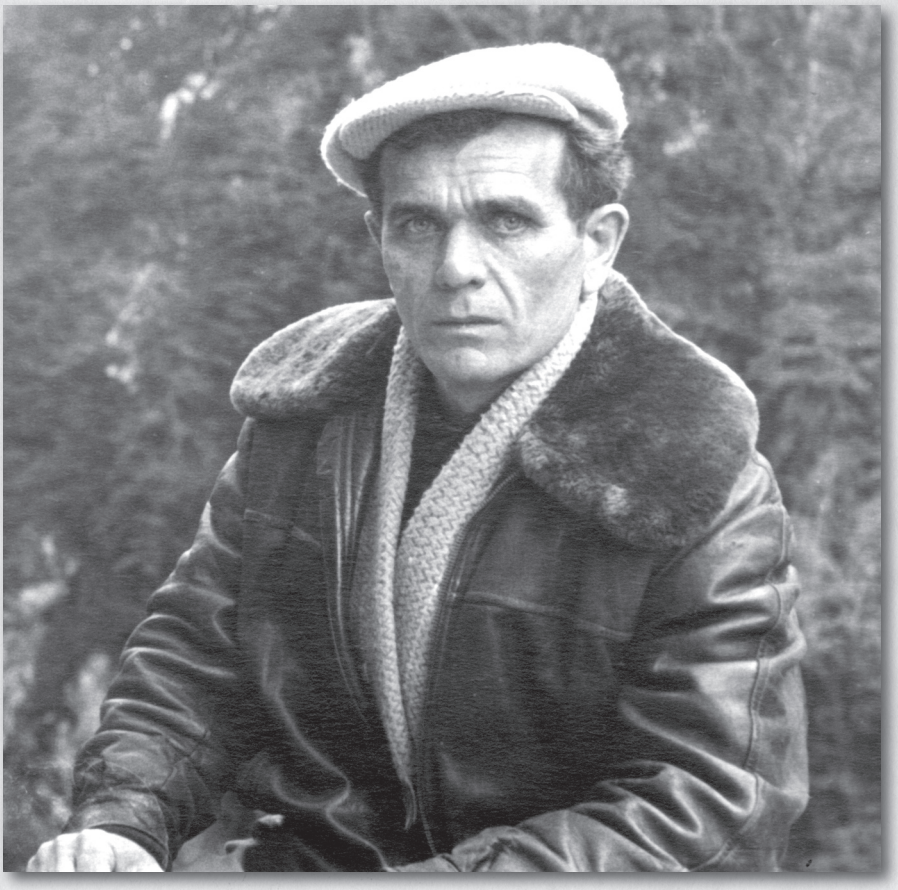
Н.В.Очаповская,
Краснодар, 1946 г.

Пациенты глазного отряда

book3.indd 294 09.03.2010 17:36:46

С. В. Очаповский , заслуженный деятель науки и профессор офтальмологии Кубанского медицинского института

book3.indd 295 09.03.2010 17:36:47



Амин Караджашевич Темрезов, 70-е годы

book3.indd 296 09.03.2010 17:36:49

А. К. Темрезов

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН КАВКАЗА

book3.indd 297 09.03.2010 17:36:50

Если вы вернули зрение хоть одному старику –
вы свершили свое земное дело.

Восточная мудрость

ОТ АВТОРА

Несколько лет назад с группой альпинистов мне довелось недели две бродить по хребтам и ущельям Кавказа. Последнюю ночевку в горах мы провели на водоразделе Кубани и Терека. Здесь, на девственных альпийских лугах, кочевали с отарами чабаны карачаевского совхоза «Учкуланский». Под базальтовой скалой, закопченной, быть может, еще кострами тамерлановских авангардов, мы просидели с пастухами до полуночи. Ледяная громада Эльбруса царила над хаосом его отрогов, навевала элегическую мысль о бренности всего человеческого перед чудовищными силами природы, безбрежностью пространства и времени.

Старейший из чабанов, восьмидесятилетний Рамазан, укладываясь спать на косматой бурке, тяжело вздыхал, кряхтел и бормотал что-то невнятное. Опустившись на колени, он извлек из-под бороды треугольный амулет, несколько раз благоговейно и страстно приложил его к своим губам. Мне и прежде приходилось видеть подобные атрибуты мусульманского религиозного культа, поэтому ничего примечательного во всем этом я не усмотрел. Чтобы не смущать старого человека, сосредоточившегося в молитве, мы постарались не замечать его и говорили вполголоса, но он сам вдруг обратился к нам:

– Думаете, старый Рамазан поклоняется пророку? На небесах есть Аллах. А на земле мой бог вот этот человек. Пятьдесят лет у сердца ношу, никогда никому не показывал, вам – можно...

Он вскрыл ножом кожаный мешочек талисмана и осторожно вынул из него комочек пожелтевшей бумаги. Протянул мне на заскорузлой ладони. Это была небольшая вырезка, как позднее установил я, из первого номера газеты «Горская жизнь» за 8 сентября 1921 года. Вот полный текст заметки под заголовком «Редкий случай исцеления»:

«В ауле Учкулан живет семья бедняка Рамазана Джазаева, у которого все трое детей – десяти, семи и двух лет – родились и все время

book3.indd 298 09.03.2010 17:36:50

оставались слепыми. Отец обратился к С.В. Очаповскому, который со своим глазным отрядом несколько недель работал в Карачае. Находя случай семейной катаракты крайне редким, русский доктор все же согласился на хирургическое вмешательство. Родители в тревоге ждали результатов. И что же? В итоге операции и тщательного ухода, к удивлению всего аула, к бесконечной радости родных и близких все три мальчика прозрели. Можно представить себе чувство благодарности горцев Советской власти, которая присылает в глушь таких докторов».

Краснодарский старожил, я много хвалебного слышал о Станиславе Владимировиче Очаповском, не однажды в раздумье останавливался у подножия памятника ему в саду краевой клинической больницы, носящей его имя, но амулет старого горца привел меня в мир удивительных открытий. Оказалось, подобных «редких случаев исцеления» в его практике было бесконечное множество. В беседах с людьми, близко его знавшими, вырисовывалась незаурядная личность «из тех смиренных тружеников, что, менее всего помышляя о славе и почестях, избирают дороги, так или иначе приводящие к величию».

Сотрудница и подруга жизни давно покойного профессора, Надежда Васильевна, в первую нашу встречу показала мне одну бесценную реликвию – изрядно потрепанную карту Кавказа от Таманского до Апшеронского полуострова, усеянную множеством кружков, обозначавших селения и аулы, где побывал Очаповский со своими глазными отрядами. На территории Карачая, Балкарии, Адыгеи, Дагестана, Черкесии, Кабарды, Осетии, Чечни, Ингушетии и нет, пожалуй, горного закоулка, в котором не побывал бы этот рыцарь света.

Своей гуманной профессией, талантливыми руками и неотразимым обаянием он всегда покорял людей. А встречаться ему пришлось со многими. Одинаково доступный для богатого и бедного, он лечил глаза и царским сановникам, и обездоленным босякам. Сотням обреченных вернул зрение, от тысяч отвел беду, имя которой слепота.

Исцеленному хотелось, кроме обычной благодарности, сделать еще и подарок от самого чистого сердца. Дарили цветы и книги – принимал с признательностью. Подносили деньги и продукты – почтительно отказывался. Предлагали золото и собственных дочерей в рабыни – с гневом отвергал.

book3.indd 299 09.03.2010 17:36:50

Лишь однажды он изменил святому правилу. Это случилось, когда общественность Кубани и Северного Кавказа чествовала заслуженного деятеля науки РСФСР в день шестидесятилетия со дня рождения и тридцатилетия служения на врачебном, научном и педагогическом поприще. В актовом зале Дома Красной Армии рабочие и колхозники, ученые и студенты сердечно поздравляли юбиляра. В заключение торжества, которое заставило прослезиться и профессора, и многих присутствовавших, был поднесен подарок – искусно сработанная из драгоценных минералов модель человеческого глаза.

Вещица была чудесным творением двух великих мастеров – природы и человека. Око из самоцветов, вдвое крупнее натуральной величины, покоилось в изящной коробочке на аспидно-черном бархате. На бледной опаловой роговице сбегались к синей, как небо, радужке и зрачку розовые и голубые прожилки. Хрусталик был алмазный и устроен так, что, если смотреть через него на мир, грани его сказочно сверкали радугой, на которую распадался солнечный свет – основа всего сущего на земле.

Давай, дорогой читатель, бережно возложим на ладонь то волшебное око и сквозь «магический кристалл» рассмотрим спектр жизни этого необыкновенного человека. Перед тобой рассказ о борце, чей жизненный подвиг заслуживает большей чести, чем мы можем воздать ему на словах. Нашей молодежи с уважением посвящаю свой скромный труд и уверенность, что каждый читатель найдет в книге достойные подражания примеры бескорыстной любви к людям, верности призванию, мужества и благородства.

book3.indd 300 09.03.2010 17:36:50

СТАНОВЛЕНИЕ

Жизнь человеческая в сравнении с вечностью – лишь мгновение, но в искре, сверкнувшей между полюсами рождения и смерти, вмещается целый мир. Сколько людей столько миров! Чтобы отыскать во времени и пространстве изначальное человека, о котором эта книга, придется вернуться на столетие назад, в уездный городишко Слуцк, что немного южнее Минска. Это теперь сущие пустяки добраться сюда автомобилем, поездом или самолетом, а в ту пору глухое поселение среди лесов и болот, как любили говорить горожане, стояло «поперек горла».

На то были веские основания. Ровесница Москвы, деревянная крепость при извилистой речке Случь не однажды сотрясалась под яростными валами тевтонского, шведского и татарского нашествий. Но и отсюда частенько случались грозные сокрушительные обвалы на вражескую землю. Воинственные клики чужеземных захватчиков из-под развалин истории ныне отзываются едва слышным эхом, а форпост Руси на западном рубеже пережил века. Издревле край этот славится событиями больших исторических масштабов, выдающимися личностями. И по сей день в полесских селах звучат героические мотивы, унаследованные со времен Селивана Наливайко и Тадеуша Костюшко. Их отголоски вьются над полями наподобие звонких нитей бабьего лета. Старожилы покажут и хутор Заосье близ Новогрудка, где родился Адам Мицкевич, и замшелые свои мосты, по которым переправлялась через Случь багратионовская армия, и место, где стояло папское имение, в котором Кастусь Калиновский перебил, чуть ли не всю окрестную шляхту, сбившуюся под защиту жандармов.

Забытым краем была полесская земля и сам Слуцк во времена, к которым относится наш рассказ. Энциклопедический словарь тех лет красноречиво говорит о достопримечательностях уездного центра: жителей немногим более четырнадцати тысяч, мужской монастырь, духовное училище, восемь православных церквей, католический и кальвинистский костелы, две синагоги, несколько хедеров и талмуд-тор, мужская гимназия, приходская школа, тюремный замок, две мукомольни, пивоваренный завод, четырнадцать трактиров и лавок, лечебница на шесть коек.

book3.indd 301 09.03.2010 17:36:50

Сюда-то со всеми чадами и домочадцами перебрался на жительство отставной поручик из бывших кантонистов, участник Крымской войны Владимир Станиславович Очаповский – отец будущего ученого. Ему к тому времени было около пятидесяти. После увольнения из военного ведомства несколько лет он управлял имением в местечке Иодчицы, принадлежавшим одному из многочисленных отпрысков польского магната Радзивилла, десятилетиями пропадавшего за границей. Теперь же ветеран Севастопольской осады был избран секретарем съезда мировых судей и мог рассчитывать на долгую службу, ибо должность была несменяемой.

С первых же дней он горячо принялся за свои новые обязанности. Со времен манифеста об «освобождении крестьян» хоть и минуло два десятилетия, однако недоразумениям и спорам между крестьянами и их бывшими владельцами не видно было конца. При рассмотрении любого дела секретарю невольно приходилось как бы плясать на канате: с одной стороны – барская спесь и презрение к законам, с другой – нужда и забитость, полное бесправие.

Усердная и ревностная служба не оставляла ему свободного времени. Кроме канцелярии, он знал узкий мирок своей семьи и был глубоко ему предан. Супруга пана секретаря была тихой бедной барышней, совсем еще юной, когда отставной поручик предложил ей союз любви и верности. Приданое, что досталось от тетушки, сосланной в погибельный иркутский край, – четыре тысячи в серебре – были обращены в ценные бумаги. На проценты с них семья жила вначале. Позднее за эти деньги был куплен слуцкий дом. На черный день средств не оставалось.

Стась, центральная фигура нашего повествования, родился 9 февраля 1878 года в Иодчицах. Он был девятым ребенком. По местным поверьям, это сулило большое богатство, власть и славу. В рассуждение о будущем призвании новорожденного хлопотавшие в доме повитухи не вдавались. Младенца окрестили Станиславом, в честь деда. Из родившихся до Стася оставались в живых семилетний Леонид, за любовь к мелкой букашке получивший прозвище «тараканьего профессора», Дмитрий, Евгений и Владимир. После Стасика появились Николай, Юлия и Елена.

Единственная роскошь, которую позволял себе бывший поручик и не жалел при этом о расходах, – покупка книг. Он был того убеждения,

book3.indd 302 09.03.2010 17:36:50

что душевные изъяны детей это грехи родителей. Из всех добродетелей превыше всего в семействе ценилась доброта, о которой в народе говорится, что она дороже всех талантов человеческих.

Как и во многих семьях в те далекие времена, Очаповские с именем Бога вставали и укладывались спать. Однако, впервые посетив церковь, Стась нашел там все внешне красивым и ярким, но до отвращения фальшивым. Четырнадцатилетним, он писал в дневнике:

«Сегодня великая суббота, завтра пасха. Сколько в былое время радости, возбужденного ожидания, и сколько теперь равнодушия ко всей этой возне вокруг всевышнего, святых и угодников. Невольно вспоминаются добролюбовские строки: «С воспоминанием, в самозабвении, детскими чувствами вновь я горю, только уж губы не шепчут моления, только рукой я креста не творю». Этот голос из прошлого для меня как зов или как завещание».

Какими же факторами и явлениями окружавшей жизни вскармливались та «сила ума», о которой с гордостью говорит совсем еще юный гимназист, и скептицизм, исподволь разъедавший его еще незамутненную душу. Один случай не мог не потрясти впечатлительного ребенка, став тем рубежом, когда наивная созерцательность сменяется потребностью иметь ко всему свое критическое отношение.

В гимназической читальне хорошая книга попадалась редко. Шкафы были забиты назидательными описаниями подвигов отцов церкви и святых мест. Елейная писанина вызывала отвращение. Ум тянулся к здоровой духовной пище. Добывали ее разными путями. Полулегальные издания и запрещенные произведения Белинского, Добролюбова, Чернышевского привозили столичные студенты или ученики, проводившие каникулы в Минске, Варшаве, Вильно. Официальные издания выписывались из петербургского магазина известной всей России книгоиздательницы Калмыковой. Много хорошего присылал знаменитый Сытин. Со временем у старшеклассников подобралась небольшая, но «взрывоопасная» тайная библиотека.

Не говоря о таких вещах, как «Хижина дяди Тома», «Слепой музыкант», «Приключения Тома Сойера», в книгохранилище можно было в любой час поживиться малораспространенными произведениями Герцена и Огарева, крестьянскими очерками Успенского и Помяловского. Были здесь также «Исповедь» Руссо, «Похвала глупости»

book3.indd 303 09.03.2010 17:36:50

Эразма Роттердамского, бакунинский «Катехизис революционера». За «Оводом», «Андреем Кожуховым» и «Подпольной Россией» составилась длиннейшая очередь. В большом выборе была поэзия Байрона, Беранже, Пушкина, Лермонтова, Надсона.

Стась знал все о библиотеке, ибо брат Леонид был одним из ее старост. Более того, самые ценные «крамольные» книги надежно хранились у них во дворе в тайнике, хитроумно замаскированном под кровлей голубятни. Заговорщики разумно рассчитали, что дом секретаря суда, кавалера ордена св. Владимира, – вполне безопасное место. Лучше не придумаешь!

К Леониду приходил гость, и они о чем-то шептались, потом звали в комнату Стася. Стоило лишь назвать автора, Стась в кромешной тьме на ощупь мог найти судебный отчет по нечаевскому делу или чаадаевские «Философические письма». Мальчик гордился причастностью к опасному товариществу вольнодумцев.

Затея, в которую гимназисты вложили весь свой конспиративный опыт и смекалку, во многом отказывая себе, рискуя и экономя пятачки, до обидного нелепо чуть не провалилась. Как-то после уроков третьеклассников строем повели исповедоваться. Законоучитель – протоиерей отец Евсевий, по одному подзывая к аналою, накрывал епитрахилью и наклонялся над малышом с ласковым отеческим вниманием. Стась еще никогда не лгал, тем более невозможно осквернить ложью святое исповедание. Батюшка простил мелкие грехи. Двумя-тремя вопросами, заданными задушевным доверительным голосом, принудил ребенка залиться краской стыда и потупиться. И... тайна голубятни была выведана.

К чести Стася, у него хватило отваги признаться брату. Тот проворно переправил мешок книг в избушку церковного звонаря Савельича. Нагрянувшие в тот же вечер надзиратели, во главе с инспектором гимназии Пузиновским, со злым разочарованием извлекли из тайника филаретовский катехизис, затрепанные жития святых, молитвослов. Ищейки убрались ни с чем. Но Леониду это даром не прошло. Вместе с двумя одноклассниками его четыре дня держали в карцере. Дело грозило исключением из гимназии. Впервые в жизни обманутый Стась ушел к затянутой ряской Случи, и под тягучий звон струй в мельничных шлюзах выплакал горькую обиду.

book3.indd 304 09.03.2010 17:36:50

Осенью 1885 года, собирая щедрую дань, прошло по уезду злое поветрие – дифтерия. Не обошла беда и Очаповских. Слегла Юля, но скоро поправилась. Вслед за нею заболела Елена, или, как ее ласково называли в семье, – Геля. Спустя три дня ее было не узнать – жизнь угасала на глазах. Отчаявшаяся мать не отходила от кроватки, в точности исполняя предписания врача. Стась все время мучительно думал о сестренке, страстно вкладывал в «Отче наш» и «Богородицу» весь жар, всю покорность всевышнему. Но господь не внял. Геля, не проживши на свете и двух лет, скончалась от менингита.

...Однажды во дворе гимназии в ночную грозу молнией разнесло вековой дуб. Законоучитель отец Евсевий объяснил, что в этом проявилась воля божья. А Леонид с помощью волшебного фонаря показывал вращение небесных тел, убеждал, что никакая сила не в состоянии остановить вечное движение Вселенной.

Невежество, лживая личина законоучителя открылась перед учениками самым неожиданным образом. Это случилось в дни, когда рабочая артель под руководством приглашенного немца-инженера установила громоотводы на всех слуцких церквах, костелах и синагогах, подтвердив тем самым, что мысль человеческая могущественнее всех небесных сил.

На долгие годы впечатление такого рода оставил у Стася случай, который произошел с Саней Еремичем. Он подружился с ним еще до поступления в гимназию. В первом и втором классах они сидели за одной партой, делились завтраками, бывали друг у друга. Саня был объектом первой глубокой привязанности Стася вне семьи. В своем друге он не чаял души. Тем болезненней отразились недобрые обстоятельства, разлучившие их. На большой перемене надзиратель по прозвищу Аракчей «выхватил» Саню во дворе и «потащил» к инспектору. Это ничего хорошего не предвещало, и урок словесности прошел в общем волнении. Худшие предчувствия оправдались. На следующей перемене Саня в слезах вернулся в класс, молча собрал книги и, плача, шмыгнул за дверь. Его гурьбой провожали до ворот, допытывались, в чем дело. Но Саня, всхлипывая, лишь размазывал слезы малокровными кулачками. В гимназии он больше так и не появился.

Позднее стало известно, по какой причине Саня и еще десятка три учеников разных классов перестали учиться. Оказалось, министр

book3.indd 305 09.03.2010 17:36:51

просвещения дал указание всеми мерами пресечь доступ в гимназии детям «несостоятельных» родителей, а тех, которые уже учатся, – отчислить. Классные наставники представили инспектору списки детей, родители которых не имели «недвижимой собственности, денежного капитала, домашней прислуги и пр.». Отец Сани погиб при осаде Плевны, мать не имела «прислуги и пр.» – она сама обстирывала купеческую семью.

Никого из исключенных вернуть в гимназию не удалось. Саню определили подручным к цирюльнику. Стась продолжал дружить с ним и помогал в учебе на дому. Он глубоко переживал свершившуюся на его глазах несправедливость, но причины, вызвавшие ее, оставались ему непонятны и чужды. Вновь и вновь вставал мучительный вопрос: почему все так несуразно устроено в жизни, где же правда?!

Было в жизни, разумеется, много и отрадного. Самые ранние впечатления Стася связывались с безграничной любовью к матери. Это она внушила сыну первые понятия о доброте, честности, любви к людям, всегда следила, чтобы хорошо всходили зерна человечности. В юности не очень любивший писать письма, он не мог прожить недели, чтобы не излить матери сыновнего чувства в длиннейшем нежном послании или дневниковой записи.

Столь беззаветную преданность, постоянную жажду общения Стась испытывал, кроме матери, разве что к природе. Очарованный юноша мог, позабыв обо всем на свете, в одиночестве бродить по окрестностям, любуясь бездонной синью неба, караванами облаков, полосами медовой гречихи, зубчатой стеной дальнего леса.

Природа благосклонна к тем, кто легко поддается ее волшебным чарам. Стась был из тех счастливых ее обожателей, которых повергает в восторг небрежно брошенный на черную гладь пруда червонный кленовый лист, гроздья рябины на трепетном фоне берез. Он мог с замиранием сердца слушать гудение шмеля над клеверищем, органное рокотание соснового бора, залихватские переборы ливня по струнам речных камышей...

Есть люди, которые довольствуются лишь тем, что сами познают новое. Есть иные – этих мучит тревожное желание передать знания другим. В пристрастии Стася к этой передаче знаний известную роль сыграла его дружба с Еремичем. Из чувства протеста нелепому порядку

book3.indd 306 09.03.2010 17:36:51

вещей, когда умный, способный, но бедный сверстник лишен возможности учиться, Стась решил заниматься с исключенным из гимназии Саней, пока это будет возможно. Узнанное в классе усердно заучивал не только для себя. Вечером того же дня все надо было понятно и доходчиво рассказать другу. До поздней ночи просиживали они над русской грамматикой, историей, уравнениями и латинскими спряжениями.

Совместная учеба прервалась года через три в связи с переездом Саниной матери в Пинск. Там открывалось реальное училище, куда дозволялось поступать и «кухаркиным детям». В день отъезда мать с сыном пришли к Очаповским прощаться, и прачка смущенно предложила Стасю небольшой подарок, чем поставила его в неловкое положение. Стась залился краской, решительно сцепил руки за спиной. Тем временем Саня развернул любовно расшитое петухами полотенце. На нем лежало роскошное издание «Дон-Кихота». С этой книгой Стась не расставался почти до конца своей жизни.

Сказать, что Стась любил чтение, книгу – значит сказать до обидного мало. Он ей поклонялся. Диву даешься, знакомясь с юношескими дневниками, – сколько было прочитано им в гимназические годы! Сотни названий на русском и французском языках, начиная «Похождениями Рокамболя», бурсацкими очерками Помяловского и кончая «Метафизикой любви» Шопенгауэра и «Историей французской революции» Карлейля. Как и всякого, чрезмерно увлекающегося чтением мальчишку, Стася и бранили, и наказывали за ночные, до рассвета, бдения над книгой. Не раз заставали в чулане или на чердаке с философским трактатом и оплывшим огарком свечи...

...В конце октября 1894 года телеграф, а затем и «Русские ведомости» принесли сообщение, что «почил в бозе» император Александр III. Весть эта даже в глухом городишке вселила в людей надежду на близость больших перемен. Бурные события, какими ознаменовалось последнее десятилетие дряхлеющего века, все чаще будоражили слуцкую тишь. Слухами о грандиозных стачках па фабрике Торнто на Морозовской мануфактуре, Путиловском и Нижнетагильском заводах и Сибирской магистрали обыватели делились, уже не остерегаясь. Все видели, как по железным дорогам лихо катят эшелоны с солдатами и казаками на подавление вновь вспыхнувшего крестьянского восстания в Царстве Польском.

book3.indd 307 09.03.2010 17:36:51

Столичные газеты были полны тревожных сообщений. Японцы воюют с Китаем. Во льдах затерялся «Фрам» с полярным исследователем Нансеном на борту. В Трансваале англичане из пушек расстреливают пленных буров. В Константинополе турки режут армян. Во французском генштабе разоблачен германский шпион Дрейфус. В Сарапуле осуждены за человеческое жертвоприношение вотяки из села Старый Мултан. Даже в тот самый день, когда в гимназии, а затем в зале дворянского собрания состоялся торжественный выпускной акт, Стась, укладываясь уже спать, вычитал в газетах известие, что во время венчания на престол цесаревича Николая на Ходынском поле, в Москве, разыгралась страшная трагедия, в итоге – тысячи задавленных насмерть и искалеченных людей...

Народ изнемогает под самодержавным игом. Неизбежна суровая очистительная буря. Это испытывали на себе, предчувствовали в России многие. Размышлял об этом и Стась. Раздумья стали особенно мучительны в пору зрелости, когда перед каждым, кто озабочен судьбами Отчизны, встает вопрос, требующий безотлагательного исчерпывающего ответа: кто я, в чем мое человеческое призвание?

На первую часть вопроса Стась ответил еще в сентябре 1894 года: «Я – разночинец, будущий интеллигент. Мне чужды, ненавистны власть имущие и все, кто живет не своим трудом, – записал он в дневнике. – Мне по-братски близки и дороги простые люди – хлебопашцы, мастеровые, все униженные и оскорбленные. Мне хочется, чтобы в мире было меньше страданий из-за социального неравенства, чтобы жизнь была разумной и свободной. Не знаю, как и когда это исполнится, но твердо уверен, что идеалы русских революционных демократов восторжествуют».

Что же касается призвания, выбора профессии, то отец хотел видеть в нем прежде всего умного, неподкупного судебного деятеля. Мать не возражала. Она мечтала лишь о том, чтобы дети были образованными людьми. В то же время Стась продолжал ежедневные занятия французским и английским языками. Он считал их для себя обязательными и потому вставал с рассветом и не брался ни за какое другое дело пока не было переведено две-три страницы текста. Затем, утомившись повторением курса обязательных наук, принимался за любимого Сервантеса.

book3.indd 308 09.03.2010 17:36:51

Смутная тревога, сознание одиночества не покидают Стася, беспокоят ум и чувства, наполняют душу и тело непривычной, неосознанной нежностью. В такие минуты мысль его невольно обращается к детским дружеским привязанностям, которые он уже пережил, и в грезах все чаще и отчетливее вставал трогательный, зовущий образ любимой женщины, преданной спутницы. Нравственный силуэт ее сложился в сознании Стася еще в ту пору, когда его пленили провозглашенные Чернышевским во «Что делать?» три идеала, необходимые для человеческого счастья: свобода мысли, разумный труд и развитая подруга жизни...

С благословения родителей, с той лишь оговоркой, что часть средств на учение будет добывать сам, Стась в июне 1896 года отослал в императорскую Военно-медицинскую академию прошение и все необходимые бумаги. Золотая медаль и похвальный лист, формально подтвердившие его прилежание к наукам, позволяли надеяться на зачисление вне конкурса. Свободного времени оставалось достаточно, и он решил с друзьями побродить по уезду, проститься, быть может, навсегда, с родными местами. В разгар приготовлений в дом к ним пожаловал нежданный гость. Пан Казимир, управляющий небольшим имением в одной из ближних волостей, явился с предложением, скорее даже просьбой, подготовить для поступления в четвертый класс гимназии сына своей хозяйки пани Залесской.

Выехали в тот же день. Наутро репетитор был представлен хозяйке. Вдова недавно застрелившегося в карточном азарте полковника домашним воспитанием совершенно испортила свое чадо. «Отрок с хорошими задатками» оказался великовозрастным детиной с отчужденным взором меланхолика. Стась по человечески жалел Аркадия, лишний раз убедился в пагубности безмятежной, пресыщенной жизни. Вдова все свое время проводила в хлопотах по кухне, ибо забота о сытной еде была, как и в Обломовке, наипервейшей из житейских забот. Разжиревший барчук умел лишь кое-как читать, писал же печатными буквами. Но зато в совершенстве овладел искусством надувать старших, прикидываться хворым и питал отвращение к любому полезному занятию.

Уроки отнимали несколько предобеденных часов. Они и для наставника были хорошей школой жизни, здесь он познавал науку тер-

book3.indd 309 09.03.2010 17:36:51

пения и упорства. Сначала он с горечью сознавался в своей беспомощности, сомневался, сумеет ли привить недорослю тягу к познанию. Порой готов был расплакаться, послать ко всем чертям и барыню, и сынка ее, но удерживало уважение к пану Казимиру да строптивое чувство, подогреваемое тем, что заложено в пословице «Коль взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Пан Казимир, отлучавшийся в Минск по земельному спору с арендаторами, вернулся в сопровождении двух привлекательных барышень. Старшая, лет двадцати, Наташа Кайсарова, как узнал при знакомстве Стась, приходилась племянницей пану Казимиру Залесскому. Исключенная из гимназии, она училась теперь акушерскому делу на «женских курсах», созданных на средства минских благотворительных обществ. Подруга ее, лет восемнадцати, представилась Верой Скорбут. На тех же курсах она готовилась на дантиста. Отец ее держал галантерейную лавчонку близ Кемеровского рынка в Минске. Наташа снимала у них комнату и столовалась.

При близком знакомстве с девушками Стась с большим удовлетворением отметил про себя, что пан Казимир был слишком суров в оценке способностей и характера племянницы. Живая, общительная, всегда скромно и со вкусом одетая, она ничем не напоминала тех жеманных белоручек из шляхетского сословия, банальные интересы которых сводились лишь к нарядам да обсуждению сомнительных достоинств их столь же спесивых и пустых кавалеров. Шатенка, с широко поставленными серыми глазами, крупная телом и сильная, вся она была преисполнена мягкой доброты и покладистости.

Вера, напротив, была небольшого роста, худенькая. Длинная шея и узкие плечи с выступающими лопатками делали похожей ее на подростка, который изо всех сил старался казаться взрослым. Чуждая всякой церемонности и ложных правил приличия, она и в суждениях отличалась свободой и независимостью. Порывистость, резкость движений хотя и казались порой нарочитыми, но за ними угадывалась натура спокойная и волевая. Смуглое, чаще сердитое лицо ее внезапно озарялось удивительной улыбкой, застенчивой, детской и вместе с тем немножко лукавой, словно она знала какую-то одной ей известную тайну...

book3.indd 310 09.03.2010 17:36:51

В ней не было броской красоты, что отличает бесспорную красавицу. Она была неповторима. А это ведь больше. За ужином Стась тайком любовался маленькой головкой с узлом тяжело сползавших на шею волос и страшился встретиться взглядом. Щадя его застенчивость, и она старалась меньше к нему обращаться. Внутренне благодарный за эту ее деликатность, он чувствовал, что между ними уже возникло то интимное, что наполняет душу и тело восторгом.

По мере сближения с приятельницами Стась все более утверждался в мысли, что встреча с Верой – щедрый подарок судьбы. Долгие прогулки, располагавшие к непринужденности и взаимному доверию, открывали перед радостным взором его незаурядные качества ума и характера избранницы. Как-то между Стасем и девушками завязался серьезный разговор, вскоре перешедший в ожесточенный спор. Речь шла об эмансипации женщины, и в этом их взгляды полностью совпадали. Когда же Стась стал возносить заслуги либеральных народников, ему неожиданно пришлось выслушать резкую и обидную отповедь.

Его совершенно обезоруживала логичность суждений Веры. Ее эрудиция, ее аргументация в социальной и гуманитарной сферах вызывали в нем чувство, граничившее с преклонением. Ему не встречался человек с таким светлым умом. В дружбе с Верой заповедь Чернышевского – по-настоящему любит только тот, кто помогает любимой женщине возвыситься до независимости, – открывалась в новом, неожиданном смысле. Следовало самому возвыситься до ее духовного уровня. С такой подругой жизни Стась готов был хоть на край света...

В середине августа, когда он, томимый предстоя щей разлукой с Верой, пребывал в мрачном оцепенении и изыскивал способы отсрочить расставание, случилось нечто, ускорившее его. В тот день пан Казимир уехал в поле – страда была в полном разгаре, – девушки отправились на пруд купаться, а он в предобеденный час в беседке натаскивал Аркадия, сына Залесских, по греческой мифологии. Конское фырканье и топот привлекли их внимание. Стась взглянул сквозь листву... и отпрянул: в пролетке, свернувшей к главным воротам, он увидел ротмистра Бекнева. Верхом следовали становой пристав Вершинский и двое стражников. После минутного замешательства Стась рывком привлек за плечи Аркадия.

book3.indd 311 09.03.2010 17:36:51

– Передай барышням, – торопливо шепотом напутствовал он гонца, – что приехал помощник начальника губернского жандармского управления Бекнев. Запомнил? Скажи им, чтобы пока домой не возвращались. Живо, Аркашенька...

Ротмистр Бекнев предъявил хозяйке имения ордер на обыск вещей, лично принадлежащих «девице из минских мещан Вере Скорбут, она же Слуцкая». Объяснений мадам Залесской, что племянница и ее подруга весьма благонамеренного поведения и что следовало бы дождаться их возвращения с почтовой станции, жандарм во внимание не принял. Отправив на почту пристава со стражниками, он пригласил хозяйку в комнаты, отведенные гостьям. До позднего вечера он копался в книгах, в чемоданах и баулах, но ничего крамольного не обнаружил.

Облегченные исходом обыска, хозяева кинулись ублажать жандарма, «но тот с кривой ухмылкой согласился лишь на чай. После чаепития приступил к дознанию. Предупрежденные об ответственности за дачу ложных показаний, хозяйка имения, пан Казимир и Стась поочередно вызывались на допрос. Утром ни с чем вернулись посланные для задержания на почту. Из скупых реплик Бекнева Стась узнал, что Слуцкая «объявлена в розыск и подлежит аресту как активная участница создания в Минске подпольной типографии, печатавшей прокламации и брошюры социал-демократического толка».

В мучительном неведении Стась приготовился к отъезду в Петербург. Ожидание весточки да еще грусть расставания с милыми сердцу местами удерживали его. Утром предстояло выехать, а накануне вечером... к воротам Залесских подкатил старинный дормез. Вслед за хозяевами Стась вышел встречать. Пани Залесская с рыданиями кинулась на шею пожилой даме в сером опрятном костюме. Стась был представлен, приложился к ручке и, подняв взор, в веселых глазах приезжей прочитал благую весть.

Это была крестная пана Казимира. Она примчалась из Барановичей, где живет доходами салона дамского платья.

– Девочки были у меня, – успокоила она прямо с порога, – так что не волнуйтесь. Сегодня чуть свет они выехали в Брест. Если все обойдется благополучно, известят о себе открыткой из Берлина.

Стась готов был расцеловать пани Полонскую, а она, лукаво сощурившись, извлекла из ридикюля два конверта. Пан Казимир нервно

book3.indd 312 09.03.2010 17:36:52

вскрыл и углубился в чтение. Стась заворожено любовался своим, не решаясь, как поступить. Все засмеялись, и он в смущении выбежал из гостиной.

«Мой дорогой друг! До встречи с тобой мне посчастливилось узнать людей, которые являются подлинными носителями будущего, не ожидают его, сложа руки, и менее всего рассчитывают на гуманность нынешней власти. Они открывают глаза трудовому народу. Вместе с ними я готова на все, лишь бы ослабить проклятую руку, мертвой хваткой сдавившую горло России. Придет время, и широкая грудь ее будет вздыматься в чудном и спокойном дыхании. До свидания. Помни, сердцем я всегда с тобой. Вера».

Стась жадно впитывался в торопливые строки, легко постигая их сокровенный смысл. Он был рассеян и немного оживлялся лишь в случае, когда пани Полонская припоминала какую-нибудь новую подробность из встречи с Верой и Наташей. Аркадий, улучив момент, шепнул ему, как напутствие, услышанное от взрослых. «Я давно заметила, – будто бы невзначай проронила пани Полонская, – что густые сросшиеся брови вразлет, рассеченные глубокой вертикальной морщинкой, встречаются у очень способных юношей».

Несколько дней спустя ротмистр Беднев с «лихой свитой» наведался и в их дом. Здесь был разыгран тот же недостойный фарс. Обыск не дал того, на что уповали жандармы. И вышедший из себя Бекнев позволил себе слишком развязный тон. Чересчур отважная Юлия его резко осадила. Ротмистр вскипел, сорвался на фальцет. Несколько успокоившись, при понятых составил протокол «на оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей».

– Холуйские нравы, – твердо сказала в ответ девушка, глядя в злые глаза жандарма, – как видно, мало изменились со времен опричнины. Потрудитесь освободить нас от вашего присутствия, сделайте одолжение...

После ухода жандармов отец сделал строгое внушение дочери за несдержанность языка, а на другой день отослал в губернию прошение об отставке. Он писал в нем о произволе властей над личностью и имел в виду не только полицейский визит в его дом. Расправа над всяким, кто противился этому произволу, приняла чудовищные размеры, уродливые формы. За малейшее проявление недовольства – камера,

book3.indd 313 09.03.2010 17:36:52

суд скорый, а там – тюрьма, административная ссылка, каторга. А он не хотел быть участником этой всероссийской кровавой оргии.

Принимая решение об увольнении без содержания от казны, старик надеялся на детей.

В начале октября, на месяц позже 149 других первокурсников набора 1896 года, Станислав приступил к слушанию лекций в императорской Военно-медицинской академии, старейшем центре русской медицинской мысли, питомнике лекарей для русской армии и флота. В первые же дни он обошел обширную территорию военно-учебного городка с многочисленными кафедрами, клиниками, госпиталями. С волнением вчитываясь в расписания лекций и семинаров, названия неизвестных наук, с гордостью думал о том, что будет перенимать врачебное искусство у таких светил, как физиолог Иван Петрович Павлов, психоневролог Владимир Михайлович Бехтерев, фармаколог Николай Петрович Кравков, акушер Алексей Иванович Лебедев, окулист Леонид Георгиевич Беллярминов.

Первые недели пролетели, как сон, как чудесное видение. Блеск и роскошь столицы поблекли, навалились заботы и лишения. Как и большинство слушателей академии, Станислав должен был употребить всю свою энергию на добывание средств к существованию. После внесения сорока рублей за слушание лекций в первом семестре и уплаты хозяйке за уголок в подвальном этаже дома на Монетной улице из денег, зашитых мамой в полу сюртучка, оставалось лишь на самый черный день. Обедать он забегал в кухмистерскую, а утром и вечером обходился чаем.

Последнюю трешку Станислав израсходовал на объявление в суворинском «Новом времени» с предложением услуг в качестве репетитора. Газетенка хотя и была рассчитана на состоятельную публику, но приглашения не последовало: кому какое дело до «молодого человека, временно бедствующего в поиске уроков», в этом гигантском котле интеллигентного дарового труда, где каждый второй студент живет в нищете и за возможность прокормиться берется за любую, пусть даже самую черную работу. Многие, конечно, находили занятия и сносный заработок, но совсем худо приходилось новичкам, провинциалам.

После лекций Станислав искал работу. Это отнимало много времени. Однажды он опоздал на лекцию. Наблюдавший штаб офицер стро-

book3.indd 314 09.03.2010 17:36:52

го напомнил ему, что дисциплина обязательна для всех. Нарушитель может быть подвергнут проверочным испытаниям среди учебного года и исключен за нерадение. Вскоре последовало еще более категорическое предупреждение: в академии и на улице появляться только в установленной форменной одежде: троекратное нарушение правила влечет безоговорочное исключение.

Отчисление из академии для него было равносильно смерти. Он отдавал себе отчет в том, что слушателем ее он стал не благодаря какому-то счастливому случаю, а в результате собственных стараний. Надо во что бы то ни стало продержаться до второго курса, когда можно будет рассчитывать на стипендию. Деньги, правда, не бог весть какие, и после окончания академии их нужно отрабатывать, полтора года за год учебы, в военном или морском ведомстве, где-нибудь у черта на куличках, но и этих жалких рублей негде взять. Форменную одежду одолжил ему второкурсник Саша Савваитов, петербургский житель. Но как, на какие средства прожить этот несчастный год?! У Станислава не оставалось иного выхода, как написать откровенно домой, но тут последовали события, в сравнении с которыми его неурядицы казались сущим пустяком.

Леонид по окончании лесного института увлекся субтропической флорой и на собственный страх и риск внедрял в Ватумском округе культуру чая. Дело сулило большие перспективы, и он, порядочно задолжав кредитному товариществу, арендовал под Чаквой четыре десятины земли. Страшный ливень, обрушившись на побережье, истребил саженцы с большей части плантации. Леонид умолял отца о деньгах: надо восстановить посадки, расходы окупятся сторицей. Известие повергло в уныние всю семью – в последние годы каждая свободная копейка уходила в эту прорву. Все же наскребли среди знакомых под векселя семьсот рублей.

Беда, как известно, не приходит в одиночку. Она следом тянет и другую. Не успел Станислав как следует прийти в себя, как вдруг – новое несчастье: из дома сообщили об ухудшении здоровья отца. Перед самым рождеством его вызвали в Минск. Тяжелое объяснение с непосредственным начальством в судебной палате, а затем и в жандармском управлении, отставка без денежного содержания от казны окончательно подорвали его здоровье. Он еще крепился изо всех сил,

book3.indd 315 09.03.2010 17:36:52

появлялся в обществе, но однажды рухнул как подкошенный в церкви. Кровоизлияние в мозг приковало к постели. Лекарь даже надежды не подавал, что он когда-либо поднимется на ноги.

В минуту крайнего отчаяния Станислав решил воспользоваться рекомендательным письмом пани Полонской, адресованным издательнице Калмыковой. Он отыскал на Литейном книжный склад, приветливо был принят Александрой Михайловной. Сразу же подходящей работы не оказалось под рукой, и она попросила наведаться. В следующий визит предложила перевести с французского статью о птицах Бретани, которой заинтересовался журнал общества естествоиспытателей. Работа заняла два вечера. Внимательно вычитав материал, заказчица осталась довольной слогом и точностью перевода и попросила захаживать чаще. Статья была опубликована.

Вскоре почтальон доставил и гонорар – шесть рублей с копейками.

Началась полоса везения. Как-то между лекциями его пригласил в кабинет заведующий зоологической кафедрой Николай Александрович Холодковский. Поинтересовался, не его ли подпись стоит под статьей о пернатых севера Франции. Станислав подтвердил, потупившись и теребя полу мундира, выслушал высокую похвалу профессора, известного в ученых кругах серьезными исследованиями по энтомологии, а среди поклонников изящной словесности – прекрасным переводом на русский «Фауста». Николай Александрович вручил ему объемистую монографию Гертвига «Клетка ткани» на немецком и предложил переложить на русский. Тут же назвал сумму вознаграждения, от которой переводчика, что называется, в жар бросило.

Примерно в эти же дни его лучший друг Саша Савваитов нашел, в общем-то, малоинтересный, но выгодный заказ. Требовалось на немецком и французском языках составить тексты рекламных проспектов к образцам пушнины, которые меховая фирма собирается демонстрировать па предстоящей промышленно-торговой выставке в Нижнем Новгороде. Это была свежая копейка. Вдвоем они легко справились с заданием, и Станислав поправил свои дела. Вернул долги и сделал взнос в тайную студенческую кассу взаимопомощи. Приобрел книги для учебы. В академическом цейхгаузе заплатил стоимость полного комплекта обмундирования...

book3.indd 316 09.03.2010 17:36:52

Военно-медицинская академия издавна славилась в столице и во всей России не только как выдающееся учебное заведение, но и как рассадник свободомыслия. Ни одно, пожалуй, выступление против царизма не обходилось без того, чтобы в нем не приняли самого активного участия студенты-медики. Все поколения выпускников и прогрессивная часть профессуры гордились революционными традициями своей «альма-матер», своей независимостью. Строгий полицейский режим, слежка, постоянные жандармские провокации лишь раздували жар «в этом бунтарском очаге».

Довольно часто в академическом городке на Выборгской стороне возникали возмущения, когда все студенты и значительная часть преподавателей дружно поднимались в поддержку бастующего пролетариата, студентов других заведений. На пороге двадцатого века такие взрывы протеста революционного студенчества против царского самодержавия следовали один за другим. В начале марта 1897 года Станиславу впервые пришлось стать участником массового выступления, ощутить мощь разбушевавшейся стихии человеческих страстей. Трагическая предыстория знаменитой «ветровской» демонстрации была известна любому петербургскому жителю.

Осенью 1896 года в студенческой среде распространился слух, что жандармы в Лахте разгромили подпольную типографию народников, где печатались и социал-демократические нелегальные издания. Станислав узнал об этом на сходке студентов-медиков, на которой выступили делегатки Бестужевских женских курсов. Из уст в уста передавались обстоятельства ареста организаторов печатни, подробности предварительного следствия, во время которого они подвергались всяческим издевательствам. Понемногу волнение это улеглось, а в начале февраля Петербург облетела весть о страшном злодеянии царских холуев.

По делу о лахтинской типографии была арестована и двадцатишестилетняя учительница, курсистка-бестужевка Мария Ветрова. Она стойко держалась на допросах в охранке, и следователи, чтобы вырвать признание, перевели ее из дома предварительного заключения в самый мрачный застенок Петропавловской крепости Трубецкой бастион, в котором до Ветровой заключенных женщин никогда еще не бывало. Охрану в коридоре несли жандармские унтер-

book3.indd 317 09.03.2010 17:36:52

офицеры. Ветрова оказалась целиком во власти палачей, не выдержала заточения и надругательства и сожгла себя, облившись керосином из горевшей лампы.

Жандармы приложили все старания, чтобы окружить дело Ветровой строжайшей тайной. Тщательно скрывалось даже место погребения. Не помогли ни ухищрения, ни крепостные стены – о гибели революционерки стало известно на воле, в первую очередь подругам Ветровой по курсам. По требованию бестужевок в помещении курсов отслужили панихиду, переросшую в бурный митинг. Было решено каждый год в этот день проводить демонстрацию протеста.

Однажды Станислав по предложению Савваитова пошел на демонстрацию. Ему никогда прежде не приходилось видеть такого множества людей. Собрались представители всех учебных заведений столицы, фабричные и боевые заводские дружины. После отказа настоятеля собора отслужить панихиду по покойной в возмущенной толпе стали выкрикивать гневные слова в адрес обер-прокурора святейшего синода Победоносцева, наложившего запрет на панихиду. Отовсюду звучали призывы «расправиться с кровопийцами», «душить прихвостней». Начались стычки с конными казаками, которые напирали на демонстрантов, оттесняли их в прилегающие улицы.

Людская масса прорвалась на Невский проспект. Вместе с толпой студентов и курсисток человек в полтораста Станислав и Савваитов угодили на Казанской улице в «мешок». Городовые и солдаты суетливо замыкали цепь впереди бежавших. Кроме увечья, тюрьмы или высылки, западня эта ничего доброго не сулила, и все лихорадочно искали лазейки. Ворота в сквозные дворы были блокированы. Полицейские, а кое-где и дворники стояли наготове. Сзади напирала лава конных донцов. В решающие мгновения, когда не только курсистки, но и бывалые молодые люди потеряли самообладание и метались в панике, случилось нечто неожиданное.

Небольшого роста юркая курсистка в крылатке с изодранной в клочья пелериной, дрожа от ярости, подошла к распоряжавшемуся оцеплением жандармскому поручику и срывающимся голосом, который расслышали только оказавшиеся вблизи, бросила ему в лицо: «Прочь с дороги, палач!» И быстрым, точным, полным достоинства и превосходства жестом влепила пощечину. Офицер охнул, отпрянул, переломился

book3.indd 318 09.03.2010 17:36:52

и завертелся волчком. Его тут же сшибли с ног. Люди хлынули в прорыв, опрокидывая заслон и вынося на плечах отчаянную девушку.

На какое-то время Станислав потерял ее из виду, но, завернув за угол и гася инерцию бега, тут же снова заметил ее в окружении нескольких человек, пытавшихся оказать ей помощь. По форменной одежде опознав в нем медика, перед ним расступились. Девушка скорчилась на каменном парадном крыльце, уронив голову на колени. Обнаженные плечи ее конвульсивно вздрагивали. Кожа на спине была сорвана нагайкой, из раны струилась кровь. Станислав попросил немедля разойтись всем во избежание новых стычек и загремел кулаком в дверь. Горничная выглянула, не снимая цепочки, но, увидев и поняв случившееся, вскрикнула и кинулась помогать.

В гостиной пострадавшую уложили на кушетку, и Станислав, вспомнив все то, что ему довелось знать по хирургической части, как заправский лекарь, принялся за дело. Владелец особняка, сановитой внешности пожилой господин в черной академической шапочке и с пустым по плечо рукавом, его дородная супруга и горничная проявили такую искреннюю расторопность, такое самообладание, что через полчаса Станислав облегченно вздохнул: лоскут хорошо уложился, кровотечение прекратилось. Шоковое состояние сменилось настоящей болью, но девушка не проронила ни стона, ни слова жалобы. Дав ей опий, Станислав попросил гостеприимную семью до вечера приглядеть за больной, а сам поторопился на Выборгскую сторону.

Савваитов, к его безмерной радости, был уже дома, цел и невредим. Со всяческими приключениями он благополучно избежал ареста. Старшая его сестра Мария прихватила кое-что из своей одежды, и втроем, уже в сумерках, они на извозчике доставили пострадавшую на ее квартиру. По дороге перезнакомились. Нина Неуймина, так звали курсистку, проживает с братом Григорием, студентом университета. Он увлекается астрономией и мечтает со временем вести научную работу в Пулковской обсерватории. Отец их, Николай Иванович, тоже когда-то учился в Военно-медицинской академии, а теперь служит в военно-санитарном управлении при кавказском наместнике.

Лекари поочередно навещали старенький мезонин на Разъезжей улице, пока Нина окончательно не выздоровела. Случайное знакомство переросло в долгую прочную дружбу, боевое товарищество на почве

book3.indd 319 09.03.2010 17:36:52

полного единомыслия и нетерпимости к общественному устройст-ву. Что бы ни случилось на Бестужевских курсах, где училась Нина, все становилось вскоре известным медикам. Они в свою очередь посвящали в свои дела и намерения курсисток, а через Григория были в курсе событий, волновавших студенческую массу университета.

В эту пору велась широкая подготовка к празднованию столетия академии. На торжества ожидались гости из всех российских и европейских университетов, дипломаты и министры, царская семья. На сходках, всколыхнувших даже самые инертные элементы, студенты угрожали бойкотировать юбилейный акт, богослужения, балы и приемы и отпраздновать день основания альма-матер самостоятельно, по собственной, более осмысленной программе.

Начальник академии Пашутин, в общем-то, всегда сочувственно относившийся к своим питомцам, докладывая об этом военному министру, поставил его в положение довольно затруднительное. После долгих увещеваний студентов снять свой ультиматум, начальство вынуждено было пойти на уступки и с течением времени выполнить почти все требования.

На одной из сходок Неуймина познакомила его со своими старшими подругами Александрой Катанской и Линой Шулятиковой. В компании с ними он посещал публичные лекции и доклады профессоров Лесгафта, Фаусека, Костычева, Мушкетона, Венгерова Палладина, Введенского, которые преподавали на женских курсах безвозмездно. На литературных вечерах и концертах, устраивавшихся в пользу нуждающихся курсисток, слушал Максима Горького, Валерия Брюсова, актрису Марию Ермолову и пианиста Сергея Рахманинова.

Характеры, вкусы, жизненные устремления и слабости лучших своих приятельниц – Неуйминой, Катанской и Шулятиковой – он изучил и каждую из них уважал искренне и глубоко. Иногда он беззлобно подтрунивал над ними. Поэтическими строками из латинских и греческих классиков возносил их достоинства, причем сегодня прекраснейшей из «трех граций» была Нина, назавтра пальма первенства переходила к Шуре, а послезавтра «королевой красоты» признавалась Аня. Никто из девушек о Вере, о его давнишнем сердечном влечении не знал. В именитых домах, куда приглашали давать уроки, и на квартирах, которые приходилось менять довольно часто, и при случайных

book3.indd 320 09.03.2010 17:36:52

знакомствах ему встречались умные, красивые женщины. Он не позволял себе ничего более обычного рукопожатия, дружеской откровенности, невинной прогулки.

На третьем курсе перед Стасем во всей своей значительности встал вопрос: кем быть? Какие недуги врачу возвышеннее пользовать – душевные, заразные, детские? И какая из наук наиболее перспективна в смысле облегчения человеческих страданий – физиология или учение о бактериях, свойствах лекарственных веществ? Выбор был нелегким, и решение созрело не сразу.

В пору размышлений о выборе специальности он с усердием посещал лекции по глазным заболеваниям. «Не в наших слабых силах, – как-то сказал в своем докладе руководитель кафедры профессор Белярминов, – устранить глубоко укоренившиеся причины, от которых молчаливо и покорно болеет глазами и слепнет наилучшее население империи. Бедность, невежество, убожество обстановки, скученность и грязь в жилищах, часто совместное в них пребывание со скотом, фатализм, вера в знахарей, доверчивость ко всему чудодейственному, отсутствие заботы о чистоте и опрятности – вот неразлучные спутники населения нашей деревни».

Нарисованную профессором мрачную картину жизни труженика Станислав с болью наблюдал не только в деревнях и местечках родного уезда, но и в каких-то двух-трех верстах от Зимнего дворца. Во время переписи населения 1897 года он нанимался, вместе с Савваитовым и Неуйминой, в качестве переписчика и в трущобах Выборгской стороны насмотрелся сцен, от которых просыпался среди ночи, и ему было не по себе.

Позднее ему пришлось, опять же по найму, составлять для городской управы таблицы к годовому санитарному отчету. Вопиющие цифры свидетельствовали о том, как по мере удаления от центра столицы к ее окраинам возрастают страдания людей. Заболеваемость и смертность от чахотки, оспы, тифа и желудочно-кишечных расстройств в хижинах были в восемьдесят раз выше, чем во дворцах.

Однажды ему попался в руки проект организации окулистической помощи в империи, разработанный неким приват-доцентом из медицинского департамента и представленный на «высочайшее утверждение». Станислав любил счет, уважал статистику, которая,

book3.indd 321 09.03.2010 17:36:52

по образному выражению Глеба Успенского, языком цифр сказывает сущую правду жизни.

По давней привычке он решил вникнуть в авторские выкладки с карандашом в руке. Итак, число больных глазами в империи исчислялось примерно в 28 миллионов человек, а окулистов в стране было всего 210. Получалось, что, если глазной врач будет работать без воскресных и праздничных дней и принимать по 30 человек в смену, каждый больной сможет попасть на прием в лучшем случае через десятилетие.

Он рассмотрел проблему с финансовой стороны. И опять же получалась сплошная галиматья. Вместо ежегодно расходовавшихся на лечение глазных болезней 350-400 тысяч рублей на строительство лечебниц, содержание персонала и оснащение у правительства испрашивалось 6 миллионов рублей. Если б даже они и были отпущены казной, на каждого больного приходилось бы расходов около четырех копеек в год.

Что можно сделать за эти ничтожные гроши для пары глаз, выедаемых трахомой или оспой?! Миллионы страждущих, таким образом, были брошены правительством на произвол судьбы. Вот почему, когда при сдаче практикума по глазным болезням Беллярминов похвалил Станислава за легкую и точную руку и посоветовал совершенствоваться в окулистике, его словно озарило: офтальмология – это ли не благороднейшее поле деятельности!

Здание русской офтальмологии в те годы опиралось, если можно так выразиться, на восемь краеугольных глыб. Имена, ученые труды и практическая врачебная деятельность петербургских окулистов Беллярминова и Добровольского, московских – Маклакова и Крюкова, одесского – Головина, казанского – Адамюка, киевского – Иванова и харьковского – Гиршмана были широко известны не только на родине. Леонид Георгиевич Беллярминов, наряду с заведованием кафедрой и глазной клиникой академии, редактированием «Вестника офтальмологии», председательствованием в обществе глазных врачей, был еще и активным деятелем «попечительства о слепых» и в силу этого с летучими глазными отрядами исколесил Россию. Обратив внимание на одаренного студента и намереваясь со временем сделать его восприемником на кафедре, Беллярминов сделал все, чтобы Очаповский черпал лучшее из сокровищницы офтальмологической науки.

book3.indd 322 09.03.2010 17:36:52

...В четыре утра Станислав уже на ногах. Пока закипает в сенях самовар, пристроившись возле него с керосиновой лампой, переводит статью из анналов французского офтальмологического общества. В шесть утра он уже в глазной клинике наблюдает за группой больных. С восьми до четырех пополудни – слушание лекций. После лекции, если нет репетиторских уроков, опять три-четыре часа в клинике. Вечером до полуночи чтение и конспектирование литературы, трактовавшей о функциях глаза и мозга. И перед самым уже сном – несколько глотков из кладезя мудрости, непревзойденного «Дон-Кихота»...

Академия располагала уникальным собранием книг по глазным заболеваниям. При всяком удобном случае Станислав старался присутствовать при сложных и редких операциях на органах зрения, интересовался статьями провинциальных и столичных врачей в «Вестнике офтальмологии». Семена ронялись в добрую почву, и на двух последних курсах Станислав во многом преуспел. Весной 1901 года он сдал государственные выпускные экзамены и получил звание «лекаря с отличием», имея в экзаменационном листе среди 36 «пятерок» одну «четверку» – по богословию.

В числе немногих, окончивших курс с отличием, он был допущен к закрытому конкурсу на оставление при академии на три года для дальнейшего научного усовершенствования. Темой своего сочинения, из трех предложенных, он избрал «Роль различных клеточных элементов при заживлении ран» и представил испытательной комиссии оригинальное исследование, единодушно признанное одной из лучших студенческих работ за последние годы. Среди 132 выпускников он был признан вторым по успехам, с присуждением медали и денежной премии, и зачислен ординатором глазной клиники.

– По всем данным, – доверительно сообщил ему Леонид Георгиевич после выпускного акта, – вам принадлежало первое место с занесением имени на памятную мраморную доску, да сильно повредила хорошо вам известная «хворь»...

Намекал профессор на случай трехлетней давности. В декабре 1898 года в академическую глазную клинику глубокой ночью доставили молотобойца с Обуховского оружейного завода, двадцатилетнего Степана Кондрашева. Освободив голову кузнеца от грязного тряпья, Станислав отшатнулся: правый глаз висел на щеке, удерживаемый

book3.indd 323 09.03.2010 17:36:53

зрительным нервом. Левый, по-видимому, тоже был поврежден. Приняв неотложные меры, Станислав послал санитара за Беллярминовым на дом и сделал все приготовления к операции. В ожидании заполнил карточку, выяснил обстоятельства несчастья. Травму нанесла раскаленная болванка, вылетевшая из-под молота. Леонид Георгиевич жил неподалеку и через полчаса явился бодрый и готовый к любой работе.

– Должен заметить, дорогой коллега, – после осмотра больного произнес профессор с торжественными нотками в голосе, – что скальпелем, этим скипетром хирурга, вы владеете с неменьшим умением, чем ваш учитель. Приступайте, с Богом...

Станислав из литературных источников знал о случаях «афульзио бульби» – травматическом вывихе глаза у новорожденных от неудачного накладывания щипцов и у душевнобольных в результате нечаянного самоизувечения. Знал также, что еще никому не удавалось спасти вырванный из орбиты глаз. Оставалось только удалить. К утру операция была завершена. Предпринималось все возможное, чтобы сохранить единственный глаз, не дать развиться воспалительному процессу. Станислав в эти дни отдал все силы и время пациенту, к которому проникся особенным сочувствием.

Кризисное состояние больного совпало с днями, когда в академии с большой помпой праздновалось столетие ее основания. В дворянском собрании в присутствии великих князей, княгинь, принцесс и иностранных гостей состоялся юбилейный акт. Начальник академии Пашутин не мог принять участие из-за болезни, и исторический очерк прочитал Беллярминов. Военный министр Куропаткин в краткой речи выразил надежду, что в стенах академии «восторжествует дух спокойствия и верности государю».

Вечером профессоров и десятка три отличившихся в науках студентов принимал в Михайловском манеже Николай II. Как ни любопытствовал Станислав вблизи взглянуть на монарха, чье царствование с первого дня было забрызгано кровью, но на прием не пошел. Заявив курсовому инспектору что «тяжело захворал и едва держится на ногах», он отправился присмотреть за Кондрашевым. Теперь это зачлось ему. Как говорится, всякое лыко в строку...

В мае 1901 года Станислав вступил в должность ординатора и ассистента профессора при глазной клинике Военно-медицинской

book3.indd 324 09.03.2010 17:36:53

академии. По офтальмологии он работал под руководством Беллярминова и по физиологии – у профессора Ивана Петровича Павлова, наметив темой докторской диссертации флегмону орбиты. Из трехсот рублей полученной премии треть отослал старикам. Пятьдесят через Катанскую передал в помощь политзаключенным. На оставшиеся деньги подыскал сносную комнатенку на Архиерейской улице, обновил гардероб и заказал в известной берлинской фирме полный набор офтальмологических инструментов.

В начале июня 1903 года во главе глазного отряда, снаряженного «попечительством о слепых», он на три месяца отбыл в Уфимскую губернию для обследования районов, особо опасно зараженных трахомой. После представления полномочий губернскому начальству отряд в составе врача, двух фельдшеров и санитара прибыл в Белебеевский уезд. Местный пристав заподозрил в приезжих «смутьянов» и повсюду сопровождал отряд. Станислав сперва отнесся к этому безразлично, но в скором времени потребовал избавить его от «недреманного ока». При первом известии, что в деревню прибыл становой, да еще и в компании «очкатого дохтура», поднимался переполох, какой обычно царит при пожаре или наводнении. Но и после того, как становой освободил отряд от своего присутствия, никакими силами невозможно было уговорить крестьян подвергнуться хотя бы осмотру, не говоря уже об операции или систематическом лечении. Станислав и его сотрудники мучились вынужденным бездельем, ломали головы над тем, как и чем заслужить доверие этих темных, самой жизнью забитых людей.

Выход нашелся. Сберегая небольшую сумму казенных денег, Станислав за свой счет закупил в белебеевских лавках все туалетное мыло. В первом же селении через старосту оповестил, что каждый желающий показать доктору свои глаза, получит в награду четверть бруска земляничного. Кто согласится на операцию – получит полкуска. Сперва не поверили – начальство ведь на всякие проделки горазде. Но первые рискнувшие ушли осчастливленные, и лед, как говорится, тронулся. Началось настоящее паломничество.

Приходили издалека, целыми семействами, терпеливо дожидались. Получив честно заработанное вознаграждение, восхищенно разглядывали розовые кубики. Многие видели пахучее мыло впер-

book3.indd 325 09.03.2010 17:36:53

вые, пробовали его на язык и на зуб, нюхали, терли им, как бальзамом, вывернутые кровоточащие веки. Знакомые с назначением мыла с терпеливым превосходством учили других, как надо пользоваться им. С утренней до вечерней зари Станислав не отходил от операционных столов, грубо сколоченных санитаром из подручных пластин. Пока фельдшер перевязывал оперированного с мясистым паннусом, другой готовил пациента с заворотом век. Станислав едва успевал поворачиваться...

В столичных глазных амбулаториях молодой специалист Станислав Очаповский пристально наблюдал глазные заболевания во всем их многообразии, но увиденное в таком трахомном очаге, как Уфимская губерния, озадачило его. Неизгладимое впечатление произвело зрелище, невольными свидетелями которого стали члены отряда до отъезда домой.

Они прибыли в одну захолустную деревушку под вечер, и Станислав в поисках старосты пошел вдоль кривых изб, на пиликанье гармошки. На пустыре в самый разгар застал свадебное веселье. На «чужого», против обыкновения, не обратили ровно никакого внимания. Он зашел с открытой стороны полукруга и... отшатнулся, вздрогнув. Разнаряженные жених и невеста, гармонист, парни и девушки в бесхитростной пляске – все «смотрели» белыми бельмами. Слепые мужики и бабы монотонно прихлопывали в такт с одинаково бесстрастными гримасами языческих истуканов. Станиславу стало не по себе, и он, было, попятился назад, но его уже почувствовали по «медицинскому» запаху. Гармонь оборвала, в гнетущей тишине кто-то тревожно вскрикнул:

– Хто здеся?

Это был староста. На следующий день из доверительного разговора с ним выяснилось, что с незапамятных времен деревня почти сплошь слепая. Из поколения в поколение. Самое удивительное, что дети рождаются зрячими, годам к пятнадцати глаза мутнеют, а за двадцать – все поголовно слепнут.

– Обыкновенно живем, – криво улыбался староста, размазывая гной по щекам, пашем, сеем, за скотиной ходим, почитай, живем, как все добрые люди. Тулупы да полушубки из романовских овчин завсегда в большом ходу. Зараза глазная от дурного воздуха да от болотных

book3.indd 326 09.03.2010 17:36:53

воспарений происходит. Давно уже свыклися с горькой судьбиной – не людское это дело супротив божеской воли трепыхаться...

Станислав был иного мнения. Самым добросовестным образом он обследовал жилища и состояние зрения у двухсот восемнадцати душ, не пропустив ни младенца, ни старца. Полностью зрячими оказались десятка два ребятишек да четверо взрослых. Примерно столько же отчетливо видели не дальше своей вытянутой руки. Полторы сотни, или три четверти жителей, познали безысходность вечного мрака. «Дурные воспарения» здесь были вовсе ни при чем. Людей губила гонобленнорея. Чтобы все эти несчастные остались зрячими, в свое время было бы достаточно при рождении младенца ввести ему между век всего-то пару капель двухпроцентного раствора ляписа...

За время работы в Слепцовке отряд сделал все, что было в его силах. Станислав на первом собственном опыте воочию убедился в ничтожности врачебных мер перед лицом торжествовавшей трахомы. Он переходил из избы в избу, лечил, советовал, учил элементарным навыкам гигиены, в то же время сознавал тщетность своих усилий в убогих жилищах, где отдельное полотенце для каждого члена семьи почиталось за величайшую роскошь. Беда, одолевавшая Слепцовку, была лишь щепоткой зла в океане бедствий, в которых изнемогала земля российская...

Через размышления о несметных богатствах этой земли, одаренности народа, вынужденного прозябать в нищете, он исподволь пришел к пониманию истины, впоследствии сформулированной Лениным гениально, просто и точно: «Куда ни кинь – на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить немедленно». Заключение с аналогичным смыслом, выраженное, быть может, иными, не столь категоричными слонами, созрело у Станислава в результате анализа самостоятельно. Но вслед за ленинским «в состоянии разрешить немедленно» следовало неожиданное, как близкий орудийный залп: «Мешает капитализм». Станислав воспринял это как откровение, но был еще очень далек от действительной, глубокой и разумной веры в торжество научного социализма.

В дополнение ко всему именно в эти дни он получил известие о болезни брата. Об этом телеграммой сообщила ему Юлия. Спешить домой не имело смысла – до ближайшей станции трое суток езды по

book3.indd 327 09.03.2010 17:36:53

бездорожью. Когда-то Станиславу казалось, что он не перенесет потери кого-либо из близких. Теперь ему выпадали испытания одно суровее другого. И он выдерживал их стойко и мужественно. Почувствовав в себе смутные признаки душевного очерствения, забеспокоился, стал выискивать оправдания, и это немного успокаивало. «Как же можно оставаться человеколюбивым, – рассуждал он, – если вокруг так много жестокости, если даже в речевом обиходе и в печати самые распространенные понятия – казнь, кровопролитие, пытка, расстрел, виселица, произвол, тюрьма, розги, каторга?!»

Как-то Станислав познакомился с молодым писателем Всеволодом Срезневским, сотрудником Публичной библиотеки. Завязалась дружба, и в одну из суббот Всеволод пригласил его домой. Младшему из сыновей знаменитого филолога Измаила Ивановича Срезневского достался в наследство архив отца. В семье бережно хранили малоизвестные сведения о его многолетней дружбе с Добролюбовым. Нашелся и список, в котором значилась статья «Когда же придет настоящий день?». Без цензурной проверки, в том первозданном виде, в каком она вышла из-под пера великого гражданина.

Станислав сравнивал цинизм презренных политиканов типа мещерских и суворинных, сделавших перо орудием развращения общества, разжигания низменных страстей, и пламенную проповедь Добролюбова. Просидев над статьей несколько ночей, Станислав сделал извлечения в заветную тетрадь, выразительно подчеркнул заключительные фразы: «...и вся наша жизнь идет как-то не в зачет, и каждый день не значит сам по себе, а служит только кануном другого дня. Придет же он, наконец, этот день! И, во всяком случае, канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!»

Ночь, разделявшая «канун» от «настоящего дня», с началом нового века стала еще более беспокойной. Это проявлялось не только в сменявших одна другую грандиозных забастовках и крестьянских волнениях. Глухая скрытая вражда между реакцией и прогрессом все чаще прорывалась взрывами, потрясавшими общественное мнение во всех слоях. Один из злобных выпадов самодержавия против общества – попытка подчинить научную мысль полицейскому контролю.

Началось с того, что некая баронесса Мейендорф, супруга начальника императорского конвоя, особа в высшей степени пустая, но в то

book3.indd 328 09.03.2010 17:36:53

же время предприимчивая и спесивая, в январе 1904 года потребовала от ученого совета Военно-медицинской академии заслушать ее «доклад». Как председательница общества покровительства над животными, она настаивала, чтобы научные эксперименты с использованием кроликов и морских свинок проводились только с разрешения общества. Авторитетная комиссия в составе профессоров Павлова, Кравкова и Альбицкого внимательно выслушала доводы придворной дамы, лицемерно взывавшей к милосердию и состраданию.

Мадам дали понять, что, будучи далекой от науки, она едва ли имеет представление о пользе, извлеченной биологией и медициной посредством опытов на животных. Возможно, когда-то и наступит пора, и человеку во имя науки не будет необходимости мучить животных. Дай бог, чтобы это варварство прекратилось как можно скорее. Но несомненно и то, что ценой страданий кролика или морской свинки предотвращаются неизмеримо большие мучения людей и домашнего скота. И по меньшей мере бессовестно, одной рукой бросая камень в ученого, другой творить над беззащитными животными тварями вопиющее зло, убивая их ради мяса, шерсти и кости.

К протоколу комиссии, отвергшей притязания сиятельных мракобесов, Иван Петрович Павлов приобщил еще и свое особое мнение. «Когда я приступаю к опыту, связанному в конце с гибелью животного, – писал он, – я испытываю тяжелое чувство сожаления, что прерываю ликующую жизнь, что являюсь палачом живого существа. Когда я режу, разрушаю живое животное, я слышу в себе едкий упрек, что грубой, невежественной рукой ломаю невыразимо художественный механизм. Но это переношу в интересах истины, для пользы людям. А меня, мою вивисекционную деятельность предлагают поставить под чей-то постоянный контроль.

Вместе с тем истребление и, конечно же, причиненные муки животным только ради удовольствия удовлетворения множества пустых прихотей остаются без должного внимания. Тогда в негодовании и с глубоким убеждением я говорю себе и позволяю сказать другим: нет, это не высокое и благородное чувство жалости к страданиям всего живого и чувствующего; это одно из плохо замаскированных проявлений вечной вражды и борьбы невежества против науки, тьмы против света».

book3.indd 329 09.03.2010 17:36:53

Особое мнение получило широкую огласку. В академии, университете, институте экспериментальной медицины, на Бестужевских курсах профессура и студенчество безоговорочно одобряли достойную отповедь, восхищались мужеством отца физиологии. За три года работы в лабораториях Павлова, наблюдая его и многочисленных сотрудников в творческом процессе, Станислав неоднократно был свидетелем излишней чувствительности ученого. И сам он, разрабатывая тему докторской диссертации, постоянно прибегал к опытам над животными, превозмогая жалость доводами разума. Возмущала ханжеская показная забота двора о собачках и кошечках, в то время как обрекались на мучения и гибель тысячи людей.

Удручающее впечатление своей жестокостью произвела на Станислава драма одного маленького человека. Как-то старуха, прибиравшая его жилье, в восторге поделилась: в их околотке свершилось чудо. Поклялась святыми угодниками, что сама видела мальчика, плакавшего «христовыми слезами», и вызвалась проводить к нему. Возле воспитательного дома на Песочной по-ярмарочному вертелись попы. Представившись попечительнице приюта, Станислав попросил показать ему мальчика. Хозяйка неохотно согласилась и спустя четверть часа привела наспех причесанного и переодетого мальчугана с черной повязкой на глазах.

У него оказалось редчайшее заболевание – «кровавые слезы», когда вследствие крайнего истощения организма и сильного психического расстройства из глаз безостановочно выделяется кровь. Звали мальчика Илюшей Родионовым. Было ему тринадцать лет. Отца не помнит, мать недавно умерла от душевного расстройства. Выяснилось, что питание в приюте плохое, воздуха и света мало, в каменных стенах холодно и зимой, и летом. Сверстники постоянно издеваются над ним, дразнят плохими словами. Почему-то всегда болит в висках, а когда он обращается к надзирательнице, она ругает его и бьет.

– Позавчера не спал всю ночь, сильно резало и кололо в глазах... Утром вся подушка была в крови... Наверное, из меня вытечет вся кровь, – с покорностью обреченного жаловался Илюша.

Станислав поместил его в академическую госпитальную клинику, сам ухаживал за ним. Кровотечение прекратилось, мальчик заметно повеселел. Выписываться ему ужасно не хотелось, и вполне уже вы-

book3.indd 330 09.03.2010 17:36:53

здоровевшего, с одобрения Беллярминова, еще с полгода продержали у себя, чтобы откормить досыта. Весной медики собрали в его пользу деньги и устроили в воспитательный дом. Станислав поместил в «Русском враче» сообщение об этом уникальном случае и... подвергся нападкам чиновников медицинского департамента «за тенденциозное выпячивание» нравов в императорских сиротских приютах.

Кропотливая трехлетняя работа над диссертацией наконец была завершена. Кроме знаний и громадного практического опыта, она принесла еще и диплом с золотым тиснением. «Конференция Императорской Военно-Медицинской Академии постановлением, состоявшимся мая 15 дня 1904 года, «лекаря с отличием» Станислава Владимировича Очаповского, выдержавшего установленное испытание и защитившего представленное им рассуждение под заглавием «Флегмона орбиты», удостоила степени доктора медицины, и удостоверение чего и дан ему настоящий диплом за надлежащими подписями и с приложением печати». По заведенному порядку полагалась двухгодичная заграничная командировка, по возвращении должность приват-доцента при академии, а там и профессура...

К высоким должностям Станислава не тянуло, а вот возможность побывать в Германии, Австрии, Швейцарии и Италии и самому разобраться, в силу каких социальных, экономических и культурных факторов у них показатель слепоты в 5-6 раз ниже, чем в его отечестве, – это было в высшей мере заманчиво.

Ему шел двадцать седьмой год, он был женат. Другом жизни и помощницей ему на долгие годы стала Софья Яценко, сестра милосердия, бестужевка-первокурсница, помогавшая ему из благотворительных побуждений в экспедиции глазного отряда в Медвеженский уезд Ставропольской губернии.

Как-то в конце напряженного операционного дня в госпитальной клинике Беллярминов пригласил его в кабинет и с нотками досады в голосе сообщил, что заграничная поездка срывается. Военный министр, генерал-адъютант Сахаров из списка кандидатов, представленного начальником академии, соизволил вычеркнуть две фамилии. В том числе и его. Ходатайство профессора перед министром, предпринятое по частным каналам, не увенчалось успехом. Леонид Георгиевич призвал сильно не огорчаться, дескать – все течет, все изменяется. Станислав

book3.indd 331 09.03.2010 17:36:53

сгоряча хотел подать в отставку, перейти на вольную практику. В этой неопределенности завтрашнего дня и застали его события 1905 года.

Мобилизованный на фронт с первых дней русско-японской войны, Савваитов откликался нервными отрывочными письмами. Сперва они шли из-под Вафангоу, позднее – из Лаояна и Мукдена. Обычно сдержанный во внешнем проявлении эмоций, он давал волю отчаянию, когда письмо удавалось переслать оказией через верные руки. «Русская кровь течет рекой, – писал он, – тысячи людей затаптываются в немое забвение. И не видно конца шабашу изменников, казнокрадов и скудоумных солдафонов, корчащих из себя полководцев. Стась, куда же мы движемся?!»

Кровь проливалась не только в маньчжурских степях и порт-артурских укреплениях. Вслед за зверским подавлением стачки бакинских нефтяников и восстания полтавских крестьян «хозяин земли русской», как величал себя Николай II, совершил беспримерный акт надругательства над подданными, расстреляв 9 января 1905 года мирную демонстрацию столичного пролетариата.

В то утро, по случаю воскресного дня, Очаповские поднялись поздно. Прибежала Шулятикова. На ней не было лица. Она рассказала обо всем увиденном на Дворцовой площади. «Как только прекратилась стрельба, – шептала она сквозь рыдания, – я вышла из укрытия. В чудовищных, неестественных позах, группами и поодиночке, застыли на снегу убитые, корчились с воплями и стонами раненые. В качестве перевязочного материала люди пускали в ход башлыки, шарфы, юбки, косынки, подкладки пальто. Раненых укладывали в сани и повозки, развозили по домам и лазаретам».

Услышав все это, очень взволнованный, Станислав поспешил в академию. Там творилось что-то невообразимое. Изувеченные лежали штабелями. Ими были забиты все коридоры и вестибюли. Ходячие ждали на улице, жгли на морозе костры. Клиники и госпитали академии, пожалуй, никогда не видели в своих стенах столько разом пролитой крови. Отовсюду слышались проклятия в адрес царя и правительства, призывы низвергнуть кровопийц посредством динамита, клятвы никогда не простить царю этого злодейства.

Профессора, студенты, весь дежурный врачебный персонал, служители и нижние чины, даже швейцары и добровольцы с улицы при-

book3.indd 332 09.03.2010 17:36:53

няли участие в спасении. Обосновавшись в одной из аудиторий, Станислав и Еремич (он уже являлся выпускником академии) принялись за дело, стараясь, прежде всего, обслужить пострадавших. Шулятикова и Соня оказались бесценными помощницами. Всю ночь и следующее утро друзья работали без отдыха, все валились с ног в полном изнеможении. Их сменили прибывшие из университета медики и сестры милосердия из ближайшей общины Красного Креста.

Очаповские на квартире собрали скромный ужин, но никто к еде не притронулся. Больше молчали, подавленные пережитым, стыдились смотреть друг на друга, слышались лишь тяжелые вздохи в тягостной тишине. Соня приглушенным, каким-то скорбным голосом без устали повторяла то ли молитву, то ли заклятие. Всем был ясно, что в это жуткое воскресенье Романовы сами себе вынесли смертный приговор и царь есть политический преступник, для которого никакие гуманные и этические нормы не будут помехой. Гнев, боль и ярость должны были во что-то вылиться.

– Господи, сколько подлости в этом негодяе! Не дрогнув, собственной рукой пристрелила бы, – выплеснула боль долго молчавшая у темного окна Шулятикова.

Проводив друзей, Станислав присел к столу. Придвинул лист чистой бумаги, и перо энергично забегало по нему.

«Милостивый государь, Александр Иванович! При поступлении на государственную службу во вверенное Вам учреждение мною была дана перед Святым Крестом и Евангелием присяга на верность службе императорскому дому. После прискорбных и постыдных событий, имевших место 9 января с. г., не считаю возможным для себя соблюдать верность необдуманной клятве, ибо это оскорбляет мою совесть и честь. Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять мое отречение от присяги и уволить от занимаемой должности. С глубоким к Вам почтением – С. Очаповский, доктор медицины». Заклеил конверт, четко вывел на нем: «Начальнику Военно-медицинской академии, академику Таренецкому А. И. – конфиденциально».

Рано утром наведался к ним Еремич, и Станислав, горячо поддержанный Сонечкой, посвятил друга в свое намерение немедля же покинуть Петербург и обосноваться в каком-нибудь медвежьем углу, отдаться служению людям там, где более всего нуждаются в нем.

book3.indd 333 09.03.2010 17:36:54

Неделю спустя, через штаб-офицера, Станислава пригласили на беседу к Таренецкому.

– Вполне разделяю ваше возмущение случившимся в достопамятный день. Скорблю вместе со всеми и уважаю, мотивы отречения от присяги, – без околичностей выложил академик, возвращая прошение. – Но все же нахожу недостойным для медика покидать поле сражения в тяжелую пору, когда академический городок от подвалов до чердаков забит жертвами войны, затеянной известной вам персоной и с японцами, и с русским народом одновременно. Разумеется, иные события российской истории, может быть, заслуживают осуждения, но чувство патриотизма обязывает нас в трудный час благоговейно предавать их забвению...

Намек на дезертирство обезоружил Станислава. Краска стыда горячей волной ударила в лицо. Но и академик последней фразой сильно уронил свой престиж, и Станислав собрался было возразить в том смысле, что тиранам, проливающим кровь своих подданных, ничто не должно прощаться, но вовремя сдержался, разумно рассчитав, что это лишь повредит делу. Начальник академии выдвинулся из-за стола, считая тему исчерпанной, но стойкий выжидательный взгляд просителя, видимо, подтолкнул его мысль в другом направлении. Не выдержав бесконечно тягостной паузы, он потянулся за пером. Что-то вроде одобряющей улыбки тенью скользнуло по усталому лицу.

– Будь по-вашему... Завидую вашей решительности, преисполнен уверенности, что не запятнаете белого халата русского военного врача...

За какую-то неделю Станислав с помощью друзей собрал все, что требовалось для дальней дороги и сносного существования на новом месте – в Кавказском военном округе, куда получил назначение как казеннокоштный слушатель академии. На товарищеском совете было решено, что Соня задержится в столице до окончания курсов, а Станислав погостит у Леонида в Батуме и вместе с ним попытается присмотреть в провинции подходящее место жительства.

Морозной ночью на исходе января Соня, Еремич, Катанская, Шулятикова, оба Неуйминых и Беллярминов проводили Станислава с Николаевского вокзала. Московский почтовый набрал скорость, проскочил стрелки, и колеса, как рефрен, подхватили и без конца повторяли:

– Аль-тру-ист!.. Фи-лан-троп!.. Де-зер-тир!..

book3.indd 334 09.03.2010 17:36:54

ЛИХОЛЕТЬЕ

После кратковременной, не доставлявшей удовлетворения службы в Тифлисе и Батуме молодой офтальмолог Станислав Очаповский переехал в Баталпашинскую. Уголок был не из райских. Третью неделю свирепствовал губительный сальский суховей, пыльный буран затмевал солнце, и оно тускло проглядывало, как сквозь мешковину. В редкие часы утреннего затишья открывались бурые увалы без единого кустика и дерева. Измученная скотина ревела в тщетных поисках корма. Недавняя холера изрядно опустошила казачьи станицы, ногайские и абазинские аулы. В дни большой благовещенской ярмарки, приглядываясь к людям и нравам, Станислав насчитал от силы дюжину людей с безупречно здоровыми глазами. У многих – конъюнктивиты, трахома и последствия оспы.

На окраине станицы, у камышей над речкой Абазинкой, догнивал длинный турлучный сарай, крытый соломой. Доктор облюбовал его. С помощью нанятых женщин привел помещение в порядок. Получилась неказистая с виду, но сносная для работы амбулатория с приемной, «темной комнатой», операционной, перевязочной и палатой на двенадцать условных коек. Условных потому, что оперированных укладывали на полу, устланном камышовыми матами. Как только прибыл багаж, в котором был и шестипудовый, опечатанный сургучом тюк с перевязочными материалами, инструментарием и медикаментами лично от Беллярминова, Очаповский приступил к своему излюбленному делу.

Но еще задолго до этого поползли по станице слухи. Шептались, что доктор подослан начальством. Он по глазам узнает крамольные и грешные мысли, а потом передает их попу и атаману. Луч, который он своим зеркалом наводит в глаз, портит кровь, а лекарства настояны на слюне бешеной собаки.

Жители с опаской обходили лечебницу стороной. Приглашенные доктором в качестве помощников сестра милосердия Матрена Калинкина и студент-медик Владимир Телега сбились с ног в поисках первого пациента. Им оказался семидесятидвухлетний Матвей Краснoталов, тот самый старик, что принял Станислава на ночлег в день приезда.

book3.indd 335 09.03.2010 17:36:54

– Все одно помирать, – вздохнул он, когда его подсаживали на шаткий стол, – так зато хоть напоследок налюбуюсь внуками, матушкой Кубань-рекой...

Операция была пустячной – удаление двусторонней крыловидной плевы. И он выполнил ее виртуозно. Дед Матвей последние восемь лет жил в полной тьме и доверялся зрению верного друга, мерина Яшки. В базарный ближайший день бывший слепец, что называется, кум королю разгуливал между возами в конском ряду. Взобравшись на Яшку, он на глазах изумленной толпы пересчитал галок, игравших на церковных крестах. Потом повернулся в сторону реки. Показывая рукой и называя владельцев, перечислил, кому какая водяная мельница принадлежит.

С этого дня амбулатория на окраине станицы Баталпашинской стала местом паломничества сотен людей. С раннего утра на выгоне у общественного колодца располагается живописный табор. Из дальних аулов и хуторов на тачанках, линейках и верхом съезжались сюда больные из черкесской, ногайской, карачаевской «белой кости». На арбах и ишаках, а то и пешком добиралась беднота, «карахалк» – черный люд. Для первых расстилают ковры, таскают бурдюки с айраном, клокочут казаны с бараниной. Вторые застенчиво жмутся поодаль. У регистратуры настоящее столпотворение. Приставленные для наблюдения за благочинием казак и молодой абазинец, добровольно исполнявший роль переводчика, напрасно старались водворить тишину.

Впрочем, толпа зря суетится у окошка с вынутой рамой. Доктор в амбулатории появляется ровно в шесть. Прежде всего, он направляется к «черни» и с помощью бойкого толмача опрашивает больных и вносит в книжку сорок пять имен. Не больше и не меньше. Затем переходит к знати и добавляет еще пятнадцать фамилий. К этому времени Телега, сестра и няня уже управились с процедурами и перевязками, готовы к приему. Доктор вручает список регистратору, должность которого безвозмездно взял на себя уволенный от службы телеграфист. В редких, неотложных случаях больные принимаются вне очереди.

Однажды с закубанской стороны в окружении джигитов на горячих конях прибыл кабардинский князь, выслужившийся в царском конвое. О нем рассказывали как о человеке сумасбродном. Он оскорбился на постового казака, раньше его персоны пропустившего на переправе

book3.indd 336 09.03.2010 17:36:54

крестьянские телеги. В страдную сенокосную пору согнал своих людей, рядом с казенным построил собственный мост и настрого приказал охране пропускать проезжих только «благородного звания».

Теперь он на охоте на полном скаку напоролся на древесный сук и вышиб глаз. Сам станичный атаман просил принять князя безотлагательно. Что ж, милости просим... Вознаграждения, которое отвалил знатный пациент, с лихвой хватило и на бесплатное питание для больных, и на железные кровати с постельными принадлежностями.

Не обходилось и без курьезов. Как-то на ярмарке доктор заинтересовался калмыцкой труппой, забавлявшей публику сценками из кочевой жизни Иерельчи под аккомпанемент домбры, ятха и хура спели благопожелание, «чтобы на земле царил мир, счастье и благополучие, а люди богатели и размножались». Затем ряженые в драконьих масках разыграли древнюю религиозную мистерию «цам». В заключение двое известных во всем улусе джангарчи народных сказителей, состязались в исполнении стихов из героического эпоса «Джангар». Один из певцов, Шангхор, был слепым. После представления Станислав осмотрел его и предложил операцию.

– Я бы с великой душой, но я беден и, кроме домбры и песен, ничего не имею, уклонился старик.

Толмач внушил ему, что доктор с бедных платы не берет, а бывает, что и сам с ними делится. Шангхор недоверчиво согласился. Экстракция катаракты дала превосходные результаты. Джангарчи сложил хвалебную песнь в честь «русского дохтура», с большим подъемом исполнил ее перед дожидавшимися очереди и уехал в степь. Недели три спустя у амбулатории остановилась кочевая кибитка. Молодой калмык поманил доктора. Под ноги ему вывалилась девочка лет четырнадцати.

– Шангхор дарит тебе свою дочь, – на ломаном языке пояснил брат. – Ее зовут Джаргал, по-нашему, значит наслаждение. Возьми, она ноги тебе будет мыть, кушать готовить, честное слово...

Доктор оторопел лишь на мгновение. Он сокрушенно развел руками и без тени улыбки пожаловался:

– Я бы с полным удовольствием, да вот, понимаешь, деньги на калым еще не насобирал... Передай отцу: как наживу сорок верблюдов, так и приеду сватать.

book3.indd 337 09.03.2010 17:36:54

...Работа в амбулатории кипела весь день. Заканчивать ее приходилось при лампах. Приготовив все к завтрашнему дню, вконец обессилевший доктор возвращался в каморку и валился на топчан. Среди ночи его поднимал дробный стук в окошко: кто-то из оперированных во сне сорвал повязку. Кого-то издалека привезли со свежей травмой. Сплошь и рядом приглашали к узкобедрой роженице, которой плод рвал чрево. Если не бывало ночных тревог, Очаповский поднимался чуть свет, организовывал стирку бинтов и после просушки помогал их скатывать.

Он постоянно думает, тоскует по Соне, ищет забвения в работе. Здесь его на каждом шагу ждут обобщения, одно печальнее другого. Тонкий, как игла, луч офтальмоскопа, проникая в глубины глаза, рассказывал не только об изъянах собственно зрительного органа. Огненно-красная чаша глазного дна была полна удручающих сведений о наследственных и приобретенных заболеваниях сердца, мозга, почек. Похвалы знакомых мастерству докторских рук, эмоции толпы, видевшей в нем волшебника, способного на чудесные исцеления, приводили в хорошее расположение духа.

Но сам-то он прекрасно понимал, что чудес не бывает, все дело в знаниях и умении рук. И это невежество широких масс он считал причиной всех бед. И многое делал, чтобы рассеять мрак. Знания же накопились столь основательные, что свое бессилие признавал только перед полностью мертвыми глазами и в случаях, когда вмешательство могло необратимо повредить другим органам или повлечь смерть.

До предела ограничив собственные потребности, все отдавал пациентам. У многих за душой не было ни гроша. Расходы на них доктор компенсировал за счет состоятельных пациентов. Число их постоянно росло, и они готовы были на любые затраты, лишь бы удостоиться внимания молодого врача, вскоре ставшего популярнейшей личностью.

Популярность эта и вольнодумство «залетного» не остались незамеченными. Баталпашинский атаман Косякин возбудил в кубанском окружном суде дело о привлечении доктора медицины Очаповского к ответственности за уклонение от налогов за содержание процветающей глазной лечебницы». Доктор во всех инстанциях сумел бы доказать абсурдность обвинения, но изматывающая тяжба отняла б лучшие годы его практики.

book3.indd 338 09.03.2010 17:36:55

Выручка пришла с совершенно неожиданной стороны. В начале июня Станислав получил от брата телеграфное приглашение встретиться в Пятигорске. Доктор прибыл в назначенный день и в той самой ресторации, где когда-то коротал вечера с друзьями поручик Тенгинского пехотного полка М. Ю. Лермонтов, встретился с Леонидом. К концу вечеринки Станислав знал многое о делах и жизни неудачливого брата.

Дня через три Леонид собрался в обратный путь. В день отъезда он свел Станислава с человеком, с которым недавно познакомился в Тифлисе. Доктор очень удивился, когда статский советник с добродушными манерами и забавной русой бородкой на розовом, как яблочко, лице назвал свое имя – Николай Иванович Неуймин. Отец его лучших петербургских друзей! Выяснилось, что главный окулист Кавказского военного округа объезжал подведомственные ему учреждения и остановился в той же гостинице, что и они.

– Из верных источников порядочно наслышан о вашей подвижнической деятельности. Молва, между прочим, самого похвального свойства. Посчитаю за честь, если примете заведование пятигорским глазным лазаретом. Должен, однако, предупредить, что поприще предстоит не из легких. Лазарет забит ранеными с японского театра, с необычными в мирное время травмами зрительных органов... Относительно судебного недоразумения, думаю, улажу вопрос с кубанским наказным атаманом, – заключил беседу Николай Иванович.

Предложение застало Станислава врасплох. Ему представлялось, что он в любой час с легкой душой расстанется с самобытным казачьим окружением, так настороженно встретившим его. На деле все оказалось не так просто. Он уже не мог, не имел права оставить на произвол судьбы людей, возлагавших на него последнюю надежду. В то же время все более убеждался, что в условиях захудалой амбулатории невольно превращается в ремесленника от медицины. То обстоятельство, что помощник многое перенял и самостоятельно способен обеспечить окулистическую помощь, решило его сомнения. Сдав Владимиру Телеге амбулаторию, как говорится, на корню, доктор тепло простился со всеми, кому симпатизировал, и в июле 1905 года перебрался в Пятигорск.

book3.indd 339 09.03.2010 17:36:55

На новом месте «варяга» приняли открыто враждебно. Не один окулист Кавминвод, а их собралось предостаточно в злачных курортных городках, лелеял тайную мысль о должности ординатора глазного отделения пятигорского военного госпиталя. Нелепость позы высокомерного отчуждения в отношениях с «чужаком» стала очевидной после двух-трех десятков операций, блистательно выполненных им.

...Санитарный эшелон с тяжелоранеными следовал из Маньчжурии на Кавказ. На перегоне, почти у самой цели, по халатности железнодорожного начальства произошло крушение, поезд пошел под откос. В классных вагонах с офицерским составом жертв оказалось немного. Четырнадцать теплушек, оборудованных нарами для нижних чинов, сбились в кучу на дне оврага. Вспыхнул пожар, и, пока подоспели жители ближнего селения, многие погибли в огне, оставшиеся в живых были извлечены из-под обломков с обширными ожогами лица, травмами черепа и глаз.

Это случилось месяца за два до того, как новый ординатор заступил на должность. Трагический случай вызвал большой общественный резонанс. Военно-санитарное управление округа приняло все меры для спасения пострадавших, привлекло лучшие врачебные силы Тифлиса, Ростова, Владикавказа. Все внимание и заботу именитые хирурги, дерматологи, окулисты сосредоточили на палатах, где с комфортом размещались офицеры. Раненые рядовые, в дополнение к фронтовым получившие еще и увечья при катастрофе, такого внимания не удостоились.

На каждом шагу Очаповский наталкивался па возмутительное разделение пострадавших на «чистых» и «нечистых». Особенно наглядно это проявлялось на отношении персонала к воинам из «туземцев». Для первых употреблялись новые бинты, первой свежести белье, лучшие продукты питания, вторые довольствовались стираными бинтами, одеждой последнего срока носки, протухшим мясом. Одних пользовали редкими, дорогими медикаментами на других экономили вазелиновое масло, рыбий жир, риванол. Возле вполне выздоровевшего есаула денно и нощно «мурлыкает» сестра милосердия, рядовой же казак изнемогает от невыносимой боли потому, что забыли сделать перевязку.

Недоброжелатели Очаповского плели всякие интриги, не гнушались никакими средствами. Высокопоставленный анонимный

book3.indd 340 09.03.2010 17:36:55

злопыхатель обратился с письмом к терскому наказному атаману. С упоением обливал грязью ординатора глазного отделения, намекал на подозрительные связи и столь же сомнительное прошлое, утверждал, что в офтальмологии он полнейший профан, бездарная личность, преуспевающая благодаря опеке окружного окулиста Неуймина. Авторитетная комиссия, под председательством известного на Кавказе окулиста Пеунова, бывшего в непримиримой давней вражде с Неуйминым, обследовала отделение и нашла его в образцовом порядке. Перед отбытием врачей во Владикавказ с докладом Очаповский показал им Григория Таврина.

Боргустанский казак Григорий Таврин был одним из тяжело пострадавших в железнодорожной катастрофе. В дивизионном лазарете в Порт-Артуре ему отняли руку. После аварии, вследствие открытых переломов, пришлось ампутировать выше колен обе ноги. И это было не самое страшное. Он получил сильные ожоги шеи и лица, правый глаз вытек, в левом огонь поразил все слои роговицы. Врачи, первыми пользовавшие Таврина, оказались не на высоте: кому-то недоставало знаний, у кого-то не было мастерства. В итоге на лице двадцатичетырехлетнего былого богатыря, как символ врачебного невежества, застыла жуткая маска с анкилосимблефароном левого глаза.

С симблефаронами, сращением века с глазным яблоком в результате ожога или механической травмы, и с анкилоблефаронами, сращением нижнего и верхнего века между собой, Очаповский имел дело и прежде. Анкилосимблефарон, сращение век между собой и с глазным яблоком, встретился впервые. Еще в Петербурге из специальной литературы почерпнул сведения, что из русских окулистов эту операцию наиболее эффективно освоил воронежский врач Правосуд. Разыскав в «Вестнике офтальмологии» его сообщение, Очаповский повторил операцию, и кое-что привнес свое.

Описание операции, наглядный показ приемов членам комиссии, проверявшей его соответствие занимаемой должности, длились более трех часов и напоминали скорее лекцию умудренного опытом наставника перед восхищенными учениками. К концу лечения, после четырехкратного хирургического вмешательства, левый глаз Таврина имел остроту зрения 0,6, уродство пустой глазницы скрыл протез. И эстетически лицо его неузнаваемо преобразилось, он уже не вздрагивал,

book3.indd 341 09.03.2010 17:36:55

ненароком взглянув в зеркало. Это было вторым рождением человека, который с угрюмым отвращением смотрел в свой завтрашний день...

– Скорбим всей душой, Станислав Владимирович, – со старомодной учтивостью признался Пеунов, – что омрачили недоверием и вашу, и собственную совесть... Поймите и нас – мы непременно должны были доискаться истины. Мы нашли ее, и теперь многое представляется нам в ином свете... От себя лично добавлю: будь операция эта делом моих рук, я, вероятно, ничего больше в жизни не пожелал бы...

К исходу первого года жительства в Пятигорске доктор стал довольно известной персоной. Кроме основной службы, из побуждений благотворительных принимал и оперировал больных в лазарете общины Красного Креста. Призывал богатых людей к пожертвованиям, зарабатывал чтением лекций, чтобы собрать достаточную сумму на строительство мастерских для слепых, на устройство приюта для инвалидов войны. Благотворительность стала для него всепоглощающим увлечением.

Но как-то в начале лета, среди великого множества хлопот, у него выдался и просвет во времени. Словно очарованный странник, впервые посетивший святые места, доктор исходил и изъездил заповедные уголки, навеки запечатлевшие память о Лермонтове, героях его сочинений. Печорин и Демон, Бэла и княжна Мери, Казбич и Мцыри незримо сопровождали его, тревожили воображение. Жадно вдыхал запах приволья, был безмерно и безмолвно счастлив в горах, истерзанных ветрами тысячелетий. Возвращаясь в город, на какое-то мгновение забылся в полусне под звон копыт и убаюкивание рессор, и тут его пронзила мысль, что при всей любви к среднерусской равнине уже никогда не покинет Кавказ, край суровой и гордой красоты.

Вечером, как обычно, отдыхал на скамье возле памятника М. Ю. Лермонтову. Трагическая судьба поэта, с русской безоглядной удалью, но полнокровно прожившего недолгие свои годы, всегда привлекала его. Бронзовая фигура бунтаря, в задумчивости присевшего на гранитной скале лицом к Эльбрусу, в багровых лучах заката производила неизъяснимое впечатление. Лира с оборванными струнами и даты рождения и смерти на постаменте пламенели зловеще. Всего двадцать семь лет прожил, а сколько преуспел! Мысль о крохотности собственных дел, ничтожной отдаче сил, бездумном, как ему казалось, растра-

book3.indd 342 09.03.2010 17:36:55

чивании бесценного быстротекущего времени вновь обожгла его чуткую к внутренней критике совесть.

Он был не совсем к себе справедлив. Около тысячи серьезных операций, восемьдесят семь слепцов, прозревших под его пальцами, последний рубль, обращаемый на помощь нуждающимся, все же что-то значили. Но такой уж характер был у Очаповского. Он вечно был недоволен собой, и главное, что его мучило в эти годы, – желание заглянуть в загадочный древний мир, таившийся в горных ущельях. За романтическим фасадом горного края, воспетого любимым поэтом, доктор в своих поездках успел рассмотреть жизнь тяжелую, мрачную и безысходную.

Очаповский переменил с детства сложившееся мнение, что доля полесского мужика – самая незавидная на свете. Горцу приходилось еще хуже. Принести воды из родника, накосить травы, добыть вязанку хвороста – все сопряжено с риском и опасностью. Дикая природа и скупая земля делали чело века суровым и безропотным. Несмотря на исключительное трудолюбие и сметливый ум, простой горец едва сводил концы с концами. В постоянных лишениях и невзгодах он преждевременно старился, терял последнее здоровье. Обследование ряда аулов нагорной полосы подтвердило предположение доктора, что в горах широко распространены и глазные заболевания.

В курортный сезон 1908 года после продолжительного перерыва, вызванного революционными событиями, на воды вновь съехалась столичная и провинциальная знать. Благотворительное общество зашевелилось, возобновились еженедельные балы «белой ромашки». Они созывались в иллюминированном и увешанном коврами гроте Дианы, под сводами Лермонтовской галереи или в ресторане только что выстроенной гостиницы «Бристоль». Гремела музыка, разыгрывалась лотерея, среди маскарадных кавалеров и дам сновали девушки, продававшие ромашку. Сборы были скудными, они едва превышали издержки по найму помещения и оркестра, и организаторы решили сразить прижимистую публику своим «коронным номером».

Месяцев за восемь до этого доктор поднял на ноги шестнадцатилетнюю Олечку Перевозчикову. Отец ее, обремененный большим семейством каменщик, работал на износ ради того, чтобы выучить дочь. На выпускном экзамене она потеряла сознание. Доктору стоило

book3.indd 343 09.03.2010 17:36:55

немалых трудов частично восстановить зрение, утраченное в результате рецидивировавшего юношеского кровоизлияния в стекловидное тело. У девочки были ангельские личико и голосок. Устроители очередного бал-маскарада пустили ее среди приглашенных с блюдом для пожертвований. Не допев жалобную какую-то песенку, она опять чуть не упала, но ее вовремя подхватили.

Ее быстро доставили прямо на квартиру Очаповского. Домохозяева его потом рассказывали, что в жизни своей не видели такого яростного проявления гнева, какое наблюдали в тот день у болезненно застенчивого своего постояльца. С того дня доктор прервал всякие отношения с «благотворительным» обществом. Он буквально не отходил от Олечки, и бывали дни, когда, казалось, все средства для возвращения девочке зрения исчерпаны. В эту напряженную пору и подкатилась со своим «делом» игуменья Митрофания из Спасо-Преображенского монастыря.

...В сердце гор на труднодоступной скале в Тебердинском ущелье уцелел, с византийских еще времен, изящных очертаний храм с бесценной росписью на библейские сюжеты. Забытое богом и людьми святилище в конце девятнадцатого века облюбовали монахи. Закипела работа. Рьяные мастера обновили кладку, сменили купол, облепили уродливыми пристройками. Выписанный из Ставрополя богомаз соскреб древние фрески и покрыл стены и иконостас аляповатыми фигурами святых и угодников. С благословения святейшего синода было загублено прекрасное детище безвестных умельцев.

Вдохновительницей создания среди горцев-мусульман христианского очага была игуменья Митрофания, в миру Пелагея Розен, баронесса, фрейлина императорского двора. Лет за тридцать до этого за подлог векселей и подделку завещания московским уголовным судом она была приговорена к ссылке в Енисейскую губернию, но по особому распоряжению царя поселена на Кавказе. Теперь она подвизалась в роли «воительницы православной веры». Убогая пустынь переросла в преуспевающий монастырь с четырьмя сотнями послушниц, добротными корпусами, гостиницей для богомольцев.

Монахини в поисках наживы рыскали по всему Кавказу. Задолго до личного знакомства с Митрофанией доктору довелось читать в епархиальном еженедельнике ее призыв жертвовать средства на

book3.indd 344 09.03.2010 17:36:55

устройство начальной школы для мусульманских детей. Доктор сам, помнится, внес тогда двадцать рублей. Позднее стало известно, что собранные деньги и ценности пошли на строительство иконописного и свечного заведений. Оборотистая старуха, щедро умасливая чиновничью мелюзгу, сумела обставить дело так, что лучшие угодья Нижнетебердинского аула стали неотторжимой церковной собственностью.

Еще в период «баталпашинского отшельничества» доктор, по приглашению настоятельницы, однажды посетил монастырь. Он добросовестно обследовал состояние зрения всего монастырского штата. Помутнения роговой оболочки, инфильтрации, характерные для паренхиматозного кератита, явный французский прононс многих послушниц свидетельствовали, что из странствий своих по городам и весям они возвращаются не с одними только подаяниями. Очаповский деликатно посоветовал, не откладывая, пригласить врача по болезням любострастным. Матушка оскорбилась, обиженно поджала губы и до самого его отъезда оставалась подчеркнуто холодной.

Доктор немало удивился, когда после долгой размолвки с влиятельной выжигой через пятигорского архитектора получил приглашение Митрофании навестить ее в гостинице «Бристоль». Встреча со святошей, к которой питал инстинктивную неприязнь, не радовала его. Полагая, однако, что у нее неладно со зрением и требуется неотложная помощь, отправился по велению врачебного долга. Был принят чрезвычайно любезно, с глазу на глаз. Искусно переплетая елейные словеса с изречениями отцов церкви и евангельскими притчами, Митрофания в заключение аудиенции выложила суть дела, ради которого предприняла вояж.

– Недавно постриглась в нашу обитель с младенческих лет слепая зеленчукская девица Анфиса. Сердце кровью обливается, когда думаю о ней. Я привезла ее с собой. В смиренном трепете уповаю на ваши руки, умоляю сделать все, чтобы сиротка увидела свет божий...

Анфису Керженцеву привели из соседней комнаты под руки. Доктор осмотрел ее и нашел мягкую врожденную катаракту, осложненную туберкулезным иридоциклитом. Предложил поместить в лазарет – иридоциклит требовал длительного лечения. Митрофанию это не устраивало, и доктор ограничился дисцизией катаракты, которую выполнил тут же, в гостиничном номере. На двенадцатые сутки снял повязку, и

book3.indd 345 09.03.2010 17:36:55

Анфиса в лихорадочном возбуждении, которое сродни безумию, протянула руку к горящей свече в медном канделябре и вскрикнула:

– Доктор, родненький, бачу! Вполне удовлетворенная исходом, Митрофания собиралась на следующий день в монастырь. Находившимся при ней двум пожилым инокиням доктор дал наставления по дальнейшему уходу за больной, Как и в первый вечер, настоятельница удостоила его нудной душеспасительной беседой. Что-то хищное было во всем ее облике, фиолетовые бархатные одежды источали запах тления. Попросив приживалок оставить их одних, Митрофания с жалким достоинством плутовки раскрыла, как говорится, свои карты.

– Будьте великодушны, доктор, не осудите простую смертную, жаждущую богоугодных дел... Откроюсь чистосердечно... Близится преображение Господне, праздник во имя Иисуса Христа, открывшего ученикам на святой горе Фавор божественную свою сущность... В честь этого и монастырь наш назван Спасо-Преображенским. Хиреет с годами наша обитель... Вот и осенило меня... Всей округе известно, что Анфиса с рождения слепая. И если она прозреет при богослужении, на глазах у богомольцев... Надеюсь, понимаете... В случае надобности от вас потребуется подтверждение, что сиротка была неизлечимо слепой...

С последними словами игуменья достала из-под стола сверток и положила перед доктором. Холеной красивой рукой откинула край парчовой ткани. Доктор вскочил, поднялась и Митрофания. В прохладной полутьме груда золота своим червонным сиянием озарила их лица. Это были женские украшения из скифских и аланских могильников, хищнически разграбленных местными и пришлыми кладоискателями. Доктор тут же подавил робкую мысль, что при маленьком компромиссе с совестью за груду презренного металла можно было бы построить глазную лечебницу, осчастливить многих людей...

С годами выработалась у доктора привычка терпеливо, с большим вниманием и невозмутимым спокойствием, согласно кивая головой, выслушивать от собеседника любую галиматью и, когда становилось очевидным, что перед ним беспросветный дурак или заведомый негодяй, – круто поворачиваться и, не дослушав фразы, уходить быстрее прочь. Так он поступил и на этот раз. Вознамерился публично сорвать аферу с чудесным исцелением. Близкий друг, ставропольский присяж-

book3.indd 346 09.03.2010 17:36:55

ный поверенный Григорий Прозрителев, выслушав его, посоветовал не ввязываться в «грязное дело».

– Исцеление возле чудотворной иконы можно считать несостоявшимся. Старуха уже не осмелится на это. Изобличить же ее в попытке подкупа все равно не сможете – нет ни свидетелей, ни улик.

Случай этот со временем потерял первоначальную остроту, но в сознании доктора, жившего в высоких эмпиреях, смотревшего на деньги и богатство с равнодушием убежденного бессребреника, оставил неприятный осадок. Месяц спустя в том же епархиальном еженедельнике доктор прочитал заметку, в которой приводились имена наиболее щедрых по жертвователей в пользу Спасо-Преображенского монастыря, и противопоставлялся им «некий пятигорский окулист, за ничтожную операцию заломивший с обиженной судьбой инокини баснословное вознаграждение». Доктор обратился за советом к другому своему приятелю, Сергею Иосифовичу Назарову, владельцу владикавказской газеты «Терек».

– Твоя церковная крыса всего лишь мелкая сошка в сравнении с теми, от которых я постоянно отбиваюсь, – остудил докторский пыл Назаров, – жандармы не сводят с редакции глаз, вконец одолели денежными штрафами и цензурой... боюсь, прихлопнут газету... Не те, дружище, времена, чтобы очертя голову кидаться в схватку со столыпинской бешеной сворой... Переживи обиду, будь осторожен, иначе... Разыщи майский номер «Шиповника»... Поймешь, в какую эпоху живем...

Какая беспощадная реакционная пора наступала – это доктор и сам знал. И по своей жизни, и по судьбам близких людей. Савваитова, фронтовика, одаренного военного врача, под разными предлогами принудили покинуть столицу, и он прозябал в захудалом провинциальном лазарете. Еремич, уволенный из частной больницы купцов Елисеевых с «волчьим билетом», третий год не мог подыскать сносной работы, жил на мизерный заработок жены. В кадетской газете «Речь» доктор вычитал сообщение о высылке Катанской и Неуйминой на поселение в Олонецкую губернию. Брат Николай и сестра Юлия постоянно жаловались в письмах на произвол полиции.

Доктор раздобыл пятый номер журнала «Шиповник» за 1908 год, в один вечер одолел «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева – и был ошеломлен. И талантом писателя, и неумолимой жестокостью сил,

book3.indd 347 09.03.2010 17:36:56

двигавших поступками действующих лиц. Случилось так, что именно в эти дни он получил письмо от Еремича, в котором тот обстоятельно излагал обстоятельства ареста, скорого суда и казни Шулятиковой и ее подруги Лидии Стуре, с группой эсеров-террористов, готовивших покушение на министра юстиции Щегловитова и выданных провокатором.

Удар, окончательно сразивший доктора, был нанесен в Кисловодске. Сюда был доставлен горцами-проводниками с временной потерей зрения, случившейся во время горовосхождения по ослепительным альпийским снегам, горный инженер фон Мекк, сын покровительницы композитора Чайковского. Доктор осматривал пациента в «темной комнате», а тот делился петербургскими новостями. В числе прочего он сообщил, будто от самого Леонида Андреева слышал, что прообразом одной из повешенных, Тани Ковальчук, послужила реально существовавшая революционерка. И назвал имя – Анна Шулятикова. Доктор сделал примочки и накладывал повязку. При упоминании имени Анны он вздрогнул, и ему тут же сделалось дурно.

...В январе 1909 года, отклонив предложение Беллярминова занять должность ассистента в академии или ординатора в кронштадтском военно-морском госпитале, Очаповский с женой выехал в Екатеринодар, чтобы принять заведование глазным отделением кубанской казачьей войсковой больницы. Здесь его ждал приехавший из Тифлиса окружной окулист Неуймин. Он представил вновь назначенного наказному атаману Бабичу и прочему начальству, ввел в местное общество, организовал передачу глазного отделения.

В эти же дни из Пятигорска прибыла делегация в составе окулистов Н. Ковалева, С. Франчака и Н. Новодельского. Они вручили коллеге приветственный адрес от имени медицинской общественности города, а также с большим вкусом оформленный лейпцигскими полиграфистами альбом фотографий. Не было, пожалуй, ни одной достопримечательности кавказской экзотики, которая не нашла бы отражения в этом удивительном фолианте. «На добрую память гуманному доктору С. В. Очаповскому от пятигорских друзей с пожеланием посетить все эти уголки, где еще не ступала нога офтальмолога», – значилось на титульном его листе.

«Не ступала нога офтальмолога»... Очаповский горько усмехнулся, припомнив, что он единственный глазной врач в обширном разнопле-

book3.indd 348 09.03.2010 17:36:56

менном крае с трехмиллионным населением и территорией, равной Баварии, двум Швейцариям или трем Бельгиям. Предшественник его, недавно скончавшийся окулист Владимир Исупов, за двенадцать лет заведования отделением так и не смог вырваться в селения и аулы нагорной полосы, терзаемые трахомой. Не удалось это и бывшему до него Константину Кириллову, еще в 1885 году принявшему первых пациентов в только что открывшееся глазное отделение. Желание заглянуть в дебри этой загадочной земли томило душу далекой недосягаемой фата-морганой...

При всем почтительном уважении к заслугам покойного Исупова новый заведующий отделением должен был про себя отметить, что лечебница изрядно запущена. С усердием, какое не терпит просто добросовестного исполнения обязанностей, а зовет к самопожертвованию, принялся за дело. Чуждый замашкам иной «новой метлы», безоговорочно отметающей все, что делалось прежде, он с первых дней в лице фельдшеров и санитаров приобрел без лести преданных помощников. Лишь около года спустя сам он, и главный врач больницы, и медицинский инспектор Владимир Попов с удовлетворением признали, что в лечебнице наведен должный порядок.

Если облик Кавминвод запечатлелся доктору в образе расчетливой служанки при столичной барыньке, безумно прожигающей жизнь на знойном юге, Екатеринодар представлялся в виде наглого, скудоумного казачьего офицера, который вогнал в черное тело и нещадно тиранит денщика. Иногородний в его понятии – покорная скотина, хамское отродье. Его дело – ходить в ярме. Для него жаль даже кружки воды. Ничем не лучше и «интэлыгент» – этот опасно мыслит, способен на любой подвох. С ним ухо держи востро. И нагайку наготове тоже.

Не в пример другим наблюдателям кубанского быта, идеалистам, составившим ошибочное представление о классовой однородности казачества, Очаповский сумел рассмотреть бездну, разделявшую трудовую «сирому» от воинствующей «старшины». Непримиримый антагонизм проявляется в большом и малом. Роскошные особняки городской части – и мерзкие лачуги, зловонные улочки кожзаводской, покровской и дубинской стороны. Самодовольная, изнывающая от безделья публика на Красной – и изнурительная работа малолетков на кирпичных, литейных, табачных производствах. Даже глазная лечеб-

book3.indd 349 09.03.2010 17:36:56

ница, созданная для нужд казачьего сословия, отделена глухим кирпичным забором от амбулатории для иногородних.

Разочаровавшись в благотворительных потугах пятигорского периода, доктор все же не изменил заповедям альтруизма, то есть добродетели. Для простого хлебороба, тем более иногороднего и адыгейца, войсковая лечебница была недоступна. В простой квартире, снятой в доме купца Акулова напротив окружного суда, он оборудовал глазной кабинет и открыл бесплатный прием. Больничный комитет, в котором верховодили именитые казачьи чины, ревниво зашевелился, хотел воспрепятствовать начинанию, но Очаповскому не составило большого труда отразить посягательства на свою независимость. Это был уже другой Очаповский.

У него было имя. Опубликованные в разное время в «Вестнике офтальмологии», «Русском враче» и ряде зарубежных изданий научные сообщения о лепрозных поражениях глаз, о дефектах зрения при деформациях черепа, о теории зрения в свете современной физики и по поводу возрастной патологии зрения привлекали внимание медиков актуальностью исследуемых проблем, смелостью экспериментаторской мысли. Известный парижский окулист Эдмунд Ландольт тепло приветствовал его по случаю предложенного очень эффективного способа устранения заворота век. Одесский профессор С. С. Головин на одном из врачебных съездов восхищался изящным слогом ученых работ младшего коллеги, окрестил его «Бояном русской офтальмологии».

Каждой крупицей, добытой ценой бессонных, ночей, он торопится поделиться с коллегами. Вводятся в медицинскую практику новые препараты. Он испытывает их посредством серии тонко продуманных опытов, результаты излагает в работах «Сальварсан и глаз» и «Тиозинамин при атрофии зрительного нерва». Настойчиво ищет средства лечения и меры профилактики для защиты органов зрения от пагубного влияния проказы, туберкулеза, оспы... Издает массовым тиражом для широкого читателя книжки «О тайнах глаза», «Как слепые становятся зрячими», «В чем вред знахарства» и другие.

Опубликованное в официальной печати, бдительно охраняемой цензурой, – ничтожная доля того, о чем доктору хотелось поведать. Он знал, что айсберг лишь на одну шестую своей массы возвышается над водой. Подобно ледяной горе, послушной прихотям течения, он глубо-

book3.indd 350 09.03.2010 17:36:56

ко прятал лучшие мысли, укрощал порывы. Научная работа в области общественной гигиены, считал он, не имеет никакой цены без объективного анализа социальной среды. Он делал наброски, накапливал наблюдения и обобщения и... отправлял идеи и проекты в ящики стола. О насущных социальных проблемах говорить свободно он мог только с избранными. В числе их была и председательница общества народных университетов и воскресных школ Александра Газенбуш.

– Просто удивительно, Станислав Владимирович, что вы, столько сделавший для прозрения людей в буквальном значении слова, не помогаете нам сорвать завесу с глаз народа!.. С удовольствием как-то слушала в городском саду вашу лекцию о краеведении в медицине... Неплохо бы повторить ее для наших питомцев, – попросила она.

В классах воскресной школы и народного университета доктор нашел любознательного и благодарного слушателя. Каждому его слову жадно внимали покровские и дубинские юнцы и бородачи, мелкие конторщики и домашние работницы, лишенные в детстве возможности учиться. Кроме лекций и бесед на чисто медицинские и санитарно-гигиенические темы, в разное время, в том числе и после Великого Октября, он прочитал свои оригинальные, полные свежести исследования о пребывании Лермонтова на Кавказе, о лечении Пушкина после дуэли, о Вольфганге Гете как гуманисте, о физиологии любви и ненависти.

Чтения эти доставляли доктору нравственное высочайшее удовлетворение. От лермонтовской поэзии, пушкинской трагедии и гуманизма великого философа было рукой подать до запретных рассуждений о дружбе русского и горских народов, свободе и независимости, тяжелой доле рабочего и крестьянина. Он учил людей беречь глаза и здоровье, презирать алкоголь, разумно отдыхать. Он обследовал жилищно-бытовые условия более чем четырехсот своих слушателей – и удручающим итогам тоже посвятил публичное выступление.

Весной 1911 года на первом съезде кубанских врачей Очаповский в своем докладе о глазных заболеваниях в области привел ошеломляющие цифры и факты. Их потом цитировали на Пироговском съезде, в либеральных газетах. Возмущение царившим казнокрадством, высказывания «залетного выскочки» о других позорных явлениях местной общественной жизни присутствовавший на заседании показной ата-

book3.indd 351 09.03.2010 17:36:56

ман Бабич принял к сведению. Его распоряжением доктору запретили деятельность в народном университете. Чтобы восполнить образовавшуюся пустоту, найти новую трибуну, доктор увлекся работой в Обществе любителей истории Кубанской области (ОЛИКО). За пятнадцать лет существования общество сделало большие успехи в изучении природы, истории и экономики края. В ранний период активными членами его состояли основатель областного музея Е. Фелицын, историки Н. Веселовский и Д. Эварницкий. В числе нынешних деятелей многие были пациентами Очаповского. Задолго до вступления в это плодотворное содружество он близко сошелся с зоологом Н. Динником, сыном великого химика, изобретателем танка В. Менделеевым, журналистом Л. Мельниковым, этнографом В. Сысоевым.

Колоритной фигурой в обществе был академик, автор двухтомной «Истории кубанского казачьего войска», шестидесятилетний хронический ворчун, его давний пациент Федор Андреевич Щербин. В долгие зимние вечера он рассказывал доктору об извилистом и тернистом своем пути. Родился в семье бедного казачьего священника. Простым рабочим состоял в созданной с товарищами земледельческой артели. Четыре года провел в вологодской ссылке. После окончания Петровской академии заинтересовался исследованиями народной жизни. Двадцать лет заведовал воронежским земским статистическим комитетом. Был признан основателем русской бюджетной статистики.

Как-то по приглашению писателя В. Г. Короленко, которого с юности высоко почитал за «Слепого музыканта» и защиту от судебного произвола мултанских крестьян, доктор побывал на даче его брата в Джанхоте. Короленко страдал прогрессирующей потерей зрения вследствие глаукомы и все чаще призывал окулистов. По соседству располагалось обширное имение депутата Государственной думы Ф. А. Щербины. Старик завлек доктора к себе, с гордостью показывал образцовое хозяйство. Гость обратил внимание, что породистый молочный скот роскошествовал в теплых, сверкавших медицинской чистотой коровниках, а батраки ютились в полуразвалившихся хибарах.

– Не все ведь сразу, – с невинным видом оправдывался хозяин, старческим чутьем угадав в госте внезапную смену настроения. – Придет пора, и людям будут созданы надлежащие удобства... Скот, как видите, племенной, голландский, особой заботы требует...

book3.indd 352 09.03.2010 17:36:56

После одного из заседаний общества, во время прогулки под каштанами у памятника Екатерине II доктор воспользовался хорошим расположением духа у старика и затронул тему, давно его занимавшую. Спросил его мнение о личности вождя социал-демократов, который, как известно, в своих работах «Что такое друзья народа...» и «Развитие капитализма в России» нелестно отзывался о его методах статистического анализа, изобличал в злоупотреблениях «средними цифрами» при определении крестьянских бюджетов. Вопрос, похоже, не застал врасплох, но ответил Щербина после долгой напряженной паузы:

– Как вам сказать... С Лениным я никогда не встречался, хотя давно знаком с человеком, который учился и даже дружил с его старшим братом... Как разрушитель искони существующего строя, он мне антипатичен, скажу больше, – ненавистен. Но интеллект его вызывает восхищение... Меня в нем поражает неистребимый оптимизм, прочное чувство завтрашнего дня... Достойный враг монархии, ничего не скажешь, но он взвалил на свои плечи непосильный груз... Самодержавие и христианская религия в России, слава б огу, удерживаются сильной и умелой рукой...

Только теперь доктор рассмотрел в академике нутро махрового реакционера. Реальные события, быстротекущая жизнь начисто опровергали тезис о «сильной и умелой руке». Смерть и похороны Толстого, другого крушителя самодержавия, вылились в грандиозную демонстрацию уважения и любви к нему. Ленский расстрел всколыхнул Россию. Голос народа заклеймил царизм словами вечного проклятия. Эпидемия самоубийств прокатилась по стране. В непосредственной близости Очаповский видел возмущение рабочих «Кубаноля», в дни пуска завода объявивших многонедельную забастовку. Массовые выступления екатеринодарских печатников, портных, железнодорожников в годовщину трехсотлетия романовской династии...

Убежденный материалист, доктор медицины Очаповский, раздираемый противоречиями, исподволь отделывался от либеральных иллюзий и приходил к пониманию того ленинского положения, что невозможно «миром и ладом, никого не обижая, без ожесточенной борьбы добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в России». С каждым годом это становилось все очевиднее, укладывалось в миросозерца-

book3.indd 353 09.03.2010 17:36:56

нии как незыблемый закон. Человеком, умно и неторопливо приведшим его к заветному рубежу, был темрюкский врач, большевик Иван Покровский, осенью 1907 года избранный депутатом Государственной Думы от неказачьего сословия области. Не в пример Щербине, брюховецкому и зеленчукскому атаманам Бардижу и Гришаю, угодливо следовавшим за черносотенцами, Покровский, в соответствии с тактикой социал-демократической фракции, с думской трибуны самоотверженно защищал права трудящихся. Его запрос по поводу зверств генерала Пржевальского при разгоне забастовки новороссийских грузчиков, выступления против увеличения военных ассигнований и армейских контингентов буквально бесили правительство и царя.

Кубанцы гордились своим посланником. Особенно после того, как Покровский предал широкой гласности «дурасовскую историю». За нею стояла трагедия хлеборобов села Киевского. По известной столыпинской затее несколько сотен безземельных крестьян были переселены из Киевской губернии на бывшие угодья помещика Дурасова. Крестьянский банк по спекулятивным ценам продал им землю. Она оказалась совершенно непригодной для пашни. Поднялось возмущение. Банк в ответ конфисковал землю вместе с посевами, что называется, обобрал нищего.

Доктор познакомился с Покровским в одну из его депутатских поездок по области. В Славянской возле станичного правления думский депутат застал разъяренную толпу. Атаман сбежал, писаря, казалось, раздерут на куски. Депутат разобрался в причинах бунта. Его подвели к распряженной арбе в жаркой тени акаций. В ней на соломе глухо стонала сквозь черную шаль женщина, у которой, как пояснили, третьего дня лошадь копытом вышибла глаза. Атаман, у которого она батрачила, наотрез отказал в подводе до Екатеринодара.

Пострадавшую перенесли в тачанку депутата, и он оказал ей первую врачебную помощь. Кучер всю ночь стегал лошадей, и к утру Матрена Угрюменко была доставлена в глазное отделение. Вывих обоих глаз, определил доктор, – афульзио бульби. Косноязычными фразами Матрена поведала обстоятельства несчастья. Очень торопилась до начала грозы перевезти сено. Стоя в порожней повозке, она пустила лошадей в галоп. Они метнулись от выскочившего наперерез зайца – она с размаху налетела лицом на шкворень... Вылущивание глаз не

book3.indd 354 09.03.2010 17:36:56

улучшило состояние Матрены. На четвертые сутки казачка скончалась от заражения крови.

В толпе, осаждавшей атаманскую резиденцию, рассказывал Покровский, – хлопцы поигрывали топорами и вилами, а какой-то безрукий бородач зычным голосом выкрикивал: «Нечего цацкаться с иродами – действовать надо!» Близится расплата... последней искры недостает...

Смело выказывая недовольство режимом, депутат, однако, в разговорах с доктором в большую откровенность не входил, угадывался в нем человек дела, а не фраз. Однажды доктор предложил ему сумму для передачи бастующим, но тот только поблагодарил. Неделю спустя один из пациентов, поднявшись с кресла после проверки остроты зрения и выписки очков, как-то замешкался, растерянно шарил в карманах. Доктор отчаянно замахал руками – прием ведь на дому бесплатный, но интеллигентного вида юноша, почти подросток, смущенно улыбался.

– Да нет, доктор, совсем не то... Вы когда-то обещали одному человеку... Я от союза портных. Мы задумали проучить своего хозяина Назарного... а касса, понимаете, совсем отощала...

Очаповский вручил ему все наличные – триста двенадцать рублей. Он мог это себе позволить. Доход был устойчивым и немалым. Не было в казачьей столице более или менее состоятельного туза, который не обращался бы к нему. Крупные воротилы Богарсуков и Тарасов, заводчики Аведов и барон Штейнгель, владелец кубанского пароходства Дицман, ершовы, роккели, галанины становились поневоле щедрыми, когда дело касалось здоровья их собственного. Доктор никому никогда не отказывал. К тому его обязывала Гиппократова клятва...

Молва людская о мастерстве, доведенном, как выразился один местный газетчик, «до всеобщего изумления», соответствовала истине лишь отчасти. Сам доктор отчетливо сознавал, что до настоящего совершенства было очень далеко. Правда, он достиг многого, верил в непреоборимую светлую мощь медицины. Но в последние годы все чаще ставила его в тупик коварная болезнь – трахома.

...Неисчислимые страдания и бедствия принесли людям наполеоновские войны. Но самым ужасным по своим последствиям была странная болезнь, занесенная во Францию участниками египетского похода. Эпидемия неизвестного доселе глазного заболевания с ката-

book3.indd 355 09.03.2010 17:36:56

строфической быстротой прокатилась по европейским странам и на исходе первой четверти девятнадцатого века широко распространилась в России. Только в русской армии заболело глазами около ста тысяч человек. Многие из них навсегда ослепли. Коварство болезни проявлялось в том, что заболевший начинал ее чувствовать уже после того, как в органах зрения произошли необратимые процессы.

Больной, если есть возможность, обращается к врачу, когда от воспаления век «режет в глазах», заметно снизилась острота зрения. Но медицина, как говорится, уже бессильна помочь. В лучшем случае врач облегчает страдания выдавливанием фолликулов – болезненных бугорков, схожих с лягушачьей икрой, густо покрывавших внутреннюю сторону век, конъюнктиву, отчего слизистая становилась жесткой, шероховатой («шероховатый» по-гречески «трахис», отсюда и название болезни – трахома). Во второй и третьей стадии фолликулы замещаются рубцами, в четвертой веки морщатся, уродуются. Ресницы при мигании скребут роговицу, и она воспаляется, мутнеет, не пропускает свет. Если рубцы закрывают протоки слезных желез – высыхает весь глаз, наступает полная слепота.

На материалах недавнего обследования трахомных очагов на майкопских нефтепромыслах, табачных плантациях кубанского предгорья и прежних наблюдений за закономерностями изнуряющей болезни в Белебее, слободе Голодаевке Таганрогского уезда, селе Медвежьем в приманычской степи и у учеников пятигорских школ он пришел к неоспоримому заключению, что трахома свирепствует там, где люди живут в грязи и недостатке, и наоборот – трахома редко переступает порог домов зажиточных. Что же касается климатических и иных природных факторов, обобщал он, то «среди высоких гор и альпийских лугов, в беспыльном воздухе, по соседству с вечными льдами и снегами трахома может так же возникать и процветать, как и на черноземной степной равнине у земледельческих народов».

С явлениями и факторами, основательно подрывающими географическую и расовую гипотезы происхождения трахомы, Очаповский сплошь и рядом сталкивался и в заграничном путешествии в июне – сентябре 1913 года. Как специалиста по трахоме и «общественного деятеля, сделавшего известный вклад в сокровищницу гуманизма», его пригласило на ежегодный съезд французское Национальное об-

book3.indd 356 09.03.2010 17:36:56

щество глазных врачей. Беллярминов, авторитетом своим отразив все попытки кубанских и петербургских недоброжелателей доктора воспрепятствовать поездке, посоветовал расширить ее программу и снабдил рекомендательными письмами к лично знакомым немецким, австрийским, итальянским и швейцарским окулистам.

Острая заинтересованность французских окулистов проблемами трахомы была ему непонятной. Международная статистика констатировала, что всего 3 процента слепцов в метрополии потеряли зрение от трахомы и оспы, в то время как для Германии, к примеру, показатель возрастал до 12 процентов, а для России – до 35. Первые контакты с коллегами, посещение парижского института слепых, марсельского военного госпиталя и лионской глазной лечебницы Красного Креста убеждали в том, что беспокойство союзницы России по антигерманскому блоку, по поводу трахомы и глазных болезней вообще имеет под собой серьезные основания.

Заботы эти, так или иначе, были связаны с делами колониальными. Два года назад французские монополисты достигли вожделенной давней цели – захвата Марокко. Кусок был выхвачен из-под когтей другого хищника. Германский орел грозился выклевать глаза галльскому петуху. Техника массового уничтожения доведена до совершенства – требовался крепкий, здоровый, выносливый солдат. Призывные и вербовочные пункты между тем тревожно сообщали, что в Алжире, Тунисе, Сенегале и других заморских 78 владениях, откуда черпались значительные армейские контингенты, половина мужчин призывного возраста страдает трахомой...

Складывалась парадоксальная ситуация. Десятилетиями беспощадно грабившая и истреблявшая малые народы метрополия вдруг прониклась к ним материнской нежностью. Лейтмотивом политических речей и газетных полос стали лицемерные призывы «обратить христианский взор на младшего брата», поднять его жизненный уровень, приобщить к благам цивилизации. С той же ханжеской озабоченностью другие кликуши заклинали не забывать пророчеств попа Мальтуса, предрекавшего вырождение и гибель человечества от перенаселения планеты и истощения продовольственных ресурсов.

С кафедр берлинской Военно-медицинской академии, Римского и Лейпцигского университетов маститые ученые морочили голову

book3.indd 357 09.03.2010 17:36:57

студентам россказнями о неравенстве рас, необходимости сокращать рождаемость, сделать недоступными для «низших» классов и «неполноценных» народностей достижения медицины и социальной гигиены. В стенах венского «Альгемейнес Кранкенхауз» – громадной больницы на две с лишним тысячи мест, в римской «Оспедале Торлония» – старейшей европейской глазной лечебнице, швейцарских приютах для слепорожденных детей русский гость воочию наблюдал, какой злой мачехой становилась медицина для безденежных пациентов.

– На охрану народного здоровья, – сокрушался в откровенной застольной беседе кенигсбергский профессор Гиршфельд, – отпускаются мизерные средства. Труд и разум нации обращены на лихорадочную заготовку пороха и свинца, на строительство дредноутов и пушек... Мир сошел с ума... Я с ужасом думаю о том, что наши страны могут оказаться по обе стороны от линии огня. Это было бы роковой ошибкой...

Возвращаясь на родину, Очаповский был угнетен и подавлен. И не только призраком надвигающейся войны. Пристальным взглядом аналитика он сумел схватить и оценить многое, что свидетельствовало о страшной, безнадежной, оскорбительной для русского патриота отсталости России в сравнении с европейскими державами. Она сказывалась буквально во всех сферах – экономической, культурной, военной. Кроме личных наблюдений, на него сильное, если не сказать убийственное, впечатление произвели сведения, почерпнутые из книги «Россия в цифрах», подаренной ему автором, Николаем Рубакиным, известным просветителем, вынужденным эмигрировать в Швейцарию.

На первом же российском приграничном полу станке доктор надергал на откосе железнодорожного полотна букет из полыни, любовно водрузил его па столике в купе. Пересекая Россию из конца в конец, был заново удручен ее отсталостью, зрелищем народ ной нищеты. Великая и величественная страна с неисчерпаемыми запасами душевной энергии и веселой веры в свои силы и в свою миссию прозябала в вековой косности. И чем больше Очаповский размышлял о трудной судьбе, тем большей любовью проникался к Отечеству.

С полгода еще после его возвращения в адрес глазного отделения большими и мелкими партиями приходили посылки с заказанными за границей инструментами, медикаментами, литературой. За время

book3.indd 358 09.03.2010 17:36:57

четырехмесячного отсутствия накопилась громадная очередь нуждающихся в срочных операциях. Хотя и появился добрый помощник в лице прикомандированного военного окулиста Николая Филиппова, работа захлестывала. Пользуясь царившей в войсковых учреждениях предгрозовой суматохой, – а это было в канун первой мировой войны, – доктор все же вымолил небольшую сумму для расширения лечебницы, но использовать ее уже не пришлось.

На исходе первого месяца войны палаты, коридоры и даже каморки для хозяйственных нужд до отказа были заполнены ранеными с западного, а позднее и с кавказского фронтов. Семидесятикоечная лечебница вмещала теперь вдвое больше. В восьми брезентовых шатрах, установленных рядом с корпусом, устроили нары еще на двести мест. Филиппова и лучших санитаров отправили в действующую армию, и доктор порой впадал в отчаяние. Бывало, что ноги уже не держали, и операционный день приходилось заканчивать у «станка» совершенно уставшим. Когда стали поступать жертвы газовых атак, неделями вообще не выходили за больничную ограду.

В хмурый февральский вечер, когда снежная мокрая пурга качалась над засыпающим городом, нежданно явился на прием Федя Волик, двадцатилетний портной, изрядно испортивший зрение ночным шитьем. Доверительные отношения с ним установились с той поры, когда доктор передал через него деньги для бастующих. Волик частенько приходил к нему с такими же поручениями то от больничной кассы «Кубаноля», то от редактора «Прикубанских степей» Митрофана Седина. В начале войны, но его же просьбе устроил фельдшерицей в лазарет большевичку Ольгу Волощук. На этот раз Федя был необычно возбужден, прямо с порога выложил:

– Питерские-то Николашке пинка дали! Я к вам прямо из воскресной школы. Прибежал туда Павло Асаульченко, наш парень, на почте работает. Божится и клянется, что своими глазами видел телеграмму об отречении царя... Ну, доктор, пришел, кажется, и на нашу улицу праздник!..

Известие утром подтвердилось. Неделю целую доктор принимал от друзей, пациентов и встречных на Николаевском проспекте, молниеносно переименованном снова в улицу Красную, горячие поздравления с «долгожданными свободой, равенством и братством». Воодушевление, однако, вскоре сменилось всеобщим разочарова-

book3.indd 359 09.03.2010 17:36:57

ем. Очаповский пришел в недоумение, когда узнал, что комиссаром Временного правительства назначен брюховецкий атаман Кондратий Бардиж, а главой Кубанской рады бывший новороссийский городской голова Лука Быч. Это были, как говорится в народе, два сапога – пара. С одной и той же, правой, кадетской колодки.

Провозглашались неприкосновенность частновладельческих земель, война до победного конца, истребление огнем и железом большевиков, самостийность Кубани. Вводились порядки, принимались законы еще более жесткие. Размножались не нюхавшие пороху военачальники, скудоумные назойливые политиканы. Даже старик Щербина шамкал на митингах о войне до победного конца, грозился уйти на фронт добровольцем. В этом бедламе доктору слышался лишь разумный единственный голос – декларации екатеринодарских большевиков о мире, земле и политических свободах.

Федя Волин, несмотря на молодость, был видным вожаком здешней партийной организации. Привязанность к нему доставляла доктору истинную отраду в эту смутную пору. В июле семнадцатого года он внезапно исчез из города, и доктор недели три мучился в самых худших догадках. Однажды после утреннего обхода его отозвала в сторону Ольга Волощук и сказала, что Волик желает встретиться с ним. Очаповский назначил для свидания квартиру сестры-санитарки Марии Цыпкиной и, как только стемнело, поспешил вниз по Графской, к затону.

– Надеюсь, Станислав Владимирович, разговор останется между нами, – как-то слишком интригующе приступил Федя, – но не могу отказать себе в удовольствии доставить вам добрую весть... Будучи в Петрограде, на съезде социал-демократической партии познакомился с товарищем по кличке «Вера». Она передает вам дружеский привет... Подробности найдете здесь...

Письмо оказалось запиской в несколько строк, сделанных тупым карандашом. Но они были в сто крат милей тех устных и письменных излияний, которыми досаждали доктору дамы и девицы из местного общества. «Глубокоуважаемый Станислав Владимирович, – читал он сквозь слезы, – была безмерно счастлива, услышав о Вас добрые слова. Час искупления, как видите, пробил, наша берет, и поэтому надеюсь на скорую встречу. О себе скажу только словами покойного лей-

book3.indd 360 09.03.2010 17:36:57

тенанта Шмидта, что тоже была «одной из капель того грандиозного девятого вала, который опрокинул, но еще не смыл мерзость русской жизни». Если придется бывать в столице, справьтесь у Савваитова - он осведомлен обо всем. Вера».

Утром 26 октября 1917 года в Екатеринодар пришла весть о большевистском восстании. Доктор в этот час заканчивал операцию, и смысл сообщения, сделанного быстро вошедшим главным врачом больницы Самойловичем, не сразу дошел до сознания. Новая революция... В какой именно момент и как оценил ее Очаповский применительно к своей судьбе и будущему России, изнемогавшей в тисках разрухи, голода, эпидемий? Утверждая в спорах с друзьями, что по примеру Толстого является «революционером духа, а не действия, внутреннего освобождения, а не насилия», он и сам, кажется, в этом был не вполне уверен.

Весной восемнадцатого года буйное цветение пригородных садов опалило пламенем сражения, навязанного екатеринодарскому пролетариату генералом Корниловым. Около трех тысяч граждан, среди которых были и видавшие виды бойцы, и немощные старики, и малые дети, сложили головы в трехдневной беспримерной обороне. С начала и до последнего часа битвы, когда удачно посланный снаряд накрыл генерала Корнилова в хатенке на ферме Снесарева, доктор вместе с другими медиками на передовой выполнял свой врачебный долг. На торжественных похоронах героев обороны нарком здравоохранения Кубанской республики Ольга Волощук назвала его «верным другом трудового народа».

В конце деникинской оргии партизаны из отряда «Гром и молния» пустили под откос поезд, в котором находилась и английская военная миссия. Для оказания помощи нескольким сотням пострадавших были мобилизованы екатеринодарские врачи. Английский полковник, которому Очаповский в квартире начальника станции Тоннельная сделал энуклеацию глазного яблока, выписал солидный чек в фунтах стерлингов, усиленно убеждал его покинуть «эту про клятую варварскую страну», сулил всяческие блага на Британских островах. Когда же доктор, отказавшись от вознаграждения, заметил, что ни одна нация, пожалуй, не превзошла в бесчеловечности сынов Альбиона, от респектабельности незваного гостя не осталось и следа.

book3.indd 361 09.03.2010 17:36:57

В марте 1920 года в Екатеринодаре навечно утвердилась Советская власть. Для доктора медицины Очаповского день этот был счастливейшим в жизни. В окружении сотрудников и больных с крыльца он наблюдал, как по улице сплошной нескончаемой лавой двигались войска. Они оттеснили к морю жалкие остатки белогвардейщины. Внезапно пронизанный радостью бытия, он на секунду смежил веки, словно вглядываясь в завтрашний день. Он увидел впереди непочатый край работы. И душа его была полна неистовой жажды деятельности, будто вся его жизнь, вся копившаяся годами потенциальная энергия, страсть и талант сберегались именно для этого грядущего дня.

СОЛНЦЕВОРОТ

Изнурительная военная пора ожесточила доктора против войны. Тайны, в каких рождаются войны, давно уже были разоблачены большевиками, становились понятны каждому: кучка алчных воротил наживается на беде миллионов. Бесконечные шесть лет он лечил глаза пострадавших на фронте. С внутренним ликованием, наблюдая несметную силу, наполнявшую в этот светлый мартовский полдень Крепостную площадь, Очаповский приветствовал, прежде всего, близкий конец кровопролития.

Медик обязан быть самим собой, спасать солдата независимо от того, «белая» или «красная» кровь течет в его жилах. И Очаповский постоянно находился среди раненых, именно тех, кто еще недавно противостоял большевикам. Это были темные крестьяне, изредка рабочие, зеленая молодежь, загнанные в деникинскую армию под страхом смерти. Мало кто из них рвался в бой и хотел умереть за чуждые им интересы. Персонал госпиталя всячески изощрялся, чтобы из них как можно больше списывать «ночи стой», и радовался, когда «белые» убеждения сменялись «красными».

Пациентами Станислава Очаповского бывали и «идейные вожди» контрреволюции. Вблизи это оказались мелкие людишки, мерившие свое величие по длинной тени в час заката. Подле них подобострастно вертелись Марков и Улагай, в натурах которых удивительно сочета-

book3.indd 362 09.03.2010 17:36:57

лись трусость, дикое слабоумие и духовная развращенность. Подстать им был и полковник, мерзкий пропойца Шкуро, подлыми руками вешавший красноармейцев на продетой сквозь ушные отверстия телеграфной проволоке.

Доктор медицины никогда не унизился до потери своего достоинства ни перед кем из этих участников пира во время чумы. В их россказни о «большевистских зверствах» он не верил ни на йоту, с презрением выслушивал советы искать спасение за границей. В последнюю неделю перед освобождением деморализованные, уже неподвластные чьей-либо воле войска в панике покидали город. В госпитальных бараках разыгрывались душераздирающие сцены. Ходячие разбежались, оставшиеся приготовились к неминуемой смерти. Возбуждение передалось и персоналу.

Врачи, фельдшера и сестры милосердия белым островком сгрудились возле кованых ворот войсковой больницы, со слезами радости приветствовали освободителей. Во второй половине дня среди плотной конной и пешей красноармейской массы появился в окружении группы всадников командир, по всем признакам, главный. Бронзовый загар, исхудалые щеки подчеркивали медальную скульптурность сурового лица. Завидев медиков, он повернул коня навстречу пробиравшемуся сквозь толпу главному врачу. С трудом справляясь со своим дрожащим голосом, Самойлович спросил:

– Как теперь быть с тифозными и ранеными, которых у нас свыше двух тысяч?

– Красная Армия, – блеснул в улыбке зубами командир, – строго соблюдает международную конвенцию Красного Креста и Красного Полумесяца. Продолжайте лечить больных и раненых, независимо от того, в какой армии они служили... Советую немедленно связаться с санитарной частью...

Медики разошлись по баракам, торопясь поделиться радостной вестью. Не прошло и четверти часа, как они вновь встретились с человеком, из уст которого только что услышали исполненные гуманности слова. Но теперь он был мертв, уста сомкнулись навек. В толпе со слезами называли его имя – Сергей, Сергей Парменович Захаров, начальник 22-й дивизии. С несколькими подчиненными он поскакал на рекогносцировку к железнодорожному мосту. Наперерез вынесся

book3.indd 363 09.03.2010 17:36:57

отряд белобандитов. Молниеносная схватка – и человек пал грудью вперед, не сделав последнего шага к победе. Много Очаповский повидал смертей, но эта отдалась невыразимой болью. «Боже, как непрочна человеческая жизнь!»

Итогом размышлений был вывод, что жизнь может оборваться в любой момент, а ты не исполнил главного. Следует торопиться, дороги каждый день и час. А что главное, с чего и как надо начинать – это он представлял совершенно отчетливо. Все что сделано до этого, – всего лишь предтеча, генеральная подготовка к той необозримо громадной созидательной работе, которая ждет впереди. Надо спешить, работать, делать дело. Чтобы оно спорилось, нужны силы, как можно больше глазных врачей...

Как-то Василий Мухин, военврач из IX армии, отозванный на должность заведующего облздравотделом вместо умершей от тифа Ольги Волощук, попросил Очаповского подсчитать наличие специалистов по глазным болезням на Кубани. Сведения эти не веселили. Филиппов, мобилизованный в августе четырнадцатого, не вернулся с фронта. Новороссийский врач Харламов и анапский – Аркин – эмигрировали. Оставались в Майкопе Владыченский, Шапошников – в Армавире и Ефимов в станице Роговской. В Екатеринодаре, кроме Очаповского и двух его помощниц, медицинских сестер Хлыниной и Цыпкиной, изредка принимал на дому переехавший из Воронежа малоизвестный окулист Акрицкий, но по состоянию здоровья и старости он уже был практически недоступен для общения.

Надо было что-то срочно предпринимать. На первый случай иметь хотя бы по одному специалисту на отдел. В фельдшерской школе Очаповский прочитал ускоренный курс лекций по глазным болезням. С санитарным отделом IX армии была достигнута договоренность, что военные окулисты по месту дислокации частей и подразделений будут оказывать помощь и гражданскому населению. Работа эта стала налаживаться, но с нападением Польши прекратилась. Очаповский и его сотрудницы на целый месяц были оторваны от клиники для ликвидации весеннего конъюнктивита в частях, отправлявшихся на польский фронт.

На одном из совещаний в здравотделе в течение долгих часов обсуждались проблемы тифозной и холерной эпидемии, кадров и ресур-

book3.indd 364 09.03.2010 17:36:57

сов. Положение складывалось катастрофическое. Вошь и голод грозили перечеркнуть достижения революции. Харьковский профессор Николай Федорович Мельников-Разведенков, незадолго до деникинского нашествия приехавший в Екатеринодар на похороны брата и из-за двух престарелых сестер надолго застрявший на Кубани, подал мысль о создании учебного заведения для подготовки врачей. Выступившие затем представители санитарного отдела военврачи И. Шагинов и А. Фролов, доктора медицины А. Струнников и С. Очаповский дружно поддержали эту идею.

Она была сочувственно встречена в Кубано-Черноморском ревкоме и у командования IX армии. Кроме настоятельного требования текущего момента, известную роль сыграли здесь старания и авторитет Николая Федоровича, удивительная энергия врача, а ныне уже заслуженного деятеля науки РСФСР профессора А.А. Герке. Имя ученого и прогрессивного общественного деятеля Мельникова-Разведенкова было известно русской и мировой науке по кардинальным работам в патологической анатомии, в числе которых важное значение имел эффективный способ бальзамирования человеческого тела. С приходом Красной Армии он с головой уходит в работу по организации курсов по усовершенствованию врачей, подготовке медицинских сестер и дезинфекторов. Его проект об учреждении медицинского факультета в партийных и советских органах вызрел в намерение открыть Кубанский государственный университет в составе медицинского, естественного и социально-исторического факультетов.

Вместе с профессором Мельниковым-Разведенковым, акушером Малиновским и психоневрологом Анфимовым Очаповский вошел в комиссию по делам медицинского факультета и в ее работе принял самое деятельное участие. Он поражался той готовности и энтузиазму, с какими новая власть откликалась на всякое полезное начинание. Вопрос о том же медицинском факультете не однажды поднимался и при царе, и при деникинском хозяйничанье. Последний раз он обсуждался осенью 1919 года и был торжественно, как выразился один врач, «похоронен навек, зато по первому разряду». Теперь же не прошло и двух месяцев, как замысел претворился в жизнь – и в сентябре 1920 года университет распахнул двери для детей рабочих и крестьян.

Свою первую лекцию «Учение о зрачке» заведующий кафедрой глаз-

book3.indd 365 09.03.2010 17:36:57

ных болезней Станислав Владимирович Очаповский читал студентам в тот самый день, когда на Таманском полуострове белогвардейцами была предпринята новая попытка задушить Советскую власть. Две недели Кубань жила в тревоге. Армия, занятая истреблением банд в южной горнолесистой части, умело и вовремя развернулась и дала барону Врангелю отпор, который положил конец всей белогвардейской авантюре.

Примерно полмесяца спустя после ликвидации улагаевского десанта Федор Волик на правах старой дружбы привел к доктору домой начальника политотдела IX армии Дмитрия Фурманова. Из бесед с политкомиссаром за время лечения начинавшейся у него глаукомы доктор почерпнул много для себя полезного. У него исподволь складывалось мнение о деятелях новой власти. Их отличали, несмотря на молодость и отсутствие систематического образования, государственный ум, глубокая убежденность, особая какая-то, только им присущая способность упорно идти к намеченной цели. Впервые он это заметил в Ольге Волощук и Федоре Волике. Позднее познакомился с Яном Полуяном, Прасковьей Вишняковой. Своей чуткостью к нуждам медиков отличались и военные деятели Михаил Левандовский, Епифан Ковтюх, Иероним Уборевич.

После долгих сомнений доктор однажды обратился к начальнику политотдела с просьбой. Речь шла о напечатании в армейской типографии тысячи полторы экземпляров листовки с наставлениями участковым фельдшерам о первой помощи при травмах глаз и определении трахомы по первичным признакам, в былые времена такой заказ в любой частной типографии не составлял бы никакой трудности, но теперь бумага ценилась на вес золота. Дмитрий Андреевич пошел навстречу с готовностью, заметив только, что тираж следует увеличить раз в пять с тем, чтобы разослать прокламацию в сельские Советы, клубы и избы-читальни.

– Русский человек, – с горечью заметил комиссар, – достался нам слепым вдвойне: и болезнью глаз, и безграмотностью... Представляете, какая прорва работы нам предстоит?..

Несколько дней спустя аккуратные пачки листовок из серой оберточной бумаги завезли на пулеметной тачанке.

...Первую большую операцию после установления Советской власти доктор произвел в начале мая 1920 года слепорожденному Толе Урван-

book3.indd 366 09.03.2010 17:36:58

цеву. Его мать, усть-лабинская учительница, не чаяла души в единственном ребенке. Муж ее погиб в Брусиловском прорыве, мальчик родился, когда отца уже не было в живых. Не по годам развитой жизнерадостный малыш с личиком херувима, еще не осознавший всей тяжести своей беды, стал общим любимцем глазного отделения. У него был врожденный анкилоблефарон с полным сращением век обоих глаз. Доктор надеялся, что глаза под пеленой сохранили зрительные функции.

– Ну, пузырек, – ласкал его Очаповский, готовя к операции, – скоро своими глазками увидишь и красное солнышко, и лошадок на зеленом лугу, и ласточек в синем-синем небе...

Сам доктор, ассистент Антонина Привалова и сестра Мария Цыпкина готовились к операции, как к самому трудному экзамену, хотя хирургические вмешательства такого рода насчитывались в их практике десятками. Операция прошла, как в подобных случаях шутил доктор, «в добром согласии и любви между мучителями и их жертвой», и не было сомнений, что мальчик, наконец, познает счастье прозрения. В ближайшие дни ему предстояло увидеть мир несравненно прекрасней того, в котором жили волшебники, дюймовочки и спящие красавицы... Пока же он отлеживался забинтованный под неусыпным бдением матери и медицинской сестры.

Наступил торжественный день. С утра все ожидали в величайшем напряжении. Мать не находила себе места, с умирающим лебедем сравнил ее доктор. Сообща решили, что первым своим взглядом малыш должен увидеть что-то необычное, эстетически прекрасное. Хрустальную вазу, доверху наполненную красными ягодами клубники, красиво обложенную сочной листвой в утренних росинках, принесли Толику в постель. Сняли повязку. С минуту ребенок с ужасом рассматривал диковину, вскрикнул и без сознания упал на материнские руки. Когда пришел в себя, консилиум врачей вынес заключение, что, обретя зрение, он навсегда лишился рассудка...

Неудача эта тяжелой болью отозвалась в душе. Такое стряслось впервые. Доктор печально выслушивал утешения коллег и матери маленького пациента – но от этого становилось еще горше. Он во всем винил себя. «Злая фея из адыгейских сказаний, – жаловался он своим помощницам, – которая исцеляет слепого не тем, что дарит ему зрение, а тем, что постоянно навевает ему сладкие сны, и та выглядит в

book3.indd 367 09.03.2010 17:36:58

стократ человечнее меня». Депрессия, надолго овладевшая им, усугублялась не одним только сознанием вины. Неудача возвращала к старым размышлениям о взаимосвязях глаза и мозга.

«Человеческий мозг... Розово-серое холодное немое вещество, округлый, в глубоких извилинах предмет, размерами не более двух сложенных кулаков, вместилище жизненного духа, таил в себе загадки гораздо более сложного порядка, чем любое небесное светило. Чрезвычайно сложная совокупность нервных клеток, сгусток разума, как ни один другой орган человеческого тела, ревниво оберегал тайны своих функций. Даже в довольно сложном механизме зрительного аппарата можно многое понять, объяснить, усовершенствовать, наконец, но мозг... Неужели все-таки правы египетские жрецы, понимавшие границы возможного и начертавшие на камнях Карнакского храма предсказание, что «когда человек познает тайну мозга, сфинкс засмеется, и жизнь на земле иссякнет»?!

Размышления такого рода заводили в один и тот же тупик. Давнишнее желание по-настоящему углу биться в исследовательскую работу над проблемами глаза и мозга разбивалось всякий раз от столкновения с сегодняшними, сиюминутными нуждами, связанными с клиникой, кафедрой, организацией обслуживания населения. Каждодневно приходилось преодолевать множество больших и мизерных трудностей общественного и личного характера. Заботы множились, а не убавлялись, требовали большого напряжения, полной отдачи сил. Война, моральные переживания и материальные лишения тоже давали о себе знать. Возраст тоже не юношеский – доктору шел сорок третий год...

В начале 1921 года для организации борьбы с тифозной и холерной эпидемиями на Кубань прибыла большая группа московских и петроградских военных и гражданских врачей. Ее возглавлял начальник мобилизационного отдела Главного санитарного управления РККА Александр Савваитов. После изнурительных поездок по воинским частям, забитым тифозными больными госпиталям и эвакопунктам, совершенно обессилевший Савваитов изредка наведывался и к другу. Они предавались воспоминаниям, обменивались мнениями о текущей жизни.

Савваитов рассказал и о теперешней жизни их учителя – профессора Беллярминова. Он с энтузиазмом встретил революцию и не

book3.indd 368 09.03.2010 17:36:58

в пример иным ученым из Пироговского общества, бойкотирующим рабоче-крестьянскую власть, активно сотрудничает с большевиками, в числе других ветеранов академик получил даже прозвище «красного» профессора. Еремича революция застала в енисейской ссылке. Он застрял там до полного разгрома Колчака. Затем, получив назначение на пост народного комиссара здравоохранения Белоруссии, в пути из Иркутска к месту работы умер от сыпняка.

И только о Вере Слуцкой Савваитов не мог сообщить ничего определенного. Виделся с нею в последний раз в конце 1908 года в один из приездов из Одессы, когда она, по ее же словам, хлопотала с бестужевками о созыве всероссийского женского съезда. Всю войну провел в действующей армии в качестве дивизионного окулиста, а после отзыва на работу в Главсануправлении РККА бывать в Петрограде не приходилось. Так что... профессор разыскал в своих бумагах переданное Воликом письмо. Савваитов дважды пробежал записку, недоуменно пожал плечами:

– Это какое-то недоразумение...

Он посоветовал обратиться за справками в Петроградский комитет РКП(б). Там-то наверняка знают о местонахождении большевички с дореволюционным стажем. Ночью Савваитов поездом выехал в новороссийский гарнизон и возвратился только дней через десять. Он собирался домой, и Очаповский высказал мысль, что запрос быстрее дойдет до адресата, если письмо отправить из Москвы. Савваитов ознакомился с его содержанием и, держа листок меж пальцев, несколько минут мерил комнату тяжелыми неровными шагами. Высокая и тощая его фигура неестественно сгорбилась. Доктор напряженно ждал, предчувствуя после такой многозначительной паузы что-то для себя роковое.

– Прости меня, грешного, Стась, за невольную ложь... Не хотел, чтоб печальную весть услышал из моих уст... Веры давно нет в живых... Тридцатого октября тысяча девятьсот семнадцатого года, на пятый день Октябрьской революции, осколком вражеского снаряда она убита в бою на Пулковских высотах...

Известие не было для Очаповского полностью неожиданным, и это в какой-то мере ослабило удар. Переживания неспособного даже на невинную ложь Савваитова выдавали его с головой задолго до признания. Проводив друга в Москву и трезво поразмыслив в одино-

book3.indd 369 09.03.2010 17:36:58

честве, доктор пришел к выводу, что глупо было надеяться на счастливую встречу с Верой при том образе жизни, среди опасностей и лишений, на который обрекала ее профессия революционерки. Он достал из тайника дневниковые тетради. Хотел знать, чем жил, что делал в часы, когда умирала подруга. В записях того дня нежно упоминалось и ее имя. Красными чернилами он сделал на полях прибавление: «Этот день ушел навечно и навсегда остался в сердце...»

Вскоре после отъезда Савваитова пришло первое, после трехлетнего перерыва, письмо от Беллярминова. Скупо изложив обстоятельства личной жизни, он пространно описывал положение дел в академии и офтальмологическом обществе, сокрушался по поводу невозвратимых потерь русской медицины в результате войны, революции и эмиграции. «Наркомздрав Николай Александрович Семашко поручил мне подыскать опытных руководителей на глазные кафедры московского и петроградского медицинских институтов. Сдается мне, что пора вам выбираться из «медвежьего угла», всерьез заняться наукой. При согласии рекомендую обратиться к товарищу Глобе в Наркомздраве республики», – писал он в заключение.

Задача была не из легких. Научное творчество в центре, где доступны книжные сокровища и лаборатории и, что главное – тесное общение с ученым миром, наконец, доверие, оказываемое правительством, – все говорило в пользу принятия предложения. С другой чаши весов сиротливо заглядывали в душу питомцы, которых набралось уже с десяток, в великих мучениях зарождавшегося медицинского факультета и – Кавказ, загадочная земля, «где еще не ступала нога офтальмолога». В кругу сотрудников на следующий день доктор обронил несколько слов относительно намерения переехать в Петроград. У Анаиды Гюльназарян навернулись слезы. Она кинулась прочь из кабинета. Ассистент Антонина Привалова патетически воскликнула:

– Я ложусь под колеса поезда, который повезет вас на север!

На том, как говорится, инцидент был исчерпан. В ту же ночь Очаповский засел за докладную записку в Наркомздрав республики. Он изложил свои взгляды на организацию глазной помощи горским народам. «Имеется в виду, – писал он, – приближение медицинского обслуживания к глубинке путем организации отрядов. Сочетая лечебную работу с культурной, они принесут большую пользу в

book3.indd 370 09.03.2010 17:36:58

распространении идей Советской власти». В качестве первой разведки предложил послать глазной отряд в труднодоступный Карачай, где мутила народ реакционная мусульманская и казачья верхушка. Просил выделить для отряда хотя бы небольшое количество йода и марли.

В феврале 1921 года с агитпоездом «Октябрьская революция» прибыл в Краснодар Михаил Иванович Калинин. Председатель городского Совета Платонов прислал доктору пригласительный билет на торжественное заседание, где должен был выступить давний соратник В. И. Ленина. Вслушиваясь в неторопливый тверской говор докладчика, который понятными и доступными для всех словами открывал перспективу социального переустройства, Очаповский, пожалуй, впервые представил в полном масштабе всю сложность и трудность дел, ожидавших человеческих рук и ума. Собственные скромные старания и заботы о глазном отряде на фоне разрухи и голода показались ему ничтожными и несвоевременными...

В сомнениях пребывать ему пришлось недолго. Несколько дней спустя, после одного из многолюдных совещаний, к которым доктор никак не мог привыкнуть из-за густой табачной атмосферы и пустопорожних словопрений, заведующий здравотделом пригласил его в кабинет и озабоченно поделился:

– Нам предстоит принять и устроить на Кубани тысяч сорок детей из охваченных голодом поволжских областей. Сироты, беспризорные... Следует подумать о мерах против трахомы...

Еще год назад Очаповский беспомощно развел бы руками. Сорок тысяч! Теперь у него была пусть небольшая, но подвижная ударная сила. Ассистент Привалова выехала на станцию Тихорецкая, ординатор Гюльназарян и студентка Шепкалова – в Армавир, врач Воронкова – в Крымскую, Попов и медсестра Цыпкина – в Белореченскую. К каждой группе прикреплены по одному-два армейских фельдшера. Инструктаж дан четкий и ясный: ни один прибывший подросток не должен миновать тщательного осмотра. Легкие формы лечить на месте, с запущенными болезнями и серьезными дефектами зрения – направлять в областную больницу.

Сам Очаповский принимал на краснодарской железнодорожной станции. Детей доставляли эшелонами, отдельными вагонами и груп-

book3.indd 371 09.03.2010 17:36:58

пами. Расписания поездов не было и в помине. Дежурил на вокзале круглыми сутками. В редких случаях, когда не ожидалось прибытия эвакуированных, доктору удавалось посвятить день-другой операциям и осмотру больных. За месяц и двадцать шесть дней Очаповский осмотрел семь с лишним тысяч пар детских глаз. 19 процентов обследованных страдали трахомой. С болью и тоской глядя на измученную хроническим голоданием, дизентерией и чесоткой, озлобленную на жизнь детвору, доктор старался вообразить, сколько времени и трудов потребуется, чтобы поставить ее на ноги.

Однажды позвонили доктору из отдела по борьбе с детской беспризорностью транспортного ЧК. Спрашивали, как поступить с грузом, прибывшим в адрес больницы из Москвы в вагоне с теплой одеждой и обувью для детдомов. Посланные на станцию вскоре привезли на извозчике увесистые тюки с марлей, ящик с бутылью йода и другой, поменьше, – с медикаментами. За полночь, когда доктор заканчивал записи в служебном дневнике, сторож Матвеич привел к нему шуструю дивчину – разносчицу телеграмм. «Согласно вашему ходатайству разрешается глазной отряд Горскую республику тчк Сердечно желаем успеха тчк Семашко», – значилось в депеше.

В первый в истории советского здравоохранения глазной отряд вошли доктор медицины Станислав Владимирович Очаповский, ординатор клиники доктор Анаида Александровна Гюльназарян, студентки выпускного курса медицинского факультета Наталья Феодосьевна Хлынина, Вера Михайловна Шепкалова и медицинская сестра Мария Ивановна Цыпкина. Работали все безвозмездно, использовав для поездки в горные районы трудовой отпуск. Работу клиники в этот период обеспечивала ассистент доктор А. М. Привалова. Вечером 14 июля 1921 года начальник грузового двора станции Краснодар отвел Очаповского в дальний тупик к истерзанной всеми ветрами теплушке, и... отряд приступил к работе.

Доктор и его помощники в скудном свете керосинового фонаря «летучая мышь» всю ночь скребли и драили вагон, в котором до них путешествовали кони, а до тягла перевозился цемент. Таскали ведра под вагонами, расшибая лбы, сдирая колени. Дважды наведывался железнодорожный начальник, поторапливал – состав вот-вот на подходе. К утру погрузили бесценные сокровища экспедиции: марлю, вату,

book3.indd 372 09.03.2010 17:36:58

йод. Нашли укромное место для ста тысяч рублей, выданных Кубздравотделом и эквивалентных восьми пачкам махорки или пяти кускам мыла. Упаковали узлы с месячным сухим пайком. Восемнадцать сушеных таранок, полтора пуда ржаных отрубей, литр подсолнечного масла, фунт соли. И это – на пятерых...

Попутного поезда все не было. Опять появился начальник, велел никуда не отлучаться: «Состав уже на подходе». Посоветовал коротать время за газетой. Доктор купил на перроне номер «Советского Юга». Броские заголовки, набранные жирным шрифтом, призывали граждан к борьбе. С голодом. Холерой. Неграмотностью и взяточничеством. Бело-зелеными бандами. Мышами, мухами и бюрократизмом. Спекулянтами, дезертирами трудового фронта, распространителями антисоветских слухов... Борьба!.. Борьба!.. Борьба!..

Газета прочитана вдоль и поперек. Под вечер один за другим пошли составы, но канул начальник в красном картузе. Доктор кинулся к линейному уполномоченному ЧК – и через час теплушку нещадно кидало из стороны в сторону в хвосте воинского эшелона, с грохотом врезавшегося в ночь...

В Невинномысскую прибыли на рассвете. Кавалерийская часть стала выгружаться. Бойцы поспешно выкатывали на руках тачанки, пушки, снарядные ящики. Ржали застоявшиеся кони. Санитарную теплушку опять задвинули в тупик, и доктор отправился выяснять обстановку. До конечной цели – аула Учкулан в верховьях реки Кубани – оставалось полторы сотни верст подводами. В комендатуре ничего вразумительного не добился. Посоветовали обратиться к Воронову, командиру части, которая уже выстраивалась на привокзальной площади.

– Пробраться в горы вам едва ли удастся, – заявил Воронов, ознакомившись с докторскими полномочиями. – Вокруг Баталпашинской пока что разгуливают хвостиковские недобитки. Мы затем сюда и прибыли, чтобы положить этому конец... Взял бы с собой, но в Зеленчукской, Кардонике и Архызе и вовсе неспокойно... Вам, я думаю, лучше через Кисловодск...

Воронов достал из полевой сумки изрядно потрепанную карту, распластал ее на крыле тачанки. Пятиверстка генерального штаба русской армии выпуска 1916 года густо была покрыта пометками, стрелами, зигзагами синих и красных карандашных линий. На листке со

book3.indd 373 09.03.2010 17:36:58

всеми подробностями рельефа, вплоть до ничтожных речушек, курганов и даже бродов, открывался весь северо-запад Кавказа. «Себе бы такую», – с завистью подумал доктор.

Воронов тем временем неуверенно повел горелой спичкой от Кисловодска вправо. Спичка остановилась вблизи надписи: «г. Эльбрус. 18470 ф.», дрогнула и оторвалась от бумаги.

– Вот незадача... Через Абуковские и Маринские аулы в Карачай теперь не проскочить... Разве что через Бийчесын, по-над самой подошвой Эльбруса, но там только вьючные тропы, как видите... Не мешало бы и вам обзавестись картой, – уловил Воронов просверк в докторских глазах. – К сожалению, с этой расстаться не могу. Она со мной победный круг прошла. Взгляните-ка, Екатеринодар, Ставрополь, Владикавказ, Кизляр, Астрахань, Царицын, Воронеж, Ростов, Екатеринодар... Впрочем, есть другая карта, попроще, зато весь кавказский край изображен... Примите, как говорится, на добрую память.

В Кисловодске с первых же минут прибытия экспедиции выпали большие треволнения. Служащий хозчасти здравотдела, оформлявший в Краснодаре вагон, отметил в документах использование его на полную грузоподъемность, иначе бы вагона не видать. Кисловодские чекисты, прознав об «аптечном грузе в количестве 120 пудов» и сопровождавшей его подозрительной личности, которая совсем не напоминает внешностью советского ответработника и собирается препроводить медикаменты в горы, где хозяйничают белобандиты, усмотрели неладное. Недоразумение разрешилось после вмешательства председателя Карачаевского окрисполкома Умара Алиева.

В высокогорном ауле Учкулан врачей разместили в здании бывшего двухклассного начального училища. Здесь квартировала когда-то казачья сотня, вызванная для усмирения горцев, посягавших на передел земли. Кто-то ночью запустил красного петуха, и теперь каменная коробка зияла вырванными окнами и дверьми. Ничего лучшего в ауле не находилось, и Очаповский решил обосноваться в нескольких комнатах, над которыми сохранилась кровля, имелись сносные полы. Пришедший на помощь старик учитель Ильяс Байрамуков помог насобирать в ауле несколько колченогих столов, с десяток табуреток.

После затяжных дождей, в пронизанный солнцем августовский день над крыльцом первой карачаевской амбулатории взвился флаг

book3.indd 374 09.03.2010 17:36:58

с красным крестом на белом поле. Население широко оповещено, что лечение и лекарства бесплатные. Ни один из двадцати двух тысяч учкуланских, картджуртских и хурзукских жителей, добрая четверть которых страдает от глазных болезней, в ближайшие три дня в лечебницу не обратился. Ее обходили, как чумной барак. Если самый мудрый в этих краях человек, эфенди, ходивший на поклонение в Мекку, не смог сделать зрячим хотя бы одного слепца, то чем может помочь этот... доктор! Разве он бог?..

– Правоверные, – тем временем вещал эфенди с минарета соборной мечети, – именем пророка Мухаммеда, милостивого и милосердного, проклянем шайтана в образе незваного табиба, возмущающего наши умы и сердца в канун лейлятун-кядра – ночи предопределения... Помолимся ангелу людских судеб Джабраилу, да покарает он нечестивца, осмелившегося поправлять дело рук божеских... Бисмилляхи...

Началась настоящая работа. От входной двери до палат, где укладывали на полу пациентов со сложными операциями, по конвейеру в иные дни проходило до двухсот больных. Толпа желавших показаться доктору, их родственников и просто любопытных собралась из ближних и дальних аулов, запрудила пустырь перед школой. Многолюдство – родная стихия воспрянувшего доктора. Он доволен, когда окна операционной снизу доверху загорожены ярусами голов. Плохо, что приходится работать в духоте и при недостаточном освещении, но оттеснить людей невозможно никакими силами… Такого в горах не бывало никогда...

Выходя утром на пустырь для отбора дневной нормы пациентов, доктор вручал каждому этикетку от спичечной коробки с изображением рабочего и крестьянина, соединившихся в рукопожатии на фоне восходящего солнца. Они отбирались после осмотра глаз. Из-за них нередко случались свалки. Доктор третьего дня еще обратил внимание на женщину в черных одеждах, которая всякий раз шарахалась от него и пряталась за спины, когда оставалось протянуть руку, чтобы овладеть заветным «пропуском». Переводчик Якуб Коркмазов, слушатель владикавказских педагогических курсов, пояснил доктору, что у горянки этой трое слепорожденных детей, но она боится доверить их «русскому доктору».

Вечером в сопровождении заведующего окружным здравотделом

book3.indd 375 09.03.2010 17:36:58

Магомета Кочкарова, прибывшего из Кисловодска для организации комитетов бедноты, доктор отправился к пастуху Рамазану Джазаеву. На пороге сакли их настороженно встретил сам хозяин. Кочкаров торжественно перевел просьбу доктора напиться айрана из рук хозяйки. Отказ означал бы тяжкое оскорбление гостя. Хозяйка тотчас же вышла навстречу, ритуально держа на кончиках десяти пальцев деревянную миску с напитком. Лица ее, закутанного платком, доктор не видел, но, заглянув в темные, влажные печальные глаза, понял, что своими десятью пальцами прикоснулся к ее исстрадавшемуся сердцу...

Всех трех мальчиков с врожденной катарактой – двухлетнего Ахмата, семилетнего Юсуфа и десяти летнего Хасана – оперировали в один и тот же день. Возмужалый горец никогда не плачет, видеть это редко кому удается, но отец трех малолетних слепцов в слезах ушел в горы. А мать насильно увезли в соседний аул Джазлык, и братья привезли ее обратно через две недели. Весь аул, казалось, собрался в это воскресное утро на каменистой площади, где слиянием двух ледниковых ручьев начинается река Кубань.

– Ай, Аллах! – будто единым вздохом пронеслось над толпой, когда трое веселых мальчуганов, держась за руки, спустились по ступеням высокого крыльца и побежали на голос матери.

Шестьдесят семь дней без отдыха Очаповский и его помощницы работали в горах. Приняли 773 больных, сделавших около четырех тысяч посещений. Больших операций было выполнено 194, в том числе извлечений катаракты. Проводы отряда вылились в празднество, какого давно не бывало. Кавалькада всадников во главе с доктором и почетными стариками вытянулась по извилинам горной тропы. Молодежь затянула лихую походную песню «Орайда». На вершине хребта среди густого дубняка состоялось прощание.

– Эта поляна, – переводил Кочкаров неторопливую речь аксакала, – называется Хасаука. Почти сто лет назад царский генерал Эммануэль вторгся через это ущелье в Карачай, ударив в спину наших дедов, и мы поныне помним его коварство. Полвека спустя над карачаевцами был другой начальник, генерал Петрусевич. Он пришел к нам с открытым сердцем, делал все, чтобы русские и горцы подружились. Когда он погиб в Хивинском походе, наши отцы перевезли его прах и похоронили в горах, и мы, их дети, поныне прославляем его доброту. А тебя,

book3.indd 376 09.03.2010 17:36:59

Станислав–табиб, мы встречали как коварного врага, а провожаем как доброго друга, посланца Советской власти и могучего батыра Ленина...

Эпилогом учкуланской эпопеи стала одна примечательная встреча в Кисловодске. К доктору обратился молодой карачаевец, Асхат Биджиев, воспитанник того самого эфенди, который призывал всяческие кары на голову «нечестивого гяура». Асхат окончил медресе в Темир-Хан-Шуре, сносно говорил по-русски. Он сказал, что эфенди находится в городе и просит доктора поправить его слабеющие глаза.

Это был один из тех редких случаев, когда доктор ставил пациенту встречное условие. Конечно, он поможет мулле, но лишь в том случае, если Асхат поступит учиться на медицинский факультет в Краснодаре. Соглашение состоялось. Эфенди терпеливо перенес операцию по удалению злокачественной меланомы конъюнктивы и довольный уехал в аул.

Доктор отчитался в окружном исполкоме о выполненной работе и тоже остался доволен высокой оценкой его деятельности. Ожидая возвращения Асхата, показал спутницам знакомые с юности достопримечательности города-курорта. Ночами писал докладную записку в глазную секцию Наркомздрава республики о распространенности заболеваний среди горского населения. Сто тысяч казенных рублей, так и оставшихся нетронутыми, истратил на Кисловодском толчке на покупку керосиновой лампы для учкуланской школы, возобновившей занятия.

В середине октября 1921 года отряд в классном вагоне армейской санлетучки № 508 выехал в Краснодар. Кроме доктора, в купе были еще двое – будущие студенты Якуб Коркмазов и Асхат Биджиев. В трех аулах нашлось только двое молодых более или менее грамотных аборигенов. Когда ребята уснули, доктор достал из санитарной сумки карту кавказского края и отметил цветным кружком место первого генерального сражения со слепотой. В ногах у Очаповского аппетитно бухтел в бурдючке божественный напиток – айран, подношение горянки Гезам Джазаевой...

В середине второго учебного года стало известно, что Кубанский университет ликвидируется. Его реорганизовали в сельскохозяйственный институт. Нависла угроза закрытия и над медицинским факультетом. После снятия с государственного снабжения существование его зависело от местного бюджета. Надо было как-то выстоять

book3.indd 377 09.03.2010 17:36:59

два-три трудных года, не дать развалиться первому на Кавказе медицинскому вузу, число слушателей в котором уже превышало семьсот человек. Профессора и многие преподаватели отказались от оплаты своего труда. Студенты перешли па полное самообслуживание. Случайными заработками на стороне они старались до минимума свести расходы государства на свое обеспечение.

Для укрепления материальной базы учебного научно-исследовательского учреждения, уже сделавшего серьезную заявку разработкой важных проблем в различных областях медицины, окружной исполком обратил прибыли нескольких мукомольных предприятий на финансовую поддержку института. По предложению ректора Мельникова-Разведенкова профессора и доктора медицины обратились в учебные заведения, которые когда-то окончили, с просьбой помочь молодому вузу литературой, лабораторным оборудованием. В институтских столярных и слесарных мастерских будущие хирурги и акушерки занимались поделками столов, скамеек, мелкого инвентаря.

Безвозмездное чтение лекций и руководство кафедрой, бесплатный прием больных и отпуск лекарств, трудовой отпуск, использованный на пользу общего дела, казались доктору недостаточными, и он решил сделать что-либо более значительное. Для начала попросил домработницу снести в ломбард доброй бостонской шерсти форменные костюмы, заказанные по случаю присвоения чина статского советника, меховую шубу, отцовскую табакерку с рубином и хронометр в массивном золотом корпусе, подарок Беллярминова. На вырученные деньги произвел полный ремонт двух аудиторий, заказал у знакомого столяра тумбочки, вешалки и топчаны для общежития.

Софья Александровна, нервно кутаясь в пуховый платок, молча наблюдала это разорение. Вечером, после того, как студенты увезли на подводах подаренные институту вместе со шкафами полторы тысячи экземпляров книг, атласов и журналов по офтальмологии, в том числе уникальную четырнадцатитомную «Неврологию глаза» Вильбрандта и Зингера и «Известия Пироговского общества» за тридцать лет, Софья Александровна ласково заметила мужу:

– Милый, в один прекрасный день тебе вздумается завещать институту свой скелет в качестве наглядного пособия, и мне в утешение останутся одни только твои фотографии...

book3.indd 378 09.03.2010 17:36:59

Она лежала на софе за его спиной, и он не мог видеть, какая тень пробежала по ее лицу. Он сидел за столом и заканчивал отчет о деятельности глазного отряда. Но вдруг отложил перо, задумался. Сколько же потребуется лет, врачей и отрядов, чтобы принять всех глазных страдальцев, от Тамани до Апшерона!.. Или хотя бы только слепых на один и на оба глаза... Конечно, неприятная это обязанность – считать слепцов! Но что поделаешь... Полная, неизлечимая слепота есть смерть глаза. У хирургов и терапевтов умершие пациенты исчезают из поля их зрения. Наше положение хуже. Слепые тревожат нас и общество не призрачным видением, а реальным появлением и мольбами возвратить зрение, ибо «слепота хуже смерти»... Подсчитывать их так же тягостно, как и убитых на поле боя...

И все же... Если на северном склоне хребта проживает 7-8 миллионов человек, то слепцов среди них никак не меньше тысяч двенадцати. А что если... Что если поставить целью разыскать их всех, самому осмотреть их – ведь добрая половина должна быть излечима. В Карачае за два месяца он вернул зрение ста пятидесяти слепцам... А скольким можно за год? Десятилетие?.. Ради этого стоит потрудиться, пожертвовать всем...

Между хлопотами по «спасению» института, работой в клинике, исполнением обязанностей главного окулиста IX армии и руководством Кубанским обществом глазных врачей доктор предпринимает ряд поездок по области. Использует всякую возможность для обучения участковых врачей, фельдшеров, акушерок, сестер милосердия, фармацевтов, санитаров лучшим приемам помощи при болезнях и травмах глаз. Выступает на сельских сходах, профсоюзных и красноармейских собраниях, перед школьниками в классах и верующими в дни церковной службы.

Каждую субботу он торопился на заседание физико-медицинского общества. Здесь всегда многолюдно, есть условия для общения с практическими врачами с периферии и с учеными из центра. Творческое обсуждение актуальных проблем научного и прикладного характера расширяет кругозор, открывает перспективу. Благожелательно приняты медицинской общественностью и его доклады о краеведении в офтальмологии, проблемах близорукости, причинах распространения трахомы, о курортных резервах верховьев Кубани и Теберды, которым

book3.indd 379 09.03.2010 17:36:59

он придает «не только всесоюзное, но и общеевропейское значение».

В обществе любителей истории Кубанской области, которое, наконец, по-настоящему занялось изучением природных ресурсов края, объединением усилий всех краеведов, он также активно сотрудничает, читает лекции об охране природы и памятников старины, участвует в составлении туристских маршрутов, научном их описании. Во всех выступлениях и публикациях, которые при строгой научности отличаются красивым литературным слогом, призывает широко использовать целебные силы природы в борьбе с недугами человеческого организма.

...Замысел побывать во всех более или менее значительных административных центрах национальных областей Северного Кавказа, учесть всех слепых, а там, где позволят обстоятельства, попытаться вернуть зрение оперативным или иным путем оформился в программу действий на ближайшие годы. Всю зиму и весну шла тщательная подготовка к новому походу в горы. Кубанский здравотдел к этому времени несколько окреп материально и помогал несравненно лучше прошлогоднего. В предгорьях вновь прокатилась волна бандитизма, но врачей это не остановило.

Летом 1922 года доктор вместе с А. Приваловой, А. Гюльназарян и М. Цыпкиной вновь поднялся по Кубанскому ущелью. Часть июня и июль работали в Учкулане. Очаповский и Привалова принимали и оперировали в амбулатории. Гюльназарян с помощью Биджиева и Коркмазова обследовали путем подворного обхода. Затем перебрались в аул Тебердинский, где обосновались в Спасо-Преображенском монастыре до середины сентября, принимая пациентов из курорта Теберда, аулов Каменномостского, Георгие-Осетинского, Марийского и ближайших станиц.

Перед отъездом в Краснодар по просьбе местного окулиста Николая Петрова, который, по его же словам, «окончательно зашился», больных принимали в станице Баталпашинской. Доктору, его ассистенту и медицинской сестре такой физической нагрузки никогда прежде испытывать не приходилось. 392 первичных больных, сделавших 3673 посещения, 117 операций, в том числе 45 извлечений катаракты, – за восемь дней! Надо отдать должное Петрову. Он и его жена Любовь Дмитриевна, учительница, создали все условия для плодотворной ра-

book3.indd 380 09.03.2010 17:36:59

боты. Гюльназарян, студенты и пришедший на помощь старый знакомый доктора Владимир Телега провели поголовный осмотр населения тяготевших к станице черкесских, абазинских и ногайских аулов.

Осенью того же года Очаповский был утвержден в профессорском звании. Принял как должное с убеждением, что это обстоятельство расширяет не столько права, сколько обязанности. С таким пониманием своей роли готовился к новому «сезону». Трудовой отпуск 1923 года он провел опять в окружении пациентов. Спутниками его в этот раз стали Николай Петров в качестве ассистента, окончившая институт Вера Шепкалова, медсестры Наталья Хлынина и Мария Цыпкина. В зеленчукской больнице отряд приняли исключительно тепло, еще до прибытия широко оповестили жителей, но приток пациентов был невелик.

Причина объяснялась просто. В горных аулах, где из-за недостатка земли и сложности рельефа источником существования искони являлось скотоводство, население жило компактно и врачам работалось легче. В вольготно раскинувшихся предгорных станицах пришлось менять тактику. В разгар сенокошения, сменившегося жатвой хлебов, а затем копкой картофеля, окулисты, разбившись на две группы, объезжали поля. Не считая 943 больных, обратившихся непосредственно в амбулаторию и стационар, и 123 больших операций, сумели оказать лечебную помощь более чем 5 тысячам человек в станицах Зеленчукской, Кардоникской, Преградной, Сторожевой, селениях Греческом, Архызском, Марухском.

Поездки, встречи и наблюдения в пути давали много пищи для размышлений. Несмотря на трудности и неудобства кочевой неустроенной жизни, в главной своей сущности они были глубоко оптимистичными.

Как-то в загородной прогулке в Краснодаре профессору довелось наблюдать, как в ледоход красноармейцы спасали мост через Кубань. Измельченные динамитом глыбы весело уносило течение. Всякий штрих нового, оказавшись в поле зрения, неизменно вызывал по ассоциации этот образ – жизнь, как вешний поток, освобождалась от скованности, взломанной революцией. Пробуждалась, пришла в движение самая могущественная стихия – освобожденный труд. Заглядывая в глаза пациентов, вместо прежней тоски и уныния профессор все чаще видел в них веселье и бодрость.

book3.indd 381 09.03.2010 17:36:59

Там, где в прошлом году он целую неделю отсиживался в колонии прокаженных, спасаясь вместе с помощницами от бандитов, сегодня видел, с каким подъемом жители аула вышли с кирками и лопатами на строительство дороги. Еще вчера многоженство, калым, умыкание считались незыблемыми шариатскими истинами, а сегодня объявлялась непримиримая война религиозным и бытовым предрассудкам. Сплошь и рядом наблюдал, как люди, в паническом ужасе разбегавшиеся от оспопрививателя, по доброй своей воле таскали на горбу камень и глину для строительства бани, школы, больницы...

Один случай произвел на него особое впечатление. На степной дороге встретился он в знойный полдень с живописным и шумным караваном арб и вьючных ишаков в окружении оборванных до наготы, но жизнерадостных горцев. Шло «великое переселение» их на равнину... Еще в Краснодаре профессор слышал об отводе под новые аулы полумиллиона десятин отобранной у богатеев земли. В пожилом всаднике с изъеденным оспой лицом он узнал прошлогоднего своего учкуланского пациента, слепца, которого безуспешно уговаривал на операцию. Он повторил попытку и на этот раз, на что старик под дружный гул одобрения ответил:

– Не беспокойся, добрый человек... Если к радости, которую принесла подаренная мне земля, прибавится еще и радость прозрения, мое сердце не выдержит и разорвется от счастья...

В конце 1923 года, перед отъездом в Петроград на чествование Беллярминова в связи с сорокалетием его научно-врачебной деятельности, Очаповский по указанию глазной секции Наркомздрава РСФСР обследовал состояние зрения воспитанников детских домов области. Он увиделся со многими из тех, кого еще год-полтора назад Кубань принимала, можно сказать, полуживыми. В монастырях, в помещичьих имениях, приспособленных под учебные аудитории, жилые помещения и мастерские, он всюду встречал звонкоголосое, сытое, одетое и обутое юное племя, которое любовно опекали комсомольцы, чекисты и отдел борьбы с беспризорностью во главе с героем гражданской войны Дмитрием Жлобой.

Сотрудники клиники и привлеченные к этой работе армейские окулисты в течение месяца обследовали зрение 52 тысяч детей. Сводя результаты проверки в сухие столбцы цифр, профессор удовлетворен-

book3.indd 382 09.03.2010 17:36:59

но отметил отраднейший факт. Впервые в своей практике у большой группы населения, взятой под контроль, он обнаружил почти полное отсутствие серьезных глазных заболеваний. И для него это было первым в условиях мирного строительства зримым подтверждением той истины, что нет трудностей, которые оказались бы непреодолимыми для молодой рабоче—крестьянской власти.

Юбилейные торжества в честь Беллярминова вылились в праздник советской офтальмологии. Подводились итоги окулистической помощи за пятилетие Советской власти. На объединенном заседании Военно-медицинской академии и Петроградского общества глазных врачей было сделано встреченное овацией сообщение Наркомздрава РСФСР о создании на базе глазных больниц научно-исследовательских институтов в Петрограде, Одессе и Харькове, Всесоюзного института глазных болезней имени Гельмгольца в Москве, трахоматозных институтов в Казани и Уфе. Руководителями их назначались видные окулисты – М.И.Авербах, В.В. Чирковский, В.П. Филатов, В.П. Одинцов и другие.

Немало лестных предложений получил и Очаповский. Позднее в Москве, на глазной секции Наркомздрава, которой заведовал теперь Савваитов, и в беседе с наркомом Н. А. Семашко профессор повторил свое окончательное решение навсегда остаться на Северном Кавказе. И в Петрограде, и в Москве пришлось ему выслушать немало голосов, осуждающих практику летучих глазных отрядов. «Не врач должен искать больного, – говорили оппоненты, – а наоборот». В ответ Очаповский приводил данные последних трех лет, и по ним выходило, что за два месяца отрядной работы он принимал больных и делал операций больше, чем в клинике за полгода, и столько же, сколько принимали и оперировали за год все окулисты, вместе взятые, в соседней, Донской области.

Перед самым отъездом домой он был вторично приглашен на беседу к наркому здравоохранения. На столе у Семашко профессор увидел свою докладную записку, по вопросам организации окулистической помощи горским народам Кавказа. Рассмотрев ее во всех пунктах, нарком тут же обязал Савваитова впредь как можно полнее удовлетворять заявки глазной клиники на перевязочный материал, инструмент и лекарства. Другое распоряжение касалось финансовой помощи Кубанскому медицинскому институту и передачи ему из московских книгохранилищ 35 тысяч томов научной литературы. Закру-

book3.indd 383 09.03.2010 17:36:59

гляя аудиенцию, Николай Александрович высказал сожаление, что не располагает временем для более обстоятельного разговора.

– Одни ученые, как альпинисты, покоряют вершины, вы же, напротив, как рудокоп, углубились в недра гор... Вы, батенька мой, разрабатываете пласт огромной государственной важности. Уверен в успехе дела и рад, что взялся за него человек, в котором так счастливо уживаются медик, политик, философ и даже поэт... Не обижайтесь...

Поддержка Семашко, обязывала к новым свершениям, повышала ответственность перед совестью и эпохой. И если до этого предпринимались робкие, выражаясь военным языком, тактические вылазки разведывательного характера, то теперь наступила пора крупного стратегического хода. Генеральный план сражения был продуман до последних деталей. Остановка была за квалифицированными кадрами глазных врачей. Окулистов хоть и прибавилось, все же было далеко не достаточно для большого наступления.

Летом 1924 года отряд в составе А. Гюльназарян, Н. Хлыниной, М. Цыпкиной и студентки А. Задунайской был снаряжен в Карачаево-Черкесию, где глазные заболевания все еще имели широкое распространение. Они подворно обследовали новые аулы близ Кисловодска, в Зеленчукском районе и Тебердинском ущелье. С другим отрядом, в который вошли А. Привалова, В. Шепкалова и студентка Т. Покровская, профессор отправился в селения майкопского нефтяного района. В Хадыженской, Апшеронской, Нефтегорской, Ширванской и многочисленных армянских хуторах издавна наблюдалась тяжелая трахома. В трудных условиях холодного дождливого лета оба отряда обслужили около шести тысяч человек.

На следующий год Очаповский решил двумя самостоятельными отрядами «прочесать» селения, жители которых были заняты на лесоразработках. В результате полуторамесячной работы на карте генерального сражения появились кружки, отмечавшие Тульскую, Абадзехскую, Даховскую, Каменномостскую, Нижегородскую, Хамышки, Сахрай, Мезмай, Псебай, Хамкетинскую, Переправную, Лабинскую, Бугунжу, Шедок, Гузерипль и Севастопольскую. В конце лета оба отряда перебрались в район строительства железнодорожной ветки Невинномысская – Баталпашинск: среди вербованных рабочих здесь вспыхнула эпидемия привозной трахомы.

book3.indd 384 09.03.2010 17:37:00

Из 114 врачей первого выпуска Кубанского медицинского института, состоявшегося в июне 1925 года, 8 человек специализировались по офтальмологии у Очаповского. Год спустя они приняли участие в работе отрядов, направленных одновременно в пять очагов глазных заболеваний. Таманский «десант» в составе А. Гюльназарян, В. Шепкаловой, Е. Воронковой и Т. Покровской действовал в Темрюке. Стационар для лечения трахомы адлерских и краснополянских греков организовали Р. Берберов, В. Климова и А. Задунайская. Сам профессор вместе с А. Приваловой, Н. Хлыниной и М. Цыпкиной половину отпуска продолжал работу на баталпашинской железнодорожной ветке, а в конце июля развернул работу в Чеченской автономной области.

Распространять отрядную работу на автономии Восточного Кавказа в ближайшие год-два профессор не намеревался, но наблюдения за трахомной вспышкой на строительстве железной дороги подсказывали, что занесена она вербованными из станиц чеченской плоскости. Очаповский отправился в Грозный изучить обстановку на месте. Местные врачи во главе с областным окулистом Киселевым дружным хором заверили его, что случаи трахомы крайне редки и вообще в области в отношении глазных заболеваний вполне благополучно. Подтвердил это и заведующий облздравотделом Лордкинанидзе, прибавив при этом:

– С год назад мы направили в Урусмартановский округ опытного глазного врача, много проработавшего в Дербенте, так он одолел меня заявлениями об увольнении. Жалуется – больных нет, пациенты не идут...

В Слепцовской профессор осмотрел глаза двенадцати первых попавшихся пайщиков кооперативной лавки и у четырех из них нашел трахому во второй стадии. В Петропавловскую он добрался к вечеру и в избе-читальне обследовал состояние зрения сорока трех посетителей ликбеза – та же картина. В урусмартановской амбулатории он познакомился с врачом, тем самым, что жаловался на вынужденное безделье. Тот пригласил профессора присутствовать на операции, и приезжий стал свидетелем действа, прервать которое не позволяли положение гостя и врачебная этика. Дрожащими руками, нелепыми приемами горе-окулист искромсал и загубил глаз, чем привел Очаповского в ужасное расстройство.

book3.indd 385 09.03.2010 17:37:00

По возвращении в Грозный профессор посоветовал в здравотделе удовлетворить просьбу дербентского эскулапа-гастролера. Вызванные телеграммой Привалова, Хлынина и Цыпкина прибыли с полным отрядным снаряжением, и 20 июля 1926 года началась работа в Урусмартане. После первых дней знакомства врачей с местной властью и условиями, рекогносцировочных поездок по соседним аулам и хуторам пациенты сами потянулись в амбулаторию. Окулист Киселев, примкнувший к отряду и уверенно ожидавший подтверждения своей правоты относительно «благополучия», был посрамлен, когда все 35 коек глазного стационара были заняты в первый же день, а в списке предстоящих операций значилось еще 249 человек...

Если в любом из ущелий от Анапы до Пятигорска профессор мог с полным правом заявить: «Приветствую тебя, Кавказ седой, твоим горам я путник не чужой», то в Чечне все для него было ново и необычно. Записывая местожительство пациентов, он невольно обратил внимание на названия окрестных селений: Ведено, Гехи, Валерик... Боже, да ведь они упоминаются в лермонтовских поэмах! Да, русский глазной отряд прибыл лечить чеченцев в те самые места, где когда-то произошел знаменитый, так художественно-трагично описанный бой на реке Валерик, в котором сам Лермонтов принимал участие. И врачи, и их пациенты понимали, что работа глазного отряда получала здесь особое освещение и смысл.

В один из дней профессор отправился на подводе в большое селение Шали, в больницу, за автоклавом для отряда. На обратном пути лошадки сильно утомились и неторопливо пересекали долину Аргуна. Тихо закатывалось солнце за далекие горы. В стороне от дороги на берегу реки расположился хутор, весь утопающий в садах. Его обступали пирамидальные тополя, и силуэты деревьев резко выделялись на розово-красном фоне закатного неба. Таким же стройным силуэтом стояла на берегу реки чеченка в шароварах и молилась. Неподвижные деревья лишь трепетали листвой, а женщина, пронизанная и осиянная красками потухающей зари, медленно склонялась и выпрямлялась, творя свой намаз.

Вскинув на плечо кувшин, похожий на черного лебедя, она медленно пошла от реки. Профессор никогда не предполагал, что среди горянок, от колыбели до могилы обремененных тяжелой работой,

book3.indd 386 09.03.2010 17:37:00

может встретиться тип такой изящной красоты. И только когда она приблизилась на достаточное расстояние, Очаповский рассмотрел ее обезображенное зловещими шрамами одноглазое лицо. Возница испуганно хлестнул лошадей, чтоб это ужасное привидение не перешло ему дороги, и долго не снимал кнута с их измыленных спин. Профессор не мог забыть эту маску. С помощью женсовета он разыскал горянку и добился ее согласия на операцию.

Несчастье восемнадцатилетней Фатимы было следствием сословных предрассудков. Она родилась в состоятельной семье, но ничем не походила на родителей, кичившихся «высоким» происхождением. Бежав из дому, вышла замуж за бедняка. Отец и братья, считая себя опозоренными, долго выслеживали обидчика. Старики уговорили их не проливать кровь – новый закон жесток! – а содрать хороший калым. Родственники мужа вскладчину приобрели пару быков, коня с седлом и серебряным набором, сотню овец. Когда с подарками явились на подворье алчного деспота, один из братьев накинулся на кровника с кинжалом и смертельно ранил его. Потеряв власть над собой, Фатима бросилась на скалы с подвесного моста...

Профессору в его практике пришлось сделать немало хитроумных, порой уникальных пластических операций по устранению внешних дефектов органа зрения. Здесь же речь шла, если можно так выразиться, о «капитальном ремонте» всей верхней части лица. Филатовскими кожными стеблями и свободными лоскутами в несколько приемов, занявших без малого два месяца, удалось «изваять» довольно миловидное личико. Непреодолимая, казалось, трудность возникла на последнем этане. Зияющую черной пустотой глазницу следовало украсить искусственным глазом, но, увы! – профессор давно истратил свой довоенный запас протезов.

Командированная женотделом русская разбитная учительница, комсомолка из терских казачек, объездила с письмом Очаповского чуть ли не всех окулистов Кавминвод, Владикавказа и Тифлиса и только у ростовского частника-врача приобрела подходящий протез. В день выписки Фатимы из стационара возле урусмартановской окружной больницы было такое скопление народа, какого здесь не помнили, пожалуй, со времен имама Шамиля. Приехавшему по этому случаю заведующему облздравом Лордкипанидзе с трудом удалось вывезти ее на

book3.indd 387 09.03.2010 17:37:00

автомобиле за пределы селения и передать родне ее покойного мужа...

Через амбулаторию прошло 1813 человек, сделавших до 5 тысяч посещений. 10 процентов обратившихся за помощью оказались слепыми на оба глаза и 29 процентов – на один. Семьсот человек, таким образом, явились лишь для того, чтобы выслушать роковой приговор – «неизлечимо». Одни выслушивали покорно и... уходили. Другие, обнадеженные, ликовали. Семь недель принимал профессор в узком закутке, огороженном байковыми одеялами. В душном, спертом воздухе стоял гул сотен голосов, иногда переходивший в раскаты внезапной ссоры из-за очереди. Гудело в голове, трудно было дышать... В последний вечер перед отъездом домой на «генеральной карте» были взяты в кружки Урусмартан, Шатой, Шали, Дай, Шарой, Ведено, Ножайюрт, Гудермес и другие селения помельче...

С помощницами своими профессор расстался на станции Кавказская и сам уже продолжал путь в Москву на первый съезд советских офтальмологов. Шестьсот окулистов собрались со всей страны, и в аудиторном корпусе второго МГУ в дни заседаний было тесно и оживленно, как в урусмартановской амбулатории. Очаповский сделал два доклада на волновавшие его темы. Первое выступление – «Провинциальная глазная клиника на окраине в борьбе с глазными болезнями» – прерывалось долгими и частыми аплодисментами. Второй доклад – «Краеведение в медицине, в частности в офтальмологии» – также имел большой успех. Когда, говоря о высоком призвании окулиста, он закончил шиллеровскими строками: «Известен ли тебе кристалл красы чудесной? Светлей алмаза он, и нет ему цены. Он светит, но не жжет, и с ясностью небесной земля и целый мир на нем отражены», зал разразился долгой овацией.

Двумя месяцами позже он готовился к докладу на кубанском съезде участковых врачей. Развернув утром 12 декабря 1926 года окружную газету с символическим названием «Красное знамя», он увидел свой портрет. Целая полоса была посвящена его двадцатипятилетней службе в здравоохранении. «Отметить крупные размеры практической помощи больным, оказанной профессором Очаповским, – читал он в постановлении президиума окрисполкома, – и доставившей ему любовь и доверие населения не только Кубани, но и далеко за ее пределами, а также большие заслуги в воспитании молодых врачей, воспринимаю-

book3.indd 388 09.03.2010 17:37:00

щих дух работы своего учителя. В честь юбилея присвоить имя профессора С. В. Очаповского глазной амбулатории окружной больницы».

Вечером того же дня Краснодарская широковещательная радиостанция передала правительственное сообщение о награждении профессора Станислава Владимировича Очаповского орденом Трудового Красного Знамени. Зачитав текст постановления Президиума ВЦИК, диктор перешел к репортажу о торжественном митинге на ленинградском заводе «Красный путиловец» по случаю выпуска пятисотого советского трактора...

ВОСХОЖДЕНИЕ

Поеживаясь за столом президиума и украдкой бросая взгляд в зрительный зал Зимнего театра, от оркестровой ямы до галерки забитого публикой, он изо всех сил старался хоть не много смягчить страдания, которые доставлял ему трехчасовой хор дифирамбов. Нет, он не считал стремление к почестям зазорным свойством человеческой натуры, со студенческих лет памятуя Цицеронову мысль, что даже философы, пишущие трактаты против славы, и те не забывают ставить свое имя в заголовках книг. Вопрос для него состоял в том, кто и за что его прославляет. Чествовала рабочее-крестьянская власть. Это было приятно, вызывало гордость. Но иные ораторы, казалось ему, слишком уж превозносят его скромные заслуги – юбиляр душевно напрягался, будто выслушивал обвинительный приговор, а не искреннее изъявление большой общественной симпатии.

Дифирамб из «низов», что называется, из самых недр:

«Дорогой Очаповский! Прозревшие слепцы, их утешенные родственники, весь трудовой карачаевский люд, преисполненный великой признательностью, шлет Вам свою благодарность. Тысячи людей из горской бедноты, которая в силу различных социальных причин имела печальную привилегию страдать наиболее тяжкими формами глазных заболеваний, прошли через Ваши руки и получили исцеление в результате разумного вмешательства специалиста высокой квалификации. С радостью сообщаем, что аульный сход единодушно постановил избрать Вас почетным гражданином аула Учкулан.

Предисполкома Курджиев».

book3.indd 389 09.03.2010 17:37:00

Ученик: «Незабвенный учитель! На пороге самостоятельного существования Ваши дарования открывали широкий путь к житейским успехам, но Вы не торопились по нему пойти. Отважно сменив столицу на провинцию, Вы вступили в борьбу со слепотой, невежеством и суевериями, дали счастье созерцать наш прекрасный мир многим обреченным, которые вот уж четверть века кряду идут к Вам беспрерывной процессией паломников. Мне очень трудно в пустыне, но благородный пример помогает мне, выпускнику Кубанского мединститута, бороться за новую жизнь в условиях Мервского оазиса, терзаемого проказой, трахомой и басмачеством».

Коллега: «Глубоко сожалею, что нездоровье не позволяет мне лично принести поздравление в знаменательный день Вашей жизни. Хочу сделать это хотя бы в письменной форме. Судьба близко свела нас, и у меня с первых дней знакомства проявилось к Вам безотчетное чувство симпатии. Я почувствовал, что Ваш светлый проницательный взор охватывает горизонты и дали гораздо более широкие, чем те, которые доступны большинству ученых медиков. От коллектива Украинского патолого-анатомического института и лично от своего имени поздравляю, благодарю и восхищаюсь.

Мельников–Разведенков».

Друзья: «Мы искренне рады отметить сегодня одну грань Вашей удивительной многосторонней личности – грань, особенно нас покоряющую. Наряду с огромной научной и практической работой, Вы не остаетесь чуждым такого важного дела, каким является распространение в народе правильных понятий о санитарии и гигиене и значении их в борьбе с глазными заболеваниями, составляющими истинное бедствие для нашей страны. И мы можем только пожелать, чтобы Ваш редкий по красоте и убедительности талант популяризатора как можно чаще и шире служил Вам инструментом, которым Вы, наряду со скальпелем, давали бы зрение нашим темным, духовно незрячим массам.

Санпросветотдел Севкавкрая».

Дифирамб «сверху»: «Глубокоуважаемый Станислав Владимирович! Помимо официального поздравления Наркомздрава СССР хочу приветствовать Вас со знаменательной датой Вашей разносторонней деятельности. Состоя во главе глазной лечебницы, Вы сделали ее

book3.indd 390 09.03.2010 17:37:00

центром, притягивающим к себе население окружающих гор и равнин. Ваши глазные отряды несут национальностям Северного Кавказа, прежде совершенно лишенным медицинского обслуживания, не только специальную лечебно–оперативную помощь, но и начала новой культуры вообще. Не замыкаясь в узкие рамки строго академической деятельности, Вы всегда придаете работе широкий общественный характер, что особенно ценно в наше время. Умелый подход к делу, отношение к больным, талант педагога и опыт врача сделали Ваше имя популярным далеко за пределами Кавказа. Вы можете с чувством удовлетворения оглянуться на пройденный путь. Шлю пожелание еще долго идти этой славной дорогой.

Н. Семашко».

...Много дней спустя, когда осталась позади изнурительная церемония чествования, а почтальон все еще таскал тугие сумки писем и открыток, Софья Александровна поделилась с мужем впечатлениями того знаменательного вечера. Виновник торжества, подтрунивала она, сидел, пригнувшись под взглядами сотен людей, стараясь занимать собой как можно меньше места. Опрометчиво кашлял в ладонь, невпопад и вымученно улыбался. В горделивой позе его вообще нельзя было представить, но здесь он уж вовсе как-то держался уныло, печально и растерянно. Софье Александровне, сидевшей в первых рядах партера среди дам, порой становилось обидно за эту его скромность.

– Скромность, мой милый, – как-то наставляла она мужа, – разумеется, очень украшает человека, но в нынешнее время она ни к чему. Она мешает продвижению точно так же, как оленю рога, когда он пробивается сквозь лесную чащобу... И вообще, с твоим несносным характером нам никогда не выбраться из проклятого захолустья. Другой бы на твоем месте...

Незаметно входили в жизнь новые формы человеческих отношений, повышались благосостояние и культура. Особенно переменилось отношение к здравоохранению. Очаповский вспоминал, как в первый свой поход проделал весь путь пешком. Год спустя отряд передвигался уже на арбах. Теперь сельские и районные исполкомы имели возможность снабдить врачей рессорным экипажем, а то и автомобилем. Даже для самой отдаленной участковой больнички, не говоря уже о городских лечебницах и курортных здравницах, перестали быть проблемой

book3.indd 391 09.03.2010 17:37:00

тюфяки и одеяла, простыни и миски, лекарства и перевязочный материал. Умножилось число амбулаторий, родильных отделений, аптек. На смену вечным труженикам – сельскому врачу и акушерке – шел в деревню квалифицированный врач.

Еще совсем недавно в любом ауле можно было наблюдать трогательную уличную сценку. Стоило глазному отряду появиться на окраине селения, как его окружала ватага оборванных ребятишек. Они бежали за повозками, жалобными голосами выпрашивая... обыкновенный карандаш. Не хлеб, не монетку, не милостыню вовсе – карандаш, каким пишутся буквы! И стар, и млад потянулись к грамоте. Простой карандаш, ученическая тетрадка стали предметами нового культа. В последующие поездки врачи брали побольше ученических принадлежностей, но за ними уже никто не гонялся. Всем необходимым, включая учебники, теплую одежду и горячие завтраки, бесплатно обеспечивала школа.

Русские и иностранные путешественники на Кавказе испокон веков отмечали несоответствие женской одежды суровым условиям климата. Мужская традиционная одежда – папаха и башлык, полушубок из овчины и чекмень, бурка и утепленная войлоком обувь – была более или менее сносна. Богат был наряд и женщины из знатного сословия. Атласное или парчовое платье, подбитый мехом кафтан, сафьяновые сапожки, персидская или тяжелая турецкая шаль надежно защищали от холода. Простая же горянка зимой и летом в тяжелой работе в поле, со скотиной и в сакле обходилась заношенным легким платьем, шароварами, чувячками и бумажным платком.

Но вот как-то вдруг зазвучал на сельских сходах и рабочих митингах новый лозунг: «Пальто – горянке!». Началось это, пожалуй, в осеннюю пору, когда лечившиеся в Кисловодском санатории Надежда Крупская и Клара Цеткин побывали в окрестных аулах. Призыв одеть горянку в теплое пальто, обуть в теплую обувь, покрыть голову теплым платком стал постоянной рубрикой газет. О ходе кампании в национальных областях сообщалось с серьезностью фронтовых сводок. Швейные, трикотажные и обувные фабрики юга России, смежные предприятия и общественность восприняли этот заказ как почетное задание большевистской партии, важнейшую задачу социалистического строительства.

book3.indd 392 09.03.2010 17:37:01

Как-то получил профессор письмо из станицы Дядьковской от заведующего избой-читальней и секретаря местной партячейки Ивана Колченко. Он писал, что активисты агитируют казаков и иногородних общими силами построить электростанцию, «осветить темноту жизни лампочкой Ильича», но начинание это в штыки встречено кулаками и их прихвостнями. Они распространяют ложные слухи, будто электрический свет очень вреден для человеческого глаза, поэтому-то, мол, городские и носят очки. Никогда Очаковскому не приходилось опровергать подобного вздора. Он ответил станичникам через окружную газету и переслал в фонд строительства станции посильную сумму.

Двумя годами позже из селькоровской заметки «Первая ласточка» узнал, что строительство успешно продвигается. Еще года полтора спустя, накануне Первомая, стансовет прислал за ним тачанку с приглашением приехать на торжественное включение света. Очень хотелось увидеть пуск первой в Советской России сельской электростанции, но отлучка из лечебницы хотя бы на час была невозможной: предстояли сложные операции трем бойцам народной милиции, которым во время облавы в воровском притоне морфинист выплеснул в глаза склянку серной кислоты.

Трудности роста, с какими сопряжены созидание новой жизни и движение вперед, ему стали более понятны после того, как он был избран депутатом горсовета и возглавил комиссию по охране здоровья и труда. В этом новом качестве он по-настоящему рассмотрел всю сложность хозяйственных, политических и социальных проблем, туго закрученных в заколдованный узел, который приходилось кропотливо распутывать, а порой и рубить. Процесс этот протекал очень болезненно из-за всяческих козней тайных и явных врагов, кровно обиженных революцией, не сумевших прислушаться к зову самой российской истории.

...В гостях у дядьковских станичников ему все же пришлось побывать. Недели две спустя после пуска электростанции на окраине станицы прогремел выстрел. В ветхой хате под очеретом мирно вечеряла семья хлебороба – иногородний Таганцев, его жена, мать и шестеро детей от грудного до пятнадцатилетнего. Чинно хлебали из глиняного горшка щи в ярком сиянии рукотворного солнца. Бандит всадил заряд дробовика в окошко, подбросил записку: «Вот наш ответ на проклятый бильшовыцький свет». Хозяин был убит наповал, ста-

book3.indd 393 09.03.2010 17:37:01

руха возилась возле печи и осталась невредимой. Жене и детям в лицо брызнуло осколками стекла, дроби и дерева.

О несчастье Очаповскому глубокой ночью сообщил ответдежурный по окрисполкому. Доктор готов был в дорогу, когда под окнами проскрежетал тормозами автомобиль. В нем, кроме шофера, ждали пожилой чекист в кожаной тужурке и хирург Лукьянов с ассистенткой. Заехали за Хлыниной и к рассвету были на месте. Участковый фельдшер уже принял все необходимые меры, облегченно встретил приезжих и сквозь толпу плачущих баб и понурых казаков провел в хату, где над убитым и семью ослепшими голосила старуха. Чекист с активистами занялся поисками злодея, а врачи в тени молодой вишни оборудовали операционный стол.

Пострадавшие были в шоковом состоянии. Только один из мальчиков в бреду бормотал что-то о красном петухе, который вскочил в окно и больно клюет его в глаза. Работая в восемь рук, врачи к вечеру управились с множественными ранениями на туловищах и головах пострадавших.

При осмотре поврежденных органов зрения выяснилась удручающая картина. Матери пришлось удалить оба глаза во избежание воспаления мозга. У двоих детей поверхностные царапины и легкие ожоги век особой опасности не представляли. Четверых с проникающими ранениями глазного яблока увезли в клинику для удаления инородных частиц и длительного стационарного лечения.

Не менее трагическое событие произошло в следующем году в одном из пионерских лагерей близ Кабардинки. Члены профсоюза печатников, отказывая себе во многом, экономя каждую копейку, организовали на взморье палаточный городок. Восемьдесят с лишним ребятишек, отощавших на скудных домашних харчах, должны были отдохнуть, набраться сил, порадовать родителей и учителей загаром и мускулатурой. Вместо радости летний отдых обернулся горем. Прощальный пионерский костер был в самом разгаре, как вдруг из-под гудящего языкатого пламени начало стрелять. Песня оборвалась, грохнул взрыв, детей обдало жарким вихрем. Разметало головешки, угли и пепел.

Двое умерли в больнице, многие были ранены. Следствие установило, что злоумышленник, бывший деникинский контрразведчик, позднее участник лесной банды, притаившийся под личиной ночного

book3.indd 394 09.03.2010 17:37:01

сторожа соседнего с лагерем дома отдыха, закопал под шатром из жердей и хвороста, заранее заготовленных для костра, торбочку с ружейными патронами и гранатой-лимонкой. В клинику сразу было доставлено восемнадцать ребятишек с тяжелыми травмами и ожогами глаз. После многонедельного лечения одни выписались с прежней остротой зрения, другие – с надеждой на будущие успехи медицинской науки.

Около года спустя пациентом профессора стал двенадцатилетний Петя Кравцов, который в тот памятный вечер у костра отделался мелкими царапинами, а теперь жаловался на тяжесть и боль в глазах. При боковом освещении просматривался в области зрачка зеленовато-золотистый отблеск, похожий на цветок подсолнечника. Так обычно выглядит частица меди или латуни, окислившаяся в тканях. Удаление осколка патронной гильзы осложнялось тем, что магнит здесь был бессилен. Операция и лечение дали хорошие результаты. Другим ее следствием было то, что профессор взял под свой долгий контроль всех, кто попал под взрыв.

В том и другом случаях – и с дядьковским активистом, и с покушением на детвору – профессору пришлось иметь дело не только с жертвами, но и встречаться в судебном зале с виновниками злодеяния. Это были враги – расчетливые, убежденные, непримиримые. Маскируясь под сторожей и дворников, переодевшись в учительские толстовки и кожаные куртки землеустроителей, бывшие сотники и хорунжие, анархисты и мародеры действовали исподтишка. Любой промах новой власти вызывал злорадство, любая победа приводила в ярость. Не забывались и старые испытанные средства – выстрел из-за угла, удар ножом в спину, поджог.

Знал профессор множество примеров и того, как убежденные противники нового строя меняли мировоззрение. Рядом с ним работали ученые, которые в большом почете были и при царском режиме. В той же Дядьковской рассказывали ему о Тараненко, куркуле, живоглоте, владельце паровой мельницы и тысяч десятин земли. Поняв, чего добивается Ленин, он пошел с большевиками, геройски погиб за народное дело. Лично был знаком Очаповский и с адыгейским эфенди, который до последнего патрона отстреливался от кулаков, защищая в своем жилище тяжело раненного продармейца. Но самой яркой фигурой в этом смысле был, пожалуй, конский барышник по кличке Кувалда.

book3.indd 395 09.03.2010 17:37:01

Осенней ночью в двух шагах от дома грабители под ножом отняли у профессора пальто с бумажником, часы и шапку. В милицию звонить он не стал, дабы не отвлекать угрозыск от дел более серьезных. Да и потеря была невелика. Утром узнали о происшествии, и кто-то посоветовал рассказать о нем Кувалде. Кто он такой, этот самый Кувалда, доктор не имел ни малейшего представления и тотчас же забыл о нем. Но после утреннего обхода задержал его в коридоре больной Мельников, недавно оперированный по поводу атрофии глазного яблока, и попросил посвятить в подробности ограбления.

– Да я им за это головы посрываю, – свирепо сверкнул он куда-то в сторону единственным глазом. – Не беспокойтесь, товарищ профессор, я концы враз найду...

И действительно, в тот же вечер, выйдя на требовательный звонок у парадного, профессор нашел под дверью узел со своими вещами. Даже из денег не было истрачено ни рубля. Доктор удивился необыкновенным способностям проворного «детектива» расспросил о его прошлой и настоящей жизни. Он был, оказывается, лучшим краснодарским ковалем и держал у Карасунского пруда по финотдельскому патенту кузницу на одно горно. Даже самую строгую и вертлявую лошадь он ковал без станка, на руках, с первого взгляда безошибочно угадывал норов любого скакуна. Все дубинские и покровские дрогали были его клиентами, обращались даже с кожзаводской стороны. Его можно было поднять хоть среди ночи...

На вид ему было лет около сорока, и до революции, ходила молва, он был неуловимым конокрадом. Удачливо промышлял и поездными кражами. В связи с взломами денежных шкафов в коммерческих конторах, не раз бывал под подозрением у полиции. Он был вором-универсалом особого склада. Наподобие закубанского лихого абрека, смысл жизни которого, рискуя головой, ловко похитить у богатого и раздать добычу бедным. Солдатской вдове, горемыке безлошаднику. Малую толику и для себя – на пропитание и на «подмазку» чиновника в случае провала. Таскали его и с установлением Советской власти, в угрозыск. В целях, так сказать, профилактики. Но в первой же беседе он поклялся:

– Шабаш, братцы, завязал. В октябре семнадцатого года... По молодости это я, из озорства шакалов дразнил... Теперь новую жизнь начать намерен...

book3.indd 396 09.03.2010 17:37:01

Во всей округе его боялись... и уважали. На карасунском льду частенько затевались кулачные бои между дубинскими и покровскими. Самому видеть это профессору не приходилось, но после каждого побоища в больницу попадало немало парней с выбитыми глазами. В прежние времена полиция смотрела сквозь пальцы па «забаву», да и теперь милиция опасалась вмешиваться. Когда схватка принимала опасный оборот, бабы и девки бежали к ковалю. Его прятали под тулупом в водовозных санках и ввозили в гущу дерущихся. Истошный чей-нибудь крик: «Максим! Кувалда!» – был сигналом к развязке. У него была тяжелая рука. После третьей-четвертой оплеухи все бросались врассыпную...

Профессору пришелся по душе этот человек. Не потому, что с его помощью вернулись украденные вещи, – нет! Увиделся в нем живой пример того, как благотворно может воздействовать новый строй на сознание и поступки пусть падшего, но все-таки по-своему справедливого и совестливого бунтаря-одиночки, избравшего столь странную форму социального протеста. Когда Мельников выписывался домой, Очаповский посоветовал ему появляться на крещенских кулачных боях не под конец, а к началу их, и с той поры, кажется, стало у горожан еще одним диким пережитком меньше...

Оставалось во взглядах профессора много такого, что шло вразрез с общепринятым мнением и при желании могло быть расценено как приверженность «старорежимным порядкам». Переплавку бронзовой скульптуры Екатерины II работы знаменитого Михаила Осиповича Микешина в своей речи на сессии горсовета он назвал «чудовищным варварством». Возмутила его и выходка рьяных сотрудников историко-краеведческого музея, выбросивших на свалку портрет основателя музея, давно почившего историка Евгения Дмитриевича Фелицына, зачисленного ими в разряд «врагов мировой революции» из-за его есаульского звания. Много крови пришлось испортить и себе и другим, прежде чем удалось добиться реставрации самого древнего строения – дома наказного атамана Бурсака.

Статьей в журнале «Буревестник», в которой призывал к благоразумной осторожности при ломке казачьего уклада жизни, сбережению народных традиций, преданий и песен, орудий труда и быта, он навлек на себя резкие нападки некоего ответработника, видевшего в казаче-

book3.indd 397 09.03.2010 17:37:01

стве сплошную реакционную массу, противостоявшую иногороднему населению. В публичной лекции профессор вновь вернулся к этой теме, особо подчеркнув, что история России в последние столетия делалась казаками. Казак – добрый воин и добрый труженик! Это он, запорожский, кубанский, донской, терский, уральский, семиреченский, амурский вольный человек, копьем и сохой освоил, обжил южнорусскую степь, суровую сибирскую землю, оборонял окраины от врагов.

И уж совсем выводило его из себя безбожное уродование языка, русской родной речи. Терпеть не мог аббревиатур, вошедших в моду сокращенных словосочетаний, которыми злоупотребляли без всякой меры. «Рабфак», «местком», «здравотдел» – это еще звучало, прижилось в речевом обиходе. Но встречались такие языколомки, что хоть святых выноси: Севкавкоопиншвейснабсбыт, Кубокрохотрыболовпотребсоюз, Юговостэлеваторспецмонтажтрест. Даже из Москвы профессор получил однажды официальную бумагу, адресованную не иначе как «СПМЛПБТ тов. Очаповскому», что в переводе на человеческий язык означало: советскому представителю в международной лиге по борьбе с трахомой.

В клинике Станислав Владимирович приучал подчиненных следить за речью. Будь на то его воля, он изгнал бы из медицинской терминологии такие понятия, как заячья губа, кошачий глаз, конская стопа, волчья пасть, львиная маска, косоглазие, кривой, хромой, горбатый и прочие, причинявшие пациенту душевную боль слова, доставшиеся от жестокого средневековья. Очень сердился, если кто-либо терял контроль над речью в разговоре при больном. Неосторожное слово, постоянно твердил он питомцам, пронзает сердце подобно отравленной стреле. Оно убивает в человеке веру в себя и помогает недугу одолеть организм. Точно так же слово может стать и бальзамом, могущественным союзником врача.

О том, что горькая правда лучше сладкой лжи, во взаимоотношениях с пациентом за истину профессор не признавал. Всегда старался укрепить надежду. В душе даже обреченного на вечную ночь слепца зажечь, если не заманчиво яркую звезду, то хотя бы теплое мерцание свечи. «Сегодня мы бессильны, – убеждал он больного, – но, может быть, буквально завтра наука найдет способ облегчить и вашу участь. Так что не отчаивайтесь, не теряйте веры». На этой именно почве –

book3.indd 398 09.03.2010 17:37:01

неосторожного обращения со словом – произошел инцидент с практиканткой Надеждой Пацапай, молодым врачом из городской детской амбулатории, проходившей специализацию по глазным болезням. В простоте душевной она в разговоре с пациенткой обронила несколько слов, позволявших усомниться в благополучном исходе предстоящей операции, чем привела климактерического возраста женщину в сильнейшее буйное расстройство.

– Можно лишь удивляться легкомыслию, с каким иные врачеватели гасят в больном последнюю искру, – огорченно заметил профессор на очередном занятии. – Это все равно, что загодя закрывать пятаками глазницы еще не усопшего человека...

Он не собирался отчитывать виновницу, вообще конкретно никого не имел в виду. Знал, однако, что меткое, справедливое слово иногда полезней нудных нотаций, что яд в малых количествах действует благотворно. Но на сей раз, видимо, не соразмерил дозы. Пацапай вздрогнула, на минуту оцепенела, торопливо покинула кабинет. В клинике она больше не появилась. Долго профессор мучился от мысли, что, призывая других к милосердию, сам преподал наглядный урок бессердечия. Грустно становилось при этом воспоминании. Со временем досадный и, пожалуй, единственный в его педагогической практике случай стал забываться, потускнел, канул в половодье будничных дел...

В начале 1927 года Наркомздрав РСФСР утвердил представленный Очаповским пятилетний план работы глазных отрядов. К этому времени на кубанской равнине, в Адыгее, Балкарии, Карачае, Кабарде и Черкесии была налажена более или менее удовлетворительная окулистическая помощь. Каждая область имела своего постоянного окулиста. Многие участковые врачи, фельдшеры и медсестры прошли специальный курс профилактики и лечения глазных болезней. Ликвидированы застарелые трахомные очаги. За десять лет Советской власти на территории от Пятигорска до Тамани и от Майкопа до Батайска дело было организовано так, чтобы житель даже самой дальней глубинки мог найти глазного врача в двух-трех часах езды лошадьми.

Весь Западный Кавказ, таким образом, находился под постоянным неусыпным надзором краснодарской глазной клиники, действовавшей в теснейшем контакте с партийными и советскими органами. Совсем иное положение сложилось, как показала работа в горной Чечне,

book3.indd 399 09.03.2010 17:37:01

в автономиях Восточного Кавказа. Сказывались, прежде всего, отсутствие во Владикавказе, Грозном и Махачкале медицинских учебных центров для подготовки местных национальных кадров и сложность условий работы в горах, где ислам и косность прочно удерживали позиции в противостоянии науке и прогрессу.

Летом 1927 года очередной свой трудовой отпуск Очаповский посвятил работе в горной Ингушетии. Вместе с ним выехали врачи А. М. Привалова и В. М. Шепкалова, младшие помощники Т. И. Покровская и А. М. Задунайская и медсестра М. И. Цыпкина. Опорным пунктом отряда была избрана удачно расположенная на скрещении дорог старая, времен генерала Ермолова, каменная крепость Назрань, в которой разместились окружная больница и амбулатория. «Твердыня сия, – отметил в дневнике профессор на второй день после прибытия, – удобна еще и тем, что окружена буйными зарослями полыни, которая одна нас и спасает от ночного нашествия клопов, блох и прочих паразитов».

В первые же дни отведенные отряду больничные кровати были заняты оперированными из-за катаракты – число первичных больных превысило 50 в день. Еще быстрее нарастала волна повторных, среди которых было много оперированных амбулаторно. Они нуждались в тщательном наблюдении, ежедневной перевязке. Выпадали дни, когда принималось по 320-360 человек. Начинали врачи с наступлением рассвета, работали без отдыха с получасовым перерывом для принятия пищи. В вечерних сумерках устраивались на ночлег в одном из полуразрушенных угловых бастионов. За 78 дней из Назранского, Пригородного, Амалукского и Ассинского округов было принято 2728 человек, сделавших свыше 11 тысяч посещений, и произведено 623 больших операции.

Часто наведывался в крепость председатель окрисполкома Горчханов, убеждал врачей передохнуть денек-другой на курорте в Джераховском ущелье. Желанная поездка в знаменитую «Солнечную долину» с ветерком в роскошном автомобиле всякий раз откладывалась. Потеряв надежду уломать упрямого профессора, Горчханов надевал халат, приступал к обязанностям толмача, ибо незнание медиками ингушского диалекта сильно тормозило дело. Неопытные в русском языке комсомольцы из сельхозшколы при всем старании

book3.indd 400 09.03.2010 17:37:01

были плохими помощниками. Драгоценные минуты тратились на длительные объяснения с пациентами при собирании анамнестических данных, внушении полуглухим старикам и старухам необходимости и смысла предлагаемой операции, назначении различных видов лекарственной терапии.

В конце августа напор осаждавших Назранское укрепление заметно пошел на убыль, иссяк совсем. Отряд отправился в своеобразную «кругосветку» по горной Ингушетии. Через селение Сурхохи по ущелью реки Ассы, где когда-то славный абрек Залимхан наводил ужас на царских чиновников, на подводах поднялись до Алкуна, останавливаясь чуть ли не возле каждой сакли и сторожевой башни для обследования органа зрения пастухов, косарей, школьников. Далее, уже по вьючным тропам, пересекли пятидесятиверстную полосу мелких селений, вышли к границам Хевсуретии и на неделю обосновались в древнем Пуе, принимая больных Хамхинского общества. С началом снегопадов перевалили через Водораздельный хребет и полмесяца лечили, оперировали и обследовали жителей Салги, в аулах Мецхальского и Джераховско го ущелий.

– На орлиной высоте, в условиях вечной мерзлоты, – проникновенно говорил Горчханов на торжественном заседании исполкома после вручения членам отряда ценных подарков, изделий местных умельцев, – на участке салгинского крестьянина Эльджеркиева вы восхитились при виде образцовой земледельческой культуры. Человек этот, согревая землю жаром своей души, творит на ней чудеса. То же самое делаете вы, только с людской массой. После Сергея Мироновича Кирова вы, товарищ профессор, первый из русских так растревожили чувства ингушского народа...

В следующем, 1928 году отряд в том же составе побывал в Осетии. Сперва он обосновался в Ардоне, в областной больнице, располагавшей 60 койками. Уже на третий день работы врачей, к которым добровольно присоединились алагирский окулист Агуба Тлатов и два студента Ростовского мединститута, облздрав вынужден был нанять по соседству с лечебницей два частных дома, чтобы размещать оперированных. Но и этого оказалось недостаточно. Число пациентов возрастало, в иные дни у амбулатории волновалась полутысячная толпа. За восемь ардонских недель приняли 4450 человек, сделавших свыше

book3.indd 401 09.03.2010 17:37:01

14 тысяч посещений. Только больших операций было выполнено 923.

Еще около двух тысяч больных нашли облегчение в результате предпринятой отрядом «осетинской кругосветки» по маршруту: Каргарон – Алагир – Биз – Унал – Мизури – Нузал – Зарамаг – Садон – Камунта – Галиат – Фаснал – Махческ – Дзинага – Задалеск – Ахсарисар – Магометанское – Христианское. В каждом из этих селений устраивались в школе, исполкоме, сельсовете или на случайном подворье, добиваясь поголовного осмотра жителей. На заброшенном руднике Фаснал, где сохранилось добротное здание казарменного типа, выгребли мусор и развернули стационар. Сюда сразу же устремились больные со всей горной Дигории.

Из отрядов, в которых Очаповскому довелось участвовать лично, осетинский был самым изнурительным. Тяжелым как по количеству больных, так и по формам и многообразию заболеваний. За четыре месяца было сделано больше операций, чем в клинике за год. Врачей, прежде всего, поразило сильное распространение трахомы. Трахоматозные являлись не из больших равнинных селений, где контакт между пришлым и местным элементом способствовал заражению, а из высокогорных обособленных аулов. Одиннадцать процентов принятых больных страдали от трахомы! Неожиданное открытие повергло врачей в глубокое уныние.

Импульсом к немедленному действию послужила поездка на родину певца осетинского народа Коста Хетагурова, в заоблачное селение Нар. Сюда профессор заглянул уже после того, как месяц принимал в Фаснале, на Садонском и Мизурском цинковых рудниках. Явился с данью уважения к памяти беззаветного борца за свободу. Над слиянием двух гремучих потоком серой громадой нависала почти отвесная скала. Ее облепили сакли. Одни у самой воды, другие над ними, еще выше – новые ярусы. А на самом гребне грозными стражами упирались в небо архаичные башни с бойницами. Сфотографировав на память это средневековое гнездо, профессор обошел все жилища и не нашел семьи, где не болели бы трахомой.

В эти тягостные часы, возможно, созрела у профессора идея создать в забытой горной глуши постоянную лечебницу. На следующий день ушла в Ростов докладная записка, а неделей позже в Фаснале появился заведующий крайздравотделом Мухин. Его сопровождали

book3.indd 402 09.03.2010 17:37:02

работник обкома партии Короев, заведующий облздравотделом Езеев и инженер-строитель, интеллигентный старичок из русских. Предложение Очаковского об организации в Фаснале трахоматозного пункта было принято как неотложная, но временная мера. Большую же современную больницу с хирургическим, терапевтическим, заразным и родильным отделениями решено было строить в Нузале, самом удобном месте северного участка Военно-Осетинской дороги.

Заведующей трахоматозным пунктом в Фаснале осталась владикавказская окулистка Э. Фильбрандт. Очаповский передал ей все имущество глазного отряда, включая лично принадлежащие ему офтальмоскоп, бинокулярную лупу, набор хирургического инструмента, набор оптических линз, кое-что из офтальмологической литературы. Доктор Тлатов оказал бескорыстную помощь, пополнив оборудование глазного кабинета автоклавом, поделившись очковыми стеклами и оправами, глазными протезами. Покидая гостеприимную землю, члены отряда завернули на площадку в километре от Нузала. Старичок геодезист и конопатая девчонка в буденовке и сапогах не по ноге заканчивали топографическую съемку площадки.

На проводы отряда собралась чуть ли не вся равнинная Осетия. В своих поездках по области профессор всегда обращал любопытный взор на густой темно-зеленый, полный птичьего гомона лесной массив между Ногкау и Алагиром. Это была, как ему объяснили, «священная роща» осетин. В ней по преданию, в далекой древности спасся от разбойников святой Георгий. С тех пор сюда нога человека ступает только раз в году. В этот день бывает большое народное гулянье, на котором веселятся и стар и млад. Кто нарушит запрет в обычный день – анафема тому и смерть. Старейшины постановили, что для чествования глазных врачей можно нарушить традицию и митинг состоялся при громадном стечении народа...

В Минеральных Водах Очаповский расстался со спутницами и отправился в трехнедельное турне по колониям для прокаженных. В Терском, Верхнекубанском и Холмском лепрозориях, в образцовых гигиенических и материальных условиях, но в пожизненной изоляции, лечилось несколько сотен больных обоего пола, к которым он время от времени наведывался для консультации, проверки зрения и назначения лечебных процедур нуждающимся. Тщательно обследовал

book3.indd 403 09.03.2010 17:37:02

каждого и на этот раз. На обратном пути грустно размышлял над тем, как ужасна внешними проявлениями и загадками коварная болезнь с красивым названием в клинической форме «лепра тубероза»...

В 1929 году работать в глазном отряде он не намеревался. После длительного перерыва, вызванного мировой войной и ее последствиями, в Амстердаме созывался Всемирный офтальмологический конгресс. Собрание ожидалось импозантное, многолюдное. Выдающиеся ученые мира готовились к разговору на самые животрепещущие темы – об этом свидетельствовала программа съезда. Делегатами от Советского Союза приглашались окулисты Авербах из Москвы, Рабкин из Харькова и Очаповский. Им было что показать и чем удивить зарубежных коллег. В начале июля Очаповский передал клинику доценту Берберову, последний раз перепечатал свой доклад «О теории зрения в историческом очерке» и ждал, как говорится, на чемодане.

Телеграмма Авербаха: «Выезжайте срочно Берлин встреча полпредстве» – его уже не застала в Краснодаре. На станции Овечка накануне произошла катастрофа: на полных парах наливной состав столкнулся с пассажирским. Врачи ближайшей округи были мобилизованы на спасение пострадавших. Очаповский возглавил краснодарскую группу. На месте аварии, а затем возле раненых и обгоревших в армавирской больнице профессор провел две недели. К этому времени конгресс заканчивал работу. Наведавшись на сутки в клинику, Очаповский выехал в Черкесию, куда за месяц до этого послал отряд во главе с Гюльназарян.

Развернув стационар в районном центре Адыге-Хабль, отряд, помимо лечебной и оперативной деятельности, провел «тотальное» обследование Мансуровского, Ураковского, Балтийского, Тохтамышевского, Эрсаконского, Касаевского, Дударуковского, Бесленеевского и Тазартуковского аулов. Тщательным подворным обходом намечалось завершить деятельность глазных отрядов.

Главные причины слепоты – оспа и трахома – отступили. Местные органы здравоохранения в Адыгее, Черкесии, Карачае, Кабарде и Балкарии для обеспечения на должном уровне профилактической и лечебной работы располагали достаточными кадрами, опытом, материальной базой...

Весной 1927 года была завершена работа над исследованием, которое называлось: «Некоторые соображения по поводу эпидемиологии

book3.indd 404 09.03.2010 17:37:02

трахомы». Опубликованная в «Архиве офтальмологии» статья стала серьезным пособием для советских окулистов. Она пробивала солидную брешь в частоколе вопросительных знаков, за которым пыталась спастись от медицинской науки отступающая по всей линии трахома.

Десятилетиями копившиеся наблюдения выстраивались в систему, от догадок приводя к уверенности. Писалось профессору будто в поэтическом вдохновении. Феноменальной работоспособности его изумлялись коллеги. Разделы руководств, посвященные патофизиологии роговой оболочки и блефаропластике свободными лоскутами кожи, о генезисе рефракции человеческого глаза, герпетическом и невропаралитическом кератитах чередуются со статьями на темы краеведения, красоты природы как лечебного фактора, производственного травматизма и вреда абортов. И каждая вещь – как образец изящной словесности, отражение глубокого, ищущего интеллекта.

Работе над рукописями отдается всякая свободная минута. Их же выпадает не так уж много. Статьи «Атрофия глаза», «Дакриоцистит», «Кератопластика», «Кератомаляция» и «Операция Креплейна» для издававшейся Наркомздравом республики первой советской медицинской энциклопедии написаны, можно сказать, на колене во время работы чеченского и ингушского отрядов. Разделы «Операция против выворота век» и «Блефаропластика» для руководства по глазной хирургии Одинцова и Орлова набросаны в поездках по черкесским аулам. В 1929 году, по окончании второго Всесоюзного съезда глазных врачей, Беллярминов не выпустил своего бывшего ученика из Ленинграда до тех пор, пока тот не сделал для справочника по офтальмологии глав о заболеваниях глаз в связи с болезнями центральной нервной системы и в связи с общими болезнями.

Поддерживается оживленная научная переписка, постоянный обмен мнениями по насущным проблемам офтальмологии с советскими коллегами – Беллярминовым, Савваитовым, Авербахом, Чирковским, Головиным, Филатовым, Долгановым, Зеленковским, Выгодским, Андогским. Восстановлены связи с парижским профессором Мораксом, лейпцигским – Клингмюллером, венским – Меллером, с Гиппелем из Геттингена. Обращаются за консультацией по вопросам этиологии и эпидемиологии трахомы турецкие, египетские, палестинские врачи. Много внимания профессор уделяет и своим «чадам», Попову и Пав-

book3.indd 405 09.03.2010 17:37:02

лову, которые работают над диссертациями: первый – над докторской, второй – над кандидатской.

Лето 1930 года Очаповский провел за границей. Наркомпрос, в ведении которого находился Кубанский медицинский институт, организовал научную командировку в Чехословакию, Германию и Австрию для ознакомления с достижениями европейской офтальмологии. Кроме того, советские торгпредства в этих странах нуждались в специалисте, который помог бы в отборе закупаемых для Советского Союза медицинского оборудования, инструментария, материалов и медикаментов. Четыре напряженных месяца, поездки в выдающиеся научные центры, встречи со старыми и новыми знакомыми, посещения множества государственных и частных лечебных учреждений давали богатый материал для сравнений и сопоставлений.

Первые же недели пребывания на чужой земле, контакты с коллегами и личные наблюдения показали, что по главной линии – офтальмологической – почерпнуть новое, интересное, обогатиться знанием и навыком едва ли удастся. Одни окулисты неохотно вступали в диалог, оберегая секреты мастерства, которых, возможно, и не было. Другие, напротив, принимали радушно, выкладывали все без утайки, хвалились каким-либо новшеством. И оказывалось нередко, «новинка» еще лет пять назад освоена даже самым заурядным советским окулистом. Находилось много подтверждений тому, что отечественная творческая мысль не отстает от зарубежной.

На медицинском факультете в Берлине профессор Гамбургер, чтобы потешить коллег и учеников, как потом стало известно Очаповскому, предложил ему прооперировать больную, домохозяйку с флегмоной глазницы. Женщине оставалось жить, может, считанные дни. Операция по Кренлейну обеспечила бы успех, но заболевание распространилось на мозг и придаточные полости носа. Отказавшись от услуг ринолога и хирурга, участие которых желательно в таких случаях, гость выполнил ее один. И не по Кренлейну, а по способу своего земляка Головина, комбинированные приемы которого имеют много преимуществ: простоту, относительную безопасность, лучший доступ к содержимому орбиты и хороший косметический результат.

Посрамленный герр профессор удалился, не дождавшись конца. Облепившие стеклянный купол операционной студенты и персонал

book3.indd 406 09.03.2010 17:37:02

клиники встретили русского в коридоре аплодисментами. Овация перешла в яростную потасовку, затеянную сбежавшимися на шум какими-то молодчиками в коричневых рубашках. Вечером, уже в гостинице, один доброжелатель поделился с Очаповским, что Гамбургер с помощью хирурга и ринолога делал подобную операцию раза в три дольше, да и то не всегда с оптимальным исходом. С этой поры слава о виртуозном мастерстве «кремлевского» окулиста, превзошедшего «самого Кренлейна», повсюду опережала его.

Принципы организации здравоохранения на родине и «у них» вообще были несопоставимы. Как и в первый свой вояж по Европе, он постоянно натыкался на острые углы все того же железного треугольника: врач – деньги – пациент. Больницы общего пользования поражали убожеством оборудования, дороговизной лечения, бесчеловечностью взаимоотношений больного и врача. Что действительно восхищало ум, радовало взор – новейшая медицинская техника, образцы которой отбирал в демонстрационных залах немецких, французских и австрийских фирм, встречал в фешенебельных частных лечебницах. Большим напряжением воображения можно было представить себе, что отечественная промышленность когда-нибудь освоит производство столь совершенной, сложной и добротной аппаратуры, высокоэффективных препаратов, прекрасных инструментов.

Незадолго до отъезда за границу профессор у себя в клинике, не вступая в объяснения, отказался от услуг медицинской сестры, которая приняла мзду от пациента в виде куска сала и десятка яиц. Здесь же медицина насквозь была пропитана духом коммерции, стяжательства и конкуренции, в которой честный, добросовестный врач неминуемо терпел поражение от своего неразборчивого в средствах соперника-шарлатана. Уродливые проявления вымогательства у человека, попавшего в беду, как следствие платности медицинских услуг, было главной чертой, отличавшей медицину капиталистического мира от советской.

Три месяца лицезрел он суетную европейскую действительность. И ровно столько же тосковал по родной земле. На чужбине даже воробьи были не те, собаки какие-то невеселые, низкое небо. Не раз вспоминалась почему-то притча о воспитателе детдома, который организовал для беспризорников экскурсию в тюрьму. В целях, так сказать,

book3.indd 407 09.03.2010 17:37:02

профилактики, лучшего понимания смысла слов «свобода» и «неволя». Взглянув на нравы чужого мира, побывав под холодными его сводами, уяснил профессор, что нет на свете страшнее недуга души человеческой, чем ностальгия – тоска по Родине.

Поэтому, может быть, презрение к эмигрантам, которых всегда почитал за дезертиров, сменилось в нем сочувствием к ним. Люди с прошлым, но без настоящего и будущего, они довольно часто встречались ему. Почти от каждого он слышал откровенное или угадывал глубоко затаенное, позднее раскаяние. Его однокашник по Военно-медицинской академии Агаджанян, бывший профессор Ростовского университета, коротавший теперь жизнь взвешиванием на медицинских весах прохожих на набережной Шпрее, ярче всех, пожалуй, выразил состояние «невесомости», в каком оказывается изгнанник на чужбине.

– Не существует весов для измерения тяжести человеческого горя в результате различных потрясений... Смерть родного ребенка, конечно, самое гнетущее. Затем – похороны любимой матери... Но потеря родины... этого, Стась, словами передать невозможно. Не поймешь ты этого – самому пережить надо... Нас здесь считают за людей «низшего» сорта. Хотел я получить здешний врачебный диплом – так, представляешь, на экзаменах завалили. Меня, ученика великого Бехтерева...

Та же опустошенность души, бесперспективность бытия проскальзывала и в жалобах профессора Щербины, старого екатеринодарского знакомого. Несмотря на восьмой десяток, старик выглядел бодро, отдавался любимой статистике и, как видно, преуспевал, жил в достатке. Он безнадежно старался представить, как все там устроено в близкой, но недосягаемой Советской России. Ему хотелось до конца постигнуть, как он выразился, «духовную пружину» советского гражданина, и об этом более всего расспрашивал. Гость объяснял, как умел.

На досуге Очаповский как-то занялся книжонкой, в которой один из проповедников нацизма толковал о моральном кредо этой политической банды. Прусское чванство, оголтелый расизм и средневековая мистическая галиматья пропитывали каждую строку его откровений. Кроме брезгливого негодования, они ничего не вызывали. Движение с такими человеконенавистническими тенденциями, рассуждал Очаповский, никогда не может рассчитывать на поддержку обескровленной войнами нации и, как всякая авантюра, будет беспощадно

book3.indd 408 09.03.2010 17:37:02

задавлено. С облегчением покидая бурлившую страстями родину Гете, Шиллера и Гейне, он и не помышлял о том, что фашизм готовит для человечества.

Три года спустя, работая с отрядом в дагестанском ауле Гуниб, Станислав Владимирович заново перечитывал Салтыкова-Щедрина и нашел у него слова, запавшие как самое меткое определение сущности фашизма. «Пришел бандит, – писал великий сатирик, – и, не долго думая, взял да и погасил огонь мысли. Он никого не спрашивал, ни современников, ни потомков, и с одинаковым неразумением накладывал гасильник и на отдельные человеческие жизни, и на общее течение ее. Успех такого рода извергов – одна из ужаснейших тайн истории, но раз эта тайна прокралась в мир, все существующее, конкретное и отвлеченное, реальное и фантастическое – все покоряется гнету ее...»

В 1931 году вместе с Н. Павловым и окулистом М. Бугуловым профессор три летних месяца работал в аварских аулах Тлерош и Тлярат. Было принято в стационаре 1870 больных и сделано 304 операции. При обследовании мелких селений в бассейнах Расора, Тлейсеруха, Каралазургера и Джурмута выяснилось сильное распространение глазных заболеваний. В аулах Ритляб, Шали и Чох, к примеру, треть обратившихся за помощью болела трахомой. Результаты обследования стали предметом обсуждения в Совнаркоме Дагестанской республики.

В следующем году Очаповский вернулся сюда со значительным подкреплением. Вместе с Н. Павловым, И. Марковским, В. Шепкаловой, Н. Хлыниной, Е. Воронковой и М. Цыпкиной в Лакском, Кахибоком, Гунибском и Чародинском районах все лето работали недавние выпускники Кубанского медицинского института Покровский, Юкелис, Суслова, Косенко, районные и участковые врачи Пацапай, Успенский, Цупак, Мелиоранская, Мацко, Богородицкий, Ярочкин. На горном массиве, заключенном в шестиугольнике Гергебиль – Хунзах – Гидатль – Тлярат – Ритляб – Цудахар, в долинах Казикумухского и Аварского Койсу не осталось, пожалуй, сакли, порог которой не переступил бы глазной врач.

В 1933 году к отряду в прошлогоднем составе присоединились дербентские окулисты Л. Промтов и М. Рябова, симферопольский окулист Е. Карпенко. С июня по октябрь мелкими группами они работали в Лакском, Рутульском, Ахтынском, Хунзахском и Гер-

book3.indd 409 09.03.2010 17:37:02

гебильском районах. В заключение сезона участники похода были приглашены на торжественный акт открытия Дагестанского медицинского института, в создание которого много труда и стараний вложили Савваитов и Очаповский.

К началу 1934 года, на год раньше срока, намеченного коллегией Наркомздрава РСФСР, на большей части территории Дагестана тяжелая трахома была полностью ликвидирована. Большую заботу вызывали стойкие очаги заболевания в Лакском и Ахтынском районах. На них «навалились» двумя группами: Шарковский и Беляков с ассистентами и средним медицинским персоналом работали в ауле Кумух, Павлов и Бугулов – в районном центре Ахты. Очаповский с двумя помощниками и медсестрой в июне и июле лечили скотоводов, кочевавших на пастбищах Шахдага, а в августе перебрались на строительство Гергебильской гидроэлектростанции.

В начале сентября отряд свернул работу. Все имущество было поделено между амбулаторией Гергебильстроя и Лакским райздравотделом. Выпускник Кубанского мединститута А. Беляков пожелал остаться в Кумухе в качестве районного офтальмолога. Для него был создан хорошо оборудованный глазной кабинет – первый в горном Дагестане. Перед отъездом Очаповский предложил коллегам проверить результаты четырехлетней деятельности глазных отрядов в этих краях. В Левашах, что по праву зовутся «воротами Аварии», и на мосту через Самур были установлены круглосуточные контрольно-пропускные пункты. За неделю в общей сложности были осмотрены органы зрения у 6538 проезжих и прохожих. Трахома была найдена лишь у 12 граждан.

Доклад свой на заседании Совнаркома Дагреспублики Очаповокий делал, можно сказать, напрягая последние силы. Валила с ног лихорадка, следствие двухнедельной работы в Белиджи, пользующихся мрачной славой самого малярийного места на Кавказе. В отчете докладчик особо подчеркнул два отрадных явления – укрощение трахомы и почти полное отсутствие кинжальных травм вследствие кровомщения. По странному совпадению именно на этом заседании профессору был преподнесен подарок – кинжал работы кахибских мастеров.

– Если вы вернули зрение хоть одному старику – вы свершили свое земное дело. Так переводится изречение на клинке этого кинжала, – сказал предсовнаркома Мамедбеков, вручая сувенир. – Вы же вернули

book3.indd 410 09.03.2010 17:37:02

свет не одному – сотням горцев... Когда у нас мирятся кровники, по обычаю для переговоров выбираются самые уважаемые люди. Советская власть стала посредником не только между русским и дагестанцем, но и покончила с рознью между самими дагестанцами. В вас мы всегда видели достойного посланца партии.

Весной 1935 года тропическая малярия надолго приковала профессора к постели. Консилиум коллег, кроме лечебных мер, предписал продолжительный отдых. Почувствовав себя в Теберде немного лучше, во время прогулки заглянул в местную амбулаторию к своему ученику окулисту В. Просолупову. С этого дня профессора в санатории видели рано утром и поздно вечером. За два месяца тебердинского «отдыха» он принял более тысячи пациентов, сделали 218 операций. От малярии, кажется, избавился, но в дневнике, накануне отъезда домой, категорически приказал самому себе: «Довольно отрядов, гражданин Очаповский, летом надо отдыхать, а не работать до упаду».

Летом 1936 года твердо решил хоть раз вволю насладиться благами Черноморского побережья. Посоветовавшись с женой, остановил выбор на тихом местечке Гудауты. Возвращаясь однажды с пляжа, завернул в поликлинику, тоже на минутку, тоже к своему ученику А. Шехтману, и... запрягся в работу до начала учебного года в институте. Из горных абхазских селений два с лишним месяца стекались в прибрежный городок больные. Много пациентов прибывало из Грузии и Армении: молва об удивительных операциях приезжего профессора донеслась и туда. Это были последние несколько сотен человек, принятых Очаповским вне стен краснодарской глазной клиники...

Три события этого знойного лета произвели на Очаповского неизгладимо тягостное впечатление. Они вмиг оборвали блаженное ощущение долгого мира и покоя, безмятежно счастливое восприятие будущего. Он впервые в жизни наблюдал полное солнечное затмение. Зловещий мрак среди бела дня, последовавшая вслед за тем внезапная кончина Горького, который на протяжении полувека рассеивал мрак сиянием своего сердца, преломлялись в сознании недобрыми предзнаменованиями.

Предчувствия вскоре оправдались. На испанской земле зачадило войной. Фашизм бросал вызов всему человечеству.

book3.indd 411 09.03.2010 17:37:02

ТРИУМФ

В аварском ауле Гуниб, в первый свой приезд в 1931 году, Очаповский наслышался от местных жителей и от пациентов из соседнего Чародинского района о делах и личных достоинствах врача со странной и редкой фамилией – Динвасилч. Впервые это имя он услышал от извозчика

Абдрахмана, который порожняком возвращался из Буйнакска в горы и подрядился перевезти имущество глазного отряда. Знал он всего с полсотни русских слов и с помощью их, живописных жестов и столь же темпераментных восклицаний всю дорогу убеждал профессора, какой великий джигит, толковый врачеватель и добрый человек этот самый Динвасилч.

– Такой дохтур, как наш Динвасилч, – горячо настаивал ездовой, хотя пассажир не перечил ему ни словом, – больше нигде нету. Даже Махачкала нету. Может, Москыва такой сключительный табиб имеется, не знаю... А как он винтовка стреляет, лезгинка танцует!.. Настоящий Залимхан, честный слова...

Три года назад, рассказывал Абдрахман, как только Динвасилч принял чародинскую районную больницу, что вся размещалась в большой сакле выселенного из аула Тлерош кулака, задумал доктор построить общими силами баню. А чтобы ускорить работу, предложил разобрать для этой цели развалины древней сторожевой башни. Хорошо отесанного и пригнанного камня хватило бы не только на баню, но и на дом для детских яслей. В сельсовете и слушать не стали – башня, мол, священная, связана с памятью о Шамиле, верующие побьют камнями любого, кто посягнет на реликвию.

Динвасилча это не убедило. Он пошел к мечети, где старики неторопливо вершили аульные дела, и смиренно, как и надлежит по стародавнему обычаю, изложил свою просьбу. Внимательно выслушав его крамольную речь, аксакалы молча разошлись. Они да и весь джамаат, были крайне удивлены, когда во время праздничного состязания в скачках с бывалыми джигитами увязался и районный врач. На больничном кривом мерине с обвислым брюхом он собирался кого-то обскакать! Участвовать в забеге ему позволили единственно для того, чтоб повеселиться. Смех и шутки острословов заметно поубавились

book3.indd 412 09.03.2010 17:37:03

на предпоследнем круге. Рыжая лохматая папаха Динвасилча уже мелькала среди всадников головной группы.

Он прошел дистанцию далеко не первым, но и не последним. Арбитры рассудили, что если б и конь был по всаднику, он вполне мог рассчитывать на победу. За лучшее исполнение лезгинки хотели наградить его будильником, но голоса разделились, и он достался участковому милиционеру Джафару. Когда же дело дошло до стрельбы из боевой винтовки, Динвасилчу не было равных. Пять раз ему подкидывали из-за укрытия рыжую папаху, и все пять раз он ее дырявил с расстояния двухсот шагов. Первый приз – кумган кубачинской работы – единогласно присудили ему. Может, он еще в чем-нибудь отличился бы, но в самый разгар праздника прискакал за врачом всадник из Ритляба – там умирала роженица.

День клонился к вечеру, с перевала надвигались тяжелые тучи. Все хором уговаривали Динвасилча подождать утра – засветло до аула все равно не добраться. А ночная поездка по тропам тлейсерухской теснины равносильна самоубийству. Седлая четвероногого ветерана, доктор согласно кивал головой и отправился в путь, лишь на минуту забежав в больницу за буркой – санитарная же сумка всегда была при нем. С десяток молодых джигитов и милиционер Джафар вызвались сопровождать его, но вскоре повернули назад, промокшие до последней нитки. Всю ночь и следующий день бушевала непогода, какой давно уже не бывало в этих местах.

В Ритляб врач прибыл за полночь и с первого взгляда на роженицу понял, что спасти ее уже невозможно. Принятые им меры лишь отсрочили смерть на какие-то часы. Убитые горем родственники покойной не сообразили дать ему провожатого, и он возвращался домой в одиночестве. На мосту с гнилым настилом мерин в темноте провалился передними копытами и придавил собой ноги седока. Понукать коня было опасно. Если б лошадь рывком вскочила на все четыре, она не удержалась бы на скользких, узких, без перил мостках, свалилась вместе с седоком с тридцатиметровой высоты. Укрывшись буркой от дождя и ветра, пленник дожидался случайной подмоги. Его выручили на исходе вторых суток.

Этот случай и удаль докторская в скачках, стрельбе и плясках, видимо, произвели впечатление. Старики любезно пригласили Динва-

book3.indd 413 09.03.2010 17:37:03

силча на совет и дали согласие на разборку башни имама, поставив три непременных условия: не принуждать стариков и старух мыться в бане, руины разбирать под молитву эфенди, купальню поставить фасадом к Мекке. Ультиматум был с радостью принят, и месяца через три в Тлероше появилось два новых советских учреждения: добротная баня и просторные пятидесятиместные ясли. Строили их всем аулом, весело и дружно, и в яслях уже с первых же дней не хватало мест, а вот к бане приучать аульчан пришлось не один месяц...

– Этот неправильный казан, – рассуждал Абдрахман, останавливая коней возле эмалированной чугунной ванны, брошенной у дороги близ Георгиевского моста через Каракойсу, – тоже Динвасилч сюда притащил... Удивительно, честный слова, из Москыва до Буйнакск он ехал четыре день, а из железный станция сюда пришел за пять месяц... Дальше на Тлерош совсем поломанный дорога... Арба не идет, лошадь, ишак эта казан не поднимает...

Остаток пути профессор провел в размышлениях о чудаке, который вздумал обзавестись в этой глуши собственной ванной. Собирался у гунибского фельдшера навести справки об «аристократе» и его курьезной затее, которая, должно быть, обойдется в копеечку, да так и запамятовал, с первых дней окунувшись в свою обычную непроглядную работу, не оставлявшую времени для праздных мыслей.

Месяца полтора спустя, принимая больного с направлением из тлерошской амбулатории, обратил внимание на фамилию тамошнего врача и удивленно вскинул брови. Бумажка была подписана бывшей его студенткой, а затем и практиканткой Надеждой Пацапай. Присутствовавшая при этом медсестра, она же и переводчица, пояснила, что таинственный Динвасилч и Надежда Пацапай – одно и то же лицо. Друзья зовут ее Диной Васильевной, а аварцы превратили в удобопроизносимое Динвасилч – только и всего. Вспомнился профессору инцидент с практиканткой Пацапай, и с новой силой напомнило о себе желание извиниться перед ней за излишнюю резкость.

Намерение увидеться, как-то загладить свою вину укреплялось еще и тем, что профессор распознал в своей ученице офтальмолога высокой квалификации. Об этом свидетельствовали безошибочность диагнозов и оправданность лекарственных назначений, нашедших отражение в историях болезни присылаемых ею пациентов.

book3.indd 414 09.03.2010 17:37:03

Встреча произошла совершенно неожиданным образом. В молодого арчинца стрелял из засады кровник – расплющенная о камень пуля рикошетом вошла ему в глазницу. Профессора подняли с постели среди ночи. Пять минут спустя он готовил руки к операции и в зеркале над умывальником увидел, в скудном ламповом освещении, маленькую женщину. Бледное лицо, запекшиеся, словно опаленные внутренним огнем, губы, глаза с лихорадочным взглядом. С поднятыми, в стерильных перчатках, руками профессор попросил ассистировать ему.

Два с лишним часа заняла операция, и, хотя не было произнесено ни слова, слаженность и точность движений обнаруживались такие, словно оттачивались годами совместной работы. После извлечения из раны свинцово-стального и костных осколков Дина Васильевна переняла инициативу, и... профессор был восхищен. Она делала все так же, как и многие, бывшие до нее, ассистенты, и все же как-то по-иному, смело и виртуозно. В человеке, для которого офтальмология и глазная хирургия не были главной специальностью, талант этот казался непостижимой загадкой. Такой же удивительной, как тайна человеческой речи. Всякий волен распоряжаться словами, как ему заблагорассудится. Но кто-то один подберет их по-своему – и открывается бессмертное: «Я помню чудное мгновенье...»

По заранее составленной диспозиции на дагестанском плацдарме после Гунибского района намечалось перебраться в Кахибский. Профессор послал туда Павлова и Хлынину с ассистентами и Цыпкиной, а сам с Бугуловым и Шарковоким решил обосноваться в Чародинском. Зараженность трахомой в высокогорных аулах, большую часть года отрезанных от мира, была сильнее. Кроме того, хотелось оказать Дине Васильевне возможно большую помощь.

Всякая мысль о ней наполняла сердце радостью предстоящей встречи. За время работы в тлерошской больнице он рассмотрел деятельность своей ученицы, как говорится, придирчивым оком и узнал много такого, что заставляло преклоняться перед маленькой фанатичкой с лицом врубелевского Демона и феноменальной выносливостью.

Чугунную ванну она все-таки доставила в Тлерош. Ее установили в больнице, и старики признали, что не может быть лучшего лекарства для костей, чем омовение в белой горячей чаше. Правая рука главврача, санитар Мурзабек, был единственным в ауле, кто сносно владел

book3.indd 415 09.03.2010 17:37:03

русским. От него профессор узнал, что ванну Дина Васильевна действительно приобрела в Москве за денежную премию больнице, а на доставку ее истратила чуть ли не трехмесячную свою зарплату.

В походах своих профессор насмотрелся неприспособленных горских жилищ. Ничем не отличались от карачаевских и чеченских и аварские сакли, разве что большей скученностью. Везде он видел потолки и стены, словно черным лаком, покрытые вековой копотью – ненавистным ему черным цветом. В Тлероше, Чароде и окрестных аулах он не увидел в саклях мрачных и темных тонов. Любовно окрашенные известью изнутри, а часто разрисованные узорами причудливых мотивов снаружи, они производили впечатление чистоты, свежести и веселья. Тот же санитар рассказывал профессору, как Дина Васильевна искала в горах известковый камень, организовала обжиг и гашение, как потом трудно было приучить хозяек к побелочной работе.

– Есть у нас такое понятие, – просвещал его санитар, – намус называется, по-русски обозначает совесть, честь. Дину Васильевну все за намус считают... У кого какое горе – все к ней идут. Она и лечит, и судит, и наказывает... Очень трудно ей... Недавно пересох родник, из которого весь верхний аул воду берет. Кто последний брал, тот и виноват, решили женщины. Стали разбираться. Оказалось, последней у источника видели Хабибу, она – ведьма, у нее глаз дурной. Собрались толпой, хотели ее камнями убить, но прибежала Дина Васильевна, загородила дверь в саклю, плачет, кричит: сначала меня убейте...

Более четырехсот операций было сделано в Тлероше, добрая половина из них с участием Дины Васильевны. Работа близилась к концу, и профессор все чаще тяготился мыслью, что, уезжая отсюда, сердце свое оставляет здесь. Последнюю неделю он верхом объездил аулы и лишний раз убедился, что сопровождавшая его повсюду хрупкая тридцатипятилетняя женщина совершает нечеловеческий безнаградный подвиг. Он видел, как крепко впилась она корнями в здешние скалы, как дорожит ею скупой на чувства суровый и закаленный люд. Она восхищала его своим подвижничеством. И он ловил себя на желании никогда с нею не расставаться.

Незадолго до отъезда все участники отряда собрались вечером в жилой комнате на втором этаже больницы, за разговорами готовили на завтра перевязочный материал. Поднявшуюся снизу Дину Васи-

book3.indd 416 09.03.2010 17:37:03

льевну не успели предупредить, и она голой рукой взяла раскаленный портняжный утюг – им только что разглаживали бинты. Она вскрикнула, но утюга не бросила. Она побежала по остекленной веранде и метнула его в окно, выходившее в задний двор.

– Милая, так ведь и рук лишиться можно, – укоряли ее, присыпая содой волдыри. – Бросила б на пол, да и дело с концом...

– Бестолковая я, – морщилась Дина Васильевна, – побоялась больных потревожить... Как раз под нами самые тяжелые оперированные...

Без малого год спустя в той же самой комнате, те же самые люди хлопотали уже по другому поводу. У Дины Васильевны родился сын, профессор на пятьдесят четвертом году жизни испытал всю полноту отцовского счастья. «Маленького дагестанца» в честь деда нарекли Владимиром, по-домашнему же его звали не иначе как Чижиком.

Ходячее мнение, будто во второй половине жизни пожилой человек расплачивается за прошлое, не подтверждалось. Судьба в старости как бы вознаграждала Очаповского за трудную молодость, бесчисленные невзгоды. Через шесть лет жена подарила ему еще и дочь Танюшу, которую он вообще не спускал бы с рук. Он чувствовал себя самым счастливым на свете – любил и был любим, растил детей, радостно трудился и был в почете у людей. И вот когда в жаркий гудаутский полдень он увидел в газете на фотографиях лик войны, когда рассмотрел в них, как бомбы и снаряды рвут на куски мертвые стены древних мадридских храмов, как гибнут люди, сердце его дрогнуло.

Лейтмотивом всего, о чем думал, что делал и что замышлял Очаповский, стало отзывавшееся в сердце тревожной болью, но своевременное и категоричное: «Если завтра война...» Враг не должен застать врасплох. Силы свои профессор обратил, прежде всего, на подготовку достойной смены. Весной 1938 года, когда клиника глазных болезней была признана Наркомздравом республики образцово-показательной, студенты преподнесли ему один презабавный шарж. На листе ватмана к искусно нарисованным человеческим фигуркам были приделаны фотографические головки. Наподобие дружного семейства из сказки о репке, длинная цепь окулистов во главе с ним самим выдергивала с корнем чертополох, цветы которого составлялись из надписей «трахома», «оспа», «травматизм».

Из любопытства он пересчитал головки, узнавая давно забытых и

book3.indd 417 09.03.2010 17:37:03

совсем недавних выпускников, – получилось внушительное количество. Это была только часть людей, которым он долгие годы отдавал все, что умел и знал сам. Особо гордился Николаем Павловым, директором Ашхабадского трахоматозного института, заявившим о своем таланте докторской диссертацией «Лепра глаза», Иосифом Шарковским, Михаилом Поповым, Рубеном Берберовым, которые сами пестовали уже новую поросль медиков, а основоположник кубанской офтальмологии торопился раздать знания новым диссертантам: В. Назарову, Я. Хазарову, А. Липовской.

Авторы шаржа преувеличили заслуги кубанского здравоохранения, полностью истребив на картинке трахому и травматизм. После того как глазные отряды тщательно «прочесали» в 1937-1939 годах Северский, Горячее-Ключевский и Армянский районы, где трахома еще появлялась среди табаководов, Брюховецкую, Красноармейскую, Шкуринскую и Новопокровскую станицы, куда она вновь была занесена переселенцами из приволжских областей, от тяжелых форм трахомы действительно оставались лишь единичные случаи. Что же касается бытового, промышленного и в особенности сельскохозяйственного травматизма – здесь наблюдалась тенденция к устойчивому росту.

В результате коллективизации широкое применение на селе нашла машина. Трактор, автомобиль, комбайн, металлорежущие станки, электро- и газосварка, кислоты, бензин и карбид, совершив революцию в сельскохозяйственном производстве, стали новыми опасностями для человеческого организма, и в частности для органов зрения. Насыщение хозяйств техникой и подготовка механизаторских кадров проходили столь интенсивно, что здравоохранение оказалось бессильным предотвратить «взрыв» травматизма. Для районных окулистов и глазной клиники это обернулось новым притоком больных с механическими, химическими и термическими поражениями глаз.

Требовались неотложные действенные меры. Письменное обращение доктора Очаповского персонально к каждому глазному врачу, которых в крае насчитывалось полсотни, имело то последствие, что резко изменилось соотношение сельских и городских окулистов: восемнадцать городских врачей согласились постоянно работать в сельской местности. Впечатляющие плакаты, брошюра «Берегите глаза»,

book3.indd 418 09.03.2010 17:37:03

наставления о правилах безопасности при работе с химикатами, изданные в Краснодаре массовыми тиражами, лекции врачей на колхозных и совхозных собраниях, проведенная краевой газетой «Большевик» и районной печатью кампания позволили несколько укротить вспышку травматизма.

По призыву крайкома партии методом народной стройки создается Тщикское водохранилище, проводится обвалование русла реки Кубани. Эти сооружения должны отвести беду от ежегодно затопляемых низовых станиц. Здесь трудятся несколько десятков тысяч колхозников. Депутат краевого Совета С. В. Очаповский возглавляет медицинское обслуживание добровольцев. Для пропаганды знаний по социальной гигиене используется любая благоприятная возможность. Результат – несчастных случаев на стройке водохранилища нет, серьезные больные очень редки. Вместе с Домом санитарного просвещения и управлением кинофикации широко организуется показ научно-популярных фильмов, распространение знаний об охране труда и технике безопасности.

Методически и целеустремленно проводится эта работа на пунктах допризывной подготовки, в ячейках комсомола и Осоавиахима, в домоуправлениях и артелях инвалидов. Под неусыпным контролем депутата – все члены и кустарные заведения общества слепых. Крупные заводы и фабрики на особом учете. Станислав Владимирович чутко реагирует на малейший рост травматизма, и горе тому руководителю или профсоюзному деятелю, который замешкался или «забыл» исполнить просьбу главного окулиста края обеспечить рабочих защитными очками, сделать ограждения станков.

Долгие годы профессор мечтал увидеть уменьшение наплыва больных. Все чаще он с удовлетворением наблюдал, что из кубанских городов и станиц стали поступать пациенты лишь с особо тяжелыми повреждениями и редкими заболеваниями органа зрения. Из других краев, областей и автономных республик Кавказа притока больных не было – квалифицированная помощь оказывалась населению местными силами. На съездах офтальмологов и республиканских медицинских совещаниях неоднократно отмечалось, что на Кубани достигнута самая лучшая в стране постановка окулистической помощи.

Беспокойство причиняли предложения Наркомздрава о переводе

book3.indd 419 09.03.2010 17:37:03

в другие учреждения, где открывались заманчивые вакансии или требовалось улучшить руководство. В разные годы «сватали» профессора на глазные кафедры Дагестанского, Астраханского, Сталинградского, Саратовского, Ижевского и Симферопольского медицинских институтов, Алма-Атинского и Казанского университетов, ленинградской Военно-медицинской академии и во Всесоюзный институт глазных болезней имени Гельмгольца. Но крайкому партии и крайисполкому всякий раз удавалось отстоять его.

Все явственней обозначался призрак войны. С жертвами японских провокаций на Хасане и Халхин-Голе профессору иметь дела не пришлось. Нападение фашистской Германии на Польшу и советско-финская война, затеянная стараниями международных подстрекателей, придвинули беду вплотную. Именно в эту грозовую пору исполнилось давнишнее желание Очаповского вступить в партию большевиков, быть ответственным за судьбу страны и эпохи. В один и тот же день в мае 1940 года ему были вручены карточка кандидата в члены партии и диплом об окончании вечернего университета марксизма-ленинизма.

В университете в течение двух лет ему приходилось выступать не только как слушателю, но и в качестве лектора. В горкоме достойно оценили его дар убеждать людей. Первым его партийным поручением стали выступления перед рабочей и студенческой молодежью. Размышления вслух о творчестве Гейне и его жизни, музыке Вагнера, фашистской расовой теории, любви к Родине и ненависти к врагу, лекции «Ницше, Шпенглер и нацизм», «Суворов и его воинские наставления», «Кубанские казаки в войнах России с чужеземцами» производили на аудиторию громадное впечатление. В них не было ничего от устаревших прописей политграмоты – смелая трактовка фактов и событий свидетельствовала об эрудиции, страстной убежденности докладчика.

Он мог очень быстро вжиться в любую тему и уже преподносить ее слушателям как по книге. Силе и очарованию его выступлений способствовали чистый голос и выразительная жестикуляция. Магия слова, тайны ораторского искусства, казалось, легко поддаются ему. Держался он с аудиторией просто. Его слова никогда не падали в пустоту. Он держал в напряжении зал по полтора часа. Но и после этого публика отпускала его неохотно.

book3.indd 420 09.03.2010 17:37:03

В первый день 1941 года произошли события, заслонившие для него все остальное. В палате хостинского санатория «Медсантруд» утром его взволновали строки из «Правды». «Возросла военная опасность для нашей страны, – говорилось в передовой, – международная обстановка усложнилась, стала чревата всякими неожиданностями. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизованности перед лицом опасности военного нападения». Под вечер позвонил из Краснодара председатель крайисполкома Павел Тюляев и поздравил профессора с выдвижением его кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР.

В сильнейшем волнении он отвечал, что не принимает этого всерьез, и высказался в том смысле, что, если это честь, ее следует оказать более достойному, если же это бремя, его надлежит возложить на молодого. Хорошо понимал – тема не для телефонного препирательства, и после разговора пребывал в растерянности и в надежде, что самоотвод все же будет принят. Утренним поездом прибыл товарищ, представился доверенным лицом, и в тот же день кандидат в депутаты выступил перед туапсинскими судостроителями и портовиками. В последующую неделю знакомились с ним белореченские колхозники, нефтяники и лесорубы Нефтегорска и Апшеронской...

В конце февраля он выехал в Москву для участия в очередной сессии Верховного Совета. Атмосфера заседаний, частные беседы настраивали на торжественный, оптимистический лад. Государственный бюджет на новый хозяйственный год, речи депутатов о достижениях на местах были исполнены радостных прогнозов. И все же не давали покоя мысли, которые, образно говоря, можно было бы передать словами из старинной ирландской баллады: «Бог вам в помощь, молодцы, но чтоб порох был сухим».

Не говоря уже о любимой славной четверке Павлов, Шарковский, Попов, Берберов, – которая с честью представляла кубанскую офтальмологическую школу, в поле его зрения совершенствовались окулисты без ученых званий и степеней, но с большим потенциалом работоспособности, знаниями и опытом. Анаида Гюльназарян – в Крыму, ее младшая сестра Зинаида – в Казахстане, Михаил Меньшутин – в Ленинграде, Антонина Привалова и Вера Шепкалова – в Москве, Надежда Юшко – в Туркмении. Надежда Очаповская и Ариадна Липовская – в Краснодаре. Любой из них, профессор в том был уверен, мог

book3.indd 421 09.03.2010 17:37:04

стать достойным восприемником, и уверенность эта подкреплялась не вымученными диссертациями, а долголетней совместной практикой, постоянными спорами по той или иной научной проблеме.

Находясь в равных условиях со всеми, в этом ни у кого никогда не возникало сомнений, Дина Васильевна, зачисленная в клинику ординатором, а затем ассистентом, за восемь лет работы под его руководством накопила громадный материал по химическим ожогам глаз и лечению их. Семь научных работ и сообщений, опубликованных на эту тему в «Вестнике офтальмологии», привлекли общее внимание. К весне 1941 года было выношено довольно серьезное исследование. Для защиты кандидатской диссертации был избран Воронежский медицинский институт.

Защита была назначена на понедельник 23 июня. Дина Васильевна выехала дня за три. Самая короткая в году ночь, заря с зарею сходится, показалась мужу бесконечно длинной – в великом нетерпении ждал телефонного звонка из Воронежа. Разговор состоялся лишь в половине восьмого. Дина сообщила, что доехала хорошо, защита назначена на завтра. После обхода больных профессор с девятилетним Володей и четырехлетней Танюшей поехал трамваем в Первомайскую рощу отдохнуть на природе. В людском потоке они входили в лесную прохладу. И вдруг он услышал:

– Война началась, люди!..

Впоследствии профессору пришлось не раз пережить пронизывающие взрывные эмоции. Когда впервые услышал «Вставай, страна огромная...» Когда узнал из газет о подвиге партизанки Зои. Когда увидел на фотографии комбата, рванувшегося навстречу свинцовому шквалу впереди цепи бойцов. Когда встречал в цехах двенадцатилетних токарей. Когда переступил порог своего разгромленного фашистами гнезда. Но весть о начале войны потрясла его своей неожиданностью. Он почувствовал себя таким одиноким и несчастным, что долго не мог прийти в себя и лишь к вечеру немного овладел собой.

Переданное в полдень заявление Советского правительства о вероломном вторжении фашистских орд звучало гневно и решительно. Слова и музыка песни «Вставай, страна огромная» звали постоять за правду, за честь родного Отечества, сгустили комок ненависти к захватчикам. С этого часа все прошлое как бы отгородилось огненной стеной,

book3.indd 422 09.03.2010 17:37:04

ничтожными и отдаленными, как с обратной стороны бинокля, виделись житейские помыслы о личном, и, хотя кручина о судьбе страны, о напрасно загубленных жизнях крепко вцепилась в сердце, оно вещало, что кровью отольются «нибелунгам» слезы двадцать второго июня.

С первых же дней войны Станислав Владимирович Очаповский и его жена считали себя мобилизованными. Заботу о детях они передали в надежные руки. Дина Васильевна вместе с В. Кузнецовым неплохо управлялась в клинике. Профессор же свои сутки разделял между эвакогоспиталями и глазной кафедрой. В институте был сделан большой набор. Занятия с будущими медиками начались на месяц раньше обычного. Уже в сентябре состоялся выпуск 68 врачей. Спустя полтора месяца получили дипломы еще 367 студентов пятого курса. За редким исключением все они направлялись в действующую армию. С весенним выпуском 1942 года число их достигло 847 человек.

По статистике боевых потерь в финской кампании, число глазных травм составляло 1,5 процента к общему числу ранений. Первые месяцы Великой Отечественной показали цифру вдвое большую – около 3 процентов. В крае функционировало несколько десятков госпиталей с многотысячным контингентом пострадавших. За 3 процентами стояло великое множество поврежденных глаз, и от выносливости и расторопности главного окулиста зависело, быть им здоровыми, изуродованными или мертвыми.

Разгром фашистских полчищ на подступах к Москве явился как бы первой примеркой рейхом погребального савана. Весть о победе у ворот столицы застала профессора в Ереване, куда еще с осени был эвакуирован медицинский институт и где в том же форсированном режиме он расходовал себя в госпитальных операционных и учебных аудиториях. Возвращение в апреле 1942 года в Краснодар и поездка в столицу на сессию Верховного Совета СССР восполнили в нем заряд оптимизма, растраченный за период отступления. Теперь уже не оставалось сомнений, что близок час заката фашистского «нового порядка», час возмездия.

Летом 1942 года выпали еще более тяжелые испытания. Неудачи под Харьковом и в Крыму резко ухудшили обстановку, и приток раненых сразу же увеличился. Дине Васильевне еще как-то удавалось вырваться к детям на часок-другой, отец же был лишен и этой воз-

book3.indd 423 09.03.2010 17:37:04

можности. В середине июня вследствие взрыва и пожара на только что пущенной в эксплуатацию крекинг-установке нефтеперерабатывающего завода в больницу поступило более трехсот рабочих с тяжелыми ожогами. Приехав в клинику по звонку жены, профессор в палатах и коридорах застал страшное зрелище горелого человеческого мяса. Большинству пострадавших требовалась окулистическая помощь, и врачи действовали до полного изнеможения.

В начале августа вновь пришлось покинуть Краснодар – враг овладел Ростовом, рвался к Сталинграду и Баку. В первую эвакуацию профессорско-преподавательский состав, полторы тысячи студентов и значительная часть оборудования специальным поездом были вывезены в Закавказье. Теперешняя ситуация не позволяла провести планомерный отход в глубокий тыл. Студенты во главе с директором института А. Н. Мотненко отправились в Туапсе через перевалы пешей колонной и тремя подводами с микроскопами. Семьи профессоров и наиболее ценное институтское оборудование вывезли в Белореченскую на автомашинах, предоставленных санитарным управлением Южного фронта.

Пока решался вопрос, где целесообразнее разместить институт – в Ереване, Куйбышеве или Тюмени – кубанцы не теряли времени зря. В сочинских, сухумских и тбилисских госпиталях их консультации пришлись кстати. Потянулись мучительные в своем однообразии дни ожидания перелома, но фронтовые сводки оставались удручающими. В одном из сухумских госпиталей от бойца горнострелковой части, оборонявшей Клухорский перевал, профессор узнал, что фашисты водрузили свое знамя на вершине Эльбруса. Известие это поразило его как громом.

Во время пятидесятидневного переезда из столицы Армении в Тюмень случилось много нежданных встреч, грустных разлук. Две из них произвели особенное впечатление, помогли благополучно выбраться из состояния тяжелейшей депрессии, окрепнуть духом. На перроне станции Самарканд, выйдя с чайником за кипятком, лицом к лицу столкнулся с другом юности Неуйминым. Он со своими сотрудниками полностью вывез оборудование Симеизской обсерватории, обосновался в Китабе и продолжал астрономические наблюдения. Радостную возбужденность его профессор отнес за счет необычности

book3.indd 424 09.03.2010 17:37:04

встречи, но фраза о возможном скором возвращении в родные края искренне обрадовала.

– Сдается мне, что вот-вот шквал войны от Сталинграда повернет в обратную сторону... На станции Арысь, где трое суток дожидались в тупике, пропуская воинские эшелоны на фронт, с детьми вышел прогуляться в привокзальный сквер и встретил земляка, кубанского селекционера Лукьяненко, с которым сиживал когда-то в Доме ученых за шахматной доской, а отцу его перед самой войной удалял двустороннюю крыловидную плеву. С Павлом Пантелеймоновичем была его жена и ближайшая сотрудница Полина. Пока она угощала сушеной дыней и виноградом Володю и Танюшу, Павел Пантелеймонович поведал грустную историю своих приключений.

– В рюкзаках этих без малого восемьдесят килограммов семян озимой пшеницы «новоукраинки». Чудо-злак, полжизни отдано на его выведение. Из горящего Краснодара с Полиной вынесли на своих плечах, едва ускользнули. Держим путь на Алма-Атинскую опытно-селекционную станцию, но, сдается мне, напрасно. Сеять весной на Кубани придется все-таки нам, а не оккупантам.

...За девять тюменских месяцев заметно стало сдавать здоровье. Трудная дорога, непривычные сибирские холода, огромная загруженность по работе, желание непременно самому закончить начатые исследования требовали от него слишком много сил и времени. Все чаще досаждали головокружение, кратковременные провалы памяти. Вдобавок ко всему получил из освобожденного Краснодара сообщение, что на чужих руках умер единственный из оставшихся в живых родственников – брат Владимир.

Ему всегда была обидна мысль, что и его когда-нибудь похоронят и вся его жизнь, все переживания и размышления, все, что волновало его, сгинет с лица земли, словно бы ничего этого и не было, словно и не жил на свете такой Станислав Владимирович Очаповский. В молодости перспектива уйти из жизни казалась далекой и нестрашной. Но теперь это представлялось неизбежным. И все же хотелось одного – дотянуть, выжить до того дня, когда вместо флага со свастикой на Эльбрусе будет реять знамя с серпом и молотом над Берлином.

Животворно сказывались, помогали сохранению радостного нравственного и физического тонуса бодрая, весело-озорная атмос-

book3.indd 425 09.03.2010 17:37:04

фера семейного уклада, возня с детьми. Володя повзрослел, посерьезнел. Танюша, девочка ласковая, бойкая, была единственная, умевшая выводить отца из состояния болезненности. Когда она выбегала ему навстречу и обхватывала его шею, а сзади вешался Чижик и всех их с шутками и заразительным хохотом валила на диван мать – не было в те минуты человека счастливее его.

Моральная поддержка, постоянные заботы о его здоровье со стороны друзей – профессоров П. Бударина, Н. Гуревича, Г. Лукьянова, Е. Жадкевича, К. Вачнадзе и Г. Фейертага, работавших с ним в Тюмени, переезд осенью 1943 года на Кубань, полностью очищенную от оккупантов, позволили вновь твердо встать на ноги. Все пришлось начинать на голом месте. Сгорел главный институтский корпус. Фашисты разграбили имущество клиники, в том числе вывезли гигантский электромагнит, щелевую лампу Комберга, богатейший набор стекол, микротом, цейсовские микроскопы, лабораторное оборудование. Квартира с четырьмя тысячами томов научной литературы была разгромлена.

В первые же дни после освобождения города в военные и гражданские органы стали поступать многочисленные запросы. Люди разыскивали бесследно пропавших родных. Когда сошел февральский снег и оттаяла земля, судебно-медицинская комиссия приступила к раскопкам за городом рва, в котором оккупанты засыпали почти семь тысяч советских граждан. Это были не солдаты – дети, женщины, старики. Человеческие тела чудовищно переплелись в клубки, при попытке разнять они разваливались. Эксперты установили, что каждые пять из шести были умерщвлены в «душегубках» окисью углерода, многие расстреляны из пистолета в затылок.

– Для этих изуверов нет святыни, – проповедовал старик священник, чудом уцелевший в «душегубке», – у них одна страсть – мучить и уничтожать... Им все равно, птица это или собака, человек или дерево, книга или икона. Посмотрели бы вы, как они любят фотографироваться у ног повешенного...

Старика и еще десятка четыре людей загнали в «душегубку» в тот момент, когда они расходились после похорон. Отпевая усопшего, не знали, что беда нависла и над ними. При погрузке священник отчаянно сопротивлялся. И вот машина тронулась, люди задыхались от

book3.indd 426 09.03.2010 17:37:04

угарного газа, валились на пол в кромешной темноте. Лоскутом сукна, облитого мочой, старик закрыл лицо. И это его спасло. Ночью он выбрался из-под трупов, уполз в лесопосадку. Он лишился слуха и зрения. В глазной клинике он пробыл свыше трех месяцев, но сколько-нибудь заметного улучшения зрения добиться врачам не удалось.

Было уму непостижимо, сколько зла посеяли гитлеровцы только в одном городе за полгода хозяйничанья! Сколько выдумки, сатанинских ухищрений и жестокости употребили, чтобы запугать, унизить, развратить, истребить род людской! Даже в тот самый час, когда в центре города ликовали толпы, встречавшие армию-освободительницу, на окраине, в поселке учебного хозяйства сельхозинститута и опытно-селекционной станции, гестаповцы, переодетые в форму русских солдат, рыскали по дворам. Мрачный детина с нашивками старшего лейтенанта утробным голосом призывал:

– Граждане, вступайте в армию добровольцами, помогайте разгромить врага... Записывайтесь, кто может держать винтовку...

Несколько молодых патриотов поддались на обман и заплатили за это жизнью. Гестаповцы повели отряд в Елизаветинскую. Там, где река подходит излучиной к самому шоссе, выстроили добровольцев в шеренгу, чтобы принять военную присягу, как им пояснили. И предательски расстреляли из пулемета в спину. Трупы сбросили под обрыв. В числе их был и шестнадцатилетний сын селекционера Лукьяненко, комсомолец Генка. Перед вступлением оккупантов ему и двум его сверстникам комсомольская организация поручила сжечь на корню делянку с семенной «новоукраинкой-83», которую не успели скосить. Нельзя допустить, чтобы оккупантам досталась хотя бы горсть зерен пшеницы нового сорта, которой по урожайности и качеству нет равной в мире! Задание ребята выполнили, а перебраться вплавь через Кубань и отступить в тыл уже не успели...

По радио и из газет, от раненых в госпиталях, из писем фронтовых военврачей, бывших своих студентов, профессор знал множество удивительных историй, примеров мужества, солдатской доблести на передовой. То был фронт – презрение к опасности поддерживалось, помимо патриотического чувства, еще и партбилетом, присягой, армейской дисциплиной, личным примером командира и политрука и тем, что заложено в поговорке: «На миру и смерть красна». Импуль-

book3.indd 427 09.03.2010 17:37:04

сом отваги служили порой страх и отчаяние, озорство и честолюбие, инстинкт самосохранения и безвыходное положение. Можно было разобраться в психологических, нравственных предпосылках того или иного подвига, понять и объяснить, во имя чего человек рисковал, шел на верную смерть.

Загадки человеческой души, свойства советского характера, безграничное мужество людей, поставленных обстоятельствами перед необходимостью действовать в одиночку, по велению совести, без какой-либо надежды на награду и известность – вот что волновало и восхищало.

Бедствия, перенесенные людьми, горечь потерь ложились на душу гнетом невыносимой тяжести. Победа, отлитая из металла, закаленная в крови, уже близка, и мужеством, проявленным советским народом в кровопролитной битве с фашизмом, будут восхищаться многие поколения. Омрачалась же она, эта чуткая душа, сознанием, что кошмары жестокой войны еще долго будут преследовать детей и внуков. В какой-то степени утешением являлась мысль, что раны у победителей заживают быстрее и легче, чем у побежденных.

Тем и жила глазная клиника – заживлением ран, нанесенных войной. Из 50 коек ни одна не пустовала и часа. Раскладушками заставили коридор и вестибюль. Подавляющее большинство пациентов составляли искалеченные на фронте мужчины да ребятишки, получившие повреждения в результате шалостей с боеприпасами. Травмы, ожоги глаз, болезни, сопряженные с нервными потрясениями и материальными лишениями, заявили о себе в причудливом многообразии.

При возвращении с сессии Верховного Совета СССР была у Очаповского одна памятная встреча. На перегоне, где-то под Воронежем, услышав надрывный голос, исполнявший под баян песню о синем платочке, выглянул из купе. Молодая женщина вела под локоть инвалида. На черном от порохового ожога лице его глаза застыли рубцовыми бельмами. Профессор мягко наложил руку на мехи, пригласил обоих в купе. Ударило крепким запахом сивухи и чеснока. К этой категории людей он питал особое сострадание. Хмельная пара, к великой досаде, не поняла истинных его побуждений – беседа не получилась. Вместе с трешницей он вручил Федору Русанову, так звали слепца, листок со своим адресом и посоветовал обязательно разыскать его в Краснодаре.

book3.indd 428 09.03.2010 17:37:04

Потом он очень сожалел, что не предложил им ехать этим же поездом. Стал уже забывать о дорожном эпизоде, как вдруг Русанов появился в клинике. Случилось это в середине января, когда всю ночь кружила поземка. Затемно придя на работу, увидел профессор в вестибюле пригревшихся возле калорифера солдата и женщину. Гардеробщица разбудила их, и профессор с радостью отметил, что оба отменно трезвы, прилично одеты и веселы. Разговор по душам состоялся уже в «темной комнате», во время предварительного осмотра русановских глаз.

– Мы давно собирались к вам, да все не решались, – пояснила спутница солдата. – Знаете, люди теперь все сердобольными стали, каждый свое сочувствие старается выказать... а Федя прямо из себя выходит... Сперва подумали, что и вы, как все, из жалости...

До войны Русанов был трактористом, двадцатилетним ушел на фронт, попросился в бронетанковые части. В сражении под Тулой был контужен, горел в машине, в шоковом состоянии полз через объятую пламенем рожь. Очнулся месяца через полтора в военном госпитале в Казани. Что с ним произошло и что ожидает его в жизни, понял значительно позже. Хотел выброситься из окна четвертого этажа, но в последний момент не хватило воли. Смирился – врачи убедили, что со временем пластическими операциями можно будет все поправить: и нос, и уши, и веки. Только вот насчет зрения ничего определенного не обещали. За год госпитальной жизни свыкся с вечной темнотой и потому-то подружился с баяном.

Не мог представить себе, как это он заявится в свою деревню, покажется матери и сестрам. Тоскливо вспоминал о Наде Пряхиной, которую любил со школьной скамьи. Родным и невесте о себе из госпиталя ничего не сообщал – решил затеряться без вести. После выписки на родину его отправили с провожатой, пожилой госпитальной санитаркой. Она должна была с рук на руки передать его родне. На большой узловой станции, пока тетя Паша ходила за сухим пайком, Русанов сел на первый попавшийся поезд. Бывшие при нем документы изорвал в клочья, пустил по ветру из окна вагона.

Смысл существования свелся к тому, чтобы насобирать побольше медяков, сложиться с собутыльниками, залить горе. Ночевал, где придется – под стогом, в привокзальных скверах, в милицейских битком набитых камерах. Шесть раз убегал из инвалидных домов. В совершенстве усвоил наглость профессиональных попрошаек. Сидя

book3.indd 429 09.03.2010 17:37:04

под забором и взывая к чувствам старушек и молодиц, умел зашибить деньгу. Промозглой осенней порой в маленьком подмосковном городишке подобрал его бесчувственного с панели рабочий со щеточной фабрики. Пригрел, выделил ему угол, устроил на ту же фабрику. Вроде стало налаживаться, но вскоре опять потянуло к вольному, хмельному бродяжничеству...

Пока не пил, собрал деньжонок на баян. Песни о старушке, что напрасно ждет сына домой, и девушке, которая провожала бойца на позицию, «Синий платочек» и «Позабыт-позаброшен» хорошо вышибали у публики слезу. Звон медяков в картузе стал веселее. Подружился с Тоней, которой доверился с первой же встречи среди базарной толчеи. Она его крепко взяла в руки, подыскала сносное жилье, готовила ему и обстирывала. Хотел с нею зарегистрироваться, но она поставила условием полный отказ от хмельного, а это было свыше его сил. Настаивала, чтоб поступил в музыкальное училище. Но и эта затея всякий раз откладывалась до лучших времен.

– Я ведь знаю, что белого света мне уже не видать, – признался Русанов, – в госпитале сделали все, что могли. И я разыскал вас не с этой целью... Как бы вам сказать... вы были первым, кто меня пристыдил... Все стараются жалость проявить, а вы отчитали... Вы сказали тогда, что после победы советскому воину повсюду памятники будут воздвигать, а я позорю солдатское звание... Будто каленым железом по совести... А тут Тоня взбунтовалась – или, говорит, одумайся, или распрощаемся навек...

– Очень рад, Русанов, что доверились мне. В жизни вас ждет много прекрасного. Но успех операции в значительной мере зависит от вас самих. От воли, выдержки, желания победить... Не скрою – предстоит долгая и отнюдь не легкая борьба. Будут и физическая боль, и душевная, большие разочарования, может быть...

– Скажите, профессор, а что у меня?

– На нашем языке это называется нарушением функции глаза в результате тяжелого термического ожога и образования рубцовых помутнений роговицы. Кроме того, у вас травматическая катаракта со смещением хрусталика в стекловидное тело. С принципом фотосъемки, надеюсь, знакомы. Так вот представьте, что линза объектива закрашена слоем краски – это и есть бельмо. Оно не пропускает све-

book3.indd 430 09.03.2010 17:37:05

товые лучи, его надо убрать. Этим мы и займемся. В тончайшей пленке бельма против зрачка вырезается круглое окошко и приживляется в нем прозрачная роговица, взятая от трупа. Сперва на одном глазу, примерно полгода спустя – на другом. И если сетчатка, ее можно сравнить с фотопленкой, не повреждена – вы будете видеть... Снайперской остроты, разумеется, не получится, но все же...

Прежде чем оперировать, с Русановым пришлось порядочно повозиться, доводить его нервно-психическую сферу, как говорится, до нужной кондиции. Он проявил себя крайне раздражительным и своевольным человеком с неустойчивой психикой и обостренным чувством «страха боли». Сказались, несомненно, систематическое алкогольное отравление, пережитые на фронте и в госпиталях сцены. Атмосфера чуткости и внимания в стационаре, лекарственная терапия и лечение сном помогли ему овладеть собой, мобилизовать волю. В один из мартовских дней, утром, его ввели в операционную. Занялись глазом, на который возлагалось больше надежды.

Вынесли Русанова два часа спустя. Профессор оставил у стола Надежду Васильевну – ей предстояли еще операции – и направился в свой кабинет. Там уже собрались члены местного комитета – шел разговор о подготовке к празднованию Первомая. В узком проходе профессор уступил дорогу торопившейся медсестре. Остановился Станислав Владимирович, как-то странно взглянул на сестру, будто вспоминая что-то, медленно стал оседать вдоль стены. Сбежался весь персонал. Позднее, на консилиуме с участием профессоров Бондарева, Анфимова и Бударина, определили спазм мозговых сосудов с последующим кровоизлиянием, которое вызвало паралич правой половины тела и потерю речи. И это надолго приковало Очаповского к постели.

К осени 1944 года поправился настолько, что мог, опираясь на трость, с помощью жены или сына добираться до клиники и обратно. Заново научился читать и писать. Но судьба Русанова не давала ему покоя. Первая операция желаемого эффекта не дала вследствие биологической несовместимости русановской и донорской тканей. Так что желание солдата хоть краешком глаза увидеть людей, старавшихся вернуть ему свет, не сбылось. Врачи, однако, верили в успех второго вмешательства. Пересадку роговицы Русанову год спустя после неуда-

book3.indd 431 09.03.2010 17:37:05

чи повторила Надежда Васильевна вместе с Ариадной Липовской, а профессор лишь наблюдал и консультировал.

До снятия повязки осталось восемь суток. Больные и персонал, вызванные телеграммой мать и сестра Русанова, сам профессор и его помощники ждали этого дня с большим внутренним напряжением. Ни на минуту не отлучалась от оперированного Тоня. Именно она потом вспомнила слова, которыми профессор подбадривал больного в их последнюю встречу: «Крепись, солдат, русская лихая душа. Еще одно, последнее усилие – и ты победитель вдвойне: над мраком и над фашизмом...».

...Не предчувствуя беды, с полотенцем после умывания Станислав Владимирович, в ожидании утренней сводки Совинформбюро, вполголоса самому себе декламировал из Гете:

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре звезд гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем...

Приглушенный громкоговоритель каплю за каплей ронял позывные Москвы. Но голоса диктора, торжественно приступившего к сообщению о начале Берлинской стратегической наступательной операции, он уже не дослушал. Заливаясь ледяным потом, присел на диван, как-то странно, умоляюще посмотрел на Дину Васильевну.

Неделю спустя, 17 апреля 1945 года, он скончался.

До великой Победы оставались считанные дни.

Русанов увидел Человека уже в скульптуре...

* * *

В те же дни, когда я познакомился со старым чабаном Джазаевым и узнал тайну его талисмана, мне впервые довелось услышать достоверную историю покорения Эльбруса. На северном его склоне, рассказывали сведущие люди, на высоте около пяти тысяч метров в гранитной скале высечен Георгиевский крест и под ним цифра 1829. Именно в 1829 году человек предпринял первую, в обозримом прошлом, попытку достичь вершины таинственного, сурового, овеянного поэтическими легендами и суевериями двуглавого великана.

book3.indd 432 09.03.2010 17:37:05

Экспедиция Российской Академии наук была снаряжена по предложению начальника Кавказской военной линии генерала Г. Эммануэля. В нее вошли академик К. Купфер, физик Э. Ленц, ботаник К. Мейер, зоолог Э. Менетрие и пятигорский архитектор И. Бернардацци. Восхождение обеспечивал большой отряд казаков. Ученых на решающем участке маршрута сопровождали четверо проводников – двое казаков и двое горцев. Всякому, кто ступит ногой на гордую вершину, генерал обещал баснословный по тем временам денежный приз.

Он достался горцу Киллару Хачирову, проводнику. Без специального снаряжения, с одной лишь кизиловой палкой с роговым наконечником он достиг цели, поплясал то ли от лютой стужи, то ли для забавы наблюдавшего в сильную подзорную трубу Эммануэля, и к вечеру спустился в лагерь. Остальные участники «выдохлись» на полпути и отступились от своего намерения. Киллар, рассказывают, на следующий день хотел повторить восхождение, теперь уже без наград, но потехи ради, но господа благосклонно отклонили его порыв.

Почти за столетие после первого восхождения лишь пятьдесят девять человек могли похвалиться тем, что любовались Кавказом с его высшей точки. Были среди них русские, англичане, французы, венгры, швейцарцы, балкарцы, карачаевцы, сваны. С 1925 года, когда после войны и революции возобновились восхождения, и по нынешний день на вершину Эльбруса поднялось много тысяч альпинистов – это приняло массовый характер. Даже на мотоциклах двое спортсменов одолели коварство погоды и крутизну склонов.

Но Киллар Хачиров в истории отечественного альпинизма навсегда останется единственным и неповторимым в своей дерзкой отваге. Как казак Семен Дежнев, как шахтер Алексей Стаханов, как космонавт Юрий Гагарин. Потому что они – первопроходцы, пионеры, разведчики, проложившие первую тропу в будущее, незнаемое. По их следу прошли и еще пройдут многие, в чем-то их превзойдут, но они в своем деле были первыми – и в этом все! Такой же бескорыстно подвижнической, первооткрывательской представляется мне жизнь и подвиг советского патриота глазного врача Станислава Владимировича Очаповского.

После его смерти краснодарскую глазную клинику и кафедру меди-

book3.indd 433 09.03.2010 17:37:05

цинского института приняла на свои плечи Надежда Васильевна Очаповская. Двадцать лет кряду она так же самоотверженно отдавала силы и энергию делу совершенствования здравоохранения, обогащению медицинской науки. Неоднократно избиралась депутатом краевого Совета депутатов трудящихся. Долгие годы возглавляла краевой комитет защиты мира. Ее исследованиями создало новое направление в лечении кератитов и ожогов глаз. За выдающиеся заслуги в борьбе с глазными заболеваниями награждена орденами Ленина и «Знак Почета».

Надежды Васильевны тоже уже нет в живых, она скончалась на своем посту 2 февраля 1965 года, и кубанские офтальмологические силы возглавляет ныне Надежда Авраамовна Юшко. Вместе с ней трудились опытные окулисты Л. Пескова, А. Гурджиян, Л. Каленич. Незаурядный организаторский талант профессора Н. А. Юшко, авторские свидетельства на изобретения в области медицинской техники, широта исследуемых проблем и престиж клиники и кафедры в медицинском мире красноречиво свидетельствуют о том, в какие надежные руки принят факел, когда-то зажженный Очаповским на Кавказе.

С каждым годом он светит все ярче. Осенью 1974 года в Краснодаре мне довелось наблюдать работу пятой конференции северокавказских глазных врачей. В ней участвовала, можно сказать, вся элита советской офтальмологии, ученые московских, ленинградских, киевских, минских, ашхабадских, одесских, харьковских, ростовских и многих других медучреждений. О достижениях, научных открытиях докладывали и седовласые ветераны, и молодые кандидаты наук. Отрадные впечатления можно было вынести с этого представительного и авторитетного форума!

Но мне, признаться, более всего импонировали выступления краснодарских, ставропольских, нальчикских, орджоникидзевских, грозненских и махачкалинских окулистов. Потому что в старых, культурных центрах традиции и кадры специалистов формировались еще с начала прошлого века, а на Кавказе, «погибельной окраине» царской России, здравоохранение и медицинское обслуживание взращены на диком месте после революции благодаря энтузиазму таких неистовых тружеников, каким был в жизни Станислав Владимирович Очаповский.

Если бы профессору Очаповскому довелось самому присутствовать на конференции, вникнуть в цифры и факты, вслушаться в на-

book3.indd 434 09.03.2010 17:37:05

учную дискуссию, он, наверное, поразился бы тому, как далеко шагнула офтальмология и как многого добились его ученики и ученики его учеников, и был бы безмерно рад, что некогда начатое им дело успешно продолжается.

...В глазной клинике мне дали справку: за тридцать пять лет его руководства через амбулаторию прошло свыше одного миллиона больных и сделано 32 тысячи операций. Не считая тех, что он принимал, лечил и оперировал в глазных отрядах и у себя на дому. Смерть бессильна перечеркнуть то, что сделал в жизни Очаповский!

book3.indd 435 09.03.2010 17:37:05

Подвижник

(Из Дневника Амина Караджашевича Темрезова)

Чтобы не возвращаться в другом месте к личности и Дневникам С.В. Очаповского (1878-1945), приведу здесь некоторые сведения, представляющие определенный интерес. Но прежде несколько слов о самих дневниках. Очаповский вел ежедневные записи с 14-летнего возраста (гимназистом в Слуцке), продолжал в Петербурге, где учился в военно-медицинской академии, затем состоял учеником и помощником профессора Леонида Георгиевича Беллярминова, лейб-окулиста русской императорской семьи (с 1895 по 1917 год); и в дальнейшем вел Дневники до последних дней своей жизни. Заведуя в Краснодаре глазной клиникой (с 1909 по 1945 год) и кафедрой глазных болезней медицинского института, он лично осмотрел 1.200.000 глазных больных и собственноручно сделал около 60.000 операций на органе зрения.

В жизни своей ему пришлось общаться в качестве лечащего врача (Беллярминов с годами становился стар) не только с членами царской семьи, но и подавляющим большинством лиц высшей аристократии, составляющей окружение Николая II, в первом десятилетии XX века. В Дневниках то и дело мелькают имена графа Витте, министров Горемыкина, Сухомлинова, Столыпина, Сазонова, Маклакова, Булыгина, Кропоткина, Ванновского, Протопопова, высших служителей императорского двора Танеева, Бенкендорфа, Фредерикса, Голицына, Штюрмера, Штакельберга, Адлерберга, Шинкарева, Оболенского, многих других вельмож, составляющих верхушку пирамиды Российской империи.

book3.indd 436 09.03.2010 17:37:05

Судьбе было угодно распорядиться так, чтобы друзья петербургской студенческой поры Очаповского оказались на высших постах. Николай Крыленко (1885-1938) – первый главком Советской Республики, потом два десятилетия прокурор РСФСР. Николай Семашко (1874-1949) – нарком здравоохранения, позднее директор института Академии медицинских наук, руководитель Главного санитарного управления Кремля. Михаил Авербах (1872-1944) – академик, офтальмолог, друг и лекарь Ленина, главный глазной врач Кремля. Александр Савваитов – начальник Главного санитарного управления РККА. Не однажды друзья зазывали, решительно вознамеривались отозвать на высокий пост в Москву и Очаповского, но тот твердо отражал все их попытки, предпочитая ежегодными своими глазными отрядами (июнь-июль-август) бороться со слепотой в глухих северокавказских трущобах, а в клинике принимать нескончаемую череду слепцов.

За свою жизнь С.В. Очаповскому довелось так или иначе общаться (лечить, переписываться, консультировать, просто встречаться), можно сказать, с тысячами видных личностей, своими деяниями созидавшими историю первой половины XX века. Не берусь перечислить всех, кто упомянут в Дневниках хотя бы в короткой записи, но для понимания масштаба личности Очаповского, его значения и роли во время мирового пожара, в котором сгорела Россия (и продолжает ныне тлеть…), необходимо назвать несколько десятков исторических имен. Не все они, разумеется, вызывают симпатии автора, Алана из Карачая (А.К. Темрезова – прим. Ф. Байрамуковой), но они являются творцами истории, а мы ведь договорились слов из песни не выбрасывать.

Итак, глазной врач Станислав Владимирович Очаповский, русский дворянин, старый интеллигент, первые две трети своей жизни проживший при царизме, а последнюю треть – при большевизме, первый русский ученый, удостоенный советского ордена (Трудового Красного Знамени в 1926-м), которого смерть, как ударом меча, поразила во время глазной операции за какие-то две недели до дня Победы 9 мая 1945 года, оставил в наследство жене (в девичестве Надежда Васильевна Поцапай), дочери Татьяне и сыну Владимиру без малого четыре десятка общих тетрадей, исписанных плотным бисерным почерком.

book3.indd 437 09.03.2010 17:37:05

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. Как и в дореволюционные времена, элита российского (советского) общества обожала и обожает праздное времяпрепровождение на престижных курортах – Сочи, Ялте и Кисловодске. Здесь сосредоточены самые люксовые правительственные санатории, где круглый год бездельничает на даровых кормах изнурившая себя в трудах и заботах о благе народа публика избранной номенклатуры. Два десятилетия – с 1925 по 1945 доктор медицины Очаповский обслуживал этих новых господ. В Краснодаре в его персональное пользование был закреплен самолет санитарной авиации (По-2) для срочных вылетов в Сочи, Кисловодск и Ялту для лечения глаз сановных лиц.

Дело в том, что консультации опытного офтальмолога требуются не только в тех случаях, когда дело касается болезни собственно органа зрения – глаза. Опытный специалист, разглядывая с помощью офтальмоскопа глазное дно (сетчатку) может обнаружить заболевание, нежелательные процессы и отклонения в организме, которые недоступны рентгену, анализам, другим средствам диагностики. Это большое врачебное искусство. Мне, например, приходилось слышать от авторитетного лица, что только двое из каждой сотни советских глазных врачей по состоянию глазного дна могут определить недуги организма, относящиеся к сердечно-сосудистой, кишечно-желудочной, нервно-психической и половой сферам.

Очаповский был непревзойденный практик своего времени, высший судья последней инстанции, когда дело касалось самого дорогого (разумеется, после самой жизни) для каждого человека – света в очах. К примеру, был случай. Знаменитый хирург Бурденко взялся избавить Блюхера от изнуряющих головных болей. Трепанация черепа показала, что дело не в опухоли мозга, а в воспалении зрительного нерва. Но операция главного хирурга РККА настолько усугубила состояние здоровья полководца, что потребовалось немедленное вмешательство скромного провинциального Очаповского. Именно он в специально созданной им глазной лечебнице «Пикет» в Кисловодске «привел в порядок искалеченную голову будущего материала».

Другой эпизод такого рода, описанный в дневнике, касается Георгия Димитрова, болгарина, видного деятеля Коминтерна и международного рабочего движения. После так называемого лейпцигского

book3.indd 438 09.03.2010 17:37:05

судилища, устроенного Гитлером и Герингом провокационного процесса по ложному делу о поджоге рейхстага в Берлине, оправданный германским имперским судом Г.Димитров в конце 1933 года в Кенигсберге был передан советским органам. С год, наверное, поправлял свое пошатнувшееся в борьбе с фашизмом здоровье в лучших санаториях. В марте 1934 года в санатории курорта Теберда Очаповский приводил в порядок катастрофически запущенное его зрение.

Таким эпизодам, ярким записям о знаменательных датах, событиях, фактах и встречах, кратким, но точным характеристикам отдельных людей и общественных явлений, интересным наблюдениям всякого рода в дневниках Очаповского, как говорится, нет числа. Надо еще принять во внимание, что он на рубеже двух веков окончил два самых именитых русских учебных заведений, прошел сквозь горнила двух очагов науки и культуры. Императорскую военно-медицинскую академию окончил в 1901 году с золотой медалью (единственный из 132 выпускников) и со званием «лекарь с отличием». Одновременно в качестве вольнослушателя с 1896 по 1901 год слушал курс словесных наук философского факультета Петербургского университета. В 1903 году защитил со званием «гонорис кауза» диссертации доктора медицины и доктора российской словесности.

Унаследованные от кого-то из родителей светлая мечтательность, любовь к природе и понимание ее во всех проявлениях, утонченное чувство слова и литературного образа, делают Дневники поистине редчайшим памятником российской словесности, созданным одним из ее поклонников и знатоков, наблюдавшим час ее заката. Доктор в совершенстве знал латынь, древнегреческий, немецкий, французский и английский. Кроме ста с лишним научных работ по специальности (глазные болезни) опубликовал в газетах и журналах яркие оригинальные исследования о творчестве Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Никитина, Кольцова и Надсона. Из произведений Шекспира и Гете, Байрона и Шиллера, Гейне и Беранже, Киплинга и Теннисона читал наизусть в кругу друзей громадные отрывки.

Родился Станислав Владимирович Очаповский 9 февраля (старого стиля) 1878 года в имении Иодчицы Слуцкого уезда Минской губернии. Отец его, участник Севастопольской осады, занимал должность секретаря Слуцкого съезда мировых судей.

book3.indd 439 09.03.2010 17:37:06

Он был девятым ребенком. До него уже были Дмитрий, Евгений, Владимир. После него – Николай, Юлия, Елена. Все они в разное время учились и окончили высшие учебные заведения до революции. Ни один из них свою жизнь не связал со Слуцком, там следы их потеряны навсегда, тем более что Слуцк, как город еврейского засилья, был немцами стерт с лица земли бомбежками и артобстрелами в июне-июле 1941 года. Нынешний Слуцк отстроен заново.

В петербургский период жизни природный ум, обаяние и общительный характер молодого медика способствовали его сближению и дружбе с крупными деятелями российской науки и культуры. Учителями в академии были физиолог И. Павлов, психиатр В. Бехтерев, фармаколог Н. Кравков, акушер А. Лебедев, окулист Л. Беллярминов, химик Д. Менделеев, ботаник Н. Холодковский (переводчик «Фауста» на русский язык), анатом А. Таренацкий, психоневролог И. Сеченов, патолог В. Пашутин. В университете слушал лекции К. Арсеньева, Ф. Петрушевского, А. Бекетова, А. Кони, С. Венгерова, Н. Кареева, А. Ковалевского, В. Соловьева, И. Янжула, В. Фаусека, В. Палладина, А. Веселовского, К. Тимирязева, Н. Лесгафта, В. Церасского.

В качестве врача занимался глазами Г. Лапатина, П. Кропоткина, Н. Морозова, В. Фигнера, Б. Савинкова, В. Короленко, Л. Андреева, И. Северянина, А. Блока, З. Гиппиус, К. Бальмонта, Ф. Павленкова, Ф. Соллогуба, И. Сытина, Н. Рубакина, А. Калмыковой, А. Чехова.

Тогда же, в начале века, у него зародилась дружба долгая, до самой смерти, с лицами, которые в советское время проявили себя видными деятелями на различных поприщах. В числе их были Е. Тарле, В. Бартольд, И. Крачковский, В. Слуцкая, Н. Семашко, Н. Крыленко, В. Гордлевский, С. Вавилов, А. Краснов, Л. Орбели, О. Шмидт, К. Вильямс, А. Ферсман, В. Вернадский, В. Карпинский, Г. Кржижановский и др. С 1917 года по 1945 год Очаповский лечил глаза многим советским руководителям. Волшебной исцеляющей его деснице обязаны Ф. Гладков, А. Фадеев, А. Серафимович, М. Фрунзе, Д. Фурманов, С. Маршак, М. Кольцов, К. Радек, Н. Бухарин, Л. Троцкий, А. Рыков, Р. Землячка, А. Луначарский, М. Калинин, С. Орджоникидзе, К. Петкин, Ф. Дзержинский, Л. Фотаева, Д. Мануильский, В. Менжинский, Д. Бедный, Е. Отасова, С. Киров, М. Литвинов, А. Андреев, Г. Чичерин.

book3.indd 440 09.03.2010 17:37:06

В этот же период Очаповский встречался, лечил, дружил долгие годы с выдвиженцами революции и гражданской войны на Северном Кавказе. В их числе были Е. Ковтюх, Д. Жлоба, М. Левандовский, И. Федько, Я. Балахонов, И. Сорокин, М. Демус, И. Матвеев, И. Кочубей, П. Вишнякова, Я. Полуян, Ф. Волик, Г. Атарбеков, М. Седин, Г. Седин, И. Янковский, Л. Ивницкий, Б. Калмыков (Кабарда), К. Курджаев (Карачай), Ш. Хакурате (Адыгея), С. Калабеков (Балкария), Г. Цаголов (Осетия), А. Шерипов (Ингушетия), М. Дахадаев и У. Буйнакский (Дагестан). Пациентами доктора в 1918-1920 годах бывали А. Деникин, П. Врангель, М. Алексеев, А. Эрдели, А. Кутепов, А. Фостиков, В. Покровский, А. Шкуро, С. Углай, П. Казанович, Н. Шатилов, С. Петлюра.

С 1924 по 1937 год Очаповский неизменно избирался депутатом Краснодарского горсовета, а с образованием края – депутатом краевого совета. В 1940 году вступил в партию. В феврале 1941 года был избран депутатом Верховного Совета СССР и в качестве такового на сессиях встречался с избранниками народа, если можно так сказать, цветом союза социалистических наций. В поле его зрения в тот период вершили государственными делами близкие к Сталину А. Косыгин, Л. Каганович. Н. Булганин, Н. Хрущев, Н. Суслов, Н. Шверник, Г. Маленков, Л. Берия, К. Ворошилов, В. Молотов, А. Микоян, М. Калинин, А. Андреев, А. Жданов, П. Пономаренко, М. Шкирятов. Во второй половине войны становятся широко известными имена военачальников нового поколения, таких как Г. Жуков, А. Василевский, К. Рокоссовский, И. Конев, И. Ватутин, А. Антонов, Р. Малиновский, К. Мерецков, Л. Говоров, И. Черняховский, В. Соколовский, Н. Воронов, Ф. Толбухин, С. Штеменко, партизанских вождей П. Вершигора, С. Ковпака, А. Сабурова.

…Самым первым ярким сознательным впечатлением детства, отмечал в своем дневнике Очаповский, запомнился ему великий переполох в их семье и в слуцком обществе, когда ему было года три. Потом, повзрослев, из семейных разговоров он понял, что это было в начале марта 1881 года, когда телеграф принес известие об убийстве бомбометальщиками царя Александра II. Первая запись в дневнике 14-летним гимназистом Очаповским сделана в апреле 1892 года, последняя – 9 апреля 1945 года. Две эти вехи я сопоставляю с той целью,

book3.indd 441 09.03.2010 17:37:06

чтобы читатель имел представление о том, что это была за личность, и что содержали в себе его Дневники, которые добросовестно велись свыше полстолетия.

Таких грандиозных проводов, какие устроили кубанцы свому кумиру, Краснодар не видел со дня основания и по нынешний день (1988 год). Категоричность подобного утверждения основана на том, что сам я лично ничего подобного не видал за последние пятьдесят лет, а в день похорон профессора моя 87-летняя бабушка нам говорила, что такого многолюдства, неутешного народного горя тоже в своей жизни не наблюдала. Покойник погребен в полусотне метров от окон глазной клиники, которая сорок лет кряду была его вторым родным домом. На его могиле стоит памятник, краевой клинической больнице еще в 1926 году было присвоено имя С. В. Очаповского.

С 1903 по 1931 год Очаповский состоял в супружестве с медичкой-бестужевкой Софьей Яценко, но их брак распался. Год спустя 54-летний профессор вступил в брак со студенткой Надеждой Пацапай (дочерью атамана станицы Полтавской). В 1933 году них родился сын Владимир, а в 1935-м – дочь Татьяна. Надежда Васильевна Очаповская, окулист, профессор, заведовала кафедрой Кубанского мединститута и глазной клиникой, основанной ее мужем. Также избиралась депутатом Верховного Совета СССР, состояла в партии, руководила краевым комитетом защиты мира, умерла в 1967 году.

Владимир Очаповский окончил биофак Краснодарского пединститута, затем аспирантуру, был большим специалистом-орнитологом, умер от разрыва сердца во время полевой практики со студентами Кубанского сельхозинститута. У него остались жена Лена и трехлетняя дочка Маруся. Татьяна Очаповская после окончания краснодарского политехнического института работала в Киеве, там познакомилась и вышла замуж за сотрудника польского консульства, приняла польское подданство и живет ныне в городе Отвоцке под Варшавой. Все семейные реликвии Очаповских, в том числе Дневники, архив и библиотека увезены за рубеж, несмотря на хлопоты общественности и сотрудников государственного архива…

book3.indd 442 09.03.2010 17:37:06

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

С.В. ОЧАПОВСКИЙ. ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ. 1921-1926 гг.

Первая тетрадь. «Мои глазные отряды в гораз Кавказа»

Глава 1. Организация глазного отряда. 17
Глава 2. Кисловодское сиденье. 25
Глава 3. Дорога в Карачай. Бечесынское сиденье. 32
Глава 4. Работа в Учкулане развивается. 44
Глава 5. Работа в полном разгаре. 53
Глава 6. Приближается осень. Работа близится к концу. 80
Глава 7. Последние рабочие дни. 92
Глава 8. Сборы в дорогу и в обратный путь в Кисловодск. 100
Глава 9. Опять в Кисловодске. Снова сиденье. 114
Глава 10. Возвращение домой. 125

Вторая тетрадь «Глазной отряд 1922 года»

Часть 1

Глава 1. Мысли о новом глазном отряде и организация его. 137
Глава 2. На пути в Карачай. 145
Глава 3. Прибытие в Учкулан. Первые разочарования. 153
Глава 4. Наше Учкуланское житье. 157
Глава 5. Отряд покидает Учкулан. 162
Глава 6. Сентинский женский монастырь. 167
Глава 7. Работа отряда в монастыре. 171
Глава 8. Жизнь членов отряда в монастыре. 176
Глава 9. Отряд покидает монастырь. 182
Глава 10. Работа в Баталпашинске 188
Глава 11. Эпилог. 192

Часть 2

Глава 1. Глазной отряд организуется и приезжает в Зеленчукскую. 195
Глава 2. Первые шаги и первые впечатления в станице Зеленчукской. 202
Глава 3. Наша офтальмологическая деятельность на Зеленчуке. 206
Глава 4. Мои прогулки. 210
Глава 5. Мои поездки в Старое жилище. 218
Глава 6. Возвращение в Краснодар. 224
Глава 7. Эпилог. 227

book3.indd 443 09.03.2010 17:37:06

Третья тетрадь «Организация отряда и приезд в Сентинск»

Глава 1. Организация отряда и приезд в Сентинск. Первые впечатления. . 243
Глава 2. Работа главного отряда. 245
Глава 3. Клухорский перевал. 247
Глава 4. Возвращение с перевала и домой. 253

Четвертая тетрадь «Приветствую тебя, Кавказ седой»

Глава 1. Эпилог вместо введения. 255
Глава 2. Организация отряда. 258
Глава 3. Дорога в Карачай и первые впечатления от Учкулана. 261
Глава 4. Наша работа в Учкулане. 266
Глава 5. Наше житье-бытье в Учкулане. 268
Глава 6. Наши прогулки. 272
Глава 7. Каменный мост. 278
Глава 8. К Эльбрусу! Ледник Кюкуртлю. 281
Глава 9. Последние дни в Учкулане и прощание с Карачаем. 285

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. К. Темрезов. ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН КАВКАЗА

Страницы жизни профессора С.В. Очаповского.
От автора 298
Становление 301
Лихолетье 335
Солнцеворот 362
Восхождение 389
Триумф 412

ПОДВИЖНИК (Из дневника Амина Караджашовича Темрезова) 436

book3.indd 444 09.03.2010 17:37:06

«КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ»

С. В. Очаповский

Ты опять поедешь в Карачай

Дневники и воспоминания

Составитель и автор предисловия

Ф.И. Байрамукова

Ответственный редактор Р.Т. Хатуев,
к.и.н., действительный член РМА (К-ЧИГИ)
Технический редактор - Л.А.-А. Батчаева
Оператор компьютерной верстки - М.Н. Кривалев
Корректор - Т. П. Костенко

Издательство Фонда «Содействие развитию
карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид»

book3.indd 445 09.03.2010 17:37:06

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК